

БЕЛОВА Ирина Борисовна, кандидат исторических наук. Окончила с отличием исторический факультет Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского, аспирантуру. С 2008 г. работает в Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского – старший преподаватель, доцент. Автор более 60 научных работ, в т.ч. монографии «Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г.» (М.: АИРО-XXI, 2011). Является одним из авторов коллективного труда «Между канунами. Исторические исследования в России за последние 26 лет» (М., 2013), энциклопедического словаря «Первая мировая война» (М., 2014), исторических очерков «Калужский край в XX веке» (Калуга, 2014). Область научных интересов включает историю Первой мировой войны, российского беженства и военного плена, краеведение, историческую биографию. Член Российской Ассоциации историков Первой мировой войны. За достижения в научно-исследовательской деятельности удостоена награды Калужской области «Почетный знак им. Е.Р. Дашковой I степени» (2012).

беженцы и военнопленные
Первой мировой войны в России.
1914–1925 гг.

**ВЫНУЖДЕННЫЕ
МИГРАНТЫ**

Ирина БЕЛОВА

Ирина БЕЛОВА

Российская ассоциация историков Первой мировой войны
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»

Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ   Руководитель
Андрей МАКАРОВ   Генеральный директор
Сергей ЦЕРБИНА   Арт-директор

Карл АЙМЕРМАХЕР   Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ   МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ   Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ   Печский университет

Владимир БЕРЕЛОВИЧ   Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ   Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР   INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА   Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА   Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ   Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА   Центр «Восток-Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ   Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ   Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС   Бирмингемский университет
Алан КАСАЕВ   МГЛУ
Стивен КОЭН   Принстонский, Нью-йоркский университеты
Джон МОРИСОН   Лидский университет
Игорь НАРСКИЙ   Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК   Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ   Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ   Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА   Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА   Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР   Высшая школа по социальным наукам, Париж

Ирина БЕЛОВА

ВЫНУЖДЕННЫЕ
МИГРАНТЫ:

беженцы и военнопленные
Первой мировой войны в России.
1914-1925 гг.

*с благодарностью Гавиу
с наилучшими пожеланиями
от автора.*
22.02.2016. Мануэла
МРБ

Москва
2014

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Рецензенты:

Базанов Сергей Николаевич, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Шацкило Вячеслав Корнельевич, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Брянцев Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО

«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

Дизайн и верстка: Сергей Щербина

Белова И.Б.

Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. – (Серия «АИРО – монография») – М.: АИРО-XXI, 2014. – 432 с. + 16 с. илл. – ISBN 978-5-91022-272-8.

В монографии с привлечением новых главным образом архивных источников, с учетом достижений современной историографии рассматривается положение мигрантов военного времени – беженцев и военнопленных Первой мировой войны в российских центрально-европейских губерниях в имперский и советский периоды. Особое внимание уделено возвращению вынужденных мигрантов. Автор прослеживает их долгий путь на родину, продолжавшийся до 1925 г., выделяя формы и особенности реэвакуационного процесса. Анализируются направления и выявляется степень эффективности работы советских эвакуационных органов (Центропленбеж / Центрэвак).

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется историей Первой мировой войны, беженства и военного плена.

ISBN 978-5-91022-272-8

© Белова И.Б., 2014
© АИРО-XXI, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
Глава I ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	39
Глава II ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1914–1917 гг.	103
2.1. Беженцы из Западных губерний: эвакуация и расселение	103
2.2. Обеспечение нужд беженцев в местах временного размещения	124
2.3. «Гражданские» пленные и депортированные	143
2.4. Военнопленные Центральных держав	157
Глава III БЫВШИЕ РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ЦЕНТРОПЛЕНБЕЖ И ЕГО МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ. 1918–1919 гг.	188
3.1. Возвращение из плена и государственные меры поддержки бывших русских военнопленных	188
3.2. Политическое просвещение пленных и беженцев	210
Глава IV ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1925 гг.)	234
4.1. Военнопленные и советская действительность	234
4.2. Возвращение на родину	253

Глава V	
ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1918–1919 гг. ЦЕНТРОПЛЕНБЕЖ.....	281
5.1. Советы беженцев.....	281
5.2. Беженцы – граждане Советской Республики.....	292
Глава VI	
СУДЬБА БЕЖЕНЦЕВ В 1920–1925 гг. ЦЕНТРЭВАК.....	327
6.1. Перемещения беженцев в 1920 г. Возобновление централизованной реэвакуации	327
6.2. Стихийное и плановое движение беженцев на родину в 1921 г.	344
6.3. Заключительный этап реэвакуации беженцев. 1922 – сер. 1925 гг.	357
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	376
ПРИЛОЖЕНИЯ	382
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	390
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	395
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	403

**Всем
погибшим и пострадавшим
в Первой мировой войне
посвящается**

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война, ставшая результатом целого комплекса межгосударственных противоречий, не привела в итоге к их разрешению. При этом Великая война сопровождалась огромными, невиданными до этих пор, жертвами. Число оказавшихся в плену за годы Первой мировой войны превосходит общее количество военнопленных за весь учтённый предшествующий период времени. В России потери населения составили около трети всех прямых и косвенных потерь, понесённых всеми государствами в этой войне. Миллионы гражданского населения стали беженцами. Сотни тысяч мирных граждан погибли от голода и болезней в прифронтовых российских районах¹.

В советский период судьба российских беженцев Первой мировой войны не являлась объектом исследования историков², а изучение темы военного плена сводилось к созданию истории организации и деятельности в России вооружённых интернациональных формирований с участием военнопленных. Перемены начала 1990-х гг. способствовали многоаспектности исследования проблемы военного плена и началу изучения такого явления как массовое беженство в России. В настоящее время несмотря на значительное количество исследований, посвящённых указанным проблемам, уровень их изученности остается недостаточным. Отсутствует сравнительный анализ положения беженцев и военнопленных в царской и советской России, анализ представления о беженстве самих беженцев, объективная оценка деятельности советских эвакуационных органов по репатриации мигрантов военного времени.

С началом Первой мировой войны передвижение населения по стране стало определяться особенностями военного времени.

Одним из видов перемещения в сторону фронта стала военная мобилизация. С фронта и из оккупированных и прифронтовых районов шел не менее мощный поток раненых, военнопленных, беженцев, интернированных, депортированных. Центральные губернии Европейской России стали местом временного размещения сотен тысяч вынужденных мигрантов военного времени.

Объектом настоящего исследования являются вынужденные мигранты Первой мировой войны, а именно: беженцы, русские и иностранные военнопленные, находившиеся в Центральные губернии Европейской России³ в период с августа 1914 по 1925 г. Обе эти категории вынужденных мигрантов породила война⁴. В остальном между ними было больше различий, чем сходства. Большевики, сделав объектом своей политики обе эти группы, использовали и тех и других на принудительных работах. Кроме того, была предпринята попытка сформировать из массы беженцев и военнопленных защитников советской власти в России и борцов за мировую революцию. Ответная реакция подавляющего большинства как беженцев, так и пленных продемонстрировала сходство их отношения к большевистской власти.

Применительно к хронологическому периоду исследования *беженцами* Первой мировой войны именовались лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или уже занятые им, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств⁵. Понятие «военнопленные» военными энциклопедическими словарями и энциклопедиями определяется как захваченные и обезоруженные во время войны противником и находящиеся в его власти комбатанты, на которых распространяется режим военного плена. Под военным пленом признается обусловленное состоянием войны временное задержание воюющим государством лиц неприятельской стороны, сопровождаемое ограничением их свободы с целью исключения участия в вооруженной борьбе⁶.

Замысел настоящей работы состоит в том, чтобы воссоздать целостную картину положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Российской империи, проследить, как оно изменилось в Советской России и каким был путь вынужденных

мигрантов на родину. Реализацию замысла автор видит в решении таких задач как:

- проанализировать направления и итоги изучения отечественными и зарубежными историками проблемы беженцев и военнопленных Первой мировой войны;
- рассмотреть процесс формирования и функционирования имперской системы обеспечения нужд беженцев Первой мировой войны, размещённых в тыловых губерниях;
- исследовать положение иностранных военнопленных и интернированных («гражданских» пленных) в рассматриваемом регионе;
- осветить создание советского эвакуационного аппарата, в ведении которого находились вынужденные мигранты военного времени, и рассмотреть основные направления его деятельности;
- выделить этапы и способы возвращения на родину беженцев и иностранных военнопленных, проанализировать результативность деятельности Центропленбежа / Центрэвака по реэвакуации;
- выявить отношение беженцев к помощи и заботе о них в до-революционной и советской России;
- дать оценку деятельности Центропленбежа и его преемников по обеспечению возвращения на родину русских военнопленных;
- показать процесс реализации принимаемых советским государством решений, направленных на оказание помощи вынужденным мигрантам Первой мировой войны;
- проанализировать направления и оценить степень эффективности культурно-просветительной работы Центропленбежа и его органов на местах среди иностранных и русских военнопленных и беженцев;
- проследить основные формы и способы выживания беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Советской России в условиях отсутствия реэвакуации;
- осветить массовое движение коренного населения и беженцев из Центральные губернии Европейской России в хлебопроизводящие районы и роль государственной власти по регулированию этого движения.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с августа 1914 до середины 1925 г., т. е. с вступления России в Первую мировую войну, начала боевых действий и появления на территории империи таких вынужденных мигрантов военного времени как беженцы и военнопленные, по 1925 г., когда были окончательно завершены репатриация иностранных военнопленных и беженцев с территории Советской России и возвращение на родину бывших русских военнопленных.

Выводы работы основаны на анализе документов фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, семи региональных архивов центральноевропейской России – Государственных архивов Брянской, Воронежской, Калужской, Орловской, Рязанской, Тульской областей, Государственного архива документов новейшей истории Калужской области, а также фондов Национального архива Республики Беларусь (г. Минск). Большинство архивных дел по рассматриваемой проблеме никогда не попадало в поле зрения исследователей. Целые пласты документации оставались не востребованными на протяжении нескольких десятилетий. Большинство использованных автором архивных материалов вводится в научный оборот впервые.

Следует отметить, что в советский период статистические материалы о вынужденных мигрантах Первой мировой войны, представляющие большой интерес для раскрытия темы, пропали или были уничтожены. Так, в 1924 г. были ликвидированы путём сожжения документы Центропленбежа, Центрэвака, иностранного подотдела, отдела статистики, финансового отдела НКВД, сданные на хранение до 1922 г., «как потерявшие всякую надобность и ценность для работы <...> до конца оптации и репатриации, ввиду хаотического состояния документов»⁸. В 1958 г. в ЦГАОР БССР, ныне НАРБ, были признаны не подлежащими хранению и отправлены в макулатуру анкеты, заявления, списки и удостоверения беженцев, хранившиеся в фонде 4 (Белнацком)⁹.

Крупнейшим массивом документов по истории вынужденных мигрантов Первой мировой войны в Российской империи и Советской России обладает ГА РФ. Материалы, содержащие информацию о положении беженцев и вражеских военнопленных

в Центральных губерниях Европейской России до февраля 1917 г., сосредоточены в фонде Департамента полиции министерства внутренних дел (Ф. 102, 4 Делопроизводство и Особый Отдел). Прежде всего это политические обзоры губерний, отчёты начальников ГЖУ, которые, в частности, содержат данные о размещении, численности и трудоустройстве беженцев и иностранных военнопленных на предприятиях губерний, об отношении коренного населения к вынужденным мигрантам военного времени.

Важное значение для раскрытия заявленной темы по советскому периоду имели материалы фонда Р-3333 – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) / Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), хранящегося в ГА РФ, а также 28 фондов губернских и уездных коллегий по делам пленных и беженцев / управлений по эвакуации населения, которые сосредоточены в государственных региональных архивах Брянской, Воронежской, Калужской, Орловской, Рязанской и Тульской областей. Документы этих фондов содержат материалы, позволяющие характеризовать экономическое, социальное, политико-правовое положение вынужденных мигрантов Первой мировой войны в России и способствующие разрешению задач, поставленных в исследовании.

Из документов обширного фонда Р-393 НКВД (1917–1930 гг.) для исследования представляли интерес приказы, циркуляры, инструкции НКВД, касающиеся военнопленных и беженцев Первой мировой войны; отчёты и доклады о работе иностранного отдела, заявления граждан и заключения по ним, данные НКВД о приёме или отказе в получении советского гражданства, об оптации иностранного гражданства; материалы об организации и деятельности губернских отделов принудительных работ (1919–1922 гг.).

В РГВИА автор обращался к материалам фонда Отдела по устройству беженцев Всероссийского Земского и Городского союзов (Ф. 13273), содержащим интересные сведения об организации и работе местных благотворительных комитетов по оказанию помощи беженцам.

К исследованию привлекались документы из фондов НАРБ. Так, материалы фонда Белнацкома отражают, в частности, дея-

тельность в Советской России в 1918–1919 гг. эmissаров Белорусского национального комиссариата по оказанию помощи белорусам-беженцам в эвакуации, по культурно-просветительной и агитационно-политической работе в беженской среде. В этом же архиве находятся документы канцелярии Гродненского губернатора за 1915–1917 гг. и Гродненского губернского комиссара за 1917–1918 гг. (Ф. 610)¹⁰, а также Брестского уездного исполнительного комитета беженцев (Ф. 609), проливающие свет на материальное положение беженцев в имперский и советский период и их эвакуацию в Гродненскую губернию.

*
* *

Первой группой источников является законодательство Российской империи и Советской Республики. Законодательство составляет правовую основу государства, регулирует и направляет работу государственных и общественных организаций, вводит отношения между гражданами и организациями в определенную юридическую норму¹¹. Анализ имперского и советского законодательства позволяет проследить, как формировалась государственная система попечения о беженцах и порядок управления военнопленными противника на территории страны до февральских событий 1917 г., а также рассмотреть складывание и деятельность советского эвакуационного аппарата, созданного взамен ликвидированных прежних досоветских организаций.

Среди законодательных актов военного времени имперского периода особое значение для беженцев в начальный период войны имело «Положение о комитете ЕИВ ВК Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий», утвержденное императором 14 сентября 1914 г. Согласно положению, Комитет оказывал единовременную материальную помощь лицам, «впавшим в нужду вследствие бедствий, вызванных военными обстоятельствами», содействовал подысканию работы для трудоспособных, размещению нетрудоспособных в богадельни и приюты, осуществлял приём пожертвований¹². Он осуществлял деятельность в основном на государственные средства, а также на пожертвования через свои губернские, городские

и уездные отделения при непосредственном участии местных властей. Законом «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г. вводилось понятие «беженец», определялись конкретные направления оказания помощи беженцам, организация, структура и функции Особого совещания по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел, вводились должности Главноуполномоченных по устройству беженцев, назначаемых министром внутренних дел, местное попечение о беженцах возлагалось на земские учреждения и городские общественные управления либо на губернские, уездные и городские комитеты помощи пострадавшим от войны, закреплялась финансовая ответственность государственного казначейства по расходам на обеспечение нужд беженцев¹³. В «Руководящих положениях по устройству беженцев», утвержденных 2 марта 1916 г., кроме положений закона от 30 августа 1915 г., приведен перечень и условия получения всех видов помощи, оказывавшейся государством нуждавшимся беженцам: бесплатная перевозка, обеспечение продовольствием в пути, пособие на оплату помещения и освещения в местах временного размещения беженцев, медицинская помощь, удовлетворение религиозных нужд, призрение детей и инвалидов, подыскание заработка и юридическая помощь, снабжение одеждой, обувью и бельем, продовольственное пособие, бесплатное обучение детей беженцев в начальных школах¹⁴. Вышеперечисленные и другие законы и подзаконные акты о беженцах и эвакуированных содержатся в многотомном «Собрании узаконений и распоряжений правительства, издаваемом при Правительствующем Сенате» (СУ), законодательных сборниках, издававшихся отдельными изданиями в военный период¹⁵, а также в периодическом издании «Беженец».

Статус вражеских военнопленных на территории Российской империи определялся в «Положении о военнопленных», утвержденном императором 7 октября 1914 г.¹⁶ Положение представляло собой перевод Гаагских конвенций 1907, 1911 гг. «О законах и обычаях сухопутной войны», включавший как права и обязанности военнопленных, так и правила их содержания, трудового устройства, перевозки и т. д. В Положении был закреплён принцип военного управления делами военнопленных. Положе-

ния и правила о порядке отпуска военнопленных на различные работы, другие законодательные акты и распоряжения публиковались как в СУ, так и в отдельных сборниках¹⁷.

Работу государственных организаций по вопросам обеспечения и реэвакуации беженцев и иностранных военнопленных Первой мировой войны, возвращения на территорию Советской Республики русских военнопленных и их дальнейшее положение регулировало советское законодательство 1917–1925 гг. Особенность советского законодательства вытекала из принципа соединения законодательной и исполнительной работы, слияния управления с законодательством. На протяжении 1917–1922 гг. декрет оставался основным законодательным документом Советской власти¹⁸. На основании декретов и постановлений СНК, Президиума ВЦИК, Совета Труда и Оборона (СТО) строились мероприятия властей в отношении военнопленных и беженцев Первой мировой войны. Автором использовалось наиболее полное научное издание первых декретов и постановлений СНК, ВЦИК и СТО, осуществлённое в рамках серии «Декреты Советской власти»¹⁹, а также «Собрание узаконений и распоряжений Правительства РСФСР». Несколько законодательных документов, касающихся процедуры перемены гражданства беженцев и военнопленных Первой мировой войны, были привлечены из сборника «Русские беженцы», посвящённого беженцам из Советской России 1920-х – 30-х гг.²⁰ Ряд нормативно-правовых актов привлекался автором из архивных фондов²¹.

Создание советского эвакуационного аппарата началось с учреждения декретом СНК от 23 апреля 1918 г. Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) в составе комиссариата по военным делам²². Коллегия назначалась СНК и имела право доклада непосредственно СНК. Решения Центральной коллегии были обязательны для всех ведомств РСФСР. Согласно примечанию к декрету от 21 июня 1918 г., ведению и попечению Центральной коллегии подлежали возвращавшиеся из плена русские пленные: здоровые – до времени водворения их на выбранных ими местах жительства, больные и инвалиды – до передачи их органам государственного призрения; а беженцы – лишь с момента их реэвакуации²³. С мая 1919 г. Центропленбеж

перешёл в состав Наркомата внутренних дел на правах самостоятельного отдела²⁴, он был ликвидирован постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 11 января 1923 г. Функции Центропленбежа были переданы иностранному подотделу Народного комиссариата внутренних дел.

Внешняя политика России в период с ноября 1917 – по 1925 гг. отражена в дипломатических документах, вошедших в состав фундаментального собрания «Документы внешней политики СССР»²⁵. В основу публикации были положены документы Архива МИД СССР²⁶. Сборник содержит законодательные и договорные акты Советского государства, ноты, декларации, телеграммы, радиотелеграммы, письма послов, министров иностранных дел, их заместителей, уполномоченных НКВД, руководителей государств. *Межгосударственные договоры*, с заключением которых было связано официальное начало процесса взаимного обмена пленными и реэвакуации беженцев, являются для настоящего исследования незаменимыми источниками, которые правомерно выделить *во вторую группу*²⁷. Автором были проанализированы договоры, конвенции и соглашения Советской Республики с Германией, Австрией, Венгрией, Чехословакией, Турцией и другими странами²⁸, договоры между новыми государственными образованиями, возникшими на территории бывшей Российской империи после 1917 г.²⁹, позволившие рассмотреть внешнеполитические шаги Советской России по вопросу обмена пленными и реэвакуации беженцев, цели и стратегии поведения большевистского правительства в этом вопросе.

Следует отметить, что законодательство и актовая документация, в нашем случае межгосударственные договоры, взятые сами по себе не раскрывают процесса и итогов их практической реализации, являясь лишь предпосылкой дела, которое неизвестно как закончится³⁰. Только сопоставление законодательства и актовых материалов с другими источниками даёт возможность и создаёт условия для раскрытия реального положения беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Центральных губерниях Европейской России в имперский и советский период, а также процесса и условий их эвакуации и реэвакуации. В связи с этим возрастает значение такого вида исторических источников, как *делопроиз-*

водственные материалы, которые целесообразно выделить в третью группу источников.

Основными источниками, на основе которых написано настоящее исследование, являются архивные материалы. Из них подавляющее большинство составляет делопроизводственная документация – наиболее информативный незаменимый источник, который позволяет рассмотреть как исходные позиции центральных, губернских и уездных властей, так и условия и окончательные результаты реформ и мероприятий имперской и советской властей в отношении вынужденных мигрантов Первой мировой войны.

Детально рассмотреть эвакуацию, расселение и адаптацию мигрантов Первой мировой войны в Российской империи можно только при фронтальном изучении делопроизводственных материалов как различных государственных структур, земства, так и коллекций документов общественных благотворительных организаций. В ходе исследования автором были проанализированы материалы фондов канцелярий губернаторов, ГЖУ, помощников начальников ГЖУ, полицмейстеров, уездных полицейских управлений, уездных исправников, губернских правлений, губернских и уездных земских управ, городских управ, которые располагают данными о положении беженцев, вражеских военнопленных, «гражданских» пленных (интернированных) Первой мировой войны в местах их временного размещения на территории Российской империи, приспособлении мигрантов к новым условиям жизни, а также о мероприятиях, проводимых властями всех уровней и населением с целью оказания помощи русским военнопленным, находившимся в плену. Перечисленные фонды содержат различные виды делопроизводственной документации, в частности, переписку учреждений, внутреннюю и организационную документацию (циркуляры, приказы, распоряжения, докладные записки, рапорты, журналы губернских совещаний по устройству беженцев), просительные документы (прошения беженцев об оказании им разного рода помощи, заявки работодателей на использование труда военнопленных в сельском хозяйстве, промышленных предприятиях). Практически все фонды содержат ту или иную информацию о количестве, размещении, работах

иностранных военнопленных, обязательные постановления, касавшиеся правил обеспечения военнопленных и их правового положения, в частности предоставления определенных привилегий военнопленным-славянам, об отмене всех льгот и преимуществ подданным неприятельских государств с началом войны и др. В фондах губернских и уездных городских и земских управ, комитетов по оказанию помощи беженцам отложилась информация о средствах, отпускаемых властями на нужды беженцев, материалы по обследованию семей беженцев, получавших государственные пособия, сметы расходов на нужды беженцев, отчеты местных комитетов о сборах средств для беженцев и русских военнопленных. Кроме того, фонды городских и уездных полицейских управлений, ГЖУ располагают сведениями о настроениях населения по отношению к вынужденным мигрантам военного времени, взаимодействии последних с местным населением и их социальной интеграции в Центральных губерниях Европейской России.

Фонд Р-3333 (Центропленбеж / Центрэвак), хранящийся в ГА РФ, содержит разнообразные делопроизводственные материалы, которые можно разделить на организационную документацию, текущую переписку, распорядительную, учетную и отчетную документацию. Эти материалы чрезвычайно ценны для анализа как направления политики советских властей по отношению к вынужденным мигрантам Первой мировой войны, так и положения, настроения и стратегии поведения самих беженцев и военнопленных в сложный для них период нахождения в Советской России в ожидании реэвакуации на родину. Организацию работы Центропленбежа помогают понять его внутриведомственные нормативные документы, приказы НКВД по эвакуационному ведомству, журналы заседаний Центропленбежа и его отделов. Внутренняя переписка между структурными подразделениями Центропленбежа и его органами на местах представлена телеграммами (иногда шифрованными), телефонограммами, донесениями, докладными записками, отношениями административного, беженского, эвакуационного, культурно-просветительного, хозяйственного и других отделов. Межведомственная переписка Центропленбежа по обмену пленных и реэвакуации беженцев

преимущественно велась с ВЧК, иностранными миссиями по делам военнопленных, НКВД, уполномоченными по делам беженцев в РСФСР. Значительным по объёму является массив инструкций и разъяснений Центропленбежа, в т. ч. секретных³¹, связанных с воплощением в жизнь декретов, постановлений и приказов СНК, ВЧК, Центропленбежа и других советских органов, а также запросов с мест в центральные государственные учреждения за разъяснением тех или иных положений законодательных актов, приказов и инструкций³².

Интерес представляют журналы следования беженских эшелонов, составленные их комендантами, благодаря которым можно воссоздать процесс отправки беженцев до пограничных пунктов. Внимания заслуживают годовые и ежемесячные отчеты Центропленбежа и его отделов о своей деятельности, к сожалению, содержащие много противоречивых, неполных и неточных данных, особенно цифровых. Фонд содержит также протоколы заседаний смешанных русско-германской и русско-австрийской комиссий по обмену пленными, списки военнопленных и беженцев, остававшихся в России на определённые даты, сведения о движении этих контингентов. Среди материалов фонда встречались письма беженцев, адресованные руководству Центропленбежа, председателю СНК В.И. Ленину с мольбами о помощи, с просьбами об отправки их из голодающих губерний на родину или в хлебопроизводящие губернии. Не менее любопытны документы, которые выдавались по знакомству беженцам или военнопленным каким-нибудь ответственным советским работником. В таком документе как правило содержалась просьба об оказании его подателю содействия в отправке на родину. Акты передачи имущества и картотек Центропленбежа / Центрэвака различным организациям и учреждениям помогают в прояснении вопроса о численности вынужденных мигрантов военного времени.

Наряду с материалами советского периода фонд содержит журналы заседаний Особого совещания по устройству беженцев (1915–1918 гг.), отчётную документацию о размерах денежных средств, отпущенных государственным казначейством Российской империи на оказание помощи беженцам.

Подавляющее большинство источников для исследования привлечено из фондов региональных архивов Центрального региона Европейской России. Первостепенное значение имеют фонды местных органов Центропленбежа – Губернских и уездных коллегий по делам пленных и беженцев (с 1 сентября 1919 г. – управлений по делам пленных и беженцев, с 26 февраля 1920 г. – управлений по эвакуации населения), содержащие уникальную информацию о положении беженцев и военнопленных Первой мировой войны в Советской России в 1918–1925 гг.

Специфической особенностью данных фондов является наличие в них преимущественно материалов так называемого низового уровня – волостного и уездного. Это протоколы собраний беженцев, проживавших в той или иной волости, уезде, неизменно констатирующие острую нуждаемость беженцев в еде и одежде, безработицу и отсутствие помощи со стороны отделов сокобеспечения и др. местных властей, иногда содержащие обращения, адресованные председателю СНК; протоколы заседаний Советов беженцев, функционировавших с января по июнь 1918 г. и оказывавших помощь беженцам, в т. ч. в эвакуации; протоколы межведомственных совещаний, организуемых уездпленбежами с участием представителей уездных отделов сокобеспечения, земельных, отделов труда и управления; протоколы уездных съездов Советов рабочих и солдатских депутатов, обсуждавших проблемы вынужденных мигрантов.

Особый интерес представляют протоколы заседаний съездов представителей губернских и уездных пленбежей, проводимые совместно с делегатами от беженцев из волостей и уездов, в которых зафиксирован широкий круг обсуждавшихся насущных вопросов о необходимости, путях и возможных формах оказания помощи беженцам и военнопленным, выступления самих беженцев, ответные слова представителей советских и партийных госучреждений. Научная ценность этих документов представляется весьма высокой. Данные протоколы как нельзя ярче иллюстрируют действительную картину жизни и настроений беженцев и иностранных военнопленных, находившихся в российской провинции в условиях отсутствия эвакуации, а также бывших русских военнопленных, которые после революций в Австро-Венгрии

и Германии в ноябре 1918 г. хлынули в Россию. Повестка заседания съездов как правило включала 3–4 вопроса: о беженцах, о военнопленных, о русских пленных, о текущем моменте. В своих выступлениях по беженскому вопросу делегаты поднимали насущные вопросы бедственного положения беженцев, констатируя отсутствие помощи со стороны местных органов власти в условиях, когда реэвакуация либо была запрещена, либо фактически отсутствовала. Динамику возвращения русских военнопленных, обстановку с их обеспечением, положение вражеских военнопленных освещали представители пленбежей. По вопросам «текущего момента» докладывали представители РКП(б), которые описывали положение молодой Советской Республики и обещали в недалёком будущем начать реэвакуацию, добавляя при этом, что её начало будет зависеть от успехов Красной армии. По итогам работы съезда принимались резолюции, в которых констатировалось «гибельное положение беженцев», непростая эпидемическая и продовольственная ситуация в губернии, предлагались конкретные решения проблемы беженцев путём переотправки их в хлеботорные губернии. В резолюциях по текущему моменту рекомендовалось прилагать все усилия к самому широкому просвещению беженцев и военнопленных путём пропаганды и агитации.

Фонд содержит также доклады губернских и уездных коллегий, адресованные Центропленбежу и содержащие различные данные о вынужденных мигрантах, включая численность, обеспечение работой, о настроениях, о причинах неисполнения приказов центра. Отчёты (годовые, полугодовые и ежемесячные) о деятельности губернских и уездных пленбежей, культурно-просветительных отделов пленбежей, рапорты и объяснительные записки работников, материалы ревизий и проверок складов местных пленбежей дают представление о степени эффективности и направлениях работы в отношении беженцев и военнопленных, о численности вынужденных мигрантов, остававшихся в регионах, о причинах неисполнения местными властями приказов Центропленбежа. В переписке губпленбежей с Центропленбежем, НКВД, отделами труда и соцобеспечения прослеживается несоответствие между интересами и задачами центра и региональных орга-

нов власти. Переписка между местными пленбежами и волсоветами, волисполкомами, собесами, милицией содержит сведения о предприятиях, на которых работали вынужденные мигранты, о планах по организации беженских сельскохозяйственных коммун, о легальном и нелегальном движении пленных и беженцев.

Большой процент делопроизводственных материалов фонда составляют телеграммы Центропленбежа, НКВД, НКПС, РВС, содержащие оперативную информацию запретительного, разрешительного и разъяснительного характера, инструкции по правильному толкованию приказов центра, адресованные работникам своих соответствующих местных органов, лицам, сопровождающим эшелоны беженцев, а также телеграммы самих беженцев, направленные в Центропленбеж и СНК с требованиями отправки на родину. Весьма интересная информация содержится в заявлениях, прошениях и обращениях беженцев и военнопленных, адресованных уездным коллегиям Центропленбежа. Из удостоверений личности, выдаваемых беженцам волсоветами, можно узнать состав семьи, место проживания, род занятий; из удостоверений местных пленбежей на проезд по железной дороге – время и направление отъезда, количество отъезжающих; удостоверения, выдаваемые вернувшимся из плена русским военнопленным волостными исполкомами, отражали их нуждаемость в вещевом довольствии.

Среди материалов фонда, позволяющих раскрыть многие стороны советской действительности тех лет, следует назвать запросы немецких и австрийских миссий и эмиссаров по репатриации пленных и беженцев, адресованные эвакуационным органам; карточки военнопленных, выдаваемые возвращавшимся русским военнопленным приграничными пленбежами; анкеты, составлявшиеся уездпленбежами в связи с предстоящей реэвакуацией беженцев; «подписки» русских военнопленных, которые представляли из себя коллективные свидетельства о том, что они по возвращении на родину не получили вещевое довольствие.

Следующим по значимости для настоящей работы после фондов Центропленбежа / Центрэвака и его местных органов стали фонды отделов управления губернских исполнительных комите-

тов (губисполкомов). Губернские коллегии / управления по делам пленных и беженцев входили в состав отделов управления на правах эвакуационных подотделов. Фонды отделов управления губернских и уездных исполкомов содержат различные документы. Прежде всего это декреты и другие руководящие распоряжения центральных и местных властей (СНК, НКВД, ВЦИК, НКВД, Центропленбежа, губисполкомов, губчека и др.), касающиеся возвращения на родину беженцев и военнопленных, принятия в российское гражданство и выхода из него, организационных преобразований советского эвакуационного аппарата. Значительный массив документации представляет переписка, в т. ч. секретная, губисполкомов с иностранным отделом наркомата Внутренних дел, с военными комиссариатами, с Центропленбежем, с отделами социального обеспечения, освещающая вопросы перемены беженцами и военнопленными гражданства, культурно-просветительской работы среди этого контингента, мобилизации в Красную армию, продовольственного снабжения населения, отношения власти к возвращавшимся на родину русским военнопленным. Политико-административные сводки отделов управления, протоколы заседаний губернских и уездных съездов пленбежей, сводки о настроениях в уездах, отчеты волсоветов и уисполкомов содержат региональную информацию о политическом и экономическом состоянии регионов. Архивные дела фондов отделов управления дают представление об условиях, процедуре и количественной стороне принятия военнопленными и беженцами советского гражданства, о выходе из него и оптации иностранного гражданства. В состав таких дел входят следующие документы: прошение о приёме (о выходе) в российское гражданство; опросный лист; квитанция об оплате просителем гербового сбора за размещение объявления НКВД о его переходе в советское гражданство; переписка отдела управления с НКВД, НКВД, губернскими комиссариатами и другими советскими учреждениями; копия удостоверения о смене гражданства, выданное губисполкомом, и расписка о его получении.

В фондах отделов управления губисполкомов аккумулированы материалы об организации, функционировании, контингенте концентрационных лагерей принудительных работ со времени их

создания в 1919 г. и до ликвидации в 1923 г. В эти лагеря по постановлениям губчека, ревтрибуналов, отделов управления губисполкомов направляли наряду с коренным населением и беженцев Первой мировой войны, нарушивших запрет советских эвакуационных органов на самовольное переселение в хлебопроизводящие губернии или на родину.

В 1923 г. репатриацией пленных и беженцев занимались административные отделы губисполкомов. В их фондах находятся материалы о репатриации этого контингента за период с 1923 по 1925 г.

Беженцы Первой мировой войны, находившиеся в Центральные губерниях Европейской России, являлись несмотря на запрети-тельные меры советской власти активными участниками самостоятельного переселенческого движения коренного крестьянского населения в хлебородные губернии³³. Среди источников по переселению, находящихся в фондах губернских и уездных органов Центропленбежа / Центрэвака, которые осуществляли мероприятия, связанные с перевозкой ходоков и переселенцев, а также в фондах губернских и уездных земельных отделов (управлений), можно отметить так называемые экстренные отзывы на бесплатный проезд, дающие представления о динамике процесса переселения. Экстренные отзывы на бесплатный проезд в Сибирь и юго-восточные губернии выдавали беженцам сначала досоветские беженские организации, затем Советы беженцев.

Часть делопроизводственных документов центрального и местного характера, касающихся деятельности военнопленных-интернационалистов в Советской России и за её пределами, была опубликована в сборниках документов и материалов. Особенность этих сборников состоит в том, что они создавались в период, когда научная сторона проблемы беженцев и военнопленных Первой мировой войны была подчинена политическим соображениям, которые являлись определяющими при подборе и редактировании документов. Между тем эти документы помогают в раскрытии темы агитации иностранных военнопленных за вступление в иностранные группы РКП(б), их мобилизации с помощью этих групп в Красную армию и демобилизации из неё³⁴. В 2-х томах сборнике «Венгерские интернационалисты» (М., 1968) пред-

ставлены документы (отчёты, стенограммы заседаний, венгерской группы при ЦК РКП(б) и др.), освещающие участие венгерских интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР³⁵. Сборник был подготовлен на русском и венгерском языках советско-венгерским коллективом авторов, которые в предисловии отметили, что, хотя по численности отряды венгров-интернационалистов и составляли сравнительно небольшую часть многомиллионной Красной армии, они активно боролись с врагами Советской власти почти на всех фронтах Гражданской войны в СССР.

Для уточнения событий, связанных с созданием и работой совета германских рабочих и солдат в Москве, Центральной Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б), участием интернационалистов в подавлении крестьянских выступлений против советской власти автор обращался к современным публикациям документов³⁶.

Четвертую группу составляют источники личного происхождения (воспоминания, дневники), которые помогают восстановить и уточнить картину событий и содержат множество интересных данных, не отраженных в других источниках. Особый интерес, безусловно, представляют воспоминания, написанные самими вынужденными мигрантами Первой мировой войны. Несмотря на масштаб явления беженства и военного плена таких источников в России было создано крайне мало, причем авторами воспоминаний являлись бывшие русские военнопленные, ставшие на платформу советской власти. Мемуары бывших военнопленных – представителей иного политического лагеря в Советской России не печатались, как и воспоминания беженцев.

Автором проанализированы воспоминания представителей 100 белорусских православных беженских семей из Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии, перемещённых вглубь России, в т. ч. и в Центральные губернии Европейской России, в августе–декабре 1915 г.³⁷ Воспоминания беженцев были записаны в 1958–2000 гг. корреспондентами газеты «Нива», «Бельский гостинец», историками, волонтерами-участниками молодёжных лагерей и изданы в 2000 г. в Белостоке на белорусском языке. Воспоминания охватывают период от массового отъезда

беженцев в 1915 г. до возвращения их в родные места, ставшие за время их отсутствия территориями Польского государства, и являются уникальным источником, проливающим свет на проблему беженства.

Белорусский общественный деятель, литератор и историк Ф.А. Кудринский, уроженец Виленской губернии, сам стал в 1915 г. беженцем и занимался оказанием им помощи в г. Рогачёве Могилёвской губернии, через который до конца 1915 г. прошло только зарегистрированных около 700 тысяч беженцев. Ф.А. Кудринский в период с июля по ноябрь 1915 г. включительно записал рассказы беженцев и свои личные наблюдения и впечатления об эвакуации белорусских и польских беженцев, немцев-колонистов³⁸, составившие книгу «Людские волны. Беженцы», изданную в Петрограде в 1917 г. Через 80 лет, в 1997 г. мемуары Ф.А. Кудринского были напечатаны на страницах белорусского журнала «Нёман», эта публикация используется автором настоящей работы³⁹.

Небольшие, но ставшие хорошим подспорьем для советских историков в освещении создания вооружённых формирований из военнопленных-интернационалистов, воспоминания бывшего военнопленного А. Шипека с любопытным названием «Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах» были опубликованы в Советской России в 1928 г.⁴⁰ А. Шипек отмечает, что из добровольцев-славян формировались вооружённые национальные дружины в составе русской армии. В Советской России организовывались интернациональные вооружённые формирования из военнопленных-добровольцев. Автор приводит пример смешанного отряда интернационалистов, организованного в Пензе, состоявшего из чехов, немцев, латышей (1 тыс. человек), участвовавшего в подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии в ноябре 1918 г. По словам автора, в феврале 1919 г. по призыву Австросовета отряд отправился на родину. А. Шипек утверждает, что военнопленные сами, без всяких агитационных призывов и руководства сверху, организовались в вооружённые отряды для борьбы с контрреволюцией.

Особый интерес представляют воспоминания председателя Всероссийского бюро военнопленных, члена ВЦИК, редактора

«Известий Центропленбежа» и «Газеты пленного» И.И. Ульянова⁴¹. Он осветил историю создания Всероссийского бюро пленных в конце января 1918 г. по инициативе военного отдела ВЦИК. Бюро провело в Москве в марте 1918 г. конференцию пленных, выступая на которой автор заявил, что обязательства российского правительства перед Германией «не вести пропаганду среди германских рабочих» не распространяется на революционных рабочих и крестьян, находящихся в России как пленных, к какому бы подданству они не принадлежали. В апреле 1918 г. был организован и Всероссийский съезд военнопленных. Предложенный съезду Манифест содержал призыв ко всем военнопленным по возвращении домой участвовать в вооружённых восстаниях против империалистической разбойничьей банды, взяв оружие, которым они будут обеспечены. Манифест был переведен на иностранные языки и разослан во все страны при содействии Бюро пленных. И.И. Ульянов повествует о том, как через отправляемых на родину в Германию военнопленных Бюро устанавливало связи с русскими военнопленными в лагерях Германии с целью проведения революционной агитации, как Бюро реагировало (чисто формально) на протесты германского правительства против революционизирования пленных, боясь международных осложнений; указывает численность иностранных военнопленных в рядах Красной армии до революции в Германии — 50 тысяч человек. С организацией Центропленбежа и культурно-просветительного отдела в его составе Бюро пленных было ликвидировано, а его председатель — И.И. Ульянов стал заведовать культурно-просветительным отделом Центропленбежа. На местах культпросветотделы согласовывали свою агитационно-пропагандистскую работу с революционными организациями германских и австро-венгерских военнопленных. Что касается международной коммунистической пропаганды, то она от ликвидированного Бюро перешла в ЦК партии. По свидетельству И.И. Ульянова, к этому времени в Германии и Австро-Венгрии надвигались революционные события, в которых свою роль сыграли и бывшие солдаты Первой мировой войны, находившиеся в русском плену⁴².

В исследовании использованы также воспоминания современников эпохи: русских политических, общественных и литератур-

ных деятелей, военных⁴³. Воспоминания отбирались по принципу содержания в них материала по теме исследования. К сожалению, главные действующие лица советского эвакуационного аппарата мемуаров не оставили.

Важным многоплановым источником, отражающим текущие события рассматриваемого периода (1914–1925 гг.) и освещающим проблемы повседневной жизни вынужденных мигрантов Первой мировой войны, является выделенная в *пятую группу* источников *периодическая печать*. Автор обращался преимущественно к таким периодическим изданиям имперского периода, как официальные провинциальные газеты (губернские и епархиальные ведомости) и частная местная периодика⁴⁴. Ценность для настоящего исследования именно провинциальной прессы состоит в наличии в ней самой разнообразной по жанру, происхождению и содержанию информации о пребывании беженцев и вражеских пленных в российских регионах в дореволюционный период. Статьи, хроника, заметки, объявления, фельетоны, репортажи дают возможность судить о том, как воспринимало мигрантов местное население, об отношении самих мигрантов к коренному населению, об эвакуированных рабочих и служащих предприятий и учреждений, количестве вражеских военнопленных, их размещении в пределах губерний, трудоустройстве, быте и нравах. На страницах газет печатались отчёты о деятельности благотворительных организаций разного уровня, оказывавших помощь беженцам и русским пленным, сообщения о предстоящих благотворительных акциях. Редакции газет являлись пунктами сбора денег, продовольствия и предметов одежды на нужды русских военнопленных и беженцев. Кроме того, в официальной местной периодике публиковались законодательные акты центрального правительства и обязательные постановления местных властей, касавшиеся правового статуса, вопросов управления и обеспечения жизнедеятельности вынужденных мигрантов военного времени. Отчёты о доходах и расходах Всероссийских благотворительных организаций, оказывавших помощь беженцам, широко печатались на страницах ряда центральных периодических изданий⁴⁵.

Для более полного исследования жизни беженцев и военнопленных Первой мировой войны в годы Советской власти автором привлекались материалы центральных и местных органов большевистской партии⁴⁶, издания исполкомов советов⁴⁷, советских государственных учреждений⁴⁸, а также различные виды листковой литературы – объявления, воззвания, обращения⁴⁹. Следует отметить, что в советский период частная периодическая печать исчезла, а издававшаяся партийно-государственная периодика имела ярко выраженную идеологическую окраску и находилась под контролем большевистской партии. По этой причине советская печать не является зеркалом, отражающим действительное положение вынужденных мигрантов Первой мировой войны и реальный спектр общественного мнения по различным проблемам беженцев и военнопленных. Советскую прессу скорее можно считать кривым зеркалом, посредством которого Советская власть, несмотря на очевидное расхождение между партийными установками и действительностью, постоянно, навязчиво и безапелляционно стремилась доказать населению, что делает для «обездоленного» и «угнетенного империалистами» беженца и военнопленного всё. В советской печати чётко прослеживается так называемый социальный заказ на материал о привлечении бывших вражеских и возвращавшихся русских военнопленных, беженцев Первой мировой войны на сторону большевиков, в котором настойчиво противопоставлялась забота власти о беженцах и военнопленных в царской и советской России в пользу последней.

При этом ценность советской периодической печати для данного исследования состоит в том, что публикуемая в ней официальная информация партийно-государственных структур помогает уточнить и расширить представление о направлениях, способах и конкретных методах агитации и пропаганды среди указанного контингента. Значимость представляют и фактические данные о проводимых партийных съездах и конференциях, повестка дня, состав участников и ход которых освещался в прессе, сведения о лечебных заведениях для освидетельствования возвращавшихся на родину русских пленных и другая информация.

Среди советской периодики особый интерес для темы настоящей работы представляет специальное издание Центропленбежа «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах» (далее – «Известия»), а также издание культурно-просветительных отделов Центральной и Московской коллегий о пленных и беженцах «Газета пленного». «Известия» издавались в период с июня 1918 по январь 1919 г. включительно, под редакцией И.И. Ульянова, был выпущен 21 номер. С четвертого номера в «Известиях» печатались списки возвращавшихся из плена, составленные по данным справочного бюро регистрационно-статистической части Центропленбежа. «Известия» обычно состояли из официального, неофициального и справочного отделов. В официальном отделе публиковались некоторые приказы Центропленбежа, инструкции для его местных органов по вопросам эвакуации пленных и беженцев, сводки работы отделов Центропленбежа за определенные промежутки времени, составленные на основе журналов заседаний, международные соглашения, касавшиеся обмена пленными. Материалы неофициального отдела включали отчеты о деятельности культурно-просветительного отдела Центропленбежа и его местных коллегий, эвакуационные списки, доклады комендантов эшелонов, перевозивших пленных и беженцев, заметки с мест о торжественных встречах-митингах вернувшихся из плена русских солдат, а также проводках на родину бывших вражеских военнопленных и беженцев, тексты типовых резолюций, которые рекомендовалось принимать на митингах от имени пленных и беженцев, программы и речи для агитаторов по различным вопросам, которые могут быть затронуты на митингах. В неофициальном отделе освещалась также работа русских комиссий попечения о пленных в Германии, вопросы помощи русским пленным. В справочно-правовом отделе печатались объявления Центропленбежа и его местных органов, народного комитета социального обеспечения и других наркоматов, касавшиеся оказания помощи возвращавшимся русским военнопленным.

С января 1919 г. на смену «Известиям» пришла «Газета пленного», которая издавалась в Москве по март 1919 г. включительно. На её страницах печатались материалы агитационно-пропагандистской направленности (резолюции митингов, обращения

и воззвания к товарищам, ещё находившимся в плену, статьи о контрреволюции и методах борьбы с ней и др.), а также текущего справочного характера (информация о пособиях и пенсиях для бывших русских пленных). Девизом газеты являлись слова: «Добро пожаловать из царства гнёта и рабства иностранного империализма в свободную Социалистическую Республику, где вся власть в руках Советов». Издание предназначалось для распространения среди вернувшихся из плена русских военнопленных, а также отбывающих на родину бывших вражеских пленных с целью ввести их в курс дела относительно «правильной» линии поведения, направленной на упрочение и защиту советской власти в России и установление её в других странах.

Шестая группа источников включает *справочные и статистические материалы*. Из справочных изданий взяты сведения о должностных лицах Центральных губерний Европейской России, Западных губерний Российской империи, о названии населенных пунктов, численности и половозрастном составе населения, информация об административно-территориальном делении Российской империи и Советской Республики, сведения об общественных и национальных организациях, занимавшихся оказанием помощи беженцам и русским военнопленным, об учреждениях и предприятиях, которые были эвакуированы с западной границы России и открыты в центральных губерниях⁵⁰.

Статистические материалы о беженцах Первой мировой войны в имперский период входили в издания Татьянинского комитета и других организаций помощи беженцам⁵¹. Архивные материалы статистических отделов Губернских и уездных земских управ располагают данными о численности и трудоспособности беженцев. Статистические источники советского периода о беженцах и военнопленных как опубликованные, так и архивные, очень противоречивы, фрагментарны и хаотичны. Они не отражают многие вопросы, например, уровень смертности, заболеваемости, численность резвакуированных и уехавших самостоятельно. В связи с этим по ним нельзя составить точное представление о численности вынужденных мигрантов, проследить динамику их возвращения на родину.

Для раскрытия заявленной темы несомненный интерес представляют работы создателя советского государства, лидера и главного идеолога коммунистической партии В.И. Ленина. Долгое время его работы являлись методологической основой изучения всех исторических проблем всеми советскими историками, в т. ч. и проблемы вынужденных мигрантов Первой мировой войны – военнопленных и беженцев. В настоящее время, когда научный поиск может идти в русле различных методологических подходов, *произведения В.И. Ленина*, выделенные автором в *седьмую группу источников*, безусловно, являются ценным источником, проливающим свет на определяющие принципы политики советского государства. В работах В.И. Ленина показана довольно яркая картина советской действительности того времени: голод, разруха, дезертирство, мешочничество, антисоветские настроения и выступления, бандитизм, заложники. Беженцы и военнопленные, находившиеся в этих условиях, вынуждены были приспособляться к ним и волей-неволей становились участниками общественно-политических событий, происходивших в Советской России. Автором настоящей работы привлекались статьи, письма, директивы, доклады, и различные выступления В.И. Ленина, опубликованные в 5-м издании его Полного собрания сочинений и сборнике «Декреты Советской власти», в которых отражены мероприятия большевистского правительства в отношении беженцев и военнопленных. В них можно проследить формы и методы агитационно-пропагандистской деятельности, направленной на привлечение на свою сторону беженских и солдатских масс вражеских и бывших русских пленных, возвращавшихся на родину.

Неопубликованные архивные документы и изданные материалы, взаимно дополняя друг друга, позволяют восстановить целостную картину положения вынужденных мигрантов Первой мировой войны в Центральных губерниях Европейской России в 1914–1925 гг.

В XXI в., когда военные конфликты, как и прежде, являются одной из форм межгосударственных и межнациональных отношений, все сопутствующие им (военным конфликтам) проблемы

сохраняют свою актуальность. Сталкиваясь с этими проблемами, общество обращается к истории, т. е. к опыту решения аналогичных вопросов в прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: В 4 книгах. – М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. редактор Г.Д. Шкундин. С. 629, 631–632.

² А.Н. Курцев среди причин неприятия в советский период к гуманитарной проблеме беженства справедливо назвал невыгодность сравнения заботы о беженцах в 1914–1917 гг. в царской России и в 1918–1925 гг. в советской России, а также в годы Великой Отечественной войны (Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98).

³ Исследуемый регион включает территорию 6 тыловых Центральные губерний Европейской России – Воронежской, Калужской, Курской, Орловской, Рязанской, Тульской в границах 1914 г., являвшихся в военный период местом временного размещения вынужденных мигрантов Первой мировой войны. После Октябрьской революции данные губернии сохранили свои названия и продолжали существовать в прежних границах с небольшими изменениями. 1 апреля 1920 г. из Жиздринского уезда Калужской губернии и Брянского, Карачевского, Севского и Трубчевского уездов Орловской губернии была образована Брянская губерния. В ряде случаев для раскрытия задач исследования его территориальные рамки расширяются и захватывают ареал западных губерний Российской империи, ставших после ее крушения самостоятельными государствами.

⁴ В силу логики исследования в нем затрагиваются такие категории населения, как эвакуированные, интернированные («гражданские пленные») и депортированные. К интернированным относятся принудительно задержанные, переселенные или перемещенные одним воюющим государством гражданские лица другого воюющего государства, оказавшиеся на его территории, с целью исключения участия лиц призывного возраста в боевых действиях на стороне противника. Под эвакуированными в период Первой мировой войны подразумевались служащие и рабочие государственных предприятий и учреждений с семьями, которые в связи с обстоятельствами военного времени были переведены из прифронтовых территорий и размещены в тыловых губерниях Российской империи. Высланные в первый год войны военными властями из прифронтовой полосы по подозрению в содействии противнику немцы-колонисты и евреи российского подданства от-

пояются к категории депортированных, т. е. людей, признанных властями социально опасными и высланных принудительно.

⁵ Положение об обеспечении нужд беженцев от 30 августа 1915 г. Статья 1 // Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. Изд-е 2-е. – М., 1916. С. 2.

⁶ Военнопленные // ВСЭ. – М., 2002. С. 318; БСЭ / гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 12. – М., 1928. С. 282.

⁷ Государственный архив Брянской области (ГАБО), Государственный архив Воронежской области (ГАВО), Государственный архив Калужской области (ГАКО), Государственный архив Орловской области (ГАОО), Государственный архив Рязанской области (ГАРО), Государственный архив Тульской области (ГАТО), Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО), Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).

⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 77.

⁹ См. об этом: Скалабан В.В. Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. – М., 2006. С. 67.

¹⁰ Канцелярии губернаторов западных губерний в числе других государственных учреждений и предприятий были эвакуированы в губернии Европейской России в августе–сентябре 1915 г.

¹¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. – М., 1998. С. 528.

¹² СУ. 1914. Ст. 2403 // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. – Пг., 1916. С. 47.

¹³ Закон об обеспечении нужд беженцев. 30 августа 1915 г. // Законы и распоряжения о беженцах. – М., 1916. С. 2.

¹⁴ Руководящие положения по устройству беженцев. 2 марта 1916 г. – Пг., 1916.

¹⁵ Беженцы и высленцы. – М., 1915; Законы и распоряжения о беженцах. – М., 1916; Законодательные акты, вызванные войной 1914–1917: законы, манифесты, рескрипты. Т. 1–5. Сост. Е.И. Авербах. – Вильно, 1915–1918 гг.

¹⁶ Положение о военнопленных. Высочайше утверждены 7 октября 1914 г. СУ. 1914. Ст. 2568 // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. – Пг., 1916. С. 332–340.

¹⁷ Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. А.И. Овчинников. – Пг., 1916; Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. – Пг., 1916; и др.

¹⁸ Источниковедение... С. 518, 528.

¹⁹ Декреты Советской власти. Т. 1–17. 25 октября 1917 – июль 1921. – М., 1957–2006.

²⁰ Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. – М., 2004.

²¹ Например: Постановление НКВД от 21 марта 1918 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31; Создание Центрального реэмиграционного управления Регентским Советом Королевства Польского в России для содействия беженцам-польским гражданам в деле реэмиграции. Август 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 5–7; и др.

²² Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 23 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. – М., 1959. С. 165–167.

²³ Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. – М., 1959. С. 462–463.

²⁴ Декрет СНК о передаче Центральной коллегии о пленных и беженцев в ведение Народного комиссариата внутренних дел. 24 мая 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. – М., 1971. С. 231–232.

²⁵ К исследованию привлекались документы за 1917–1925 гг., опубликованные в первых восьми томах: Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917–31 декабря 1918) – Т. 8 (1 января – 31 декабря 1925). – М., 1957–1963.

²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 5, 6.

²⁷ По определению С.М. Каштанова международные договоры остаются «вечной» категорией среди публично-правовых актов // Источниковедение... С. 561–562.

²⁸ Русско-Германский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. 3 марта 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М., 1959. С. 174–177; Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Австро-Венгрии. 25 апреля 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М., 1959. С. 264–265; Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Венгрии, с другой, о возвращении на родину военнопленных. 21 мая 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 539–541; Дополнительное соглашение между РСФСР и Германией о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных. 7 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. – М., 1959. С. 14–16; и др.

²⁹ Мирный договор между Россией и Эстонией. 2 февраля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 2. – М., 1958. С. 339; Мирный договор между

Россией и Латвией. 11 августа 1920 г., Мирный договор между Россией и Литвой. 12 июля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 3. С. 28, 101–116; и др.

³⁰ См.: Источниковедение... С. 568.

³¹ К примеру, секретная инструкция председателей Центрэвака и Особого отдела ВЧК о принятии «всех возможных усилий» к задержанию на местах беженцев-специалистов (инженеров, техников, железнодорожников и др.)

³² Разъяснения Центропленбежа / Центрэвака давались «лично секретно» начальникам местных Губэваков, например, по «правильному» применению секретных инструкций по реэвакуации беженцев Латвии.

³³ В середине 1920 г. Советская власть вынуждена была легализовать переселения крестьян Центральной России в районы Сибири.

³⁴ Интернационалисты в боях за власть советов / Под ред. М.А. Бирман, А.Я. Манусевича, И.А. Хренова. – М., 1965; Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. / Отв. ред. А.Я. Манусевич. – М., 1987; и др.

³⁵ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. – М., 1968; Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. – М., 1968.

³⁶ Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943: документы / Ред. Л.М. Адибеков. – М., 2004.

³⁷ Бежанства 1915 года / Редактар Віталь Луба. – Беласток, 2000; (Далее – Бежанство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. – перевод мой. – И.Б.).

³⁸ В предисловии Ф.А. Кудринский отметил: «Своей задачей я ставил изучение почвенной, так сказать, чернозёмной стороны бежанства. Я пытался записывать такие факты, которые дали бы возможность “зарегистрировать душу” русского крестьянина в необычных для него условиях бежанства» // Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 83.

³⁹ Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 79–193.

⁴⁰ Шинек А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах // Война и революция. 1928. № 2. С. 64–72.

⁴¹ Ульянов И.И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 95–110.

⁴² Там же. С. 101–107.

⁴³ Голиванов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2, 3, 5, 7, 8, 11; Кафаров К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 2, 3, 5, 7; Брусилов А.А. Мои воспоминания. –

Мн., 2003; Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944... // Вопросы истории. 2000. № 2; и др.

⁴⁴ «Калужский курьер», «Орловский вестник», «Воронежский телеграф», «Известия главной конторы Брасовского и Дерюгинского ЕИВ ВК Михаила Александровича имений»; и др.

⁴⁵ «Летопись войны» 1914–1915–1916–1917 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал; «Беженец».

⁴⁶ «Известия Центрального Комитета РКП(б)»; «Коммуна. Орган Калужского губкома РКП(б)».

⁴⁷ «Известия Калужского Губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»; «Известия Орловского губернского и городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»; и др.

⁴⁸ «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах»; «Газета пленного. Издание культурно-просветительных отделов Центральной и Московской коллегий о пленных и беженцах».

⁴⁹ Воззвания и объявления губернских коллегий по делам пленных и беженцев, обращения к населению эмигрантов по делам пленных и беженцев и др.

⁵⁰ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995; Россия в мировой войне 1914–1918 гг.: (В цифрах). — М., 1925; Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. — СПб., 1903–1905; Список организаций, ведающих дело помощи беженцам на 1 мая 1916 г. Вып. I. Европейская Россия. — М., 1916; Справочник по эвакуации правительственных, общественных и частных учреждений и заведений и о должностных лицах. — Пг., 1916; Адрес-календари Воронежской губернии за 1914–1917 гг. Воронеж, 1913–1916; Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1915 г. — Гродно, 1915; Памятные книжки и адрес-календари Калужской губернии за 1914–1917 гг. — Калуга, 1913–1916; Памятные книжки и адрес-календари Орловской губернии за 1914–1917 гг. — Орёл, 1913–1916; и др.

⁵¹ Отчёт о деятельности Особого отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны. — Пг., 1916;

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Массовое беженское движение из западных прифронтовых районов Российской империи на восток в августе — декабре 1915 г. стало беспрецедентным по своим огромным масштабам явлением в истории человечества. Это явление зафиксировано в истории благодаря современникам событий, первые работы которых появились в 1916–1917 гг. Большинство из них является историческими источниками, они содержат информацию о самом процессе беженского движения, составе зарегистрированных беженцев: численном, национальном и социальном, местах их временного размещения на территории Российской империи, о законодательных основах государственной беженской политики, о государственном попечении о беженцах и участии в нем общественных благотворительных, в т. ч. и национальных организаций. Между тем эти работы, выполненные преимущественно работниками государственных, земских, благотворительных организаций помощи беженцам, в силу их аналитичности можно, с известной степенью условности, отнести к историографии¹.

В советский период проблема беженства, порожденная Первой мировой войной, не изучалась, поэтому данные о численности беженцев содержатся лишь в работах этого периода, посвящённых демографическим проблемам². Так, Е.З. Волков, автор одного из первых историко-демографических исследований в советской науке, к началу 30-х гг. XX в. подсчитал общую численность беженцев к концу Первой мировой войны, которая соста-

вила 7421, 4 тыс. человек, причем эта цифра, по мнению автора, «может в большей мере считаться преуменьшенной, чем преувеличенной»³. В последующие 70 лет новых данных об общей численности беженцев Первой мировой войны не появилось, поскольку демографы продолжали пользоваться теми же источниками, введенными в научный оборот в 20-х гг. XX в.⁴

Демографы С.И. Брук и В.М. Кабузан соглашались с мнением Е.З. Волкова о том, что в конце 1917 г. всех беженцев к выселению значилось 7421400⁵. В своей книге «Русские в мире: динамика численности и расселения» В.М. Кабузан, опираясь на зарубежные данные, привёл численность репатриантов, возвратившихся в 1918–1924 гг. в Латвию, Литву, Эстонию и Польшу – это около 2 млн человек⁶. Автор отмечает, что около 3 млн беженцев так и не вернулись в родные места, часть погибла, а часть, возможно, вернулась нелегально⁷.

Советский и российский историк, специалист в области исторической демографии и исторической географии Ю.А. Поляков в своих работах конца XX – начала XXI века назвал «довольно сложной, запутанной и противоречивой» беженскую проблему, порожденную Первой мировой войной, а также проблему, связанную с военнопленными⁸. Статистические данные, относящиеся к 1917–1923 гг., не могут быть, по мнению автора, признаны достоверными из-за хаоса в регистрации актов гражданского состояния. К примеру, в 1920 г. имелось не более 40 % необходимого количества организаций регистрации актов гражданского состояния⁹. В работе 2009 г. Ю.А. Поляков отмечает, что придерживается того же мнения, что и Е.З. Волков, относительно количества беженцев, равного около 7,5 млн человек, «немалая часть из которых погибла от голода и болезней»¹⁰.

В конце 1990-х гг. курский историк А.Н. Курцев в своей статье со ссылкой на Пироговский съезд врачей 1916 г. привёл данные о численности беженцев Первой мировой войны, отличные от зафиксированных в историографии с конца 20-х гг. XX в. Согласно этим данным, беженцев было около 5 млн человек¹¹. В 2002 г. современный историк-демограф С.Д. Морозов высказал мнение, что данные отечественной историографии о численности беженцев Первой мировой войны хоть и являются неточными, но масштабы беженства отражают¹².

В трудах по истории Первой мировой войны советского периода тема беженства вообще не освещалась¹³. Статья о беженстве, помещённая в пятом томе первого издания Большой советской энциклопедии (1927 г.), исчезла из неё при последующих изданиях¹⁴. Отдельные стороны беженства отражались историками при рассмотрении других проблем. Так, А.М. Анфимов, исследуя положение российской деревни в годы Первой мировой войны, отмечает участие беженцев в сельскохозяйственных работах, их низкую заработную плату по сравнению с наёмными рабочими, из-за чего часть беженцев не хотела работать несмотря на то, что в этом случае их лишали казённого пайка¹⁵. Автор приводит данные источников о мытарстве беженцев во время их движения на восток в связи с немецким наступлением летом 1915 г., связанном с недостатками их обслуживания в пути, о колоссальности беженской волны¹⁶. Н.П. Ерошкин в своей работе по истории государственных учреждений дореволюционной России приводит данные о создании в августе 1915 г. Особого совещания по устройству беженцев под председательством министра внутренних дел¹⁷. Т.М. Китанина, исследуя продовольственный вопрос в России в период Первой мировой войны, говорит о привлечении беженцев в хозяйства крупных землевладельцев для выполнения сельскохозяйственных работ¹⁸.

Только с конца 1990-х годов в России издаются работы, специально посвящённые проблеме беженства, в которых рассматриваются различные аспекты этого явления. Практически одновременно в 1997–1999 гг., появились работы российских историков А.Н. Курцева¹⁹ и В.В. Хасина²⁰ и английского историка, профессора Манчестерского университета Питера Гетрелла²¹, в которых рассматривается положение беженцев Первой мировой войны в Российской империи.

Саратовский исследователь В.В. Хасин в 1997 г. обратился к опыту решения миграционных проблем в России в период Первой мировой войны. Этот опыт он назвал уникальным, а перемещение населения с западных окраин империи внутрь страны с августа по декабрь 1915 г. – грандиозным по своим размерам²². В 1999 г. им была защищена диссертационная работа²³, в которой рассматривается история создания и функционирования государ-

ственной системы помощи беженцам Первой мировой войны. Автор отмечает, что до принятия закона об обеспечении нужд беженцев, в период его обсуждения, начавшееся массовое движение беженцев находилось под контролем государства и регулировалось распоряжениями Министерства внутренних дел (МВД). Появившиеся с началом войны, ещё до начала массового стихийного беженского движения и раньше создания государственных беженских структур благотворительные организации, в т. ч. и национальные, финансировались кредитной комиссией при МВД через свои центральные комитеты²⁴. По мнению автора, правительству пришлось отказаться от намерения поручить руководство попечением о беженцах в местах их водворения администрации эвакуированных губерний из-за большого количества технических трудностей, возникших при осуществлении этого проекта. В результате руководство беженцами было возложено на администрацию мест водворения. Автор рассматривает всю вертикаль созданной беженской службы и приходит к выводу, что правительству в предельно сжатые сроки удалось создать такую структуру помощи беженцам, которая не позволила ввергнуть страну в хаос бесконтрольного перемещения, чего, заметим, не удалось избежать советским эвакуационным структурам. В.В. Хасин считает, что экономические трудности стали одной из причин начала к 1917 г. стихийной беженской миграции²⁵.

Курский историк А.Н. Курцев среди причин невнимания к гуманитарной проблеме беженства в советское время называет невыгодность сравнения оказания помощи беженцам в царской России и в советский период 1918–1925 гг., а также в период Великой Отечественной войны²⁶. Автор выделил периоды беженского движения: начальный период – «добровольное» беженское движение (конец 1914 – начало 1915 г.); самый тяжелый период беженского движения – «принудительное выселение» (апрель – декабрь 1915 г.); период стабильного проживания беженцев в районах водворения; период стихийного возвращения некоторых беженцев, который начался с лета 1917 г.²⁷ А.Н. Курцев осветил деятельность созданной государством системы попечения о миллионах беженцев, включая их организованное перемещение во внутренние губернии в августе – декабре 1915 г., а также предос-

тавление им «крова и пищи». Автор пришёл к мнению, что основную массу беженцев Первой мировой войны составляло нерусское крестьянское население западных окраин Российской империи, что массовое беженское движение в 1915 г. сопровождалось людскими потерями²⁸. А.Н. Курцев приводит общую численность беженцев в России на начало 1916 г. – 2 786 351 человек, в т. ч. осевших в городах – 34,8 %, в сельской местности – 65,2 %²⁹.

Первой работой английского историка П. Гетрелла, переведённой на русский язык, стала его статья «Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны» на основе доклада, сделанного на международном коллоквиуме в Санкт-Петербурге³⁰. Историк предложил «спасти от исторического забвения миллионы беженцев, несправедливо обойдённых вниманием исследователей». В статье П. Гетрелла «Беженцы в России в годы Первой мировой войны», опубликованной в «Исторических записках» в 2001 г., автор поставил вопрос о том, насколько помощь беженцам была эффективна и что она значила для самих беженцев³¹. Сам П. Гетрелл, впрочем, оставил его без ответа.

С 2000-х гг. проблема беженцев в России в 1914–1917 гг. активно изучается белорусскими историками В.С. Утгоф, С.Ф. Лапановичем, В.В. Скалабаном и др.³² В.С. Утгоф в своей кандидатской диссертации анализирует политику государственной власти по созданию системы попечения о беженцах, определяет место национальных организаций в этой системе и приходит к выводу, что с осени 1915 г. национальные организации помощи беженцам выполняли функции низовых структур системы попечения о беженцах, деятельность которых координировалась и финансировалась государством³³. Проведённый В.С. Утгоф анализ половозрастного, социального, конфессионального состава белорусских беженцев показал преобладание трудоспособного крестьянского населения в возрасте от 21 до 45 лет, практически равное количество в нём православных и католиков. Автор считает, что существующее представление об уровне благосостояния беженцев-белорусов следует пересмотреть, т. к. масштабы их нищеты преувеличены.

В своей монографии современный минский исследователь С.Ф. Лапанович оценил государственную помощь беженцам, как «достаточную для поддержания физической жизнедеятельности беженцев» и как «недостаточную для восстановления их работоспособности»³⁴. Между тем заметим, что по мере роста продовольственных затруднений в стране беженцам трудоспособного возраста предлагалась работа и настоятельно рекомендовалось не отказываться от неё для улучшения своего материального положения. Семьи, состоявшие из матери и малолетних детей, живущие только на пособия, в которых женщина не могла работать, имели возможность обратиться за дополнительной помощью в Татьянинский комитет и другие благотворительные организации. Последние сами старались выявлять такие семьи, чтобы оказывать им дополнительную помощь. Вывод С.Ф. Лапановича о существовавшей конкуренции за получение финансовых средств их казны между национальными организациями, опекавшими беженцев русской и нерусской национальности, представляется неубедительным, поскольку национальные организации финансировались с учётом количества опекаемых ими беженцев.

В работе литовского историка из Вильнюса Альгиса Каспяровичуса³⁵ отмечается, что эвакуация населения из «литовских» губерний в связи с отступлением русской армии в 1915 г. была для населения тяжким испытанием, но эвакуированные в большинстве случаев устроились в местах временного проживания относительно неплохо. На занятых же немцами территориях был введен строгий оккупационный режим, сопровождавшийся грабежом материальных ресурсов. В таких условиях население, отмечает автор, желало возвращения русской армии и изгнания немцев, что отражено в многочисленных воспоминаниях современников.

Об оккупационном режиме в российской Польше и Прибалтике пишет немецкий исследователь Кристиан Вестерхофф³⁶. Он отмечает, что немецкие оккупационные власти первостепенное внимание уделяли набору на принудительные работы в Германии. Так, за время войны было нанято более 200 тысяч рабочих. Набор стимулировался путем закрытия местного частного бизнеса, путем сокращения поддержки безработных. С осени 1916 г. был установлен принудительный порядок привлечения к рабо-

там. Так, из российской Польши депортировали 5 тысяч человек (преимущественно евреев) в Прибалтику и заставили работать в «Батальонах гражданских рабочих». В самой Прибалтике в эти батальоны мобилизовали не менее 10 тысяч человек. Рабочие использовались на строительстве дорог, на сельскохозяйственных и лесных работах. Условия труда и жизни были тяжелыми, а его производительность – низкой. Между тем, в Прибалтийской оккупационной зоне принудительный труд практиковался до самого окончания оккупации в ноябре 1918 г.

Деятельность национальных латышских организаций по оказанию помощи беженцам Первой мировой войны в имперский период освещают в своём исследовании историки из Латвии Т. Бартеле и В. Шалда³⁷. Национальные организации, опекавшие беженцев, средства на беженские пайки получали от государства. Рассматривая вопрос финансирования Латышского Центрального Комитета по оказанию помощи беженцам (ЛЦКОПБ), авторы отмечают, что царское правительство выделило на нужды подопечных ЛЦКОПБа около 25 млн рублей. Заметим, что эта сумма соответствовала суммам, получаемым другими национальными комитетами, опекавшими такое же количество беженцев. По мнению авторов, численность латышских беженцев в 1915 г. составляла 760 тысяч, включая эвакуированных вместе с предприятиями рабочих.

Ряд современных исследований посвящён проблеме еврейских беженцев в России³⁸. Хотелось бы отметить диссертационное исследование М.А. Златиной³⁹. В процессе вынужденной миграции еврейских беженцев она выделила три этапа. Первый из них (июль 1914 – середина апреля 1915 г.) характеризуется бессистемностью и неорганизованностью процесса переселения беженцев и выселенцев. Предпочтительным для переселенцев являлось оседание в ближайших к оставленным родным местам крупных еврейских центрах – Варшаве, Вильно. Характерным было заселение всё больших территорий, вплоть до выхода за пределы черты оседлости. На этом этапе правительство ещё не рассматривало вариант снятия черты оседлости, как способа решения проблемы расселения еврейских беженцев и выселенцев, проявляется разобщённость гражданских и военных властей. В этот период про-

исходит создание новых еврейских благотворительных организаций помощи жертвам войны и реорганизация уже существующих благотворительных еврейских комитетов с целью оказания помощи еврейским беженцам. На втором этапе, который охватывает период со второй половины апреля по конец августа 1915 г., правительство было вынуждено снять черту оседлости для евреев под давлением общей ситуации на фронте, роста численности еврейских беженцев, не уместящихся в рамках черты оседлости, под влиянием еврейских и христианских общественных организаций. Продолжилось выстраивание системы взаимоотношений между центральными благотворительными комитетами и центральными и местными органами помощи еврейским беженцам. Третий период (конец августа – зима 1915/1916 гг.) обозначен как период постепенного расселения евреев по губерниям Российской империи, отведенным для их места жительства. М.А. Златина пришла к выводу, что черта оседлости в России была «прорвана» беженцами и вынужденными выселенцами именно «снизу», в силу обстоятельств военного времени.

Выселению еврейского населения из прифронтовой полосы в 1915 г. посвящает свою статью Г.З. Иоффе (Канада). Автор отмечает, что нет точных данных о количестве обитателей черты оседлости, попавшей в сферу военных действий, покинувших родные места⁴⁰, а также, что командующие фронтами и армиями, генерал-губернаторы и главноначальствующие были наделены правом принятия чрезвычайных мер, необходимых для успеха ведения войны. По мнению автора, российские правящие круги имели основание подозревать евреев в сочувствии к противнику из-за антиправительственных и антироссийских настроений, на что и рассчитывали в Германии. Далее отмечается, что приостановив массовые выселения, военные власти стали обеспечивать лояльность еврейского населения в местах их постоянного проживания с помощью заложников из влиятельных и почитаемых в еврейской среде лиц. Черта оседлости была отменена правительством 4 августа 1915 г. (с некоторыми ограничениями) с учётом массовости движения еврейского населения западных окраин. В статье говорится об организованной помощи на местах водворения⁴¹. Г.З. Иоффе отмечает, что со стабилизацией фронта сни-

зилась численность изгоняемого из родных мест еврейского населения. Одновременно автор сетует, что после этого «миллионные беженские массы» по-прежнему оставались в чужих для себя местах⁴². Со своей стороны заметим, что кроме евреев, в таких условиях находились и все остальные перемещённые во внутренние губернии лица всех национальностей. Все получали государственную помощь, а также помощь благотворительных организаций, в том числе национальных.

Первым специальным исследованием, в котором комплексно анализируется проблематика беженства на территории Украины в 1914–1918 гг. является докторская диссертация украинского историка Л.Н. Жванко. Автор освещает национальный и социальный состав беженцев, определяя их количество на территории украинских губерний, входивших в состав Российской империи, направления оказания помощи беженцам⁴³. В одном из своих исследований, выполненном в русле гендерной истории и посвященном судьбам женщин-беженок, Л.Н. Жванко предпринимает попытку воссоздать особенности внутреннего мира женщины-беженки, выделить главные черты её психологического портрета⁴⁴.

В исследованиях последних лет широко представлена тематика, связанная с общественно-политической и социально-экономической обстановкой в российской провинции имперского военного периода⁴⁵. В этих работах в качестве одного из направлений рассматриваются и миграционные процессы, связанные, в частности, с эвакуацией беженцев в тыловые губернии России, их размещением и созданием системы попечения о них.

*
* *

Исследования, посвященные судьбе беженцев Первой мировой войны в Советской России, появляются с конца 1990-х гг. Следует отметить работы Н.В. Лахаревой, где впервые комплексно исследуется положение беженцев, размещенных на территории Курской губернии в 1918–1925 гг.⁴⁶ Н.В. Лахарева выделила два этапа в судьбе беженцев Первой мировой войны в Советской России. Первый приходится на 1918–1919 гг., когда дооктябрьская система

обслуживания беженцев была повсеместно ликвидирована, а советский государственный эвакуационный аппарат, по мнению автора, только складывался. При отсутствии планомерной реэвакуации происходит стихийный отъезд беженцев на родину. При этом почти 60 % беженцев – это были материально обеспеченные люди – выехали домой летом и осенью 1918 г., после заключения Брест-Литовского мирного договора. Гражданская война приостановила стихийные отъезды в 1919 г. Оставшиеся малообеспеченные беженские семьи не получали реальной государственной помощи и подвергались гонениям со стороны коренных жителей. В многонациональном составе оставшихся большинство составляли украинцы из районов бывшей Российской империи. Второй этап – это 1920–1925 гг., здесь особо выделен 1920 г., когда была разрешена эвакуация из губерний второй очереди отправки, и беженцы двинулись на родину «не дожидаясь своей очереди в эваке». В результате количество беженцев в губернии уменьшилось сразу на 26, 5 тысяч. В 1921 г., по мнению автора, среди уехавших 5 тысяч человек «преобладали легальные эвакуанты». К середине 1924 г. все оставшиеся 3,6 тыс. зарегистрированных беженцев выехали на родину. Н.В. Лахарева отмечает, что в мае 1925 г. репатриация беженцев Первой мировой войны была официально завершена, а не выехавшие без уважительной причины беженцы теряли свой статус, т. к. объявлялись советскими гражданами⁴⁷.

Одним из наиболее часто цитируемых авторов по проблеме военной миграции в России в 1914–1922 гг. является смоленский исследователь И.П. Щеров⁴⁸. В своих работах о деятельности Центропленбежа и его органов в Смоленском крае он пришёл к выводу о позитивном отношении мигрантов Первой мировой войны к Советской власти на том основании, что беженцы служили в рядах Красной армии. Однако заметим, что беспартийные беженцы оказывались в Красной армии исключительно по мобилизации, за редким исключением, и, кроме того, дезертиры преследовались государством. Надо иметь в виду и тот факт, что с января 1918 г. Советским правительством беженцы были лишены постоянных беженских пайков, введённых в 1915 г., а все прежние организации, занимавшиеся оказанием помощи жертвам войны,

были ликвидированы новой властью. В задачи созданной советской организации – Центропленбежа входило оказание помощи беженцам только с момента их посадки в вагоны для реэвакуации, которая, едва начавшись летом 1918 г., была в начале 1919 г. приостановлена. Такая политика по отношению к беженцам не могла способствовать позитивному их отношению к советской власти, что выразилось в массовых стихийных отъездах сразу после заключения Брестского мирного договора на родину и в хлебопроизводящие районы России.

По мнению автора, упразднение в конце 1919 г. культурно-просветительных отделов местных органов Центропленбежа объясняется выполнением ими своей основной задачи, состоящей в превращении, в частности, беженцев, ожидавших реэвакуации, в сторонников и защитников Советской власти. Отметим, что это мнение автора совпадает с не подкреплённым фактическим материалом мнением партийного руководства Центропленбежа. При этом надо отметить, что стаповиться, например, вооружёнными защитниками Советской власти беженский контингент наряду с гражданами Советской России обязал декрет «О всеобщей воинской обязанности», принятый в мае 1918 г., взамен декрета о формировании Красной армии на добровольных началах. Именно этот декрет позволил реально сформировать и пополнять Красную армию, в том числе, и за счёт беженцев, а не деятельность культурно-просветительных отделов местных органов Центропленбежа, показавших, по данным источников, свою полную неэффективность, в том числе, и из-за недостатка денежных средств и подготовленных партийных работников. Говоря о составе Центропленбежа, И.П. Щеров в своих работах неоднократно упоминает члена Коллегии «К.М. Радек». Надо отметить, что член коллегии с такой фамилией существовал, но с другими инициалами.

Перечисляя функции местных органов Центропленбежа, И.П. Щеров называет оказание материальной помощи беженцам⁴⁹, при этом не поясняя, что помощь эта оказывалась только в процессе реэвакуации. Между тем, это означает, что беженцы в период длительного ожидания своей очереди на реэвакуацию не получали ни государственных пособий, ни другой реальной материальной помощи и были предоставлены самим себе. Можно

добавить, что вопрос о пособиях, по инициативе местных органов Центропленбежа, обсуждался СНК, но в итоге так и не был решен положительно. Среди причин, по которым СНК начал ликвидацию пленбежей, автор выделяет резкое сокращение численности контингента, подлежащего реэвакуации, финансовый и продовольственный кризис, разразившийся в Советской России в 1921–1922 гг.⁵⁰ При этом автор не анализирует причины резкого сокращения численности беженцев, подлежащих реэвакуации. Между тем, эти причины имеют прямую связь с политикой большевиков и руководимого ими Центропленбежа в отношении беженцев. Отмечая, что на момент ликвидации пленбежей в стране оставались беженцы, автор не указал, как эта ликвидация отразилась на общих сроках проведения реэвакуации и когда этот процесс вообще был закончен. И.П. Щеров считает, что советское правительство стремилось «выполнить во что бы то ни стало все взятые на себя международные обязательства по реэвакуации беженцев», и в то же время отмечает, что руководство страны прибегало к активной агитации против репатриации с целью «во что бы то ни стало оставить беженцев на прежних рабочих местах»⁵¹.

Правовое регулирование, организацию работы и результаты деятельности аппаратов по делам пленных и беженцев в составе НКВД РСФСР в 1918–1923 гг. анализирует в кандидатской диссертации М.А. Засыпкин⁵². Характеристика правового положения беженцев являлась одной из исследовательских задач автора. При этом М.А. Засыпкин не анализирует важнейшие законодательные акты, касающиеся прав беженцев в Советской России, например, декрет СНК от 21 июня 1918 г. в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев⁵³. Согласно этому декрету беженцы подлежали ведению и попечению Центральной коллегии по делам пленных и беженцев лишь с момента их реэвакуации. Возникает вопрос, в чьем же ведении находились беженцы на территории Советской России до указанного момента? Выпало из поля зрения М.А. Засыпкина и такое судьбоносное постановление НКВД от 21 марта 1918 г., в котором говорилось о прекращении с 1 января 1918 г. выдачи казенного беженского пайка⁵⁴. Указанные нормативно-правовые акты однозначно и прямо вели к ухудшению материального положе-

ния беженцев в условиях отсутствия на тот момент их плановой реэвакуации и способствовали стихийному движению как к западным границам, так и в юго-восточные производящие районы. Кроме всего прочего, для поимки беженцев, уезжающих самостоятельно, выставлялись заградительные отряды, которые в случае поимки отбирали у беженцев документы и направляли их на принудительные работы⁵⁵.

Декрет СНК «Об использовании рабочей силы беженцев» от 19 сентября 1919 г.⁵⁶, создававший препятствия в осуществлении права на реэвакуацию беженцам, зарегистрировавшимся и поступившим в распоряжение отделов труда, был оставлен М.А. Засыпкиным без внимания. Не анализировались им и нарушавшие права беженцев секретные циркуляры НКВД и Центрэвака, идущие вразрез с международными соглашениями по реэвакуации беженцев. Из работы не ясно, какие цели преследовала власть, издавая декрет от 27 июля 1918 г. «Об уравнивании беженцев, оставшихся в российском гражданстве, с остальными гражданами республики»⁵⁷, и какие права в результате получили беженцы. Автор также не отразил результаты деятельности «аппаратов пленбежей» в соответствии с декретом СНК от 28 января 1919 г. «Об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцев по отношению к беженцам, подлежащим реэвакуации». Очевидно, что невозможно объективно оценить правовое положение беженцев, не проанализировав важнейшие законодательные акты, определявшие это положение. В данном случае речь идет о нормативно-правовых актах, декларирующих права беженцев в Советской Республике и вместе с тем реально ущемлявших эти права.

Большевистской пропаганде с привлечением латышской коммунистической пропаганды уделяют внимание латвийские историки, которые считают, что после смены власти в России как в феврале, так и в октябре 1917 г., основная масса беженцев была настроена на немедленное возвращение на родину⁵⁸. По мнению авторов, беспартийные латыши различными способами старались избежать призывов в Красную армию, чтобы не участвовать в противоборстве «красных» и «белых». Рассматривая стихийный отъезд беженцев в 1918 г., после заключения Брестского мира, а также различные административные препоны, чинимые на их пути советскими властями,

авторы отмечают, что в отдельных регионах местные органы власти, наоборот, способствовали репатриации⁵⁹. Латышские партийные деятели, выполняя поручение советского партийного руководства, отмену беженских пособий объясняли беженцам тем, что их приравняли к гражданам России, которые беженских пособий не получали. Латышские коммунисты участвовали в ликвидации прежних латышских организаций помощи беженцам. В 1920–1921 гг. в Латвии было зарегистрировано 197 114 репатриантов из России. В СССР осталось более 200 тыс. латышей – сторонников большевистских идей, колонистов, лиц, утеревших связь с родиной⁶⁰.

Февральская революция вызвала процессы самоорганизации белорусских беженцев, отмечает в работе В.С. Утгоф⁶¹. Выборным путём стали создаваться Советы беженцев. В Советской России взамен ликвидированной системы попечения о беженцах создали систему по организации возвращения беженцев на родину, а вместо независимых национальных организаций был создан Белорусский национальный комиссариат в составе Народного комиссариата по делам национальностей, принимавший участие в разгроме этих организаций. Советское правительство, по заключению В.С. Утгоф, мало заботилось о беженцах, поэтому, когда им в 1921 г. предстояло возвращаться уже в другую страну, большинство белорусов вернулось на места своего прежнего проживания в Польскую Республику вопреки советской агитации за невозвращение. Исследование изменения национальной идентичности белорусских беженцев, по мнению автора, показало, что белорусские национальные группы в России пребывали в новой этнической среде, и это способствовало осознанию ими собственно национального отличия. Основным признаком этого отличия – белорусский язык.

Нормативная база Российской империи, по мнению Л.Н. Жванко, была взята за основу при организации помощи беженцам в Украинской Народной Республике (УНР) и Украинской Державе гетмана П. Скоропадского. Несомненным достижением УНР стало, отмечает исследователь, выступление украинской делегации на переговорах в Брест-Литовске с инициативой по межгосударственному урегулированию вопроса репатриации беженцев, и это

произошло впервые в дипломатической практике Европы⁶². По заключению автора, основная масса беженцев, находившихся на украинских территориях, смогла вернуться на родину после заключения сепаратного Брестского мира, с апреля по декабрь 1918 г., в период оккупации Украины немецкими и австро-венгерскими войсками⁶³.

С середины 1990-х гг. стали появляться работы об открытии в различных регионах страны в 1919–1920 гг. концентрационных лагерей принудительных работ. Исследователи отмечают, что контингент этих лагерей составляли, в том числе, и беженцы Первой мировой войны⁶⁴.

В 2012 г. вышла статья «Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий», подготовленная при поддержке РГНФ коллективом авторов⁶⁵. Что касается хронологических рамок статьи, отметим, что нижняя граница – это, как известно, начало беженства как явления, но почему верхней границей является 1922 г., если конец российскому беженству был положен решением центральной власти в 1925 г.? Указывая на специфику отечественной и зарубежной традиций исследования ретроспективной тематики, авторы отмечают, что эти различия прежде всего обусловлены различиями теоретико-методологических подходов и культур. Авторы справедливо сетуют, что до сих пор «отечественные эксперты <...> не устроили деятельности Пленбежа по-настоящему экспертную проверку», а мы бы добавили – и деятельности большевистского руководства тоже, чью политику и проводил в жизнь Центропленбеж.

Таким образом, историография беженства Первой мировой войны начала складываться в России лишь в 90-е гг. XX в. В настоящее время можно отметить, что отечественная историография обогатилась исследованиями, отражающими успешную деятельность власти и общества Российской империи по осуществлению в предельно короткие сроки эвакуации, размещения и обеспечения нужд миллионов беженцев из прифронтовых районов, вынужденно, в связи с военными обстоятельствами, покинувших свои родные места, что позволило предотвратить «хаос бесконтрольного перемещения». При этом массовое беженское движение

1915 г. из-за своих значительных масштабов и интенсивности, несмотря на принятые государством меры поддержки пришедшего в движение населения, не обошлось без людских потерь. Сегодня отечественная историография располагает рядом работ, в которых признается правомерность и обоснованность выселения военными властями лиц еврейской национальности из западных губерний, объявленных состоявшими на театре военных действий.

В результате проведенных исследований установлено, что имперская система попечения о беженцах была ликвидирована большевиками с одновременным созданием эвакуационных органов. При этом гарантированная беженцам реэвакуация из Советской России длилась с 1918 по 1925 г. Историки-демографы отмечают, что данные отечественной историографии о численности беженцев Первой мировой войны (от 5 до более 7,5 млн человек) хоть и являются неточными, но в то же время отражают масштабы беженства. Исследователям ещё предстоит дать оценку политике, проводимой советским правительством, Центропленбежем и преемниками этой организации по отношению к беженцам. Необходимо проанализировать воспоминания, оставленные беженцами, в которых они высказали свое отношение к заботе, проявленной о них в дореволюционной и Советской России. Необходимость дальнейшей разработки проблемы беженства Первой мировой войны подтверждает и тот факт, что в 4-х томном капитальном исследовании «Мировые войны XX века» этой проблеме посвящено неполных полстраницы⁶⁶.

*

* *

Число оказавшихся в плену за годы Первой мировой войны превосходит общее количество военнопленных за весь учтенный предшествующий период времени. В плену оказался каждый девятый от общей численности мобилизованных⁶⁷. Ещё современники событий Первой мировой войны положили начало осмыслению проблемы военного плена: с 1915 г. стали появляться такие источники, как сборники нормативно-правовых актов, оп-

ределявших положение военнопленных в Российской империи, воспоминания переживших ужасы плена. Первый этап изучения военного плена соответствует советскому периоду отечественной историографии. В 1920 г. была издана книга Н.М. Жданова «Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг.». В исследовании, кроме русских военнопленных, автор уделил внимание вопросу размещения вражеских военнопленных на территории России, осветил работу Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными, созданных в 1918 г., после заключения Брестского мира⁶⁸.

Основным направлением исследований советских и зарубежных авторов левой социалистической ориентации была история интернациональных формирований из бывших военнопленных, принимавших участие в Октябрьской революции и Гражданской войне в России⁶⁹. Так, несколько периодов революционного интернационального движения среди немецких военнопленных в Советской России выделила немецкий историк Соня Штригниц⁷⁰. Первый – с 1915/1916 гг. по февраль 1917 г.; второй – с февраля по октябрь 1917 г.; третий – с октября 1917 до Брестского мира; четвертый – с марта 1918 г. до революции в Германии, начавшейся в ноябре 1918 г. Автор характеризует четвертый период, отмечая, что в это время была образована немецкая коммунистическая группа, вошедшая в Центральную Федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б). Федерация взяла на себя руководство интернациональным движением в Советской России. В ноябре 1918 г. в России были организованы Советы военнопленных, или зарубежных рабочих, вместо иностранных посольств, консульств и миссий как революционное представительство широких масс военнопленных. Коммунистические группы, включая немецкие, осуществляли идейно-политическое руководство этими Советами при поддержке партии большевиков и советских органов. Пятым периодом революционного интернационального движения, по мнению автора, стало развитие революционного движения в Европе в марте-июле 1919 г. В этот период штаб Федерации иностранных групп был перенесен в Киев в связи с образованием Венгерской и Словацкой Советских Республик и движением Красной армии на Украину. Немецкие коммунисты занимались

вербовкой бойцов-интернационалистов для Советской Венгрии, а также для Красной армии, боровшейся с белыми. Немецкие коммунисты редактировали созданную в апреле 1918 г. немецкоязычную газету «Всемирная революция». Шестой период деятельности зарубежных коммунистов и интернационалистов в Советской России – это август 1919 – март 1920 г. В это время штаб Федерации Иностраных коммунистических групп переместился из Киева снова в Москву. Немецкие коммунисты занимались агитацией военнопленных, направленной на борьбу с белогвардейскими вооруженными формированиями, а затем на подъем советской экономики⁷¹.

Анализу работ советских историков этой тематики посвящены статьи И. Муратова (1960 г.) и Н.В. Суржиковой (2008 г.). Основной вывод И. Муратова состоит в том, что, кроме марксистских групп, в лагерях военнопленных действовали и другие политические организации, стремившиеся захватить идейное руководство военнопленными в свои руки. Данные же о количественном составе интернациональных формирований автор считает «очень приблизительными» и «нуждающимися в уточнении»⁷². Н.В. Суржикова отмечает, что советские историки, занимаясь поисками классового сознания у пленных, считали случаи отказов от работ доказательствами наличия у пленных классового сознания. Н.В. Суржикова берёт под сомнение утверждение о безусловной добровольности и осознанности участия беспартийных пленных в защите завоеваний революции, когда из центра поступали требования организовать выступления военнопленных под «правильными» лозунгами, например, «долой войну!». Историк полагает, что статистические данные о партийности военнопленных-иностранцев в Сибири являются «довольно скромными», что массовость военно-революционных выступлений военнопленных требует точной оценки⁷³.

Советскими историками затрагивались и другие аспекты проблемы неприятельских военнопленных, но в качестве исключения и в «непрофильных» работах. Так, в монографии А.М. Анфимова⁷⁴ приведены данные Особого совещания по обороне об использовании труда военнопленных различными министерствами, из которых следует, что министерство земледелия имело 57,4 %,

министерство торговли и промышленности – 17,9 %, министерство путей сообщения – 12,6 % от количества работавших военнопленных, составлявшего на 1 сентября 1916 г. 818 140 человек (100 %)⁷⁵. Пленные, по мнению автора, заменяли призванных в армию, а с другой – использование труда пленных способствовало отливу рабочей силы из сельского хозяйства⁷⁶.

Вопрос, нашедший отражение в ряде исследований как советского, так и постсоветского периода – численность вражеских военнопленных. Н.М. Жданов привел данные Центрального комитета по делам военнопленных об общей численности иностранных военнопленных в России на конец войны: 1 782 966 человек, в том числе австро-венгерской армии – 1 587 099; германской – 152 760; турецкой – 42 988; болгарской – 199 человек. При этом Н.М. Жданов отмечает, что точных сведений о численности военнопленных в России не было в течение всех лет войны⁷⁷, а согласно картотеке Центрального Справочного Бюро, общая численность иностранных военнопленных составляла 1 950 113 человек.

Е.З. Волков также называет разные данные о численности вражеских военнопленных – это 1 961,0 тыс. и 2 467,0 тыс.⁷⁸ Более точной он считает последнюю цифру и исходя из неё высчитывает процент распределения военнопленных по территории России к 1 января 1918 г.: 87,9 % в Европейской части; 8,9 % на Северном Кавказе; 2,3 % в Сибирском крае; 0,9 % на Дальнем Востоке⁷⁹. И. Шнейдер численность военнопленных в России определяет приблизительно в 2 млн человек, в том числе австро-венгерской армии – 1 724 тыс., германской – 187 тыс., турецкой и болгарской – 50 тыс.⁸⁰; он ссылается на «точные статистические сводки», но не указывает конкретный источник. А.Н. Попов приводит данные о численности иностранных военнопленных в России со ссылкой на первое издание Большой Советской энциклопедии – 2,3 млн пленных австро-венгерской и турецкой армий и 167 тыс. немецкой⁸¹, а также на данные Международного Красного Креста – 2 342 378 человек⁸². Ю.А. Поляков, ссылаясь на сборник «Интернационалисты»⁸³, приводит численность иностранных военнопленных по данным Международного Красного Креста – более 2,3 млн чел. и по данным Центропленбежа – более 2,1 млн чел.⁸⁴

В постсоветской историографии вопрос о численности вражеских и русских военнопленных Первой мировой войны освещен в работах А.И. Степанова. Исследователь отмечает, что русская армия взяла в плен около 2 млн солдат, из них 159 390 немцев, 1 736 764 солдат австро-венгерской армии, 64 509 турок, 670 болгар. Из этих пленных к концу 1917 г. был сформирован чехословацкий, польский и сербский легионы, всего 157 тыс. человек. В 1918 г. в рядах красных и белых сражались 127 тысяч легионеров из бывших военнопленных и 300 тысяч интернационалистов⁸⁵.

Численности турецких военнопленных, находившихся на территории России в период Первой мировой войны, исследовал В.В. Познахирев⁸⁶. По его данным, из 64, 5 тысяч турецких военнопленных, взятых в плен русской армией, во внутренних ВО находились 11 тысяч, а все остальные – в пределах Кавказского ВО. Пребывание турецких военнопленных обнаружено В.В. Познахиревым в разное время в Орловской, Рязанской, Воронежской, Курской губерниях в количестве от 1 до 13 человек в каждой из губерний⁸⁷.

Важным направлением исследований советского и постсоветского периода было изучение отдельных аспектов деятельности советских эвакуационных органов. Работу органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) по идейно-политическому воспитанию вражеских военнопленных рассматривают в одной из своих работ Э.П. Нечаева и С.В. Лившиц⁸⁸. Соавторы отмечают, что военнопленным Четверного союза с начала 1918 г. была предоставлена свобода, но т. к. миллионы русских военнопленных находились в плену, то власти снова стали собирать в лагерях и казармах бывших пленных, которые ещё не успели уехать на родину, воспользовавшись предоставленной «совершенной свободой». Эта мера, по мнению авторов, даже вызвала «некоторые нарекания» со стороны военнопленных интернационалистов, усмотревших здесь отступление от социалистических принципов Советской власти. С 1 апреля 1918 г. пленным предоставили возможность стать свободными гражданами России, переменяв гражданство. Авторы в качестве примера приводят абсолютные цифры количества военнопленных в Казани, Симбирске и Саратове, пожелавших принять советское

гражданство – 69, 168 и 260 человек соответственно. Многие военнопленные, как считают Э.П. Нечаева и С.В. Лившиц, поддавались на «провокации контрреволюционеров», что свидетельствовало о необходимости проведения серьезной работы с ними «по овладению марксизмом-ленинизмом». Проводимые органами Центропленбежа интернациональные митинги являлись, по мнению авторов, замечательной школой устной агитации и пропаганды. В качестве подтверждения эффективности политической работы приводятся данные об организации в 1918 г. отряда интернационалистов в Самаре и Пензе, в последней – численностью 100 человек. Как полагают соавторы, привлечение военнопленных к восстановлению разрушенного хозяйства имело на них «революционизирующее воздействие». Деятельность иностранных комиссий попечения о пленных в России авторами называется «подрывной работой среди военнопленных» в целях шпионажа, диверсий и дезорганизации работы органов Центропленбежа. Заключительный вывод авторов состоит в том, что органы Центропленбежа, руководимые партией большевиков, проводя идейно-политическую работу среди военнопленных, содействовали упрочению Советской власти в России и активизации революционного движения за её пределами⁸⁹.

Проблему большевистской революционной пропаганды среди военнопленных и создания красногвардейских отрядов интернационалистов-военнопленных затрагивает ещё ряд советских авторов. Так, по мнению И. Шнейдера, создание интернациональных вооружённых формирований из военнопленных находилось в «крепких руках коммунистов»⁹⁰. Автор приводит примеры создания интернациональных вооружённых отрядов в декабре 1919 г. в Иркутске, Черемхове и Красноярске⁹¹. История создания в Советской России Центрального комиссариата по делам мусульман вместо упраздненного Всероссийского мусульманского Совета отражена в книге М.А. Мулюкова и И.Р. Тагирова⁹². Авторами отмечается, что комиссариат развернул деятельность по пропаганде и агитации среди турецких военнопленных по примеру интернациональных частей из военнопленных-уроженцев Западной Европы. Правительство Турции, как показано в работе, неоднократно выражало протест по поводу вовлечения турецких

подданных в революционную деятельность. А.Н. Попов отмечает, что не располагает документальным материалом, чтобы говорить о деятельности революционных групп военнопленных в 1915–1916 гг., но выражает уверенность, что такие группы были, была и связь с большевиками иностранных коммунистов – Бела Куна и других, с целью проведения революционной агитации среди военнопленных⁹³. Одновременно, по мнению А.Н. Попова, и агентам империализма всё-таки удалось охватить своей антисоветской пропагандой определенный круг военнопленных⁹⁴.

Военно-политической деятельности И.С. Уншлихта, возглавлявшего с апреля 1918 г. по январь 1919 г. Центральную коллегию по делам пленных и беженцев, посвящено диссертационное исследование М.В. Веселова⁹⁵. В работе, в частности, анализируется деятельность Центропленбежа по пропаганде и агитации среди военнопленных и беженцев и выделяются её основные направления. Отмечается, что более 20 тысяч иностранных военнопленных и беженцев-членов революционных организаций в России были отправлены на родину в 1918 г. для распространения идей мира, свободы и равноправия, что в Красную армию вступило более 50 тысяч иностранных военнопленных. По мнению автора, к концу 1918 г. благодаря усилиям Центропленбежа большая часть «временно находившихся» на территории страны была эвакуирована в свои государства⁹⁶. Отметим, что массовое возвращение на родину в 1918 г. как русских, так и иностранных военнопленных было вызвано революционными событиями в Центральных государствах, а не усилиями Центропленбежа. Этот процесс имел стихийный характер⁹⁷.

Некоторые вопросы, связанные с деятельностью Центропленбежа освещает в работе «Военная миграция в России в 1914–1922» смоленский историк И.П. Щеров, уже упоминавшейся нами в контексте историографии проблемы беженцев⁹⁸. Говоря о политико-массовой работе пленбежей в России в 1918–1922 гг., он отмечает, что в стране издавались специальные газеты на иностранных языках, которых в 1918 г. было издано 4700 тыс. экз. И.П. Щеров приходит к выводу о позитивном отношении мигрантов к советской власти, т. к. значительная их часть служила в Красной армии «добровольно или по мобилизации»⁹⁹. Заметим,

что не менее значительная часть иностранных военнопленных служила в Белой армии, а ещё более значительная часть пленных предпочла не участвовать в Гражданской войне. Тем не менее автор утверждает, что мигранты, не участвовавшие в военных действиях, «в основном являлись убеждёнными проводниками идей большевизма среди мирного населения страны»¹⁰⁰. Это утверждение, к сожалению, не подкрепляется доказательной базой. И.П. Щеров особо подчеркивает, что его материал о работе коллегий по делам пленных и беженцев является новой страницей в российской историографии, т. к. «материал о вышеуказанных советских организациях – “белое пятно” в изучении истории Гражданской войны в России»¹⁰¹. Однако, следует отметить, что материал о работе органов Центропленбежа не является «новой страницей» в отечественной историографии, т. к. в трёх работах исследователей Э.П. Нечаевой и С.В. Лившица, выполненных в 1982 г. в одной из областей Поволжья (г. Куйбышев) освещается эвакуационная и идейно-политическая работа органов Центропленбежа среди русских и иностранных военнопленных. (Указанный район Поволжья включен И.П. Щеровым в территориальные рамки своего исследования). Авторы приводят историю создания Центропленбежа, изначальный состав руководства этой организации, её структуру. Отражен процесс организации местных органов Центропленбежа, правовое обеспечение их деятельности, круг обязанностей¹⁰².

Взаимоотношения советских органов управления и военнопленных противника в 1917–1922 гг. исследует А.П. Исаев. Работу по созданию вооруженных формирований для защиты Советской власти в период Гражданской войны автор считает основной. Отправляя иностранных военнопленных на родину, российские власти, по мнению автора, умело использовали их для пропаганды своих революционных замыслов. По примерным подсчётам автора в 1918–1920 гг. органам управления страны удалось обеспечить выезд из страны 1 млн иностранных военнопленных, т. е. почти половины их общего числа. По мнению А.П. Исаева, это говорит о том, что управленческие структуры работали слаженно и высокоэффективно. Заметим, что с ноября 1918 г., после аннулирования Брестского мирного договора и до

заклучения (начиная с 1920 г.) соответствующих международных соглашений, обмен военнопленными не производился, поэтому отъезд большинства вражеских военнопленных в указанный период имел в основном неорганизованный характер, следовательно, о «слаженной и высокоорганизованной» работе советских управленческих структур говорить не приходится.

Разработка таких вопросов, как правовое положение иностранных военнопленных Первой мировой войны в имперской и советской России, условия их труда и повседневной жизни в плену, активно началась отечественными историками с конца 1990-х годов. Следует отметить работы С.Н. Васильевой¹⁰³, ставшие одними из первых по данной проблеме, в которых освещены вопросы управления лагерями, размещения военнопленных, в т. ч. преимущественного расселения военнопленных славянских национальностей в Европейской России и Западной Сибири, приводится численность пленных в ВО¹⁰⁴. С.Н. Васильева анализирует «Положение о военнопленных», определявшее правовой статус пленных и делает вывод, что Россия предоставила военнопленным права, полностью соответствовавшие международным нормам. По мнению автора, для «Положения о военнопленных» характерна непроработанность некоторых его статей, что требовало дополнительных распоряжений. Освещая вопрос о привлечении военнопленных к труду, С.Н. Васильева приходит к выводу, что в среднем на работах использовалось около 50 % всех военнопленных, при этом наиболее активно – в 1916–1917 гг.¹⁰⁵

Интерес у современных исследователей вызывает вопрос о политике российских властей в отношении военнопленных-славян, а также о вступлении военнопленных в национальные воинские части, формировавшиеся на территории России в период Первой мировой войны. Так, С.А. Солнцева в статье «Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты)»¹⁰⁶, в частности, говорит о привлечении, начиная с 1915 г., военнопленных славян (чехов и словаков) в боевые соединения в составе русской армии при активном участии Союза чехословацких обществ в России. При этом процесс создания проходил негладко, а положение славян в русском плену в центральной России было незавидное по сравнению с немцами и мадьярами, которых отправляли

в Сибирь и Туркестан. Автор считает, что, чем хуже были условия содержания военнопленных, тем больше было желающих служить в составе русской армии¹⁰⁷. В другой статье С.А. Солнцевой отмечается, что политика Временного правительства по отношению к военнопленным продолжала дореволюционную¹⁰⁸. В марте 1917 г. к работам стали привлекать пленных унтер-офицеров (по примеру Австро-Венгрии и Германии). Для улучшения положения военнопленных-славян 30 июня 1917 г. военный министр утвердил «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков», согласно которым разрешалась переписка с национальными органами, между лагерями, создание касс взаимопомощи, библиотек, читален и т. п. Офицерам и интеллигенции было разрешено проживание на частных квартирах. Военнопленные-славяне при условии их лояльности и взятия на поруки могли вступать в брак с русскими гражданками¹⁰⁹.

Созданию воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны посвятил ряд статей С.Н. Базанов¹¹⁰. Автор отмечает, что особые национальные (чешские, сербские) подразделения в составе русской армии начали формировать главным образом по политическим соображениям, ради активизации движения против Австро-Венгрии. К концу первого года войны военные власти разрешили набирать в такие части добровольцев из военнопленных при условии ручательства за их благонадежность со стороны разрешенных правительством национальных организаций, в результате, была сформирована Чехословацкая дружина, превратившаяся к сентябрю 1917 г. в отдельный Чешско-словацкий корпус, состоявший из 45 тысяч человек. Сербские военнопленные составляли вначале отряд, а к октябрю 1917 г. Сербско-Хорватско-Словенский корпус численностью 30 тыс. человек. Польские соединения появились в январе 1917 г., и к октябрю 1917 г. их численность составляла почти 25 тысяч человек¹¹¹. По мнению С.Н. Базанова, идеологическая политика в отношении военнопленных Царского и Временного правительств имела национальную направленность. Большевики же предпочли классовый подход, отвечавший их внешнеполитическим и внутриполитическим целям. Автор считает, что большинство военно-

пленных не участвовало в Гражданской войне, некоторые из них служили в Красной армии, другие – в различных антисоветских формированиях.

Итальянский историк Симоне Аттилио Беллецца, в частности, пишет о том, что из 30 тысяч итальянцев австро-венгерской армии, оказавшихся в русском плену, 15 тысяч отказались воевать против Австро-Венгрии после вступления в мае 1915 г. Италии в войну, т. к. или не хотели воевать, или опасались репрессий в отношении их родных в Австро-Венгрии¹¹². Эти военнопленные вернулись домой только после окончания войны, при этом часть из них оказалась в исправительных лагерях, организованных на юге Италии. Дававших согласие вступить в итальянскую армию собирали в городе Кирсанове Тамбовской губернии и оттуда отправляли через Архангельск, Британию и Францию в Италию. После прихода к власти в России большевиков военнопленных итальянцев отправляли в итальянское владение в Китае, где из них формировали части, которые несли службу в тылу чехословацких войск на территории Сибири и редко участвовали в боях.

О неохотном вступлении военнопленных в национальные формирования русской армии пишет ряд исследователей. Так, словенский историк П. Свольшак отмечает, что ужесточение отношения к военнопленным часто были связаны с их отказом вступить в национальные легионы, сражавшиеся на стороне России¹¹³. В.В. Нигматов, освещая создание национальных воинских подразделений в Воронежской губернии, говорит о том, что воевать в них на стороне России вызвались «немногие» военнопленные-славяне¹¹⁴. А.Н. Курцев привёл данные о вступлении в добровольческие части, воевавшие на стороне русской армии, лишь «некоторых военнопленных» из находившихся в Центрально-Чернозёмном регионе¹¹⁵.

Истории Чехословацкого корпуса, созданного в России по почину организации чехов-колонистов в Российской империи, посвятил статью В.Ж. Цветков¹¹⁶. В статье отмечается, что в октябре 1914 г. чехословацкая дружина выступила на фронт в составе 3-й армии и участвовала в Галицийской битве. Было разрешено принимать в ряды дружины военнопленных чехов и словаков. В марте 1918 г. части чехословацкого корпуса действовали вместе

с Украинской советской армией против немцев. С мая 1918 г. корпус вёл вооружённую борьбу с «красными». По мнению В.Ж. Цветкова, главной причиной «мятежа» Чехословацкого корпуса послужило нарушение советской стороной под давлением Германии соглашения, гарантировавшее чехам беспрепятственное продвижение к Владивостоку. Участие чехословацкого корпуса в Гражданской войне рассматривает также А.И. Гергилёва¹¹⁷. Автор отмечает, что Чехословацкий корпус, заявив о себе в период Гражданской войны в России, действовал совместно с вооружёнными формированиями белых в Сибири, Забайкалье и Дальнем Востоке. Личный состав корпуса нёс службу по охране Транссибирской железной дороги, участвовал в подавлении вооружённого восстания военнопленных в Красноярске под руководством венгерских коммунистов летом 1919 г., выполнял другие функции. Немало представителей корпуса поддержало советскую власть, по мнению автора.

Особенности положения военнопленных в различных регионах России нашли отражение в монографиях, диссертациях, в том числе докторских, последнего десятилетия¹¹⁸. Ставропольский исследователь И.В. Крючков исследует особенности положения военнопленных стран Четверного союза в степных районах Центрального Предкавказья¹¹⁹. Автор пришёл к выводу, что положение военнопленных Германии и её союзников на Ставрополье отличалось в лучшую сторону от их положения в других регионах, так как в Ставропольской губернии имелись значительные запасы продовольствия. Отсутствие в губернии крупной промышленности способствовало тому, что труд основной массы военнопленных применялся на сельскохозяйственных работах, где они находились в распоряжении крестьян, к чему всегда стремились. Падение дисциплины и производительности труда, массовый характер побегов военнопленных как проявление распада сложившейся системы распределения и управления военнопленными исследователь датирует летом 1917 г.

Положение военнопленных на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.) стали предметом исследования Т.Я. Иконниковой¹²⁰. Автор приводит численность военнопленных на территории Приамурского ВО, которая составляла 40–45 тысяч¹²¹. Среди

них преобладали немцы как германской, так и австро-венгерской армий. Численность военнопленных турецкой армии, прибывших с Кавказского фронта, по подсчётам автора, составляла 1936 нижних чинов и 9 офицеров. Из-за эпидемии сыпного тифа погибло 42, 6 % от количества заболевших, составлявшего 915 человек. В работе отмечается, что серьёзные затруднения возникли с организацией охраны военнопленных и вообще с управлением военнопленными из-за нехватки офицерских кадров в гарнизонах¹²². В итоге охрану военнопленных возложили на ополченческие части. Питание в лагерях военнопленных было вполне нормальным, как показывали проводимые проверки¹²³. Труд военнопленных применялся во всех отраслях народного хозяйства. С 1916 г. начались массовые отправки военнопленных в Центральные производящие губернии; в нейтральные страны отправляли инвалидов. В результате к июлю 1917 г. на территории Приамурского округа оставалось 13 769 военнопленных, из них 3 936 офицеров. Побег в два раза чаще предпринимались офицерами, более 70 % беглецов возвращалось в лагеря под строгий арест. Бежали в Китай¹²⁴. По мнению Т.Я. Иконниковой, с началом Гражданской войны, следуя стремлению к самосохранению, подавляющее большинство оставшихся в лагерях военнопленных принципиально не вмешивалось в кровавые внутрироссийские события¹²⁵. Массового перехода военнопленных в российское гражданство не наблюдалось¹²⁶. С осени 1920 г. военнопленных перевели на «вольное содержание» в связи с закрытием лагерей. Они были объявлены свободными гражданами Дальневосточной Республики. По заключению автора, к середине 1921 г. при помощи иностранных консульств и миссий Красного Креста последние иностранные военнопленные покинули Владивосток¹²⁷.

Пребыванию иностранных военнопленных Первой мировой войны на Дальнем Востоке в 1914–1922 гг. посвящены две главы докторской диссертации Е.Ю. Бондаренко¹²⁸. Автор отмечает, что из 30, 5 тысяч военнопленных славяне трудились на сельскохозяйственных работах, а на строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, шоссейных дорог, в рудниках и на угольных шахтах использовался труд немецких, австрийских, венгерских и турецких военнопленных. Автором сделан вывод,

что недовольством такой дискриминацией военнопленных-неславян воспользовались в своих целях большевики. В работе показано, что венгерские военнопленные, стремясь освободиться из лагерей, временно вступали в партийные организации и Красную армию, их репатриация началась после демобилизации в 1921 г. и продолжалась после окончания Гражданской войны. Отмечается, что основная масса военнопленных-чехословаков на Дальнем Востоке действовала против Советской власти, что 2 полка были разоружены и заключены в тюрьму, их репатриация из Владивостока началась в 1920 г. и продолжалась, по мнению автора, до 1923 г.

Положение военнопленных противника на территории Казанской губернии освещается в статье Д. Люкшина¹²⁹. Отмечается, что в 1915 г. военнопленные работали на селе в основном в помещичьих экономиях, в 1916 г. – они широко использовались в крестьянских хозяйствах. Обычно крестьяне хорошо кормили своих работников-военнопленных и не проявляли к ним враждебности. Попытки побегов были крайне редкими. В 1917 г., по мнению автора, начались открытые конфликты крестьян с военнопленными, большинство которых бежало в города. Автор считает, что советское правительство постаралось избавиться от военнопленных при первой же возможности¹³⁰. Заметим, что советское правительство окончательно «избавилось» от военнопленных только в середине 1920-х гг.

Пребыванию военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии посвятил свою работу В.В. Нигматов¹³¹. В ней отражены численность, условия труда и размещения, величина заработной платы, взаимоотношения военнопленных с местным населением. Вопросы размещения и содержания военнопленных Центральных держав на территории степных районов, входивших в Омский ВО, освещает казахский историк Г.К. Кокебаева. Автор приводит примеры оказания военнопленным материальной помощи со стороны зарубежных организаций¹³².

Различные аспекты пребывания военнопленных в Саратовском Поволжье исследует в диссертационной работе А.В. Калякина¹³³. Она отмечает, что максимальная численность военно-

пленных в регионе в 1916 г. достигла 32 тысяч человек. До 85 % военнопленных распределялись на работы в аграрном секторе, преимущественно в мелкие крестьянские хозяйства. До конца 1918 г. помощь иностранным военнопленным оказывали датская и шведская миссии Красного Креста, в основном денежными пособиями, с 1916 до февраля 1917 г. – американское консульство в Москве. В регионе фактически отсутствовал надзор за пленными, им предоставлялась практически неограниченная свобода. Отказы от работ и побегі имели место, но массового характера эти нарушения не принимали. А.В. Калякина отмечает, что венгерские и немецкие коммунистические ячейки из военнопленных были созданы в феврале 1918 г. в Саратове, Балакове, Царицыне, они боролись с контрреволюционными настроениями в своей среде, занимались вербовкой в Красную армию. Интернациональный отряд военнопленных в Саратовском гарнизоне состоял из 400 человек; в 1921 г. отряд участвовал в подавлении крестьянских восстаний.

Рассматривая пребывание военнопленных на Южном Урале, на примере Оренбургской и Уфимской губерний, Э.С. Идрисова отмечает, что труд военнопленных с 1915 г. применялся в регионе преимущественно в аграрном секторе. Отказы от работ, побегі военнопленных не имели массового характера даже после февральских событий 1917 г.¹³⁴ В годы Гражданской войны часть иностранных военнопленных была втянута большевиками в классовую борьбу на Южном Урале, где они с оружием в руках защищали советскую власть. В то же время автор отмечает, что часть иностранных военнопленных оказалась в лагере другой военно-политической силы.

Положение военнопленных на территории Западной Сибири с июля 1914 по март 1918 г., их численный состав, условия размещения, надзора и использования анализируются в работе А.Н. Талапина¹³⁵. Автор определяет количество иностранных военнопленных в Западной Сибири в 150–200 тысяч человек, говорит (вопреки утверждениям многих советских и некоторых современных авторов) об отсутствии свидетельств намеренного лишения пленных элементарных человеческих прав, попирания их культурных, бытовых, религиозных обычаев¹³⁶. Значительную

часть военнопленных в регионе, по мнению автора, составляли славяне, до половины общего состава. Положение пленных до февраля 1917 г. в целом было удовлетворительным¹³⁷. А.Н. Талапин отмечает, что с утверждением советской власти в регионе не произошло ни освобождения всех категорий пленных, ни упразднения формально отменённого в Омском ВО термина «военнопленный»¹³⁸. Пленные офицеры стали рассматриваться новой властью как «эксплуататоры, вредно влиявшие на иностранных пролетариев». Контрреволюционных офицеров держали в лагерях. Свобода слова, собраний означала большевистскую агитацию, которая признавалась необходимой, а всякая другая – вредной, контрреволюционной. К охране и наблюдению за группами «контрреволюционных» пленных привлекались вооружённые «революционные» пленные. Вооружённые отряды революционных пленных формировались уже с конца 1917 г.¹³⁹

Рассматривая советский период плена, Д.А. Безруков отмечает, что большевистское правительство объявило всех военнопленных свободными гражданами, «гостями трудового народа»¹⁴⁰. Провозглашение свободы, по мнению автора, вызвало массовое неконтролируемое перемещение тысяч военнопленных, стремившихся найти работу и питание или самостоятельно добраться ближе к родине. Всероссийский съезд военнопленных в апреле 1918 г. принял решение предоставить всем пленным право решать по своему усмотрению, оставаться ли им в России или возвращаться на родину. Д.А. Безруков считает, что большинство военнопленных не пожелало участвовать в Гражданской войне в России.

Австрийские историки Х. Лейдингер и В. Мориц, описывая участие военнопленных Австро-Венгрии в Гражданской войне на территории России, отмечают, что страны Антанты были напуганы перспективой союза Ленина и Гинденбурга, о чём сообщали им агенты¹⁴¹. Это спровоцировало захват войсками Антанты Владивостока и других российских портов. Большевики объявили военнопленных братьями русских рабочих. В Петрограде к концу марта 1918 г. находилось около 60 тысяч русских военнопленных, оказавшихся там после беспрепятственного оставления ими лагерей. В книге приводится высказывание Бела Куна о том, что

интернационалисты в Красной армии к марту 1919 г. составляли 30–35 тысяч человек, из них только 15–20 % оценивались как идеологически стойкие. Это говорит о том, что вступление в Красную армию было обусловлено стремлением военнопленных не упустить шанс избежать голодной смерти до возвращения на родину. Австрийские историки считают, что роль иностранных военнопленных в Гражданской войне на территории России не следует переоценивать, но не надо и сводить к нулю, особенно в момент формирования Красной армии весной–летом 1918 г., когда боевой опыт и организованность военнопленных оказались наиболее востребованными.

Немецкий исследователь Райнхард Нахтигаль освещает процесс возвращения домой военнопленных Четверного Союза из некоторых регионов России¹⁴². Автор выделяет этапы этого процесса и кратко характеризует их. Неконтролируемое стихийное возвращение в декабре 1917 – июле 1918 гг. Р. Нахтигаль именуется «диким». В этот период уезжали финансово обеспеченные владельцы русским языком имевшие проводников военнопленные¹⁴³. В работе отмечается, что большая часть двигалась на родину через Украину¹⁴⁴. Характеризуя репатриацию военнопленных в июле – октябре 1918 г., Р. Нахтигаль приводит данные об иностранных миссиях по репатриации военнопленных, прибывших в Россию¹⁴⁵. Отношение между австро-венгерскими миссиями и Центропленбежем автор называет «очень враждебными»: их сотрудники подвергались незаконным арестам. Центропленбежем с привлечением военнопленных-членов коммунистической партии велась агитация за вступление военнопленных в Красную армию. Пропаганду среди военнопленных об отказе от своего гражданства автор назвал «юридическим фокусом советского руководства». В работе подчёркивается, что основным способом привлечения военнопленных в Красную армию являлось принуждение и лживые обещания большевиков о скором возвращении на родину оказавших помощь советской власти¹⁴⁶. О количестве репатриированных в этот период военнопленных, по мнению автора, точных данных нет, но за весь 1918 г. вернулось около 1 млн военнопленных. В работе отмечается, что обмен военнопленными, прекратившийся с ноября 1918 г., стал возобновляться

в 1920 г.; первый обмен состоялся в Нарве. Автор пишет о плохой организации транспортировки, о произволе российских властей, которые не оповещали военнопленных о начавшемся обмене и задерживали здоровых для работ на стройках социализма, в т. ч. специалистов и офицеров. В 1923 г. немецкие военнопленные ещё отправляли с Украины. Количество умерших или пропавших без вести в России военнопленных Центральных держав, по мнению автора, было приблизительно 40 тысяч человек¹⁴⁷. В статье «Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны» Р. Нахтигаль отмечает, что около 90 тысяч военнопленных Центральных держав, в основном венгры, участвовали в Гражданской войне в составе Красной армии¹⁴⁸. По мнению автора, Центропленбеж не столько занимался репатриацией, сколько агитацией. Эта структура проводила линию большевиков на «вовлечение пленных из Центральных держав в революцию»¹⁴⁹.

Современные исследователи обращаются к теме лагерной жизни вражеских военнопленных. А.И. Гергилёва считает, что режим в лагерях для военнопленных в Сибири был менее строгим, чем в Центральной России¹⁵⁰. По мнению автора, большинство военнопленных направлялось на наиболее тяжёлые работы, поэтому «не так уж редки» были случаи побегов с этих работ, военнопленные «широко прибегали» к стачкам как средству борьбы за улучшение условий труда. После окончания Гражданской войны военнопленные использовались для ликвидации военной разрухи¹⁵¹. Крайне тяжёлые условия жизни иностранных военнопленных в лагерях под Ижевском в 1915–1916 гг. показаны в исследовании В.В. Поликарпова, Н.Е. Журбиной¹⁵². Последняя приводит данные немецких официальных информационных бюро по военнопленным о том, что из общего числа попавших в русский плен немцев погибло 9, 97 %, а судьба 33,02 % осталась неизвестной. По сравнению с этими цифрами количество русских военнослужащих, погибших в Германии, составляет 5, 39 %¹⁵³.

Взаимное восприятие местного населения Енисейской губернии и размещенных на её территории пленных немцев в годы Первой мировой войны исследуется в статье И.П. Павловой и Т.В. Ивлевой¹⁵⁴. Соавторы пришли к выводу, что пленных немцев в Сибири не воспринимали как врагов. По мнению соавторов,

«высокой концентрации негативных стереотипов на образе внешнего врага», которую отмечает О.С. Поршнева в целом по России, не наблюдалось. При этом пленные видели в местных жителях представителей менее цивилизованного народа.

В некоторых исследованиях новейшего периода затрагивается вопрос о времени окончания репатриации иностранных военнопленных из Советской России. Так, Д.А. Безруков отмечает, что последние пленные покинули Россию в 1920 г.¹⁵⁵ А.И. Остроухов отождествляет завершение эвакуации чехословацкого корпуса 2 сентября 1920 г. с окончанием эвакуации чешских и словацких военнопленных с территории России.¹⁵⁶ С.Н. Васильева, расширяя рамки своего исследования «Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны», затрагивает проблему репатриации военнопленных, отмечая, что последние узники Первой мировой войны были возвращены на родину в течение 1922 г.¹⁵⁷ По мнению А.И. Гергилёвой, в Советской России как законодательное оформление процесса репатриации, так и фактическое возвращение военнопленных на родину было затянато и продолжалось до 1925 г. Отправляли в первую очередь военнопленных-членов РКП(б) для подготовки мировой социалистической революции.¹⁵⁸

Как видим, историками активно изучаются вопросы правового положения, управления военнопленными противника, их размещения, привлечения к труду, взаимоотношения с местным населением. Имеются работы, посвящённые особенностям положения военнопленных в различных регионах России преимущественно в имперский период. Тема участия военнопленных-интернационалистов в Октябрьской революции и Гражданской войне в России по-прежнему находит отражение в современных исторических работах, но, если советскими историками были сделаны выводы о разделении большинством военнопленных под влиянием большевистской агитации и пропаганды идеи мировой революции и защиты революционных завоеваний в России, то с 1990-х гг. исследователями признаётся участие вражеских военнопленных в Гражданской войне в России как на стороне большевиков, так и на стороне антибольшевистских сил, а также тот факт, что большинство военнопленных стремилось избежать участия в российской междоусобице.

В ряде работ освещена тема организации в Российской империи национальных воинских формирований из военнопленных-славян, уделено внимание деятельности Центропленбежа по пропаганде и агитации среди иностранных военнопленных с целью привлечения их к вооруженной борьбе с внутренней и внешней «контрреволюцией». Разные точки зрения имеются относительно общей численности военнопленных, взятых российской армией – от 1,7 до 2,4 млн человек, а также относительно времени окончания репатриации иностранных военнопленных из Советской России – от 1920 до 1925 г.

В отечественной историографии отсутствуют работы, посвящённые проблеме репатриации иностранных военнопленных, этому многотрудному и многолетнему процессу и его составляющим – стихийному самостоятельному движению и организованному за счет государства советскими эвакуационными органами.

Неисследованной является тема принудительной мобилизации военнопленных в Красную армию России и советской Венгрии; нарушения советской стороной межгосударственных соглашений по обмену военнопленными. Требуется прояснения вопрос о результатах деятельности среди иностранных военнопленных культурно-просветительных отделов Центропленбежа и аналогичных местных отделов; вопросы о мотивах вступления иностранных военнопленных в вооруженные формирования Красной и белых армий и перемены гражданства.

*
* *

В период Первой мировой войны были изданы работы современников событий, в которых показаны тяжёлые условия существования находившихся в германском и австрийском плену русских солдат и офицеров и поднимался вопрос о необходимости оказания им помощи, публиковались отчёты по обследованию лагерей и воспоминания бывших военнопленных.¹⁵⁹ В советский период печатались воспоминания ряда бывших русских военнопленных, после возвращения из плена ставших на платформу советской

власти¹⁶⁰, работы же исследовательского характера о русских военнопленных Первой мировой войны были исключением. Одной из таких работ, ставшей ориентиром для последующих историков, является книга современника событий, управляющего Российским комитетом Красного Креста, члена Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий по обмену военнопленными Н.М. Жданова¹⁶¹. В ней, в частности, нашла отражение проблема возвращения на родину русских военнопленных Первой мировой войны. Автор выделил 6 периодов военного плена, сделал вывод о том, что делу помощи русским военнопленным царским правительством не придавалось государственного значения, осветил вопросы создания и работу Русско-Германской и Русско-Австрийской смешанных комиссий до германской капитуляции. Н.М. Жданов отметил, что с лета 1918 г. в Советскую Россию стали прибывать первые партии увечных и больных туберкулезом русских военнопленных. С ноября 1918 г. началось массовое стихийное движение военнопленных, продолжавшееся около 2 месяцев, затем державы Согласия взяли на себя организацию процесса эвакуации русских военнопленных, а также оказания им помощи через свои организации Красного Креста¹⁶².

Деятельности партийных и советских органов среди возвращавшихся на родину военнопленных русской армии в 1918–1919 гг. посвятил главу своего исследования советский историк А.А. Мальков¹⁶³. В работе, в частности, освещается создание и деятельность культпросветотдела в составе Центропленбежа и его органов на местах, а также Всероссийского Бюро военнопленных под председательством И.И. Ульянова. Надо отметить, что И.И. Ульянов подробно осветил эту тему в своих воспоминаниях в 1929 г.¹⁶⁴ Со ссылкой на данные Центропленбежа автор приводит численность русских военнопленных, вернувшихся на родину в период планомерной эвакуации с августа по 30 октября 1918 г., составившую 181375 человек¹⁶⁵.

Деятельности Центропленбежа по идейно-политическому воспитанию бывших военнопленных русской армии посвящена одна из статей Э.П. Нечаевой и С.В. Лившица¹⁶⁶. Авторы отмечают, что организация политического просвещения русских военнопленных, возвращавшихся на родину, была возложена

на созданный 26 июня 1918 г. культпросветотдел Центропленбежа, и местных органах Центропленбежа также были организованы культпросветотделы, которые сразу по прибытии военнопленных снабжали их агитационным материалом, проводили разъяснительные политбеседы. В статье говорится о том, какие разъяснения давались возвращавшимся русским военнопленным и к чему их призывали большевики. Так, в печати, в беседах, на митингах агитаторы Центропленбежа объясняли пленным, что жертвы Первой мировой войны были напрасными, но ради перехода власти к рабочим, ради начала международной пролетарской революции не должно останавливаться ни перед какими жертвами¹⁶⁷. Центропленбежем издавалась газета «Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах» и «Газета военнопленного». В них бывших русских военнопленных призывали вступать в Красную армию «на борьбу с Колчаком и Деникиным». Кроме того, вернувшимся из плена предлагалось вступать в трудовые коммуны, общества по совместной обработке земли, чтобы спасти Советскую Республику от голода. В газетах печатались резолюции митингов в поддержку Советской власти. Авторы высказали убеждение, что бывшие русские военнопленные под влиянием большевистской пропаганды стали сторонниками Советской власти, потому что за весь период их возвращения в стране не было ни одного контрреволюционного выступления с их участием¹⁶⁸. Однако, заметим, что среди русских военнопленных было немало участников вооружённой борьбы с советской властью.

Ряд современных исследований посвящен проблеме возвращения русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию. Так, И.П. Щеров пишет о неуправляемом потоке русских военнопленных, самостоятельно вернувшихся в Советскую Россию с ноября 1918 по январь 1919 г., составившем 949502 человека, который привёл к сбоям в работе местных органов Центропленбежа, первыми принявших его на себя¹⁶⁹. Автором констатируется неудовлетворительное положение с регистрацией русских пленных на местах, а также довольно «неприглядная картина» организационно-хозяйственной деятельности местных органов Центропленбежа. При этом автор уверен, что это не отражалось на «значимости работы пленбежей»¹⁷⁰.

От себя добавим, что масса бывших русских военнопленных, возвращавшихся на родину в конце 1918 – начале 1919 г., исключительно негативно оценивала отсутствие своевременной реальной помощи со стороны пленбежей, не получавших для этого средств. По мнению автора, вернувшиеся русские военнопленные получали денежное довольствие за время плена «в размере 1500 рублей и более и т. д.»¹⁷¹. Заметим, что была установлена предельная сумма довольствия, равная 1,5 тыс. рублей, а размер довольствия каждому пленному рассчитывался индивидуально, и в большинстве случаев был гораздо ниже указанной суммы.

К проблеме возвращения русских пленных на родину обратился в одном из своих исследований А.В. Посадский¹⁷². Автор проанализировал материалы саратовского журнала «Пленный и беженец» за 1918 г., на страницах которого бывшие русские военнопленные высказали мнение о том, что встречавшие их советские работники часто вели работу неумело. Между тем, от заботы о военнопленных советского правительства зависело их отношение в Советской власти. На примере Саратовской губернии А.В. Посадский показывает полную неготовность местных органов Центропленбежа нормально встретить возвращающихся пленных в период их массового стихийного движения на родину. Автором приводится целый ряд примеров, иллюстрирующих тяжёлое положение русских пленных из-за отсутствия продовольствия и медицинской помощи в период их массового стихийного возвращения в Россию, говорится об активном участии в качестве одного из лидеров бывшего русского пленного в антибольшевистском крестьянском выступлении в Тамбовской губернии¹⁷³.

В.Л. Чернонёров, также освещая проблему возвращения русских военнопленных на родину в 1919–1921 гг., отмечает, что в начале февраля 1919 г. Антанта объявила о полном прекращении выезда военнопленных из германских лагерей и переходе заботы о них к специальной комиссии¹⁷⁴. Объяснили это решение необходимостью защитить бывших воинов союзной армии от голода и анархии, царивших в советской России, при этом речь шла приблизительно о 600 тыс. человек. Одновременно в лагерях активизировалась вербовочная деятельность эмисаров белого движения. Согласившихся служить у белых переводили на усиленное

питание¹⁷⁵. В статье отмечается, что к моменту подписания соглашения об обмене военнопленными в апреле 1920 г. в 35 германских лагерях оставалось, по разным данным, 200–260 тысяч русских военнопленных, чьё положение после решения Антанты с 1 апреля 1920 г. прекратить заботу о них значительно ухудшилось¹⁷⁶. Автор приводит данные о том, что в 1920 г., приступая к репатриации, германские власти потребовали освобождения в первую очередь лагерей, в которых военнопленные конфликтовали с немецкой охраной и местным населением или проживали в тяжёлых условиях, что обмен военнопленными происходил в Нарве и до конца лета из Германии было отправлено примерно 30 с лишним тысяч пленных¹⁷⁷. Автор считает, что в начале 1921 г. в Германии оставалось не более 27 тысяч военнопленных.

И.А. Жданова, анализируя процесс возвращения русских военнопленных в 1918–1919 гг., констатирует бедственное положение военнопленных, самостоятельно добравшихся в ноябре 1918 г. до Москвы¹⁷⁸. Автор приводит данные отчетов агитаторов, встречавших и сопровождавших возвращавшихся русских пленных, о впечатлениях и настроениях военнопленных, отношении к ним представителей Советской власти, а также публичное высказывание Н.И. Бухарина об озлоблении пленных против власти¹⁷⁹. Отмечается, что водворившиеся на места русские военнопленные в советской печати именовались «равными среди равных граждан», которым об иждивенческих настроениях следовало бы забыть. Автор считает, что благодаря агитационным и организационным усилиям большевиков озлобленность и контрреволюционность бывших русских пленных «не стала самостоятельной дестабилизирующей силой»¹⁸⁰.

Челябинский историк О.С. Нагорная, напротив, считает, что возвращавшиеся русские военнопленные, становясь объектами мобилизационных мероприятий разных правительств в России, прибегали к уходу от тотального контроля, встраиванию во властный дискурс, апелляции к образу жертв прежнего режима, скрытому сопротивлению и активному противодействию власти¹⁸¹. После окончания Гражданской войны часть бывших русских пленных солдат и офицеров не захотела оставаться в России и оказалась в эмиграции¹⁸². Массовое стихийное движение рус-

ских военнопленных, начавшееся в ноябре 1918 г., О.С. Нагорная характеризует его как бегство домой изголодавшихся людей, но не как стремление в Советскую Россию для продолжения дела, начатого рабочим классом. Автор даёт отрицательную оценку организации приёма и временного размещения бывших русских военнопленных. В Советской России ветераны и жертвы Первой мировой войны не стали первостепенным объектом социальных устремлений новой власти. Различие интересов и пропасть между центром и периферией обусловили провал политики социального обеспечения бывших военнопленных старой армии, в особенности инвалидов¹⁸³.

К проблеме численности военнопленных обращается в своих работах современный исследователь А.И. Степанов. Автор приводит численность русских военнопленных, которая, по официальным данным Четверного Союза, составила 2417 тыс. человек. Немцы пленили 1492404 русских солдат, австрийцы – 916 746, турки – 5398, болгары – 2452. За 1914–1917 гг. из плена в Россию вернулись 715 тысяч инвалидов, бежали 60 тысяч. За 1918–1921 гг. возвратились 1142 тысячи военнопленных, умерли в плену 190 тысяч, вернулись в Польшу и Прибалтийские государства – 215 тысяч, остались в Европе – 95 тысяч¹⁸⁴. Анализируя жертвы и потери Первой мировой войны, советские историки Н.М. Жданов и В.З. Волков приводят численность русских военнопленных на 1 февраля 1917 г. по данным держав Тройственного союза – 3 528 456 чел. и по данным Центрэвака – 4 143 066 чел.¹⁸⁵ С.Н. Васильева считает, что к концу войны было взято в плен примерно 3395 тыс. русских военнопленных, а после возвращения большей части военнопленных на родину из Германии и Австро-Венгрии в Германии оставалось около 600 тысяч военнопленных, лишённых всякой помощи и не имевших возможности самостоятельно вернуться на родину¹⁸⁶.

С середины 1990-х годов стала изучаться проблема возвращения военнослужащих Русского экспедиционного корпуса (РЭК) на Родину, которая в настоящее время нуждается в дальнейшей разработке. З.С. Бочарова в своей статье отмечает, что к 1920 г., по данным советской стороны, вернулись в Россию из Франции, 15 тысяч военнослужащих РЭК, оставалось в Алжире – 22 тыся-

чи¹⁸⁷. В статье отмечается, что в 1923 г., 19 июня, из Франции отправили на родину на пароходе «Брага» более 300 солдат РЭК, при этом, по данным советской стороны, во Франции осталось русских солдат в 6 раз больше, чем было отправлено на этом пароходе. Сведения о встрече возвратившихся военнослужащих РЭК З.С. Бочарова называет противоречивыми. Так, особоуполномоченный фильтрационной комиссии Бакулин в отчёте от 26 июля 1923 г. писал о торжественном приёме, тёплой встрече, быстрой отправке по домам. В отчёте же сопровождавшего транспорт из Франции Потёмкина указано на отсутствие спальных принадлежностей для прибывших, плохое питание, вообще «убогий» приёмно-распределительный аппарат, на недовольство всем этим прибывших. Последние требовали вернуть всех желающих обратно, выражали желание сообщить ещё остававшимся за границей о своих негативных впечатлениях о встрече на родине¹⁸⁸. Автор отмечает, что, когда в октябре 1924 г. между СССР и Францией были установлены дипломатические отношения, предполагалось, что из Франции должны вернуться ещё 10–20 тысяч солдат РЭК. Во Франции было объявлено о регистрации до 12 декабря 1925 г. лиц, желающих вернуться в СССР. К середине 1925 г. был положительно решён вопрос об отправке группы солдат РЭК за казённый счёт¹⁸⁹.

Из приведённого историографического обзора следует, что при изучении проблемы репатриации русских военнопленных современными исследователями уделяется внимание таким её аспектам, как численность; психологическое состояние и материальное положение возвращавшихся русских военнопленных, их отношение к новой власти; способы репатриации; усилия большевиков и антибольшевистских сил по привлечению на свою сторону бывших русских пленных. При этом количество возвратившихся из вражеского плена с 1914 по 1917 г. определяется на сегодняшний день в 775 тыс. чел., а за период с 1918 по 1921 г. включительно – в 1 млн 142 тыс. чел. (без Польши и Прибалтики). Общую численность русских военнопленных исследователи, на основе различных источников, определяют в диапазоне от 2,4 до 4,1 млн чел. Современные историки негативно оценивают организацию приёма русских военнопленных, возвращавшихся

в Советскую Россию в крайне бедственном состоянии особенно в конце 1918 – начале 1919 г., что становилось причиной их озлобления против власти.

Советские историки доказательством эффективности агитационно-пропагандистской работы большевиков и приверженности возвращавшихся русских военнопленных Советской власти считали отсутствие в стране за весь период возвращения на родину контрреволюционных выступлений с участием бывших пленных. На сегодняшний день историками приведены факты активного и скрытого сопротивления власти, к которому прибегали бывшие русские пленные наряду с остальным населением страны.

Представляется целесообразным дать оценку эффективности деятельности Центроплембежа и его преемников по проведению репатриации русских военнопленных, по привлечению их на добровольной основе в Красную армию. Необходимо также определить, носили ли объявленные меры государственной поддержки бывших русских военнопленных, являвшиеся, по мнению исследователей, явно недостаточными, изначально пропагандистский характер.

*
* *

С началом Первой мировой войны все подданные стран Четверного Союза, находившиеся на территории Российской империи, были объявлены «гражданскими пленными», а этнических немцев и лиц еврейской национальности из приграничных районов, имевших русское подданство, признали социально опасным элементом. Все эти граждане в установленном порядке принуждались к выселению из мест проживания, что способствовало пополнению армии вынужденных мигрантов военного времени. Эти категории населения находились за рамками исследований в советский период. Историография этой проблемы начала складываться с середины 1990-х гг. – времени повышения интереса отечественных исследователей к гуманитарным проблемам Первой мировой войны.

Проблемы, связанные с интернированием населения оккупированных в ходе военных действий Россией территорий, начал исследовать С.Г. Нелипович¹⁹⁰. Опираясь на материалы Главного

штаба и управлений местных бригад, автор определяет численность интернированных гражданских лиц-подданных Центральных держав в тыловых губерниях Российской империи в 1914–1917 гг., которая составила более 250 тысяч человек. По мнению автора, результатом интернирования стало нахождение в глубине империи массы обездоленных, лишенных всяких прав, имущества и крова людей. Автор отмечает, что согласно условиям Брест-Литовского мирного договора интернированные получили право вернуться на прежние места проживания или выехать на родину, но до аннулирования мирного договора в ноябре 1918 г. выехать из Советской России смогли не все, желавшие это сделать¹⁹¹. В статье «Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника» С.Г. Нелипович подсчитал, что до марта 1915 г. Восточную Пруссию вынужденно покинули 12 тысяч граждан и около 10 тысяч были интернированы в пределах зоны русской оккупации, а из Галиции и Буковины в 1916–1917 гг. в Россию было перемещено более 20 тысяч гражданского населения еврейской национальности. Кроме того, при отступлении из Восточной Галиции военными властями предпринимались попытки увести население призывного возраста «русского происхождения». Автор считает, что офицеры русской армии в подавляющем большинстве, не желая видеть врага в гражданском населении, делали для него всё возможное¹⁹².

С.Г. Нелипович освещает и проблему переселения из приграничных районов «русских немцев»¹⁹³. Автор отмечает, что немецкие колонисты в России в начале октября 1914 г. были приравнены к подданным враждебных государств, к 1914 г. они в количестве более 2,1 млн проживали на 12 млн десятин земли, из них в приграничных районах – до 1 млн человек¹⁹⁴. С точки зрения автора, кампания по выдворению русских подданных немецкого происхождения с театра военных действий выглядела вполне естественно, отчасти из-за большого числа уклонявшихся в довоенное время от призыва в русскую армию, из-за введения в Германии закона о двойном гражданстве. Автором прослеживается ход депортаций на протяжении всего военного периода. При этом отмечается, что они начались в 1914 г. в Прибалтийских губерниях, затем в Польше, а летом 1915 г. депортации проводи-

лись в рамках эвакуации населения из приграничных губерний в полосу Юго-Западного и Северо-Западного фронтов. От обязательного выселения в полосу Юго-Западного фронта освобождались благонадёжные матери, жёны и дети находившихся в действующей армии колонистов. Выселялись партиями за свой счёт в центральные и восточные губернии, по железной дороге разрешалось провозить до 20 фунтов багажа. В полосе Северо-Западного фронта массовое выселение колонистов началось 26 июня 1915 г. На добровольный выезд давалось 5 дней. В 1916 г. масштабы депортации заметно уменьшились. Летом 1916 г. 13 тысяч немцев-колонистов были выселены из освобождённых русской армией уездов Волынской губернии по приказу Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А.А. Брусилова¹⁹⁵. К маю 1917 г. наметилась тенденция к прекращению массовых депортаций, выселялись лишь шпионы, проститутки, торговцы спиртным¹⁹⁶.

А.Ю. Бахтурина, рассматривая проблемы окраин Российской империи в годы Первой мировой войны, отмечает, что тезисы о немецких колонистах — тайных агентах Германии, «мирных завоевателях» России, появились на страницах национально-патриотической прессы задолго до войны, но с началом войны появился новый аспект — отношение к земельной собственности колонистов, которую следовало передать русскому народу¹⁹⁷. С первых дней войны в Прибалтийских губерниях представители военной и гражданской администрации стали получать регулярные сообщения от населения о германских шпионах. По каждому письменному заявлению о действиях прибалтийских немцев в интересах противника устраивалась проверка. К концу осени 1914 г. ситуация в Прибалтике характеризовалась проведением Ставкой курса на борьбу с немцами, евреями, венграми, католическими священниками и др. в прифронтовых районах в целях защиты тыла русской армии от шпионажа и антиправительственных настроений. Из польских губерний с сентября 1914 г. стали высылать во внутренние губернии Российской империи подозреваемых в шпионаже. Эта мера была официально закреплена в секретном распоряжении Варшавского генерал-губернатора от 7 сентября 1914 г. В ноябре 1914 г. Главнокомандующий армиями

Северо-Западного фронта генерал Н.В. Рузский приказал выселить немцев-колонистов из Сувалкской губернии¹⁹⁸.

Процесс высылки во внутренние губернии вражеских подданных, немцев русского подданства и всех заподозренных в шпионаже отражён в работе белорусского историка В.Н. Черепицы¹⁹⁹.

Вопрос о том, насколько обоснованными были обвинения выселяемых представителей еврейского населения в шпионаже, рассматривает на основе материалов белорусского архива С.А. Пивоварчик²⁰⁰. Автором отмечается, что на 1 января 1914 г. в 11 ВО России контрразведывательными отделениями было зарегистрировано около 1,5 тысяч подозреваемых в шпионаже в пользу Германии и Австро-Венгрии, в т. ч. в Виленском и Варшавском ВО. В каждом контрразведывательном управлении существовали собственные критерии отбора подозреваемых, пристальное внимание обращалось на разъезжавших евреев-торговцев, ездивших группами и контактировавших с большим количеством лиц, отсюда и большое количество подозреваемых. Если в мирное время военная контрразведка была лишена возможности самостоятельно задерживать подозреваемых, то с началом войны, констатирует автор, ситуация изменилась, и губернии, примыкавшие к линии фронта, были объявлены «находившимися на театре военных действий», где вся власть переходила в руки военных. По мнению автора, административная высылка повсеместно стала самой распространенной формой борьбы со шпионажем. Главное управление Генерального штаба требовало от контрразведки высылки подозреваемых, не акцентируя внимание на доказательстве обоснованности подозрений. В первую очередь под превентивные меры военных попали немцы и евреи. Немцы подлежали тотальному выселению из Западных губерний в силу национальной принадлежности, а евреи — по причине выезда до войны в Германию, наличия родственников в пределах враждебных государств. «Точечные» высылки подозреваемых в шпионаже переросли в массовую высылку по формальным признакам, а обоснованные обвинения в пособничестве противнику сменились бездоказательными, что, по мнению автора, оправдывалось военной необходимостью. В мае 1915 г. был издан приказ о выселении евреев из приграничных Ковенской, части Гродненской и Сувалкской губерний. В августе 1915 г. массовые выселения евреев из рай-

онов боевых действий прекратились, но вышел приказ о заложниках, отвечавших жизнью за враждебные акты, совершаемые лицами еврейской национальности²⁰¹.

В ряде современных исследований отражена проблема высылки еврейского населения из приграничных территорий. Так, Г.З. Иоффе отмечает, что российские правящие круги имели основание подозревать евреев в сочувствии к противнику из-за антиправительственных и антироссийских настроений, на что и рассчитывали в Германии, что командующие фронтами и армиями, генерал-губернаторы и главноначальствующие были наделены правом принятия чрезвычайных мер, необходимых для успеха ведения войны. Точные данные о количестве еврейского населения, покинувшего родные места, отсутствуют²⁰².

О существовании в тогдашних высших эшелонах власти убеждения в том, что евреи – «пятая колонна» недругов России, пишет в своей работе Е.Ю. Сергеев²⁰³. Автор отмечает антисемитизм как один из типичных этнических стереотипов российских военных, приобретающий ими в семье, учебном заведении и на службе. Образ евреев в их представлениях ассоциировался с попытками Запада навязать ей чуждые социально-политические порядки и развалить вооруженные силы империи. Российская военная элита осуждала космополитизм евреев, их приверженность к иудаизму, критическое отношение к самодержавию, нежелание ассимилироваться в русскоязычной среде²⁰⁴.

Анализирует причины формирования негативного стереотипа русского командования по отношению к евреям и С. Гольдин²⁰⁵. По его мнению, антиеврейская политика военных властей формировалась как на основе антисемитских фобий и под влиянием военных обстоятельств, так и на базе стремления нейтрализовать «нелояльные элементы» населения. Недовольство евреями армейских начальников базировалось прежде всего на представлении об их якобы организационной неспособности быть лояльными гражданами-патриотами России. На этом фоне обвинения в недоброжелательности и нерасположении эволюционировали к обвинениям в саботаже и шпионаже так же, как политическая неблагонадёжность превращалась в подрывную деятельность.

Проблема депортации еврейских жителей вызывает интерес и у зарубежных авторов. Так, П. Холквист считает, что выселение

мирных еврейских жителей из приграничной полосы в качестве превентивной меры, практиковавшейся российскими властями, наблюдалось и в других странах. Так, ещё за несколько десятилетий до 1914 г. Германия проводила политику, направленную на изменение национального состава в некоторых районах Пруссского Королевства и с этой целью выселила десятки тысяч евреев и поляков как «нежелательных элементов»²⁰⁶. В другой своей работе П. Холквист отмечает, что действовавшие законы давали русским военным властям в тех областях, которые находились на военном положении, право депортировать «индивидов» в глубь империи²⁰⁷. Автор заметил, что к депортациям своих подданных в период Первой мировой войны прибегали и Австро-Венгрия, и Турция²⁰⁸. Эти меры нельзя оправдать одной лишь военной необходимостью, считает автор²⁰⁹.

Таким образом, в последние 15–20 лет в отечественной историографии начал формироваться комплекс работ, посвященных проблемам интернирования и депортации периода Первой мировой войны. Определено количество иностранных подданных, которые были интернированы из приграничных областей во внутренние губернии России, чего нельзя сказать об определении общего количества депортированных русских подданных немецкого происхождения и еврейского населения. Интернирование и депортацию историки считают мерой правомерной и обоснованной в условиях военного времени. При этом историками признаётся наличие антисемитских фобий у российского военного командования, обусловленных космополитизмом евреев, их нежеланием ассимилироваться в русскоязычной среде, критическим отношением к самодержавию. Исследователями отмечается тяжёлое материальное положение, в котором оказались интернированные иностранные подданные, лишённые всяких прав, пищи и крова.

*
* *

Переселению крестьян из Европейской России за Урал в ходе осуществления столыпинской аграрной реформы, проводимой с целью смягчения крестьянского малоземелья в местах выхода переселенцев, посвящено множество работ отечественных истори-

ков²¹⁰. Во время Первой мировой войны переселение коренного крестьянского населения в районы Сибири было запрещено, но уже во второй половине 1917 г. за Урал «на водворение» самостоятельно двинулись с семьями многие демобилизованные. К концу 1917 г. и в начале 1918 г. движение на зачисленные земли возросло, кроме того, в 1917 г. за Урал двинулись новые переселенцы, в т. ч. беженцы Первой мировой войны и эвакуированные из западных губерний России рабочие и служащие предприятий и учреждений с семьями.

Один из организаторов планомерного крестьянского переселения первых лет Советской власти В.П. Вошинин привёл в своей работе 1921 г. историю переселения в России, отмечая воздействие правительства на этот процесс в различные исторические периоды²¹¹. Автор охарактеризовал общие правила о переселении, существовавшие в России, указал ежегодное количество переселенцев в Российской империи и сделал вывод о разительных экономических результатах переселения до Первой мировой войны. В работе сформулированы причины возникновения стихийного переселения во второй половине 1917 г., говорится о переселенческом движении 1920–1921 гг. из поражённых неурожаем Центральных губерний, а также из губерний Поволжья 1921 г., «ещё более стихийном и болезненном».

В 1926 г. вышла книга В.П. Вошинина в соавторстве с И.Л. Ямзиным²¹². Характеризуя самостоятельное переселенческое движение, авторы отмечают, что оно берёт своё начало сразу после освобождения крестьян, его направление – это восток и юг России. В работе показано, что беженская волна 1917–1919 гг. дала 300–400 тысяч неустроенных земель в Сибири. В книге дана характеристика «Донского» переселения 1919 г., «голодных» переселений 1920–1921 гг. и 1921 г.²¹³

Организации переселенческой политики советского государства и её реализации посвящена работа Н.И. Платунова²¹⁴. В одной из глав исследования рассматривается история переселений 1920–30-х гг. В ней автор указал причины возобновившегося переселенческого движения населения из одних районов России в другие, в том числе за Урал с конца 1917 г., выделил особенности переселения конца 1917 – первой половины 1918 г. В работе от-

мечается, что с весны 1918 г. в стихийный переселенческий поток влилось население преимущественно западных и северо-западных губерний, ехавших за Урал за хлебом²¹⁵. Н.И. Платунов считает, что в 1921 г. из района Поволжья выселилось не менее 1 млн человек. По мнению автора, несмотря на запрещение стихийное переселение продолжалось до середины 1920-х гг.²¹⁶

Касаясь вопроса о переселении с начала Первой мировой войны, историки из Новосибирска В.М. Рышков и В.А. Ильиных отмечают, что после октября 1917 г. в Сибирь двинулся стихийный поток аграрных переселенцев, бежавших от политической нестабильности в местах прежнего проживания. По оценке соавторов, в 1918 г. в регион проследовало 183,7 тыс. только зарегистрировавшихся переселенцев, многие из которых, в том числе и беженцы Первой мировой войны, пополняли массу сельскохозяйственных рабочих. Историки приводят данные Всесоюзной демографической переписи 1926 г., согласно которой 650 тыс. человек прибыли в 1920–1924 гг. и остались на территории Сибирского края²¹⁷.

Вопрос об отражении в историографии различных проблем переселенческой политики Советского государства в 1920–30-е гг. рассмотрела И.В. Волошинова. Она пришла к выводу о слабоизученности вопросов переселенческой политики Советского государства в 1920–30-е гг., что не соответствует их исторической и политической значимости²¹⁸.

Подводя итог историографии крестьянских переселений, следует сказать, что, несмотря на то, что активными участниками самостоятельного переселенческого движения на восток страны в период 1917 – первой половины 1920-х гг. стали и беженцы Первой мировой войны из голодающих российских регионов, этот вопрос до сих пор не нашёл отражения в исторических исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Керстен Я. Литовские беженцы в Туле. – Тула, 1917; Кустов Н.И. Краткие очерки о деятельности национальных и благотворительных организаций, оказывавших помощь беженцам в г. Москве. – М., 1917; Брауде Х. Еврейское население г. Воронежа: Данные переписи 1917 года. – М., 1918.

² Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. – М., 1926; Урланис Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября // Ученые записки ВЗЭИ. 1957. Вып. 2; Дробин-жев В.З. Естественное движение населения Советской России в 1917–1920 гг. // Великий Октябрь: История, историография, источниковедение. – М., 1978; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. С.Г. Струмилина. – М.–Л., 1930; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М., 1986.

³ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. С.Г. Струмилина. – М.–Л., 1930. С. 72.

⁴ См., например: Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. – М., 1991; Кабузан В.М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1917–1989 гг.). – СПб., 1996; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М., 1986; *Его же*. Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. – М., 2009.

⁵ Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. – М., 1991. С. 92–93.

⁶ Кабузан В.М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1917–1989 гг.). – СПб., 1996. С. 230.

⁷ Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы... С. 93.

⁸ Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. – М., 2009. С. 62.

⁹ Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М., 1986. С. 86; *Его же*. Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. – М., 2009. С. 50–62.

¹⁰ Поляков Ю.А. Историческая наука... С. 62.

¹¹ Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории (далее – ВИ). 1999. № 8.

¹² Морозов С.Д. Население Центральной России в 1897–1917 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2002.

¹³ Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. – М., 1938; Вержховский Д.В. Первая мировая война 1914–1918 гг. – М., 1954; История первой мировой войны 1914–1918 / под ред. И.И. Ростунова. – М., 1975; Первая мировая война / под ред. А.Л. Сидорова. – М., 1968; Исторический опыт трёх российских революций. – М., 1985 и др.

¹⁴ См.: Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914–февраль 1917 г. / под ред. Г.А. Бордюгова (Серия «АИРО – Первая монография»). – М., 2011. С. 11.

¹⁵ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. – М., 1962. С. 106–107.

¹⁶ Там же. С. 201, 354.

¹⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд-е. – М., 1968. С. 302.

¹⁸ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России, 1914–октябрь 1917 г.). – Л., 1985. С. 51, 56.

¹⁹ Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // ВИ. 1999. № 8; *Его же*. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. – Курск, 1997. С. 33–64.

²⁰ Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 1. – Саратов, 1997. С. 139–150; *Их же*. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1999.

²¹ Gatrell P. Refugees in the Russian Empire, 1914–1917 // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. – London–Sydney–Auckland, 1997; Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. – Bloomington, Indiana, 1999; Гетрелл П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). – СПб., 1999. С. 112–125; *Его же*. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 46–72.

²² Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России... С. 139.

²³ Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1999.

²⁴ Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России... С. 143–144.

²⁵ Там же.

²⁶ Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России (1914–1917) // ВИ. 1999. № 8. С. 98.

²⁷ *Его же*. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии... С. 33–64.

²⁸ *Его же*. Научная концепция истории миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедр истории России: Сборник научных статей. Вып. 1. – Курск, 2004. С. 45.

²⁹ *Его же*. Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культура городов Российской империи на рубеже XIX – XX вв. – СПб., 2004. С. 326, 327.

³⁰ Гетрелл П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). – СПб., 1999. С. 112–125.

³¹ *Его же.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122).

³² *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003; *Лапановіч С.Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі ў Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914–кастрычнік 1917 г.). – Мінск, 2010; *Скалабан В.В.* Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. – М., 2006; *Он же.* «... В это суровое и важное время» // Неман. 1981. № 12; *Карнялюк В.Р.* Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. – Мінск, 2001; *Саматус В.* Проблема беженцев в Белоруссии в годы Первой мировой войны: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlr.ru:8101/exib/war1/p39.htm> (дата обращения: 12.09.13).

³³ См.: *Утгоф В.С.* Белорусские беженцы Первой мировой войны...

³⁴ *Лапановіч С.Ф.* Указ. соч.; По поводу названия монографии С.Ф. Лапановича «Деятельность государственных и негосударственных организаций по оказанию помощи беженцам в Беларуси в годы Первой мировой войны, 1914 – октябрь 1917 гг.» можно заметить, что национально-территориального образования «Беларусь» в указанный хронологический период не существовало.

³⁵ *Каспяравичус А.* Первая мировая война: литовское общество и его историческая память // Текст выступления на международной научно-практической конференции «Первая мировая война в истории и культуре Европы и России», Калининград, 25–27 октября 2013 г., любезно предоставленный А. Каспяравичусом автору настоящей работы.

³⁶ *Westerhoff C.* German Labor and Occupation Policy in the western parts of the Russian Empire during the First World War // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folder/view?id=0B_tVsi1STizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

³⁷ *Бартеле Т., Шалда В.* Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история (далее – ОИ). 2000. № 1. С. 18–31.

³⁸ *Туманова А.С.* Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Под ред. О.В. Будницкого (отв. редактор), О.В. Беловой, В.Е. Кельнера, В.В. Мочаловой. – М., 2005. С. 124–142; *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // ВИ. 2001. № 9; *Пивоварчик С.А.* Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического

архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. – М., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.august-1914.ru/pivovarchik.html> (дата обращения: 20.10.2013).

³⁹ *Златина М.А.* Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010.

⁴⁰ По мнению О.В. Будницкого, число еврейских беженцев и высленцев составило, по разным оценкам, от 500 тысяч до 1 млн человек // *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). – М., 2005. С. 98.

⁴¹ По данным О.В. Будницкого, с 1 июля 1914 по 1 июля 1917 гг. еврейские беженцы получили помощь в размере чуть более 31 млн рублей, из них более 17 млн – от российского правительства // *Будницкий О.В.* Указ. соч. С. 99.

⁴² *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // ВИ. 2001. № 9. С. 85–97. См. также: *Пивоварчик С.А.* Указ. соч. С. 71–83; *Гольдин С.* Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причина формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. – М., 2005. С. 29–46.

⁴³ *Жванко Л.М.* Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.) – Рукопис. Автореферат на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. – Харків, 2013. С. 17.

⁴⁴ *Её же.* Женщина-беженка Первой мировой войны: штрихи к психологическому портрету (на примере украинских губерний). 1915–1917 // Доклад, прочитанный на Международном colloquium «маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX века», Санкт-Петербург, 17–20 июня, 2013 г.

⁴⁵ *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. – М., 2011; *Букалова С.В.* Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дисс. ... канд. ист. наук. – Орёл, 2005; *Ерёмин И.А.* Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918): дисс. ... докт. ист. наук. – Барнаул, 2006; *Максимов Е.К., Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: Учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». – Саратов, 2007; *Рязанский И.В.* Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 г.: дисс. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2006; *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Омск, 2002; *Шнишкина С.Ю.* Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917). – Тюмень, 2006; и др.

⁴⁶ *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 1999; *Её же.* Резвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). – Курск, 2001.

⁴⁷ *Её же.* Резвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). – Курск, 2001. С. 154–155.

⁴⁸ *Щеров И.П.* Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1998; *Его же.* Смоленский пленбеж: создание и деятельность. – Смоленск, 2000; *Его же.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. – Смоленск, 2000; *Его же.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. – Смоленск, 2000.

⁴⁹ *Его же.* Военная миграция в России в 1914–1922 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2001.

⁵⁰ Там же. С. 24.

⁵¹ Там же. С. 29.

⁵² *Засыпкин М.А.* Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев (1918–1923 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.

⁵³ Декреты Советской власти. – М., 1959. Т. 2. С. 462–463.

⁵⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

⁵⁵ См.: *Силина И.Г., Щетинина А.С.* Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. – Барнаул, 2005. С. 139.

⁵⁶ Декреты Советской власти. – М., 1973. Т. 6. С. 122–123.

⁵⁷ Декреты Советской власти. – М., 1964. Т. 3. С. 103.

⁵⁸ *Бартеле Т., Шалда В.* Указ. соч.

⁵⁹ Там же. С. 26.

⁶⁰ Там же. С. 28–29.

⁶¹ *Утгоф В.С.* Указ. соч.

⁶² *Жванко Л.М.* Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.) – Рукопис. Автореферат на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. – Харків, 2013. С. 25.

⁶³ *Жванко Л.М.* Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.): монографія. – Харків, 2012. С. 435.

⁶⁴ *Белова И.Б.* Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Часть. 1. С. 32–37; *Силина И.Г., Щетинина А.С.* Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. – Барнаул, 2005. С. 138.

⁶⁵ *Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А.* Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографии // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. № 3 (20).

⁶⁶ См.: Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. *Г.Д. Шкундин*. – М., 2002. С. 371.

⁶⁷ *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. *Г.Д. Шкундин*. – М., 2002. С. 629.

⁶⁸ *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Часть I, II и III. – М., 1920.

⁶⁹ См., например: *Весенин Е., Светлов А.* Миллионы друзей. – М., 1940; *Голуб П.* Братство, скрепленное кровью. – М., 1958; *Комарова Ф.А.* Интернационалисты зарубежных стран в борьбе за власть Советов в России. – М., 1958; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов. – М., 1960; *Интернационалисты в боях за власть Советов*. – М., 1965; *Анапьев В.И.* В борьбе рожденное братство. Челябинск, 1966; *Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов*. – М., 1967; *Краснов В.Г.* Интернационалисты на фронтах гражданской войны. – М., 1989; Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. – М., 1970; *Яковлев Л.И.* Интернациональная солидарность трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. 1917–1922. – М., 1964; *Данилов В.А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. – Свердловск, 1972; *Vofke H.* Über die Teilnahme deutscher Arbeiter und Soldaten an der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution und am Bürgerkrieg in Sowjetrußland 1918–1920 // BZG, 1959. Nr. 4; *Kulinytsch I., Koschyk M.* Die deutsche Spartakusgruppe in der Ukraine 1918–1919. – Berlin, 1961; *Dix R.* Deutsche Internationalisten in der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. Über die Teilnahme deutscher Arbeiter und Bauern an der Errichtung und Verteidigung der Sowjetmacht in den Jahren 1917–1920. – Berlin, 1967; *Dix R., Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten im Kampf für die Sowjetmacht 1917–1920 // Die Großen Sozialistischen Oktoberrevolution und Deutschland. Bd. 2. – Berlin, 1967; *Spiru B.* Zur deutsch-sowjetischen Kampfgemeinschaft und Waffenbrüderschaft in Rußland in der Periode der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution (1917–1920) im Lichte der sowjetischen Geschichtswissenschaft // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volks demokratischen Länder Europas. Bd. 11. – Berlin, 1967; *Stenzel E.* Deutsche Internationalisten der sowjetischen Westfront 1919 // BZG, 1967. Nr. 5; *Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917–1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. – Berlin, 1979; и др.

⁷⁰ *Striegnitz Sonja.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917–1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. – Berlin, 1979. (*Штригниц С.* Немецкие интернационалисты в Советской России с 1917 по 1918.

Пролетарская солидарность в борьбе за Советскую власть. – Берлин, 1979. Перевод М.В. Новиковой).

⁷¹ Там же. С. 229–231.

⁷² *Муратов И.* Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918–1922 годах (Обзор литературы) // Военно-исторический журнал (далее – ВИЖ). 1960. № 5. С. 95–102.

⁷³ *Суржикова Н.В.* Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии. [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на Востоке России». – Пенза, 2008. URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/n-v-surzjikova-voennoplennye-internatsionalisty-i-grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii-v-zerkale-sovetskoj-istoriografii.html> (дата обращения: 20.10.2013).

⁷⁴ *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. – М., 1962.

⁷⁵ Там же. С. 95.

⁷⁶ Там же. С. 95, 103–104, 194–195.

⁷⁷ *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Часть I, II и III. – М., 1920. С. 281.

⁷⁸ *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. С.Г. Струмилина. – М.–Л., 1930. С. 75–76.

⁷⁹ Там же. С. 76–77.

⁸⁰ *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3. С. 54; В статье также имеются данные о количестве лагерей военнопленных (410), военно-промышленных предприятий, на которых использовался труд военнопленных (1357), казенных мастерских в Европейской России и Сибири с Туркестаном (112 и 59 соответственно).

⁸¹ *Попов Н.А.* Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // ВИ. 1963. № 2. С. 76–87.

⁸² Там же. С. 77.

⁸³ Интернационалисты. – М., 1967.

⁸⁴ *Поляков Ю.А.* Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. – М., 2009. С. 86.

⁸⁵ *Степанов А.И.* Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века, в 4 книгах, кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. редактор Г.Д. Шкундин. – М., 2002. С. 630.

⁸⁶ *Познахирев В.В.* Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Отечественные архивы. 2013. № 2. С. 54–62.

⁸⁷ Там же. С. 58, 59.

⁸⁸ *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию

военнопленных Центральных держав в 1918–1920 гг. Депонированная рукопись. – Куйбышев, 1982.

⁸⁹ Там же. С. 16.

⁹⁰ *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных...

⁹¹ Там же. С. 60.

⁹² *Муллоков М.А., Тагиров И.Р.* Мулланур Вахитов. Жизнь и деятельность пламенного революционера-ленинца. – Казань, 1985.

⁹³ *Попов Н.А.* Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // ВИ. 1963. № 2. С. 76–87.

⁹⁴ Там же. С. 87.

⁹⁵ *Веселов М.В.* Военно-политическая деятельность И.С. Уншлихта (1918–1930 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1991.

⁹⁶ Там же. С. 17.

⁹⁷ См.: *Белова И.Б.* Долгая дорога домой // ВИЖ. 2013. № 1. С. 68–71.

⁹⁸ *Щеров И.П.* Военная миграция в России в 1914–1922: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2001.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 19.

¹⁰² *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по возвращению военнопленных русской армии в 1918–1920 гг. – Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись; *Их же.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию военнопленных Центральных держав в 1918–1920 гг. Депонированная рукопись. – Куйбышев, 1982; *Их же.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.). – Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись.

¹⁰³ *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны (автореф. канд. дисс.). – М., 1998; *Её же.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. – М., 1999.

¹⁰⁴ *Её же.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. С. 86.

¹⁰⁵ Там же. С. 96.

¹⁰⁶ Например: *Солнцева С.А.* Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) // ВИ. 2000. № 4–5.

¹⁰⁷ Там же. С. 101–102.

¹⁰⁸ *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // ВИ. 2002. № 1.

¹⁰⁹ Там же. С. 146.

¹¹⁰ *Базанов С.Н.* Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды института Российской истории. Вып. 11. – М., 2013.

С. 171–184; *Его же*. Формирование добровольческих национальных частей в русской армии в годы Первой мировой войны // Патриотизм – духовный стержень народов России. – М., 2006. С. 79–86; *Его же*. Создание воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. – СПб., 2012. С. 103–112; *Его же*. Из истории создания воинских формирований для русской армии из военнопленных-славян в Первой мировой войне // Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки». – М., 2013. С. 40–48.

¹¹¹ *Его же*. Создание воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны... С. 110–111.

¹¹² *Беллеца С.А.* Выбирая свою нацию: национальная и политическая идентичность итальянских военнопленных в России (1914–1921 гг.) // Доклад на международной конференции «Россия в Первой мировой войне» 3–5 июня, 2014 г., ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsilSTizIRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014)

¹¹³ *Свольшак П.* Словенские военнопленные во время Первой мировой войны // Последняя война Российской Империи. – М., 2006. С. 242–244.

¹¹⁴ *Низматов В.В.* Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии. – Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень, Вып. 2. – Воронеж, 2004. С. 100–108.

¹¹⁵ *Курцев А.Н.* Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. На примере Центрально-Чернозёмного региона. – Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). Т. 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=21> (дата обращения: 12.12.2013).

¹¹⁶ *Цветков В.Ж.* Мятёж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55–61.

¹¹⁷ *Гергилёва А.И.* «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // ВИЖ. 2013. № 2. С. 54–60.

¹¹⁸ *Иконникова Т.Я.* Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. – Хабаровск, 1999; *Безруков Д.А.* Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии. 1914–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2001; *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. – Владивосток, 2004; *Талатин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль

1914 – май 1918): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005; *Гергилёва А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2006; *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). – М., 2014; и др.

¹¹⁹ *Крючков И.В.* Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. – Ставрополь, 2006.

¹²⁰ *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). – Хабаровск, 2004.

¹²¹ Там же. С. 21–22.

¹²² Там же. С. 19.

¹²³ Там же. С. 54.

¹²⁴ Тема побегов немецких и австро-венгерских военнопленных на родину через страны Скандинавии освещаются в статье И.Н. Новиковой (*Новикова И.Н.* «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 55–58). Автор называет основной причиной побегов ухудшение продовольственного снабжения.

¹²⁵ Там же. С. 161.

¹²⁶ Там же. С. 144.

¹²⁷ Там же. С. 166.

¹²⁸ *Бондаренко Е.Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. – Владивосток, 2004.

¹²⁹ *Люкшин Д.* Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта // Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обоим властью. Русские и немцы в Первой и второй мировой войнах; под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фальперт. – М., 2010. С. 723–740.

¹³⁰ Там же. С. 729, 732, 736, 737.

¹³¹ *Низматов В.В.* Указ. соч. С. 100–108.

¹³² *Kokebayeva G.K.* Central powers prisoners of war in Russia and their repatriation // European science and technology. October 30th–31st. 2012. Vol. II. P. 35–42.

¹³³ *Калякина А.В.* Подданные стран-участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2013.

¹³⁴ *Идрисова Э.О.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2008.

¹³⁵ *Талатин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – март 1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005.

¹³⁶ Там же. С. 16–17.

¹³⁷ Там же. С. 24.

- ¹³⁸ Там же. С. 18.
- ¹³⁹ Там же. С. 22–23.
- ¹⁴⁰ Безруков Д.А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Великий Новгород, 2001. С. 18.
- ¹⁴¹ Ватлин А.Ю. Рец. на книгу: Лейдунгер Х., Мориц В. Плен, революция, возвращение домой. Значение проблемы военнопленных для истории коммунизма в Центральной и Восточной Европе в 1917–1920 гг. – Вена, 2003 (Leideinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. – Böhlau Verlag: Wien u.a., 2003. 754 S.) // ОИ. 2005. № 4. С. 183–184.
- ¹⁴² Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Rußland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / Herausgegeben von Jochen Oltmer. – Paderborn, 2006. S. 329–266.
- ¹⁴³ Там же. С. 241.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 245.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 249.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 252–253.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 254–255, 265.
- ¹⁴⁸ Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // Quaestio Rossica. 2014. № 1. С. 142–156.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 152.
- ¹⁵⁰ Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. – Красноярск, 2007.
- ¹⁵¹ Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. – Красноярск, 2007. С. 99–101.
- ¹⁵² Поликарпов В.В. Военнопленные в лагерях под Ижевском 1915–1916 гг. // ВИ. 2007. № 2. С. 94–105; Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235.
- ¹⁵³ Журбина Н.Е. Указ соч. С. 233.
- ¹⁵⁴ Павлова И.П., Иванова Т.В. «Это люди, как и мы...»: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны – взаимное восприятие // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Т. I. С. 141–144.
- ¹⁵⁵ Безруков Д.А. Указ соч. С. 13.
- ¹⁵⁶ Остроухов А.И. Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: автореф. дисс. ... канд. наук. – М., 2011.
- ¹⁵⁷ Васильева С.Н. Военнопленные...: автореф. дисс. ... канд. наук. – М., 1998. С. 22–23.

- ¹⁵⁸ Гергилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. – Красноярск, 2007. С. 99–101.
- ¹⁵⁹ В плену: О помощи находящимся в плену русским солдатам / Сост. В.П. Обвинский. – М., 1916; Тарасевич А.В. Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. – М., 1917; Шамурин Ю. Два года в германском плену. – М., 1917; Шуберская Е.М. Дневник командировки в Германию для осмотра русских военнопленных в июле-октябре 1916 г. – Пг., 1917; Садыкер П.А., Фанштейн А.С. Положение русских военнопленных в Австро-Венгрии и меры к улучшению его. – Астрахань, 1918 и др.
- ¹⁶⁰ Кирилл Ю. Под сапогом Вильгельма: (Из записок рядового военнопленного № 4925). 1914–1918. – М.–Л., 1925; Дмитриев В. Доброволец: (Воспоминания о войне и плене). – М.–Л., 1929; Левин К.Я. Записки из плена. – М., 1930 и др.
- ¹⁶¹ Жадов Н.М. Указ соч.
- ¹⁶² Там же. С. 10, 63, 72, 122.
- ¹⁶³ Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. – Казань, 1971.
- ¹⁶⁴ Ульянов И.И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. См. подробнее о ней в параграфе 1.2 «Характеристика источников исследования».
- ¹⁶⁵ Там же. С. 192.
- ¹⁶⁶ Печенева Э.П., Лившиц С.В. Деятельность органов Центральной комиссии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.): депонированная рукопись. – Куйбышев, 1982.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 6.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 14.
- ¹⁶⁹ Щеров И.П. Военная миграция в России 1914–1922 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2001. С. 22.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 23.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Посадский А.В. Пленные после плена: к истории русских военнопленных Великой войны в 1918–1920 гг. // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. – Саратов, 2006. С. 183–188.
- ¹⁷³ Там же. С. 184.
- ¹⁷⁴ Чернопёров В.Л. Деятельность советского дипломата В.Л. Коппа по возвращению на родину российских военнопленных (1919–1921 гг.) // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. – Саратов, 2006. С. 188–198.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 190.

- ¹⁷⁶ Там же. С. 193–194.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 195–196.
- ¹⁷⁸ Жданова И.А. Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах // Российская история. 2011. № 4. С. 63–72.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 66, 68.
- ¹⁸⁰ Там же. С. 70.
- ¹⁸¹ Нагорная О.С. Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М., 2010. С. 335, 385.
- ¹⁸² Там же. С. 392.
- ¹⁸³ Там же. С. 392.
- ¹⁸⁴ Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: В 4 кн. – М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкудин. С. 629–630.
- ¹⁸⁵ Жданов Н.М. Указ. соч.; Волков Е.З. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁸⁶ Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1998; *Её же*. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие к спецкурсу. – М., 1999.
- ¹⁸⁷ Бочарова З.С. Возвращение на родину в 1920-е годы солдат русского экспедиционного корпуса // ВИЖ. 2009. № 9. С. 51–58.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 55–56.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 57.
- ¹⁹⁰ Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «Центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 32–42.
- ¹⁹¹ Там же. С. 41.
- ¹⁹² Нелипович С.Г. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2000. № 2. С. 69.
- ¹⁹³ *Его же*. Генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России 1914–1918 гг. // ВИЖ. 1997. № 1. С. 42–53.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 42.
- ¹⁹⁵ Там же. С. 51.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 47–52.
- ¹⁹⁷ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – М., 2004. С. 101.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 48, 89–90; 94–95.
- ¹⁹⁹ Черетица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. – Гродно, 2006. С. 29–30.

- ²⁰⁰ Пивоварчик С.А. Трагедия Первой мировой войны: «еврей-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. – М., 2005. С. 71–83.
- ²⁰¹ Там же. С. 72–74, 78–81.
- ²⁰² Поффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.
- ²⁰³ Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России 1900–1914 гг. – М., 2001.
- ²⁰⁴ Там же. С. 83, 194.
- ²⁰⁵ Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причина формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. – М., 2005. С. 29–46.
- ²⁰⁶ Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума). – СПб., 1999. С. 83–101.
- ²⁰⁷ *Его же*. Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М., 2011. С. 155.
- ²⁰⁸ Там же. С. 158.
- ²⁰⁹ Там же. С. 156.
- ²¹⁰ Тюкавкин В.Г. Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь в 1906–1910 гг. // Учёные записки Иркутского Госпединститута. Вып. XVI. 1958; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М., 2001; Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962; Горюхица Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск, 1976; Ноздрин Г.А. Материалы обследований переселенцев и переписи населения в Сибири в дооктябрьский период // Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1988; Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991; Островский И.В. Аграрная политика в Сибири периода империализма. – Новосибирск, 1991; Анфимов А.М. Новые собственники (из истории Столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. – М., 1996; Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // РИ. 2011. № 1 и мн. др. Начиная с 1990-х гг. произошла трансформация оценок Столыпинской аграрной реформы от резко негативной до позитивно-одобрительной.
- ²¹¹ Воицкий В.П. О земле. Сборник статей о прошлом и будущем землепользования. Вып. I. – М., 1921.

²¹² Ямзин И.Л., Воишин В.П. Учение о колонизации и переселениях. — М.—Л., 1926.

²¹³ Там же. С. 29–30, 72–74.

²¹⁴ Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). – Томск, 1976.

²¹⁵ Там же. С. 36–39.

²¹⁶ Там же. С. 44–48.

²¹⁷ Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство в Сибири в 1914–1924 гг. – Новосибирск, 2013. С. 181–182.

²¹⁸ Волошинова И.В. Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2002. С. 22.

Глава II

ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1914–1917 гг.

В военный период многократно возрастают миграционные процессы, которые наряду с другими факторами ведут к дестабилизации политической обстановки в стране. Перед властью в таких условиях неизбежно возникает проблема сохранения политической и социально-экономической стабильности внутри страны путём минимизации негативного влияния этих процессов.

2.1. Беженцы из Западных губерний: эвакуация и расселение

Россия оказалась тогда в тяжелых экономических обстоятельствах, однако эвакуация была доведена до конца. Ясно, что большинство беженцев не добрались бы до тыловых районов России, даже до Европейской её части, собственным транспортом.

Из воспоминаний беженца Антона Козловского «Брали нас нарасхват» (Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 103).

Миграционные процессы возникли с самого начала войны. Помощь населению, пострадавшему от войны, взял на себя учрежденный 14 сентября 1914 г. Комитет для оказания временной по-

мощи пострадавшим от военных бедствий под председательством Великой княжны Татьяны Николаевны (Татьянинский комитет)¹. Комитет осуществлял деятельность в основном на государственные средства, а также на пожертвования через свои губернские, городские и уездные отделения при непосредственном участии местных властей. До принятия закона от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев»² Татьянинский комитет являлся центральной организацией в Российской империи по защите беженцев.

Массовое движение миллионов беженцев из западных губерний России возникло с лета 1915 г. До конца 1915 г., например, через Могилёвскую губернию в районе города Рогачёва как одну из важнейших артерий беженского движения, с запада на восток проследовало около 700 тысяч беженцев, двигавшихся гужевым способом³. С июля 1915 г. к эвакуации беженцев из районов, подведомственных администрации действующей армии, и устройству их на новых местах приступили организации «Северопомощь» и «Югобеженец» под общим руководством главноуполномоченных Северо-Западного и Юго-Западного фронтов⁴. С сентября до конца 1915 г. осуществлялась массовая перевозка беженцев маршrutными поездами во внутренние губернии, для чего в течение двух месяцев наиболее интенсивного движения потребовалось 115 тысяч вагонов⁵.

В Центральных губерниях Европейской России, в направлении которых шёл беженский поток, отделения Татьянинского комитета открывались с началом массового движения беженцев. Через Татьянинский комитет, а также Всероссийские Земский Союз и Союз Городов (ВЗС и ВСГ) государство осуществляло финансирование мероприятий, связанных с массовым передвижением беженцев во внутренние губернии, кроме этого комитеты собирали на эти цели пожертвования. Например, калужский городской и 11 уездных отделений Татьянинского комитета образовались в июле 1915 г. Тогда же в июле первая крупная партия следовавших вглубь России беженцев, состоявшая из 600 человек, прибыла на станцию «Калуга» Сызрано-Вяземской железной дороги. Усилиями Татьянинского комитета им и другим проезжавшим оказывались продовольственная и врачебная помощь,

для чего были открыты врачебно-продовольственные пункты не только в Калуге, но и на других железнодорожных станциях губернии (в Мятлеве, Спас-Деменске, Сухиничах, Чипляеве). На станции «Калуга», через которую следовали десятки тысяч беженцев, Губернским отделением Комитета было открыто Бюро, занимавшееся оформлением проездных документов, организовано строительство четырёх барakov с кухней на 450 человек для транзитных пассажиров. Беженцы получали 1 раз в день кашу с маслом, по 2 фунта чёрного хлеба, чай и сахар. Пользоваться кипятком можно было с 7 до 22 часов. Больные получали белый хлеб, дети – молоко. Каждый поезд осматривался медицинским персоналом. Тяжёлые больные помещались в губернскую и железнодорожную больницы, при необходимости – в барак для инфекционных больных. Например, общее количество выявленных больных на 1 января 1916 г. составило более 9,5 тысяч человек, в том числе более 100 холерных и один сыпнотифозный больной, успевший заразить более десятка человек.

В августе 1915 г. беженский поток значительно возрос, а в сентябре достиг максимальной интенсивности. Так, если на питательном пункте при железнодорожной станции «Сухиничи» в июле 1915 г. продовольствие получили 370 проезжавших беженцев, то в августе – 33 570, а в сентябре – 93 тыс. чел. (горячий обед, хлеб, чай, сахар). В барак для инфекционных больных было отправлено 379 заболевших, в том числе тифом и холерой⁶. На железнодорожной станции «Чипляево» кухня отпускала сразу по 1 500 обедов 2–3 раза в день (картофельный суп или борщ на мясном бульоне). Хлеб, который пекли в соседних деревнях, отпускался по одному фунту чёрного и по 0,5 фунта белого. Выдавался чай с сахаром и сено для скота. Ежедневно при медицинских осмотрах выявлялось до 10–15 инфекционных больных, которых на санитарном транспорте отправляли на соседнюю железнодорожную станцию «Спас-Деменск» в специальные баракы⁷.

Аналогичная работа по созданию врачебно-питательных пунктов и оказанию на их базе помощи беженцам, следовавшим к местам своего временного пребывания, проводилась во всех губерниях Европейской России, через которые осуществлялось массовое переселенческое движение. Так, в Воронежской губер-

нии осенью 1915 г. усилиями ВЗС и Губернской земской управы (ГЗУ) при железнодорожных станциях было открыто 11 врачебно-питательных пунктов с помещениями для заболевших в пути⁸. На питательном пункте при железнодорожной станции «Курск-Ямская», открытом 11 июля 1915 г., за месяц было выдано 30 тысяч обедов транзитным беженцам⁹.

Беженцы из Западных губерний следовали и гужевым способом по Московско-Варшавскому шоссе. От Рославльского уезда Смоленской губернии до границы Московской губернии для них на средства Татьянинского комитета построили бараки с кухнями и склады для фуража, организовали и врачебно-продовольственную помощь. Так, на почтовой станции «Крапивна» было построено 3 барака, утеплённых войлоком и опилками, с печами и двухъярусными нарами. На следующей почтовой станции на территории Калужской губернии «Михайловский хутор» имелось два барака, на почтовой станции «Александровский хутор», железнодорожных станциях «Спас-Деменск» и «Чипляево» – по 3 барака. На почтовых станциях «Калугово», «Людково», «Барсуки», «Крюково» – по одному барaku, с русской печью для выпечки хлеба в Крюкове. На железнодорожной станции «Мятлево» имелось 2 тёплых и 2 холодных барака, на железнодорожной станции «Малоярославец» – один барак. Заразные бараки находились в Спас-Деменске, Сухиничах, Жерелёве¹⁰. Первую партию беженцев в количестве около 250 чел., появившуюся на территории Калужской губернии, на почтовой станции «Крапивна» Московско-Варшавского шоссе 16 августа 1915 г., встречал председатель калужской Губернской земской управы Д.Н. Челищев. Они были накормлены «приношением сельчан». Беженцы прибыли на своих подводах с имуществом и домашним скотом. Далее их путь лежал на железнодорожную станцию «Чипляево», где им предстояла погрузка в вагоны, кроме жителей Гродненской губернии, которые подлежали расселению в Калужской губернии. Последняя партия беженцев (500 чел.) была доставлена в Крапивну на автомобилях «Северопомощи» и 15 декабря 1915 г. перевезена на железнодорожную станцию для отправки в пункт назначения.

Для беженцев, направлявшихся в Брянск по железной дороге, а также по шоссе от Смоленска и Гомеля на лошадях, на желез-

нодорожных и почтовых станциях по пути следования были организованы врачебно-питательные пункты государственной организацией «Северопомощь»¹¹, Земским и Городским Союдами. В сентябре 1915 г. движение беженцев отличалось наибольшей интенсивностью. Наплыв беженцев на Брянский уезд, описал земский врач третьего участка в своем сообщении уездному исправнику: «22 сентября, около 11 час. утра толпа беженцев под руководством священника <...>, состоявшая из 700 чел., насильно отстранив стражника 4 стана, потоптала посевы, расположившись в берёзовой роще при Песоченской экономии <...>, деревья порубили на дрова, клевер для коров скосили. Эта партия из Холмской губернии под предводительством своего священника опустошает всё на своём пути и идёт в Брянск и будет там 24 сентября. До этого прошла через Песочню партия поляков в 1000 чел. и всё прошло благополучно»¹².

С наплывом беженцев на местах справились не сразу. Так, на почтовой станции «Крапивна» полноценная регистрация беженцев была налажена лишь к середине сентября. С этого периода по 24 октября 1915 г. через неё гужевым способом проследовало 46 720 чел. с лошадьми и фурами (10 300 лошадей, 7 300 фур). При особо значительных скоплениях беженцев на железнодорожных станциях «Спас-Деменск» и «Чипляево» их направляли дальше по шоссе до железнодорожной станции «Мятлево» (100 вёрст), поэтому питательные пункты были устроены по ходу их следования в Калугове, Людкове, Барсуках, Крюкове. Таким путём прошло около 4,5 тыс. беженцев. Они двигались со скоростью около 15 км. в день. Гужевое движение беженцев через Калужскую губернию прекратилось только в конце октября 1915 г. Калужский священник Михаил Чистяков выразил своё впечатление от массового беженства и отношение к положению беженцев:

По шоссе-ным дорогам, просёлком
Толпы дев, стариков, матерей...
К нам бегут те несчастные люди,
Умирая нередко в пути...
Так не станьте им хуже германцев,
Убивая нелаской своей...¹³

Надо отметить, что чаще всего в пути умирали дети и старики.

Осенью 1915 г. осуществлялись массовые перевозки беженцев маршрутными поездами прямо до пункта назначения, для чего в течение двух месяцев наиболее интенсивного движения потребовалось 115 тысяч вагонов¹⁴. В вагонах маршрутных поездов имелись нары и печи, однако имеются свидетельства того, что печи были не во всех вагонах, например, тульский губернатор А.Н. Тройницкий сообщал об этом министру путей сообщения в октябре 1915 г. Тот же губернатор Тройницкий сообщал о простаивании вагонов с беженцами от нескольких часов до нескольких суток¹⁵. Но оказаться в вагонах, хотя бы и таких, мечтали все беженцы, т. к. на станциях посадки были многотысячные очереди. Например, беженец из Гродненской губернии Ян Зинюк вспоминал, что в Слониме его семья и односельчане не смогли сесть в поезд из-за большого наплыва людей, ожидавших уже 2 недели своей очереди в августе 1915 г. Проехав на лошадях дальше, до станции Барановичи, они наблюдали ту же картину: «Людей столько, что палец не воткнуть», в Бобруйске – было то же, только в Рославле Смоленской губернии удалось сесть в вагон¹⁶. На станциях посадки беженцам предоставлялось право выбора мест временного проживания. Например, беженка Мария Лисовская из Гродненской губернии отмечала, что жители её села, доехавшие до Минска на подводах и пересевшие в вагоны, выбрали местами проживания Самарскую и Смоленскую губернии, а также Украину и Сибирь¹⁷. В вагонах размещали по 6 беженских семей, было тесно, но тепло¹⁸. По свидетельству беженцев, в дороге до места назначения их осматривали медицинские работники, выявляя и госпитализируя больных, на железнодорожных станциях работали и питательные пункты¹⁹. Например, Юзеф Новицкий из Гродненской губернии вспоминал, что по пути в Омск о них заботились: выдавали продукты и деньги, по прибытии в Омск беженцев до весны разместили в бараках переселенческого пункта. Там были кухня и баня, людей кормили и выдавали денежное пособие, а также тёплую одежду тем, кто её не имел²⁰. Более красноречиво высказался о помощи беженцам в пути ещё один беженец из Гродненской губернии Николай Панфилюк, который отметил в воспоминаниях, что в дороге о них заботились, как о родных, по-

этому все тепло вспоминают русский народ, «которого лучше в мире нет»²¹.

До конца 1915 г. беженцы, вынужденно оставившие родные места, были благополучно доставлены в пункты своего временного размещения²². Об этом говорили и сами беженцы, например, Антон Козловский из Белостокского уезда Гродненской губернии отмечал: «Ясно, что большинство беженцев не добрались бы до тыловых районов России, даже до Европейской её части, собственным транспортом. Беженцы из Белостокского уезда Гродненской губернии пересаживались на поезда в Барановичах. Хотя военная обстановка была в этот период тяжелой, порядок, безопасность и питание беженцев были организованы неплохо. Большинство беженцев в довольно короткое время добрались до мест назначения»²³. Военные помогали беженцам, оставшимся без лошадей: сажали с собой на подводы, обеспечивали продуктами²⁴. Дом и скот сдавали армии под квитанции, расчёт по которым получали позже, уже в местах временного проживания²⁵. Иногда деньги выдавали сразу, как, например, семье Тихона Трахимюка, которая сдала военным трёх дойных коров, двух телят, 12 овец и несколько свиней²⁶.

Не всем беженцам удалось доехать до мест водворения без потерь. В дороге умирали в основном старики и маленькие дети. Так, 11 беженских крестьянских семей (из Белостокского и Бельского уездов Гродненской губернии) из 100 потеряли от одного до трёх человек, всего 20, в основном от холеры за период своего движения к местам временного размещения до посадки в вагоны²⁷.

Беженцам, промедлившим с отъездом, несмотря на рекомендации и разъяснения военных чинов об опасности нахождения в полосе оборонительных действий и агитацию со стороны православного духовенства, в результате пришлось познать тяготы немецкой оккупации. Оккупированная немцами Гродненская губерния стала называться «Имперско-немецкая Гродненская губерния». Губернатором назначили немецкого генерала. За нарушение приказов оккупационной администрации население подвергалось штрафам, тюремному заключению и даже смертной казни. Применялись физические наказания, свободное передвижение разрешалось только в дневное время пешком в границах населённого

пункта. Были установлены налоги: личный, на торговлю, на животных. В деревнях проводились плохо оплачиваемые реквизиции продуктов питания. Население привлекалось к принудительному труду, оплата которого не соответствовала тяжести и объёму выполняемых работ, а с 1916 г. людей отправляли на работу в Германию. Усиленно вывозилась древесина. Хлеб в городах распределялся по карточкам, а другие товары первой необходимости — по талонам²⁸.

Жительница оккупированной Гродненской губернии Александра Филиппок отмечала, что немцы выдавали им по килограмму ржи на душу в месяц²⁹. По воспоминаниям Александры Яцко, около половины жителей их деревни, выехав в эвакуацию в августе 1915 г., вернулись обратно, т. к. за Пружанами уже были немцы, только молодежь успела бежать. При немцах семья Александры работала на своём поле, но немцы мобилизовывали крестьян на работы, например, на лесопилку. За работу платили немного и давали по буханке хлеба. Хозяева одну свинью кормили для себя, другую для немцев. Зерном тоже надо было делиться. За нарушение установленных правил в наказание забирали коров³⁰. Доминике Мороз при немецкой оккупации в 1915–1918 гг. пришлось строить химическую фабрику «в чистом поле»³¹. Дмитрий Крышань помнил, как немцы приказали старосте собрать рабочих для вывозки леса из Беловежской пуши для отправки в Германию. Жили крестьяне по месту работы, немцы выдавали хлеб, но приходилось брать с собой и свой, чтобы не остаться голодными. За кражу яблок в чужом саду наказывали суточным арестом. Однажды, когда приказали возить песок, рабочие чем-то не угодили немцу, и он стал их бить³². По воспоминаниям литовского населения, оказавшегося в 1915 г. под властью немецких оккупантов, люди мечтали о возвращении русской армии, которая освободила бы их от немцев³³.

Для распределения беженцев, водворяемых во внутренних губерниях губернскими отделениями Татъянинского комитета были открыты распределительные пункты в губернских центрах и уездах. Беженцев, прибывавших на железнодорожные станции, уже ожидали крестьянские подводы, чтобы развезти их по уездам³⁴. Беженцы размещались с помощью полиции, земских начальни-

ков, волостных и сельских должностных лиц в отведённом для них жилье³⁵. Например, в декабрьском 1915 г. заседании Калужского Губернского Сопещения по устройству беженцев принял участие Главноуполномоченный VIII района по устройству беженцев внутри империи³⁶ В.В. Лигин, посетивший перед этим распределительный пункт на станции «Чипляево» Мосальского уезда, где совместно с архиепископом Холмским Анастасием ознакомился с распределением и питанием прибывавших беженцев. Он дал положительную оценку организации там беженского дела, «особенно со стороны Татъянинского комитета»³⁷.

В Орловской губернии, в промышленном Брянском уезде, беженцы водворялись в прилегающих к Брянску сёлах, в заводских помещениях, а также в помещениях железнодорожного и городского управлений. Специально для беженцев в Брянске было построено 3 жилых барака на 200 человек с кухней и арендовано помещение на 100 человек³⁸.

*
* *

Епархиальные комитеты помощи беженцам духовного звания размещали прибывающих беженцев в своих ведомственных помещениях. Комитеты были образованы в августе 1915 г. под председательством глав спархий. Например, Калужский комитет был образован 23 августа 1915 г. под председательством епископа Калужского и Боровского Георгия. Членами комитета стали: ректор калужской духовной семинарии А. Преображенский, исполняющий дела благочинного монастырей архимандрит Илия, протоиерей И. Сперанский, благочинный калужских церквей И. Щеглов, статские советники Н. Зверев и Н. Протасов, смотритель калужского духовного училища. Средства комитета составили взносы его членов и председателя (475 руб. + 100 руб.), архиерейского дома (100 руб.), настоятелей церквей и монастырей по подписным листам; тарелочные церковные сборы, прошедшие 30 августа и 6 сентября в Калуге, а 6 и 13 сентября — во всех остальных церквях губернии. Беженцев, имеющих детей-учеников школ, старались разместить в Калуге, в зданиях церковноприход-

ских школ (Космодемьянской, Спасозаверхской, Георгиевской за верхом и при монастыре Святого Лаврентия). Более состоятельным монастырь за 10 руб. в месяц предложил свою гостиницу с прислугой, самоваром и некоторыми продуктами. Остальных беженцев приняли Тихонова и Оптиная пустыни, Сергиев скит, община «Отрада и утешение», некоторые уездные церковноприходские школы в Мещовском, Козельском, Тарусском и Боровском уездах, церковные дома сельских священников и церковные сторожки. Минскую духовную консисторию с архивом разместили в верхнем этаже Космодемьянской школы, а свечной завод – в помещении калужского епархиального свечного завода. Всего в Калужской епархии разместили 500 человек (на 1 ноября 1915 г.)³⁹.

Епархиальный комитет контролировал условия размещения и питания, он уполномочил благочинного калужских церквей протоиерея Щеглова организовать сбор среди городского духовенства одежды и обуви для беженцев. Помимо своей главной задачи, епархиальный комитет обеспечил на железнодорожных станциях «Калуга», «Тихонова пустынь», «Сухиничи» непрерывное дежурство всех градокалужских, Тихоновой пустыни и сухиничских городских пастырей с целью ободрения, утешения, пастырского врачевания всех нуждающихся в этом беженцев. Когда в начале сентября 1915 г. через с. Брынь Мещовского уезда двигалось большое количество беженцев (5 тыс. чел. из Гродненской губернии), в местной церковноприходской школе устроили временный приют с питательным и распределительным пунктами. Учителя школы занимались регистрацией и выдачей суточных под руководством священника А. Смирнова. Приходские попечительные советы повсеместно организовывали сборы пожертвований среди прихожан в пользу всех нуждавшихся беженцев, помогали в приискании помещений. Наибольшую активность при этом проявили попечительные советы в Жиздринском, Мосальском, Мещовском, Козельском и Перемышльском уездах⁴⁰.

Проблема с размещением большого количества беженцев у одних вызвала сочувствие и желание помочь, у других – лишь заработать, сдавая жильё по повышенной цене. Например, графиня С.Н. Толстая⁴¹ охотно разместила у себя в имении «Мансурово» Малоярославецкого уезда, Калужской губернии 180 бежен-

цев⁴². Между тем в связи с возросшим спросом на жильё многие калужские домовладельцы стали повышать цены на квартиры⁴³. Губернатор своим постановлением от 23 июля 1915 г. запретил повышение квартплаты⁴⁴. Нарушители подвергались штрафу или аресту. Так, в газете «Голос Калуги» сообщалось о применении штрафных санкций в размере 15 руб. или 7-дневного ареста в отношении домовладельцев Алексеевых за «неосновательное» предъявление к квартирантке требования о повышении квартплаты и за действия, направленные к принуждению освободить квартиру⁴⁵. Аналогичная ситуация с расселением отмечалась не только в Калужской губернии. Так, газета «Орловский вестник» сообщала, что «в Карачевском уезде хозяева хат проникаются жадностью городских домовладельцев, взимая плату за квартиры по-городски»⁴⁶. В Орле была организована комиссия по борьбе с повышением цен на жилые помещения (квартиры, отдельные комнаты, углы, койки)⁴⁷.

Решение центральных властей о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии империи состоялось по инициативе Ставки Верховного главнокомандующего 4 августа 1915 г.⁴⁸ Из районов, подведомственных Северо-Западному фронту, беженцев преимущественно направляли в губернии Европейской России. Так, распоряжение Главноуполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта о предстоящем направлении в Калужскую губернию 100 тысяч беженцев поступило в Калугу 6 августа 1915 г.⁴⁹ Товарищ министра внутренних дел Н.В. Плеве в циркулярной телеграмме от 9 августа 1915 г. предлагал губернатору принять меры по сохранению здоровья и обеспечению работой прибывающих на жительство беженцев⁵⁰. В Курской губернии первоначально планировалось разместить 300 тысяч беженцев из района Юго-Западного фронта, в основном из Волынской губернии⁵¹.

К середине сентября 1915 г., когда количество направленных в Калужскую губернию беженцев достигло 50 тысяч человек, губернатор распорядился прекратить дальнейший их приём «до особого распоряжения», направляя прибывающие партии в соседние Тульскую и Рязанскую губернии⁵². В это время решался вопрос о переводе в г. Калугу Ставки Верховного главноко-

мандующего. Орловский губернатор делал попытки направить «беженскую волну» в обход Орловской губернии. Об этом он хлопотал в Петрограде, а местные земские деятели предуведомляли уполномоченного по беженским делам Северо-Западного фронта, направлявшего беженские потоки, о «бездорожье и бескормье» западных уездов Орловской губернии⁵³. И в дальнейшем они пытались «сдерживать» наплыв беженцев в губернию. Так, в феврале 1916 г. уполномоченному Северо-западного фронта с большим трудом удалось согласовать размещение беженцев из Витебской губернии. Орловский губернский комитет по устройству беженцев при земской управе ссылаясь при этом на «близость Орловской губернии к тылу фронта и недостаточную её обеспеченность продовольственными продуктами»⁵⁴.

Образование Орловского губернского земского комитета по обеспечению нужд беженцев в сентябре 1915 г. сопровождалось дискуссиями, возникшей на собрании губернского земства (3 сентября 1915 г.). Председатель орловской уездной земской управы С.А. Пуриков предложил ходатайствовать в Петрограде о том, чтобы беженцев направляли в восточные губернии. Он сравнил беженцев с саранчой, сулящей «народное бедствие» Орловской губернии. Это предложение о «ходатайстве» поддержал Брянский уездный предводитель дворянства кн. В.В. Тенишев. Он напомнил, что свой «первый натиск» беженцы сделали на Брянский уезд, к чему, конечно, «готовности не было никакой». В конце концов губернский комитет по обеспечению нужд беженцев был создан, а от ходатайства воздержались после выступлений председателей ГЗУ С.Н. Маслова и Мценской уездной земской управы В.Н. Шеншина. Последний призвал всех собравшихся «быть человечнее»⁵⁵.

В Калуге в августе 1915 г. было зарегистрировано 2232 беженца из 12 западных губерний⁵⁶. Затем их количество утроилось и составило 6855 человек, это были в основном «русские»⁵⁷ – 56 % и поляки – 38 %⁵⁸. В августе 1916 г. численность беженцев в Калуге достигла 7896 чел. Беженцы были размещены по частным квартирам, в двух домах городского управления, в помещениях двух учебных заведений (учительская семинария и высшее начальное училище), в бараках при станции «Калуга» Сызрано-Вя-

земского товарищества⁵⁹. Районами наибольшего скопления беженцев в Калуге были районы Спасозаверхской церкви и Подзавальской слободы⁶⁰. На территории Калужской губернии к январю 1916 г. было размещено 64 780 беженцев. Из них мужчины составляли 13 636 (21 %), женщины – 22 754 (35 %), дети – 28 390 (43,8 %). В Калужском уезде разместили 2883, Боровском – 1786, Жиздринском – 8553, Козельском – 12 922, Лихвинском – 184, Малоярославском – 3719, Медынском – 6345, Мещовском – 10 087, Мосальском – 5342, Перемышльском – 2993, Тарусском – 3407, в Калуге – 6559 человек⁶¹. Как видим, наибольшая концентрация беженцев наблюдалась в трёх уездах – Козельском, Мещовском и Жиздринском. Количество беженцев из Гродненской губернии составляло 50 тысяч⁶². Всего из Гродненской губернии вглубь России было переселено до 750 тысяч человек⁶³.

В августе 1916 г. количество беженцев в губернии составило 61,1 тыс. человек, из них детей до 15 лет – 42 %; женщин до 60 лет – 33 %; мужчин до 60 лет – 20 %; лиц старше 60 лет – 5 %. Национальный состав беженцев выглядел следующим образом: «русские» – 87 %, из них более 50 % белорусов⁶⁴, поляки – 9 %, латыши – 2 %, литовцы – 1,3 %, евреи – 0,5 %, прочие – 0,2 %⁶⁵. До трети беженцев расселилось в городах губернии. В губернской Калуге осело 13 % беженцев (7896 чел.), в т. ч. русских 54,6 %⁶⁶. Количество беженцев в Калужской губернии было сравнимо с населением тогдашней Калуги или всех вместе взятых уездных городов губернии. По данным Центрального Всероссийского Бюро по регистрации беженцев, на 1 января 1916 г., удельный вес беженцев в структуре населения Калужской губернии составил 4,32 %⁶⁷. Это больше, чем в остальных Центральных губерниях Европейской России, кроме Московской. По данным этого же Бюро, в Рязанской губернии разместили 68 940, в Воронежской 39 633, Курской – 79 189⁶⁸, в Тульской – 37 404. Тульский губернатор к 1 января 1916 г. сообщил в Петроград следующие дополнительные сведения о беженцах: беженцев «русской» национальности в губернии осело 53 %, поляков – 19 %, литовцев – 4 %, латышей и евреев – по 3 %, прочих национальностей – 1,5 %. Из общего количества беженцев мужчины составили 10 428 (27,9 %), женщины – 15 116 (40,4 %), дети – 11 860 (31,7 %) ⁶⁹.

С регистрацией не только транзитных беженцев во время массового движения, но и уже водворенных, возникали проблемы. Так, установление общей численности беженцев, размещённых в пределах Орловской губернии, крайне затянулось. Татьянинский комитет, осуществивший к 20 декабря 1915 г. предварительный учёт осевших в империи беженцев, смог получить от Орловского губернатора данные о количестве беженцев лишь по шести уездам из двенадцати⁷⁰. И это несмотря на то, что Особое совещание, рассмотрев вопрос о регистрации беженцев, обязало губернаторов «обеспечить доставку сведений Татьянинскому комитету»⁷¹. В декабре 1915 г. орловский губернатор С.С. Андреевский был «отставлен от должности»⁷². Новому губернатору А.В. Арапову удалось обеспечить сбор полной информации о количестве беженцев к началу февраля 1916 г. Оказалось, что в Орле обосновалось 5520 чел. (10,6 % от общего количества в губернии), в том числе 1370 мужчин, 1934 женщины, 2216 детей. В других городах губернии – 14142 (27,1 %), в том числе 3295 мужчин, 6093 женщины, 4754 детей; в пригородных слободах – 2494 человек (4,8 %), в том числе 405 мужчин, 592 женщин, 1497 детей; в деревнях – 30974 человек (57,5 %), в том числе 6235 мужчин, 8513 женщин, 16226 детей; всего в губернии – 53130 человек⁷³, что составляло 1,89 % от общего количества населения губернии в 2671700 чел. В Елецком уезде (включая и город) разместили 11560 беженцев – наибольшее количество из всех уездов Орловской губернии. В Брянском уезде, втором по количеству беженцев, находилось 9192 беженца⁷⁴, в Ливенском – 5357⁷⁵. Данные по национальному составу беженцев, собранные не по всем уездам, были представлены в Петроград в январе 1916 г. По этим неполным данным, беженцев «русской» национальности было в губернии 17050 (53 %), поляков – 9470 (29,4 %), латышей – 3305 (10,3 %), евреев – 1327 (4,1 %), литовцев – 126 (0,4 %), немцев-колонистов – 631 (2 %), прочих национальностей – 269 (0,8 %)⁷⁶. Для сравнения в Курской губернии беженцы «русской» национальности составляли 80 % (из них украинцы – 64 %); поляки – 11,7 %; евреи – 4,8 %, литовцы, латыши, немцы-колонисты – каждая национальность менее 1 %⁷⁷.

Массовое прибытие беженцев сопровождалось появлением слухов об угрожающей опасности со стороны неприятеля и пред-

стоящей эвакуации. Население проявляло беспокойство и требовало в банках свои вклады⁷⁸. Простой люд любил посмотреть на беженцев, поселившихся по соседству, вступить с ними в разговор. Обыватели толпились возле домов, разглядывали играющих там детей беженцев, приносили продукты или одежду. Пресса писала, что беженцы быстро осваивались в городе, становились «чуть ли не преобладающим элементом в кинематографах и театре» и везде чувствовали себя непринуждённо. При этом беженцы не переставали удивляться грязным дворам и «прошлогоднему» снегу на улицах, создававшему неудобства для населения, свалкам нечистот даже вблизи памятников старины⁷⁹. Случалось, что местные жители обвиняли беженцев в германофильстве. Обоснованность таких обвинений проверяла полиция. Так, в Рязанской губернии, в г. Сапожок, беженца из Риги Франца Рудковского и его дочь Саломею обвинили в германофильстве на основании того, что они в частной беседе высказали предположение, что немцы, вполне вероятно, могут занять Ригу, и тогда им будет открыт путь на Петроград. При этом никакого сочувствия немцам они не выражали, и ГЖУ не усмотрело в этом высказывании угрозы государственной безопасности⁸⁰. Молодые девушки-беженки осуждались обывателями за любовные связи с военнопленными, как и определенная часть женской половины коренного населения⁸¹.

Имевшие место случаи неприязненного отношения местных жителей к беженцам были связаны с тем, что они считали, что беженцам не следует уделять так много внимания⁸². Следует отметить, что среди крестьян бытовало мнение и об излишней заботе о рабочих предприятий, работающих на оборону, имевших «хороший заработок, отсрочку от фронта, да ещё и продовольствие по твёрдым ценам»⁸³. В целом же население относилось к беженцам сочувственно и доброжелательно. Интересно отметить сообщение полицейского исправника о том, что на сельских сходах по вопросу о направлении на оборонительные работы крестьяне заявляли, что беженцев направлять туда не надо, т. к. они «и так натерпелись»⁸⁴. И эти настроения и соответствующие им отношения сохранялись до февральских событий 1917 г., что подтверждается массовым участием населения в благотворительной в пользу беженцев деятельности.

*
* *

Тыловые губернии центра Европейской России, кроме беженцев из западных территорий, приняли у себя эвакуированные государственные и общественные учреждения, производства государственного значения с ценным имуществом и оборудованием вместе с сотрудниками и членами их семей. Например, в Калужскую губернию были эвакуированы все учреждения Гродненской губернии, оставленной русскими войсками летом 1915 г., однако эвакуационные мероприятия начались в этой западной губернии задолго до лета 1915 г. К началу войны для гродненского губернатора руководством по эвакуации служили «Временные правила по эвакуации населения и имущества в случае войны», разработанные военными Виленского ВО в конце 1912 г. Перечень учреждений, подлежащих эвакуации, определял губернатор. В июле 1914 г. Генштаб разработал ряд новых правил и положений по эвакуации⁸⁵. Надо отметить, что переезд гродненских учреждений в Калужскую губернию в августе 1915 г. стал четвертым с начала войны. Первый происходил в сентябре 1914 г. в уездный гродненский город Слоним, после возвращения оттуда второй переезд состоялся в январе 1915 г., а третий – в июле 1915 г. все в тот же город Слоним, откуда осуществлялось перемещение в Калужскую губернию. Все расходы по эвакуации несла государственная казна. Например, на эвакуацию Управления земледелия в Калугу было истрачено 118 рублей, при этом было вывезено около 300 сельскохозяйственных машин и орудий на сумму более 6 тысяч рублей. В Управлении было 44 сотрудника с семьями⁸⁶.

По прибытии на место учреждения Гродно и Белостока были размещены в Калуге, а все остальные – в уездных городах Калужской губернии. Учреждения Слонимского уезда оказались в Жиздринском уезде, Волковыского уезда – в Медынском, Бельского уезда – в Мещовском, Кобринского уезда – в Мосальском, Пружанского уезда – в Козельском, Брест-Литовского уезда – в Малоярославском и Боровском, Сокольского уезда – в Тарусском⁸⁷. Гродненская Мариинская гимназия в Калуге разместилась в доме Новосильцевой по Георгиевской улице, части преподава-

телей предложили бесплатные квартиры. Гродненское Реальное училище поместили в здании Калужского Реального училища вместе со второй Варшавской гимназией, Гродненская Губернская типография также обосновалась в Калуге. Гродненская окружная лечебница вместе с богадельней была эвакуирована в Калужскую губернию ещё осенью 1914 г. и размещена на бывшем заводе графа Орлова-Давыдова в Жиздринском уезде, затем в сентябре 1915 г. переведена в село Ловать этого же уезда⁸⁸.

Кроме рабочих и служащих гродненских предприятий и учреждений с семьями, в Калужскую губернию 21 июля 1915 г. прибыли железнодорожные служащие Привислянских (Привислинских) железных дорог с семьями, казенным инвентарем и собственным имуществом в количестве 500 человек⁸⁹. Их разместили в казармах 74 пехотного запасного батальона при станции «Калуга». Заботы о них (трудоустройство, снабжение продовольствием) взял на себя местный комитет Великой княжны Татьяны Николаевны⁹⁰.

В сентябре 1915 г., по распоряжению МВД, часть гродненских учреждений, эвакуированных в Калугу, переотправили в другие губернии. Например, в Рязанскую, Курскую, Тамбовскую и другие⁹¹.

Практически со дня прибытия в Калужскую губернию гродненский губернатор В.Н. Шебеко⁹² не находился в Калуге, так как исполнял поручения военных властей, после чего в феврале 1916 г. был переведён в Москву на должность градоначальника. В Калуге его замещал вице-губернатор В.В. Столяров, затем после его смерти Бойе-ав-Геннес. Ещё до эвакуации в Калугу в сентябре 1914 г. в Гродно была создана «Особая оценочная комиссия», и каждый служащий мог оценить своё оставляемое имущество. Комиссия продолжила свою работу в Калуге, разместившись на улице Николо-Козинской в доме Фалеева. Здесь же в Калуге, при канцелярии гродненского губернатора, в мае 1916 г. был образован Гродненский ссудный комитет для оказания материальной помощи горожанам, оставившим свое движимое имущество в Гродно. До 1 июня 1916 г. в комитет поступило 679 ходатайств от гродненцев, в том числе оказавшихся не только в Калужской губернии⁹³. За труды по эвакуации учреждений Гродненской

губернии в Калугу, а именно за приведения в порядок делопроизводства, контроль за делами по выдаче вознаграждений за уничтоженные при отходе армии посе́вы и урожай, за реквизи́рованный скот и повозки чиновник гродненской землеустроительной комиссии Л. Ерогин был награжден орденом Св. Станислава 3 степени. Этой же награды был удостоен секретарь гродненского губернского акцизного управления Н. Хрущов и ещё 2 помощника надзирателя акцизного управления⁹⁴. Новый гродненский губернатор А.Н. Крейтон⁹⁵, сменивший В.Н. Шебеко, пребывал в основном в Петрограде, где занимался вопросами предстоявшего возвращения на родину. Калугу А.Н. Крейтон посетил в апреле и ноябре 1916 г., а также в январе 1917 г. В июле 1916 г. губернатор представил правительству план организации вещевых и продовольственных складов для Гродненской губернии в связи с возвращением на родину, в сентябре 1916 г. – план мероприятий по оказанию помощи населению Гродненской губернии по возвращении на прежние места. Крейтон открыл в Петрограде Гродненское отделение Татьянинского и Елизаветинского комитетов, приступил к составлению плана возвращения на родину эвакуированных учреждений⁹⁶.

После смены власти Временное правительство вручило свой мандат на управление эвакуированными учреждениями Гродненской губернии вице-губернатору А.И. Ушакову. Однако общее собрание служащих этих учреждений в Калуге 7 марта 1917 г. образовало комитет из 12 человек «для поддержания народного правительства в деле устройства новой свободной жизни <...>»⁹⁷. Комитет, стремясь «сорганизовать и объединить всех беженцев Гродненской губернии, провёл 26–28 марта 1917 г. общие собрания беженцев, проживающих в Калуге и Калужской губернии, и ознакомил их с задачами текущего момента и программой Нового Правительства». На этих собраниях был избран исполнительный комитет беженцев и служащих правительственных и общественных учреждений в составе 20 человек. Собрания высказались за «желательность иметь своим руководителем, временным комиссаром, выборное лицо»⁹⁸. 5 апреля 1917 г. исполнительный комитет принял резолюцию, в которой деятельность вице-губернатора Ушакова расценивалась как «несоответствовавшая духу нового

стро́я и стеснявшая свободную творческую деятельность общественных организаций в деле проведения в жизнь и укрепления завоеванных народом свобод». Резолюция была направлена Калужскому губернскому комиссару⁹⁹. 7 апреля общее собрание одобрило предложение исполнительного комитета просить МВД об утверждении Временным комиссаром Гродненской губернии директора Гродненского реального училища Владимира Орестовича Лидерса¹⁰⁰.

Жалованье служащих составляло 20–50 рублей в месяц. Кроме того, они получали ржаную муку из расчёта 1 фунт в день. Размер продовольственного беженского пайка составлял 12 рублей в месяц, квартирного – 2 руб. 40 коп.¹⁰¹ До 1917 г. жизнь служащих с семьями и беженцев протекала «довольно сносно»: продуктов первой необходимости хватало, и цены на них были умеренные. Постепенно цены стали расти, а продукты – исчезать. Как отмечали сами эвакуированные и беженцы, «с 1917 г. в отношении довольствия последовало резкое изменение: местным сельским населением никакой продукт в город не доставлялся, а если и доставлялся, то в самом ограниченном количестве и по баснословным ценам в сравнении с 1915–1916 гг.». Печёный ржаной хлеб в 1917 г. совершенно исчез, а также крупы и постное масло. Пуд картофеля, стоивший 25–35 коп., теперь стоил 7 рублей, $\frac{1}{4}$ кубической сажени дров вместо 6–10 – 60 рублей; десяток яиц (40–50 копеек) – 3 рубля. Хлебного пайка стало не хватать для прокормления семейств. Вместо хлеба стали выдавать муку, не более 6 фунтов на душу, но чтобы печь хлеб, нужны были дрова, которые по цене были недоступны для указанного контингента¹⁰².

В сложившейся ситуации служащие и беженцы из всех уездов стали направлять Гродненскому губернскому комиссару свои коллективные просьбы о переправке в хлеботородные губернии. Так, общее собрание эвакуированных служащих и представителей беженцев, расселившихся в Боровске и уезде, 29 июля 1917 г. постановило признать безусловно необходимым переезд всех учреждений, служащих с семьями и имуществом и всех беженцев из Боровского уезда в хлеботородные губернии, например, в Воронежскую или область войска Донского; в спешном порядке просить через Гродненского губернского комиссара о разрешении

переезда, для чего получить ходатайство Гродненского губернского комиссара, для доставки его лично министру внутренних дел, доставка поручалась М.И. Зайко, секретарю Брестского уездного воинского присутствия; просить министра переезд осуществить за счёт казны. Отъезд состоялся 30 сентября 1917 г. со станции Балабаново до станции Ейск Кубанской области¹⁰³. Из Мещовского уезда эвакуированных из Бельского уезда Гродненской губернии 53 служащих и 650 членов их семей с багажом по экстренным отзывам со станции «Шлиппово» отправили в Саратовскую губернию¹⁰⁴. Из Медынского уезда эвакуированных из Волковьского уезда Гродненской губернии переправили в Белгород Курской губернии¹⁰⁵. Как видим, основная масса служащих Гродненских учреждений в 1917 г. выехала из Калужской губернии, вместе с беженцами это составило 29 тыс. человек¹⁰⁶.

Таким образом, массовое движение беженцев с Западных окраин империи во внутренние районы началось летом 1915 г. Для эвакуации населения из районов Северо-Западного и Юго-Западного фронтов были созданы две государственные организации – «Северопомощь» и «Югобеженец». Через местные отделы Всероссийских благотворительных организаций, таких как Татьянинский комитет, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, государство финансировало мероприятия, связанные с массовым передвижением беженцев во внутренние губернии. Это создание врачебно-питательных пунктов на железнодорожных и почтовых станциях по пути движения беженцев, приёмных пунктов для инфекционных больных, помещений для временного размещения транзитных пассажиров, бюро для оформления проездных документов. С осени 1915 г. до начала 1916-го была успешно осуществлена массовая перевозка маршрутными поездами беженцев во внутренние районы России.

Через Центральные губернии Европейской России шёл мощный миграционный поток, максимальная интенсивность которого пришлось на сентябрь 1915 г. Большая интенсивность и размеры беженского движения способствовали тому, что повсеместная полноценная регистрация беженцев, передвигавшихся гужевым способом, на местах была налажена не сразу. По этой же причине по ходу движения беженских обозов не хватало заготовленных

кормов для скота. На железнодорожных станциях наблюдались большие очереди на посадку в поезда, перевозившие беженцев в избранные ими места размещения.

При одновременном расселении большого количества беженцев возникли трудности, имевшие временный характер, которые были успешно преодолены совместными усилиями администрации, созданных комитетов по обеспечению нужд беженцев при самоуправлениях, местных отделений Всероссийских общественных благотворительных организаций, местных благотворительных организаций, созданных с началом войны. Беженцы с благодарностью отзывались о проявленной о них заботе при расселении. Основным источником финансирования всех перечисленных организаций являлось государство. Установление общей численности водворённых беженцев стало очередной задачей местных властей. В центральноевропейских губерниях России – Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской, Курской, Воронежской, на начало 1916 г. было зарегистрировано около 350 тысяч беженцев, среди которых дети, старики и женщины составляли в среднем до 70 %. В городах разместилось в среднем около 30 % беженцев, остальные – в сельской местности. Группа «русских», в основном состояла из белорусов и украинцев.

По свидетельству самих беженцев, не всем из них удалось без потерь добраться до мест посадки в вагоны с тем, чтобы следовать в тыловые районы империи. В основном потери были среди стариков и маленьких детей преимущественно от холеры. Между тем, большинство беженцев, по их свидетельствам, благодаря усилиям власти в довольно короткое время добрались до мест своего временного размещения. Население, остававшееся на оккупированных территориях, стало свидетелем грабежа природных богатств и материальных ценностей, испытало тяготы принудительного труда, в т. ч. за пределами родины, режима, ограничившего их гражданские права.

Прибытию беженцев сопутствовало появление тревожных слухов и толков о большой военной силе неприятеля, о неизбежности новой эвакуации в скором времени. Местное население с самого начала с большим пониманием и сочувствием отнеслось к беженцам, и последние довольно быстро освоились на новых

местах. Настроения тех, кто считал чрезмерным внимание, оказываемое беженцам, местная администрация расценивала как проявление обывательского невежества.

Помимо массовой перевозки беженцев с западных окраин империи, правительство осуществило эвакуацию оттуда учреждений и производств, имевших государственное значение, вместе с сотрудниками и членами их семей. Летом 1917 г. по причине ухудшения материального положения эвакуированных, они на основании своих ходатайств были за счёт казны переотправлены из центральноевропейских губерний в хлебопроизводящие южные и юго-восточные районы.

2.2. Обеспечение нужд беженцев в местах временного размещения

Когда бы к нам столько людей приехало в Польшу, то интересно, выжили бы они?

Из воспоминаний беженца Петра Соловья «Государь воевал с Вильгельмом» (Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. Белосток, 2000. С. 219).

Приняв решение о необходимости массового перемещения населения западных прифронтовых районов в тыловые, государство определило основное содержание своей политики попечения о беженцах в Законе от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев». В нём впервые давалось определение понятия «беженец», а заботы о нуждах беженцев в «лище и крове» возлагались на МВД и подведомственные ему организации¹⁰⁷. 10 сентября 1915 г. при МВД было учреждено Особое совещание по устройству беженцев с функциями высшего совещательного органа под председательством Министра внутренних дел и специальный отдел в МВД. На местах заботы о беженцах возлагались на губернаторов¹⁰⁸, земские учреждения, городские управления и комитеты. Попечение о беженцах по-прежнему продолжал осуществлять Татьянинский комитет (кроме выдачи продовольственного и квартирного пайков), общественные и национальные организации¹⁰⁹.

В Государственной думе по инициативе кадетской партии обсуждалось и в результате было отклонено её предложение полностью передать беженцев на попечение общественных организаций с сохранением государственного финансирования. В итоге Земский и Городской Союзы отказались от своих планов возглавить беженское дело в центре и на местах¹¹⁰.

Решением Особого совещания вводилось регулярное беженское пособие. С ноября 1915 г. вся империя была разделена на 12 районов по устройству беженцев во главе с Главноуполномоченными по устройству беженцев внутри империи. Так, Калужская, Орловская и Тульская губернии составили VIII район, Главноуполномоченным которого был назначен Келецкий губернатор Валериан Лигин¹¹¹. Рязанская губерния вошла в состав IV района под руководством Ломжинского губернатора С.П. Палудогло¹¹². Воронежская и Курская губернии составили VI район, который возглавил Ковенский губернатор Н.Д. Грязев¹¹³.

В губерниях в соответствии с Законом от 30 августа 1915 г. были созданы организации, непосредственно занимавшиеся обеспечением нужд беженцев, временно размещаемых на данной территории. Прежде всего это были комитеты помощи беженцам в губернских и уездных земских и городских управах. Они снабжали беженцев продовольственным и квартирным пайками в установленных законом размерах¹¹⁴, получая на это средства из государственной казны. Из этих же средств оплачивалась медико-санитарная и другие виды помощи, установленные законом. Например, Рязанская губерния с августа до конца 1915 г. получила от Особого Совещания по устройству беженцев 914085 рублей¹¹⁵. Местные комитеты по устройству беженцев содействовали в подыскании работы, определении стариков и беспризорных детей в убежища и приюты¹¹⁶. Кроме беженского пайка, после подачи прошения беженцы могли рассчитывать на получение дополнительного денежного пособия, одежды или обуви, средств на обучение детей (в начальной школе обучали бесплатно), бесплатного или дешевого питания в столовой, топлива по «полутаксовой стоимости», а при необходимости и ниже, наравне с нуждающимися в этом семьями призванных в армию нижних чинов¹¹⁷. Беженцы получили возможность приобретать муку по закупочным

ценам непосредственно в местах своего проживания, например, через волостные правления¹¹⁸. К сожалению, снабдить одеждой и обувью всех нуждавшихся беженцев не было возможности. Например, в 1916 г. Мещовская уездная земская управа Калужской губернии выдала одежду или обувь лишь 45 % беженцев (полушубки, куртки, лапти, валенки)¹¹⁹.

Также на основании закона от 30 августа 1915 г. действовали общественные и национальные организации, занимавшиеся оказанием помощи беженцам. Например, в Туле, кроме земских и городского комитетов по призрению беженцев, действовали ещё 12 обществ – это Губернское и одно уездное отделение Татьянинского комитета, Епархиальный комитет, отдел Всероссийского общества попечения о беженцах (ВОПоБ), отдел Русского Общества охранения народного здоровья, тульский Педагогический Комитет, отдел Польского Комитета помощи жертвам войны, уполномоченный Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского, отдел Литовского общества помощи беженцам, отдел Петроградского Латышского общества «Родина», Еврейский комитет помощи жертвам войны¹²⁰. В Рязанской губернии, кроме отделений Татьянинского комитета, ВСГ и ВЗС были созданы отделы Литовского, Латышского Еврейского и двух Польских комитетов попечения о беженцах¹²¹. В Курской губернии из национальных организаций функционировали четыре польские, в том числе Курское попечительство о поляках – иностранных подданных, две еврейские, литовская и латышская, Ковенское отделение Западно-Русского общества по устройству беженцев¹²².

Местные отделения Татьянинского комитета занимались регистрацией беженцев, финансировали открытие приютов для детей беженцев. Например, в Калужской губернии детские приюты были открыты в 7 из 11 уездов и губернском центре, где их обучали грамоте и ремёслам, снабжали учебниками, одеждой, бельём, обувью. Для нетрудоспособных беженцев было организовано три убежища с полным содержанием на 700 чел. в Калуге, Медыни и Жиздре. В открытой комитетом пошивочной мастерской в Жиздре стали шить тёплую одежду для беженцев. В Медыньском уезде 3 724 чел. получили одежду на сумму 10 660 руб. Дамский

комитет при губернском отделении Татьянинского комитета организовал изготовление тысяч комплектов белья, занимался закупкой обуви и одежды. Городское отделение Татьянинского комитета в Калуге при Романовском училище открыло столовую на 600 человек для бесплатного питания беднейших беженцев¹²³. Отделением осуществлялась выдача дополнительных пособий беженцам, которые, получая паёк, всё равно нуждались¹²⁴. В 1916 г. размер разовых пособий Татьянинского комитета составлял от 5 до 25 руб., например, в Мещовском уезде Калужской губернии, за год было выдано 1 965 руб. по 95 прошениям. Субсидии Татьянинского комитета получали Епархиальные комитеты помощи беженцам духовного звания, отделения еврейского Общества помощи жертвам войны и латышского общества «Родина»¹²⁵. Аналогичная попечительская работа Татьянинского комитета проводилась повсеместно¹²⁶.

Отделения национальных беженских организаций (польской, еврейской, латышской, литовской) занимались выдачей государственных беженских пайков, содержали приюты, жильё, швейные мастерские, питательные пункты, начальные училища, в основном польские. Так, в Брянском уезде Орловской губернии Комитетом губерний Царства Польского было открыто 5 школ для польских детей (с. Дятьково, Ивот, Бытошь, Ивановичи, Бежица), латышская школа из Либавы была эвакуирована в с. Бежицу. Детский польский приют организовали в с. Супонево¹²⁷. В Рязанской губернии усилиями Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского было организовано 8 учреждений для беженцев на 684 места, Петроградского Польского общества – 2 учреждения на 265 мест, Литовского комитета – 2 на 134 места, Еврейского общества помощи жертвам войны – 2 на 160 мест. Это были детские приюты, общежития, убежища для инвалидов¹²⁸.

Национальная общественная благотворительная организация Западно-Русское общество по устройству беженцев, например её Ковенский отдел, открыл школы и общежития для учащихся, детские приюты, амбулатории, бараки для инфекционных больных, богадельни в центральных губерниях Европейской России. В сферу деятельности этой организации входило и обеспечение «школьных» нужд беженцев, снабжение их одеждой и бельём¹²⁹.

Всероссийская благотворительная организация Земгор на казённые средства содержала бесплатные столовые и жилые бараки для беженцев, к примеру, в Орле на 900 человек. В Рязанской губернии ВСГ было организовано 3 учреждения для беженцев на 165 мест, ВЗС – 2 на 250 мест¹³⁰.

Отделы ВОПоБ открывали в 1916 г. в провинции бесплатные столовые для беженцев в помещениях церковноприходских школ¹³¹, а также в монастырях. Например, в калужской Оптиной и Тихоновой Пустынях, где беженцы сами себя обслуживали, до октября 1916 г. здесь было отпущено 15 тыс. бесплатных обедов¹³². В июле 1916 г. Отделом был открыт детский приют на 30 человек в с. Полотняный Завод Медынского уезда Калужской губернии. В Курской губернии местный отдел ВОПоБ при финансовой поддержке Ковенского отдела Западно-Русского общества содержал ясли-приюты для детей и убежища для взрослых беженцев¹³³.

Епархиальные комитеты помощи беженцам духовного звания обеспечивали беженцев «даровым» продовольствием, жильем.

В уездах, где осело большинство беженцев, общественные комитеты помощи беженцам, в которые объединялось местное население, оказывали существенную помощь не только в размещении беженцев, но и участвовали в организации общественных столовых, составлении списков, выдаче беженских пособий¹³⁴. Так, Бежицкий Брянского уезда Орловской губернии комитет помощи беженцам возник 17 августа 1915 г. на базе попечительства о семьях мобилизованных при Брянском заводе. В Комитет вошли 42 представителя от Брянского завода, учителя, члены местных общественных организаций, врач и священник, всего 50 человек. Комитет обеспечивал выдачу бесплатного питания («обед и каша») всем прибывшим беженцам в течение месяца до приискания ими работы. Беженцы получали от комитета денежное пособие на продовольствие в размере пайка семей мобилизованных (4 руб. 50 коп. в месяц на взрослых, 2 руб. 03 коп. на детей до 5 лет) и квартирный паёк (от 2 до 5 руб. в месяц на семейство). Комитет снабжал беженцев обувью, одеждой и продуктами, жертвуемыми местным населением: чаем, сахаром, мукой, крупой. К январю 1916 г. все трудоспособные беженцы работали на Брян-

ском заводе и в помощи не нуждались. Из общего числа 1 824 чел. на попечении комитета осталось лишь 200 чел. Из 10 тыс. руб., израсходованных комитетом на беженцев до 1 января 1916 г., лишь 2 тыс. руб. были ассигнованы из казённых сумм через Брянский уездный земский комитет, 5,5 тыс. руб. были пожертвованы заводоуправлением, 2,5 тыс. собраны цехами Брянского завода¹³⁵.

Подыскание заработка беженцам с самого начала входило в задачи организаций, занимавшихся их устройством¹³⁶. Имеющим заработок можно было не выдавать беженский паёк. На начало 1916 г., например, в Калужской губернии, по данным губернского отделения Татьянинского комитета, в помощи нуждались 77,4 % беженцев¹³⁷. В Орловской губернии в помощи нуждалось 66,2 %¹³⁸. Трудоспособных беженцев, кроме сельскохозяйственных и других сельскохозяйственных работ, направляли на казённые и частные заводы, фабрики, лесопилки, на железную дорогу и прочие работы. Так, к январю 1916 г. на Брянском заводе в Бежице работало свыше 1,5 тыс. беженцев, в марте 1916 г. 297 человек работали на военные нужды в Брянском Арсенале, артиллерийском складе, продовольственно-интендантском заведении, Риге-Орловской железной дороге; 280 чел. – на «частных работах»¹³⁹. Женщины-беженки в количестве 150 человек работали на табачных фабриках Елецкого уезда Орловской губернии¹⁴⁰. Для беженцев, умеющих шить, в Орле Дамским комитетом под председательством супруги губернатора была открыта мастерская по изготовлению дамских и детских платьев и др. вещей, плата за работу поступала целиком работницам-беженкам. Мастерская пользовалась популярностью у местного населения¹⁴¹. Отделениями Татьянинского комитета беженцы привлекались к починке белья для армии и шитью белья для беженцев¹⁴². Калужская Городская дума разрешила беженцам-извозчикам заниматься «извозчицким промыслом» в Калуге¹⁴³. В знающих сапожное дело нуждались кожевенные заводы в Тульской губернии, куда приглашались беженцы, осевшие в Калужской губернии. Бобруйский артиллерийский склад, эвакуированный в Калугу, предложил в ноябре 1916 г. работу сразу для 700 женщин-беженок с оплатой 1 рубль за 9-часовой рабочий день¹⁴⁴.

Сами беженцы в своих воспоминаниях отмечали, что жить только на беженское пособие можно было, лишь во всем себя ог-

раничивая, поэтому они трудились, чтобы иметь заработок. Так, беженка из Гродненской губернии Ираида Добаш вспоминала, что жить в Калуге было неплохо. Один брат работал музыкантом, второй – на масложиркомбинате, сестра служила у батюшки, отец был на фронте, мама не работала, т. к. Ириде было около года¹⁴⁵. О жизни в Москве рассказала Евгения Констанчук: «Дали нам квартиру на улице Бутырской, в доме номер 13 Бажанова, выдали одежду, обувь, топливо. Потом нас переместили в другой дом (в Москве). Папа с братом стали работать на литейной фабрике, сестра тоже работала. До отъезда в 1918 г. бедно не жили»¹⁴⁶. Мама Николая Панфилюка в Омске работала уборщицей, дядя учился в учительской семинарии и тоже работал. Отца в семье не было. Четверых маленьких детей взяли в приют, а старший учился в школе¹⁴⁷.

Беженцы, размещенные в сельской местности юго-восточных районов Европейской России, также описали свою трудовую жизнь. Например, Никита Качан из Саратовской губернии вспоминал, что когда отец был на фронте, мама работала у хозяев. Они получали пособие как семья фронтовика¹⁴⁸. По свидетельству Константина Масальского, бывшего в беженстве на Кубани, сего семья жила на хуторе: «Отец и братья работали у хуторян. Я пас хозяйских коров. Во время плевых работ все помогали хозяину»¹⁴⁹. Семья Марии Лисовской жила в селе Самарской губернии, в отдельном доме, работала у хозяина¹⁵⁰. Отец Тихона Трахмюка работал у хозяина на хуторе в Донской области, когда его взяли в армию, сын его заменил¹⁵¹. Семья Антона Козловского была размещена в Тамбовской губернии, отца сразу взяли в армию, а мама работала на сушильном заводе¹⁵². По воспоминаниям Ивана Белокозовича из Сибири, в Тобольской губернии их поселили на хуторе помещика. Отец работал конюхом, а мать кухаркой. Летом жали пшеницу¹⁵³.

Беженцы из всех регионов их размещения с благодарностью отзывались об отношении к ним коренного населения, отмечая заботу о них и готовность помогать: «Нам было очень хорошо. Мы бы не возвращались, если бы не коммунистический режим, при котором начался голод»; «Русские люди очень хорошие»; «Нас, беженцев, хлебом завалили, каждый день блины с маслом

ели»¹⁵⁴. Из воспоминаний беженцев, живших в Донской области: «Хорошо нам было в Донской области, казаки – хорошие люди <...>»¹⁵⁵; «Мы могли купить всё, цены низкие, а продукты высокого качества. Мы и другие беженцы жили здесь лучше, чем дома»¹⁵⁶; «Здесь люди ласковые, гостеприимные, накормили, вечером пришли с подарками, хлебом, мясом, салом»¹⁵⁷; «Все взрослые работали и регулярно получали заработную плату, а за деньги можно было купить всё. Высококачественных продуктов было множество, и цены на них были низкие»¹⁵⁸. Беженцы, жившие в пределах Тамбовской губернии, вспоминали: «Неплохо нам жилось в Тамбовской губернии»¹⁵⁹; «Если бы так к нам приехали, как мы сюда, то умерли бы с голоду»¹⁶⁰. Беженцев, размещенные на жительство в Рязанской губернии, отмечали, что приняли их хорошо, хотя сами много не имели»¹⁶¹. По их мнению, до революции хорошо жилось местным хозяевам и беженцам, в магазинах всё было, местные приносили беженцам еду и одежду. Из казны ежемесячно семье платили 35 рублей¹⁶².

Беженцы, размещенные в Тверской губернии, считали: «Среди русских хорошо было жить. Это был чрезвычайно хороший народ. Последний кусок хлеба были готовы с нами делить»¹⁶³. По воспоминаниям беженцев, размещенных в Симбирской губернии, доброта русских людей забываема. Они говорили: «Если бы к нам столько приехало в Польшу, выгнали бы. Поляк и белорус думает лишь о себе, а до других им и дела нет»¹⁶⁴. Теплое к себе отношение отмечали беженцы из Нижегородской губернии¹⁶⁵. «Помогало нам государство и люди. Хорошо нам там было, купили себе шубы. Если бы только не революция» (Пермская губерния)¹⁶⁶. «Всё было хорошо. Молока и масла хватало всем. Каждый день ели пироги и говядину» (Оренбургская губерния)¹⁶⁷. «Все беженцы вспоминают русский народ, которого лучше в мире нет»; «Разрешили брать сколько надо земли, коней»; «Люди там не такие, как у нас, а добрые и бесхитростные. Если бы к нам приехало столько, то на них и не взглянули бы, мол живите, как хотите. А нам помогали и власти и люди» (Омский уезд Акмолинской губернии)¹⁶⁸. В Кубанской губернии беженцам давали землю, зерно для сева, скот для выращивания, предметы домашнего обихода¹⁶⁹.

Как видим, в воспоминаниях беженцев их пребывание в российских тыловых губерниях в дореволюционной России осталось светлым периодом в их беженской жизни.

*
* *

В 1916 г. в стране наметилась тенденция к оптимизации государственных расходов, связанных с оказанием помощи беженцам, в связи с большими военными расходами в условиях, когда основная масса беженцев была уже размещена во внутренних губерниях и могла при наличии в стране дефицита рабочих рук самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Административно-исполнительная власть на местах приступила к проведению в жизнь политики более экономного расходования государственных средств, отпускаемых на нужды беженского населения. Губернаторы обязали городские и уездные управы обязали провести обследование семей, получавших государственные пособия, выявить среди них трудоспособных безработных, предложить им работу, а в случае отказа без уважительной причины предупредить о лишении беженских пособий. В Тульской губернии в начале 1916 г. губернатор предложил всем организациям, оказывавшим помощь беженцам, немедленно отправить из городов в сельскую местность всех способных к сельскохозяйственным работам беженцев вместе с семьями, а для находившихся в городских приютах организовать там работу. В том, чтобы дать беженцам работу в целях сокращения расходов казны, видел тульский губернатор задачу всех беженских организаций¹⁷⁰. В феврале 1916 г., в преддверии предстоявших весенних полевых работ, губернатору доложили о намеренном лишении пособий в Белёвском уезде — 2 человек, в Одоевском — 3, в Каширском — 7, в Ефремовском — 89, в Епифанском — всех мужчин трудоспособного возраста в количестве 564 человек. В Алексинском и Богородицком уездах такой меры как лишение пособия не потребовалось. Ещё в трех районах обследование ещё не было завершено. В Тульском уезде всем трудоспособным мужчинам и женщинам была предоставлена работа в Туле и пригородах¹⁷¹.

Не все беженцы соглашались на предложенную работу. Бюро труда калужского губернского отделения Татьянинского комитета сообщало губернатору о том, что только 35 чел. из Жиздры и один из Перемышля согласились работать по ремонту железнодорожного пути при г. Вязьме. К сообщению прилагался список отказавшихся от работ без уважительной причины, лишаемых бесплатного пайка¹⁷².

В сельской местности Особое Собрание по устройству беженцев предписывало снимать с казенного беженского пайка отказавшихся от сельскохозяйственных работ, не считая уважительной такую причину отказа, как «низкая» оплата¹⁷³. Например, Малоярхангельским Орловской губернии уездным комитетом помощи беженцам в марте 1916 г. были установлены следующие расценки на сельскохозяйственный труд: взрослым мужчинам платили 12 руб. в месяц, всем остальным — 7–8 руб., нормы подённой работы: мужчине — 60 коп., подростку — 30–40, женщине — 35, девочке — 25¹⁷⁴. Для сравнения, в соседнем Лебедянском уезде Тамбовской губернии эти расценки были ниже: мужчине платили 8, а женщине 4 руб. в месяц¹⁷⁵. В течение апреля 1916 г. в Калужской губернии на сельскохозяйственные работы стали 2973 чел., в июне — 1932 чел.: мужчин — 761, женщин — 500, подростков — 671 чел.¹⁷⁶ К октябрю 1916 г. на сельскохозяйственных работах по губернии находилось, согласно сведениям Татьянинского комитета, 14 % беженцев, «ставших» на другие работы насчитывалось 15 %¹⁷⁷. В то же время за отказ от сельскохозяйственных работ без уважительной причины, например, в Калужской губернии в мае 1916 г. были лишены пособий 590, в июне 1916 г. — 635 человек¹⁷⁸. В Орловской губернии в 1916 г. лишили пайков 3228 человек¹⁷⁹. В Курской губернии на 1 августа 1916 г. на сельскохозяйственных работах было занято 20, 3 % беженцев, призываемых местными самоуправлениями, на других работах — 4,8 %, безработные составили 8, 6 %. Они были сняты с беженского пайка¹⁸⁰. По результатам 1916 г. картина занятости беженского населения, например, в Рязанской губернии, выглядела следующим образом. Нетрудоспособных беженцев, куда входили дети до 14 и взрослые свыше 60 лет, полные инвалиды и калеки, временно нетрудоспособные, трудоспособные, осуществлявшие уход

за детьми, насчитывалось 68 %. В сельскохозяйственных работах участвовали 10 % беженцев, на других работах – 14 %, безработные составляли – 8 %¹⁸¹.

В мае 1916 г. происходило согласование смет расходов на беженские нужды на II квартал 1916 г., например, калужскую смету в размере 1205 109 рублей Особое совещание не утвердило, сократив её наполовину¹⁸². Губернским Совещаниям по устройству беженцев пришлось пересматривать свои сметы. Так, Рязанское Губернское совещание 2 мая 1916 г. не утвердило смету расходов Еврейского благотворительного общества помощи беженцам на усиленное питание некоторых беженцев – евреев, посчитав их видом медицинской или благотворительной помощи. Не были также выделены средства на организацию бюро труда при Еврейском комитете, на открытие детского очага на 60 детей, на обучение детей ремеслу. По этим вопросам было рекомендовано обратиться в Татьянинский комитет. Тульской губернии на нужды беженцев во втором квартале 1916 г., после дополнительных согласований, в итоге было ассигновано 983 692 рубля¹⁸³.

В июне 1916 г. Особое Совещание предписало соответствующим Губернским органам «из-за затруднений казначейства» снять с продовольственного пайка 10 % от общего числа беженцев в сельской местности и 15 % в городской, так как «острота беспомощного положения беженцев миновала». На баню отпускалось 10–20 коп. в месяц на человека, на амбулаторное лечение – 25 коп. в 3 месяца, на коечное лечение от 1 до 1,2 руб. в день, в детских приютах – 13,5–15 руб. в месяц. Расходы на одежду и обувь планировались на 20 % из общего числа призываемых, считая по 20 рублей на одного человека в год. Норма канцелярских и других расходов составила 12 % от общей суммы, выделяемой государством на нужды беженцев¹⁸⁴.

С первого октября 1916 г. Особым Совещанием было установлено сметное ассигнование на беженские пайки только для 50 % беженцев, а также снятие с пайка сельскохозяйственных рабочих. Одновременно был увеличен размер квартирного пайка в уездах. Например, в Калужской губернии – с одного до 1,2 рубля¹⁸⁵. В Курской губернии квартирное пособие в городах в 1916 г. увеличили с 1,2 до 2 рублей в месяц на человека, а продовольственный – с 15 до 20 копеек в день на одного члена семьи¹⁸⁶.

В 1916 г. производились реквизиционные выплаты. Так, крестьяне из Гродненской губернии, у которых при эвакуации в Калужскую губернию был реквизирован скот, в 1916 г. получили причитающуюся им плату. Сувалкский губернатор в Рязанской губернии производил через уездные управы расчеты с беженцами по реквизициям 1915 года. Кроме того, вопросами вознаграждения за окопные работы занималось Сувалкское Губернское по крестьянским делам присутствие, эвакуированное в Рязань¹⁸⁷. Между тем количество прошений на имя губернаторов, в городские и земские управы о назначении пособий по причине дороговизны возросло¹⁸⁸.

Выдача беженских пайков из-за «казначейских затруднений» постоянно осуществлялась с запаздыванием¹⁸⁹, к примеру, 10 июня 1916 г. Жиздринский уездный земско-городской комитет Калужской губернии по оказанию помощи беженцам сообщал о «хроническом недоедании беженцев в силу несвоевременной выдачи пайков» и просил аванс. В конце августа 1916 г. Жиздринские беженцы ещё не получали паёк за июнь. В середине декабря 1916 г. выдача пайков производилась за август и сентябрь. Уездный Комитет никак не мог согласиться с 50 % сокращением ассигнований на пайки, он не желал «навлекать на себя озлобление местного населения и беженцев» и считал невозможным продолжать работу по устройству беженцев в случае «задержки финансирования... в действительной потребности». Через год, в декабре 1917 г., Комитет объяснял допущенный перерасход средств на выплату беженских пайков, по-прежнему, невозможностью уменьшения их числа¹⁹⁰. Как видим, уездный комитет пошёл на перерасход средств, но не сократил количество получающих пайки, видя, что все эти люди действительно нуждались в помощи в условиях нарастающего продовольственного кризиса, когда именно малоимущие беженцы и городские жители испытывали наибольшую нужду. Между тем с начала своей деятельности в октябре 1915 г. по декабрь 1915 г. Жиздринский земско-городской комитет по устройству беженцев получил из казны и выдал продовольственных и квартирных пайков на сумму 142 052 руб., оплатил лечение беженцев, содержание питательных пунктов, одежду и бельё на 4586 руб. За весь 1916 г. продовольственных,

квартирных и «банных» было выплачено 418870 руб., всего 565508 руб.¹⁹¹

В Орловской губернии в связи с «крайним запаздыванием казённых ассигнований», например, благотворительный комитет при Брянском заводе взял на себя снабжение беженцев пособиями в размере казённых из своей кассы заимообразно¹⁹². Несвоевременная выдача казённых пайков и другие тяготы беженской жизни вынудили 19 человек, размещённых в с. Крутое, Елецкого уезда, Орловской губернии обратиться в начале 1916 г. в Татьянинский комитет с жалобой. Рассмотрение происходило на месте уполномоченным по устройству беженцев в Орловской губернии И. Голынским и Главноуполномоченным VIII района В. Лигиным. Проверка показала, что «многие старики и больные лишены продовольственного пайка, несмотря на поданные ими в попечительства медицинские свидетельства», что имеется острая нужда в одежде и обуви, что не все квартиры приспособлены для зимнего проживания, а казённые пайки выдаются с двухмесячным запаздыванием. Так, беженцы, прибывшие в сентябре 1915 г., получили деньги на продовольствие в ноябре. О задержке пайков писала газета «Орловский вестник»¹⁹³. Губернский земский комитет помощи беженцам по представлению проверяющих сделал распоряжение об удовлетворении «справедливых претензий» беженцев Елецкого уезда. Одновременно Орловской губернии в начале марта было перечислено 420 тыс. руб. (за январь–февраль 1916 г.) на удовлетворение нужд беженцев, в том числе Елецкого уезда¹⁹⁴. За 1916 г. Орловская губерния получила от государства на удовлетворение нужд беженцев 1512576 руб., в т. ч. на квартирное довольствие 400725 руб., продовольствие – 925246 руб., одежду и обувь – 50100 руб., содержание приютов – 10628 руб., амбулаторную и больничную помощь – 25475 руб., удовлетворение духовных нужд – 4700 руб.¹⁹⁵

Общая сумма, отпущенная государственным казначейством на оказание помощи беженцам с июля 1915 г. по 1 мая 1917 г. составила 509273 175 рублей. Из них Губернские Сопровождающие и земские управы получили 362226 798 рублей. Например, Калужская губерния получила около 6 млн руб. Национальным, общественным и частным организациям было выделено 103091 133 руб., из

них больше всех Центральному обывательскому комитету Царства Польского – более 27,5 млн руб., Латышскому центральному комитету – более 17,5 млн, Еврейскому центральному комитету помощи жертвам войны – более 14 млн. Татьянинский комитет получил около 14 млн руб. Железной дороге за перевозку беженцев было отпущено почти 10,5 млн руб. Частным организациям и учреждениям – более 2 млн руб., в том числе Переселенческому управлению 300 тысяч руб., Главноуполномоченным по устройству беженцев – около 300 тысяч рублей. Остаток неизрасходованных средств на 1 мая 1917 г. составил более 16,5 млн рублей¹⁹⁶.

*
* *

С началом Первой мировой войны в связи с ростом социальной напряжённости в обществе возросла востребованность благотворительности, которая показала свою способность быстрого реагирования в экстренных ситуациях. Возникшие в связи с началом войны Всероссийские благотворительные организации, наряду с РОКК, взяли на себя помощь пострадавшим от военных бедствий. Основным источником их финансирования стали государственные ассигнования. Они открывали в провинции свои отделения, кроме того, по инициативе самоуправлений и частных лиц возникли благотворительные организации местного уровня.

Концерты и спектакли, народные гулянья, кинематографические сеансы, кружечные сборы, лекции и лотереи, сборы вещей и продуктов для беженцев проводились отделениями Татьянинского комитета, национальных организаций, Земским и Городским союзами, ВОПоБ, комитетами помощи беженцам местных самоуправлений, благотворительными организациями, возникшими в период войны в городах и сельской местности. Так, в сентябре 1915 г. в губерниях начался сбор продовольствия «Ковш зерна нового урожая»¹⁹⁷. Накануне священники благословляли своих прихожан на это доброе дело¹⁹⁸. Добровольные сборщики объезжали на подводах селения и частновладельческие усадьбы и предлагали сдать пожертвования зерном, «избегая всякого рода

давления и принуждения к этому», как требовала инструкция. Жертвователю выдавалась квитанция с обозначением веса пожертвования. Собранное зерно сборщик доставлял в волостное правление и сдавал ответственному лицу уездного отделения Татьянинского комитета¹⁹⁹. «Пожертвования отдаются с большой охотой», — писал «Орловский вестник». В Ливенском уезде Орловской губернии «Ковш зерна» составил 11 336 пуд. ржи. Каждый беженец получил по 2–2,5 пуда зерна (взрослые и малолетние), собранные вещи раздали нуждавшимся²⁰⁰. «Орловская жизнь» в октябре 1915 г. сообщала об удачных сборах в пользу беженцев среди духовенства и «анонимном», прошедших в Волковской волости Малоархангельского уезда. В конце октября 1915 г. в Орловском уезде сельскими уполномоченными был проведён сбор картофеля для беженцев. Сборщики отмечали сочувственное отношение населения²⁰¹. В Елецком уезде, по данным уездного исправника, местные жители, видя нужду беженцев, «делали между собой сборы» для них ржи, картофеля, капусты и соломы для топки²⁰². В Мещовском уезде Калужской губернии уездным отделением Татьянинского комитета было собрано, в частности, более 2 тыс. пуд. ржи, более 100 пуд. овса, 5 тыс. рублей²⁰³, в Козельском уезде — более 1,7 пудов ржи, по 100 пудов муки, овса, ячменя, 148 руб. и 20 аршин холста²⁰⁴. Везде по губернии «ковш зерна дал очень удовлетворительные результаты». Губернатор распорядился все собранные в уездах продукты и холст расходовать на нужды приютов для детей беженцев, а вещи раздать нуждавшимся беженцам²⁰⁵.

В центральноевропейских губерниях отделения Татьянинского комитета в 1915 г. осуществляли сбор пожертвований под названием «Россия — разорённым окраинам». К 1 января 1916 г., например, в Калужской губернии, было собрано более 23 тыс. руб., т. е. ежемесячно в среднем по 3 285 руб. Крестьянское население жертвовало не только продукты, но и деньги²⁰⁶. В комитет направлялись сборы от музыкальных и драматических спектаклей и концертов, народных гуляний²⁰⁷. Дамские комитеты при отделениях, устраивали однодневные сборы пожертвований, собирая при этом до нескольких десятков тысяч предметов и тысячи рублей²⁰⁸. Например, Тульским губернским отделением Татьянин-

ского комитета в январе 1916 г. было собрано более 3,5 тысяч рублей пожертвований²⁰⁹. 12 января в честь тезоименитства Великой княжны Татьяны Николаевны отделениями Татьянинского комитета для пополнения своих средств, употребляемых на помощь беженцам, устраивались благотворительные концертные вечера для публики²¹⁰.

Повсеместный по городам России кружечный сбор 29–31 мая 1915 г., приуроченный ко дню рождения Великой княжны Татьяны Николаевны, принес 2,2 млн рублей. При этом если до августа 1915 г. ежемесячные расходы Татьянинского комитета составляли от 500 до 800 тысяч рублей, то в августе они составили более 2,6 млн, в сентябре — свыше 5,7 млн, в октябре — свыше 4 млн, в декабре — свыше 3 млн²¹¹.

Самые разные люди объединялись в различные благотворительные кружки, как например, в Брянске в августе 1915 г., где объединились 98 человек (мещане, студенты, курсистки, люди самых разных профессий) для организации питания беженцев, проезжающих через железнодорожные станции «Брянск» и «Полесская». Усилиями кружка ежедневно 700–800 чел. получали пищу²¹². Брасовским благотворительным обществом помощи пострадавшим от войны для беженцев был открыт в сентябре 1915 г. питательный пункт. Нуждающимся выдавалась горячая похлёбка из крупы, сала, картофеля, кулеш и по ¼ — ½ фунта хлеба, детям — по куску сахара. Так, с 8 по 22 сентября было накормлено более 16,5 тыс. чел., на что израсходовано 249 руб., что составляло 1,5 коп. на человека²¹³.

Для благотворительной деятельности люди объединялись и по территориальному принципу, и по месту службы или проведения досуга. Так, благотворительные кружки местных городских управлений по призрению детей беженцев собирали пожертвования в учебных заведениях, на предприятиях, в отделениях Дворянского и Крестьянского банков, от частных лиц²¹⁴. Газета «Калужский Курьер» писала: «Нашлись люди из калужской интеллигенции, которые, отбросив обычную калужскую инертность, отдают свой досуг добруму делу помощи беженцам <...> для беженцев делается всё, что возможно»²¹⁵. Благотворительные кружки местных земских Комитетов помощи беженцам из своих средств устанав-

ливали пособия для нуждавшихся, которые выдавались в индивидуальном порядке. Так, благотворительный кружок Спасского отдела Мценского уездного комитета попечения о беженцах Орловской губернии установил специальные пособия крайне нуждавшимся многосемейным на одежду и обувь, хроническим больным, на «безотлагательные» нужды, на подарки к Пасхе и Рождеству²¹⁶.

Благотворительное общество по оказанию помощи беженцам в с. Дятьково Брянского уезда оказывало помощь 347 беженцам, выдавая им денежные пособия, которых к февралю 1916 г. было выдано на 1240 руб. Деньги собирались путём уплаты членских взносов, организации кружечных сборов и других форм сбора пожертвований²¹⁷. Служащие орловского отделения Госбанка жертвовали на нужды беженцев собранные между собой деньги. «В пользу недостаточных учениц» женской гимназии Лихаревой, где обучались 80 девочек-беженок, в городском театре Орла устраивались благотворительные спектакли. Благотворительное римско-католическое общество Орла собирало средства на содержание детского приюта для беженцев²¹⁸. Пожертвования частных лиц передавались благотворительным организациям и через конторы местных газет.

Всем организациям для проведения благотворительных мероприятий предоставлялись равные возможности. Даты проведения Всероссийских благотворительных сборов сообщались губернаторам заранее. Разрешение на проведение благотворительных мероприятий местного уровня давали они сами. Например, кружок калужских железнодорожных служащих собирал средства на подарки беженцам к Рождеству, проводя накануне благотворительные концерты в железнодорожном клубе. В пользу беженцев проводило массовые мероприятия в городском саду культурно-просветительное общество «Вестник Знания», а группа студентов-калужан Петроградских вузов передала Земгору собранные деньги от спектакля в городском театре. В пользу польского населения, пострадавшего от военных действий, уполномоченным Польского комитета в Калуге 6 марта был организован концерт в зале Дворянского собрания, а 18 апреля 1916 г. спектакль в городском театре на польском языке. Калужское отделение латыш-

ского общества «Родина» 6 марта 1916 г. провело кружечный сбор пожертвований для латышей²¹⁹.

В Епархиальные комитеты по призрению беженцев население жертвовало для нуждающихся беженцев деньги, вещи и продукты. Комитеты помощи беженцам при архиерейских домах по приходам осуществляли выдачу собранных пожертвований. Епархиальные комитеты проводили кружечные и тарелочные сборы в церквях. Так, в мае 1916 г. сбор прошёл в 9, а в сентябре-октябре – в 18 церквях Калуги.

В губерниях действовали отделения Всероссийского общества попечения о беженцах, которые тоже в течение всего военного периода собирали пожертвования для содержания, например, бесплатных столовых для беженцев. Так, 3 марта 1917 г. в калужском кинематографе «Художественный» состоялся очередной благотворительный сеанс²²⁰. Тарусский уездный исправник в рапорте калужскому губернатору 27 февраля 1917 г. отмечал эффективную работу благотворительных обществ в уезде, которые «полностью оправдывают своё высокое назначение»²²¹.

Таким образом, законом от 30 августа 1915 г. «Об обеспечении нужд беженцев» заботы о беженцах были возложены на Министерство внутренних дел и созданное при нем Особое совещание по устройству беженцев, которым, прежде всего, были установлены ежемесячные беженские продовольственный и квартирный пайки, назначены Главноуполномоченные по устройству беженцев во внутренних губерниях. На местах попечение о беженцах поручалось губернаторам, земским и городским управлениям. Закон не запрещал деятельность ранее созданных общественных и национальных организаций помощи беженцам, а Татьянинский комитет освобождался от выдачи ежемесячных беженских пайков. В центральных губерниях Европейской России действовали все виды организаций помощи беженцам, упомянутые в законе от 30 августа 1915 г. Их основным источником финансирования являлась государственная казна. Эти организации осуществляли регистрацию, назначение и выплату ежемесячных и единовременных пособий, обеспечивали беженцев бесплатной медицинской и лекарственной помощью, одеждой, обувью, оказывали содействие в подыскании работы. Они орга-

низовывали детские приюты, убежища для престарелых и инвалидов, бесплатные и дешевые столовые, производственные мастерские, национальные школы. В среднем среди беженцев было более 70 % процентов требующих помощи, среди них около 15 % трудоспособных неработающих, осуществлявших уход за детьми.

Устройство на работу в условиях дефицита рабочих рук было возможным и позволяло разрешать проблему материального обеспечения беженской семьи. Сами беженцы в своих воспоминаниях отмечали, что жить только на беженское пособие можно было, лишь во всем себя ограничивая, поэтому они стремились получать заработок.

В 1916 г. наблюдалось постепенное сокращение государственных ассигнований на нужды беженцев. Городским и уездным управам вменялось в обязанность проведение обследований семей, получавших государственные пособия, предписывалось проявлять большую активность в обеспечении трудоспособных беженцев заработком, в лишении их пособий при отказе от работ без уважительной причины. Количество получавших пособие беженцев летом 1916 г. сократили на 25 %, затем с 1 октября 1916 г. — на 50 %, кроме того, сельскохозяйственные рабочие снимались с государственного пайка. При этом около четверти трудоспособных беженцев к концу 1916 г. не работали. Между тем, как показывали проверки, многие старики и больные необоснованно были лишены пайка.

Беженское население ощущало нужду в одежде и обуви, поэтому все организации, оказывавшие помощь беженцам, занимались сбором пожертвований с учетом, прежде всего, этих нужд. При этом использовались самые разные формы. Проведение массовых благотворительных мероприятий планировалось на всех уровнях, время их проведения заранее сообщалось населению, результаты обнародовались. Благотворительная деятельность отличалась массовой и всесословной поддержкой населения в течение всего военного периода.

Беженцы, где бы они не размещались, с благодарностью отзывались об отношении к ним коренного населения, отмечая заботу и готовность им помогать.

В заключение следует сделать вывод о том, что российская государственная власть в связи с вынужденной военными обстоя-

тельствами массовой эвакуацией населения из прифронтовых территорий, начавшейся летом 1915 г., решила комплекс проблем, включая финансирование и правовое обеспечение этого крупномасштабного мероприятия. В результате благодаря усилиям местной административно-исполнительной власти и самоуправления, благотворительных организаций всех уровней при поддержке населения система попечения о беженцах заработала, и задачи по размещению, обеспечению пособием и медико-санитарной помощью, приисканию заработка и многие другие успешно решались в тыловых губерниях Центральноевропейской России. Созданная российская система попечения о беженцах работала в полном соответствии с действовавшим законодательством до начала 1918 г., когда были отменены казенные пайки и ликвидированы все организации, оказывавшие помощь беженцам. Мероприятия по компенсации беженцам материальных потерь остались невыполненными, а их реэвакуация растянулась более чем на семь лет.

2.3. «Гражданские» пленные и депортированные

Разве Россия государство? Настоящее государство только немецкое. И царь-то ваш не настоящий, а немецкий... Вот Вильгельм завоюет Россию, он покажет Вам хозяйство!

Из разговоров немцев-колонистов (Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 85, 87).

К началу Первой мировой войны в 1914 г. в России проживало примерно 170 тыс. германских и 120 тыс. австрийских подданных²²². Война изменила их официальный статус: из мирного состояния иностранных подданных они превратились в подданных воюющих с Россией государств, то есть потенциальных врагов. Уже с 27 июля 1914 г. отменялись все льготы и преимущества, предоставлявшиеся подданным неприятельских государств различными договорами²²³.

Министерство внутренних дел предписало губернаторам подвергнуть немедленному аресту и выслать в специально отведённые места всех подданных Центральных держав мужского пола 18–45 лет, годных к военной службе. Если же благонадёжность вышеуказанного контингента не вызвала сомнений, то разрешалось проживание на прежнем месте под надзором полиции, после подписки о невыезде²²⁴. Обязательными постановлениями губернаторов указанные лица были объявлены военнопленными и обязаны в семидневный срок явиться в местные управления полиции²²⁵. Принадлежавшие им перевозочные средства и огнестрельное оружие подлежало конфискации²²⁶.

Первоначально в провинции, например, в Орловской губернии губернатор распорядился германских и австрийских подданных «подвергнуть личному задержанию» и заключить в тюрьму²²⁷. В Рязанской губернии неприятельских подданных призывного возраста принудительно как кандидатов на высылку доставили из уездов в Рязань, разместив в казармах 138 пехотного Болховского полка²²⁸. Если благонадёжность контингента сомнений не вызвала, его оставляли на местах. Например, в Калуге к началу войны проживало 15 таких семей, в том числе 12 немецких²²⁹. В Рязани после подписки о невыезде оставили 6 вражеских подданных, в том числе 4 семьи²³⁰. В Орле «безусловно благонадёжных» оказалось 11, в Мценском и Трубчевском уездах – по 2 чел. Высылке подлежали 22 человека из Орла и два из Мценского уезда, из Брянска – 3 германских и 6 австро-венгерских подданных (все 18–45 лет)²³¹.

Местами высылки подданных неприятельских государств в 1914 г. были определены Вятская, Вологодская, Костромская, Оренбургская губернии. Так, из Рязанской губернии в Вятскую выслали в начале сентября 1914 г. 9 германских и 3 австро-венгерских военнообязанных подданных²³². Из Брянска в Кострому были отправлены 6 австрийских подданных, а в Вологду 11 германских и один австрийский²³³. В октябре по предписанию командующего отдельным корпусом жандармов В.Ф. Джунковского германских и австро-венгерских подданных следовало высылать в Астраханскую губернию, прекратив высылку в прочие местности²³⁴. О неблагонадёжности подданных враждебных

государств активно сообщало полиции население. Например, воронежский мещанин Г. Попов в августе 1914 г. проинформировал полицию о том, что германский подданный Мировольский якобы высказывается в том плане, что война затеяна с целью уничтожить народ, которого стало много. Мир наступит только тогда, когда союзницы России Англия и Франция будут стерты с лица земли Германией, мощь которой огромна²³⁵.

Вражеские подданные подлежали удалению с предприятий, выполнявших военные заказы²³⁶. Так, в Калужской губернии в августе 1915 г. с Людиновского чугунолитейного завода были удалены австро-венгерские подданные Вильгельм Горячек, 34 лет и Иван Рикль, 19 лет. Они были оставлены в Жиздринском уезде под гласным надзором полиции²³⁷.

В 1915 г. военнообязанных вражеских подданных высылали из Центральные губернии в Уфимскую и Казанскую губернии²³⁸. Имели место и случаи возвращения высланных обратно. Так, в 1915 г. были возвращены обратно в Брянск двое германских подданных, так как за их благонадёжность поручился родственник – представитель местной административной власти (помощник начальника ОГЖУ по Брянскому уезду)²³⁹, разрешено возвращение одному военнопленному австро-венгерской армии, чеху по национальности.

В сентябре 1915 г. в преддверии разрыва дипломатических отношений с Болгарией, на места сообщалось, что болгарских подданных, признанных неблагонадёжными, следовало высылать в Ярославскую губернию, в октябре, после разрыва дипломатических отношений, местами для их выдворения была избрана Тамбовская губерния. Из губерний Европейского центра России, например, в уездах Воронежской губернии, до февраля 1917 г. находились 20 болгарских подданных²⁴⁰.

Высылки вражеских подданных, проживавших на рассматриваемых территориях Центральные губернии Европейской России к началу войны, продолжались и в 1916 г. Так, в феврале 1916 г. из пяти уездов Орловской губернии, входящих в состав Минского ВО, где сосредоточилось большое число воинских частей, учреждений и организаций, работавших на государственную оборону, губернатору было предложено выслать «всех без исключения лиц мужского и женского пола, немецкой, австрийской, турецкой

и болгарской национальности». В результате выслали 27 чел., но пятерых оставили как «абсолютно благонадёжных»²⁴¹. В Воронежской губернии в начале 1916 г. проживали 93 германский подданных и 137 австрийских. Когда встал вопрос о выселении 19 человек из них, работавших на кирпичном заводе, то владелец завода подал прошение об их оставлении на заводе как необходимых производству²⁴². Как видим, «выдворение» неприятельских подданных из мест их довоенного проживания имело перманентный характер в течение всего военного периода.

Выселение из приграничных территорий России во внутренние районы империи под надзор полиции граждан призывного возраста Германии и Австро-Венгрии началось накануне объявления войны. С 18 июля 1914 г. Вятская, Вологодская и Оренбургская губернии были определены местами их высылки. В 1915 г. стали высылать в Саратовскую, Уфимскую и Казанскую губернии, затем в Пермь и Енисейскую губернию²⁴³. Военнообязанных выселяли вместе с семьями. Например, из 289 германских и австро-венгерских подданных, пересылаемых в январе 1915 г. через Калугу, военнообязанных было лишь 58, то есть 20 %, остальные женщины и дети²⁴⁴. Возникали трудности с размещением подданных Центральных держав, пересылаемых этапным порядком через города Центрально-Европейской России, так как тюрьмы, где они обычно временно пребывали, не были рассчитаны на такое количество высылаемых, найти же свободное помещение было трудно.

Небольшая часть контингента оседала и в центральных районах Европейской России²⁴⁵. Например, в августе 1914 г. на жительство в г. Калугу из Бобруйского уезда Минской губернии и Риги Лифляндской губернии прибыли лица призывного возраста германского и австро-венгерского подданства с семьями, всего 16 чел. от 31 до 80 лет; затем 24 человека из Тельшайского уезда Ковенской губернии²⁴⁶. К августу 1915 г. в Калуге находилось 147 германских и 67 австро-венгерских подданных²⁴⁷. Общее количество подданных Центральных держав по всей губернии составляло 462 человека. Некоторые из них испытывали нужду, и губернатор обратился с ходатайством к генеральному американскому консулу о выдаче им пособий²⁴⁸. Постановлением губернатора водворенным под надзор полиции подданным воюющих

с Россией держав запрещалось выходить из дома с 9 час. вечера до 5 час. утра, вступать в разговоры с местными жителями²⁴⁹. В Орловскую губернию прибыли на жительство 73 семьи подданных неприятельских государств, в Воронежскую – 59, Курскую – 52 семьи²⁵⁰.

Всего в 1914 г. было перевезено во внутренние губернии 68 тыс., в 1915 г. – 134, в 1916 г. – более 41, в 1917 г. – более 11,5 тыс. человек²⁵¹.

В феврале 1915 г. в результате соглашения между русским и германским правительствами был разрешён выезд за границу германским подданным обоёго пола, однако мужчинам призывного возраста выезд разрешался лишь в случае признания их негодными к военной службе. Репатриантам необходимо было получить заграничный паспорт и за свой счёт перебраться через Петроград в Финляндию или через румынскую границу. Золотые монеты и банковские вклады вывозу не подлежали. В марте 1915 г. такое же разрешение выезда за границу получили подданные Австро-Венгрии²⁵². Далеко не все германские и австро-венгерские подданные могли воспользоваться предоставленным правом выезда на родину из-за недостатка средств²⁵³. В числе первых выехавших в 1915 г. были, например, германские подданные из Рязани В. Зауер 50 лет, Э. Эйзеле, Г. Ридаль 63 лет²⁵⁴. Правительства Германии и Австро-Венгрии через американское посольство выдавали своим подданным, находящимся в России, пособие. На январь 1917 г. оно составляло 30 рублей в месяц для германских и 10 рублей для австро-венгерских подданных, детям до 12 лет – 15 и 5 рублей соответственно²⁵⁵.

Решение об интернировании военнообязанных подданных Османской империи, вступившей 16 октября 1914 г. в войну на стороне германо-австрийского блока, было принято Советом министров и Ставкой Верховного главнокомандующего 25 октября 1914 г. Из пограничных районов турецких подданных стали направлять в Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии, из Европейской части России – в Воронежскую, с Северного Кавказа – в Ярославскую, а из Закавказья – в Калужскую губернию²⁵⁶.

Размещение и содержание военнообязанных турецких подданных можно рассмотреть на примере Калужской губернии, в которую со 2 ноября 1914 г. партии интернированных (в доку-

ментах они также именовались «военнопленными», «высланными», «военнообязанными») прибывали одна за другой²⁵⁷. Так, 2 ноября 1914 г. прибыло в распоряжение калужского полицмейстера 558 человек²⁵⁸, на следующий день – 199 чел. К концу ноября их количество увеличилось до 2454 человек²⁵⁹. Это были в основном турки и курды, в большинстве своём неимущие чернорабочие²⁶⁰.

Имевшие средства устраивались на частных квартирах и в гостиницах, а с размещением неимущего большинства возникли трудности. Власти были в растерянности, так как «всё было занято ранеными, в казармах – ополченцы и новобранцы», поэтому с 6 ноября турецких подданных стали направлять в уезды, в которых осело от 30 чел. в Тарусском до 150 чел. в Жиздринском; всего 750 чел.²⁶¹ В Калуге всё же удалось разместить группами большую часть всех прибывших, правда, довольно скученно. Калужскому исправнику было поручено «озаботиться приисканием для турок заработков, могущих доставлять им пропитание... Проживать турки должны за свой счёт»²⁶². Беднейшие из турок были истощены и завшивлены. При таких условиях возникновение очага сыпного тифа было естественным явлением. Действительно, 25 ноября 1914 г. приставу первой части г. Калуги стало известно, что «среди беднейших военнопленных турок, расквартированных на Георгиевской за верхом улице, в доме княгини Вяземской, появилась болезнь, сопровождавшаяся слабостью и жаром, от которой заболело до 75 человек»²⁶³. Прибывший на место врач диагностировал сыпной тиф. Заболевших поместили в специально открытую «турецкую» больницу, которая обслуживалась медицинским персоналом 35 сводного эвакуационного госпиталя военного ведомства²⁶⁴. Отправка в уезды была остановлена.

С февраля 1915 г. больных размещали в специально построенных двух заразных бараках при Хлюстинской земской больнице, оборудованных дезинфекционной камерой, с баней и прачечной. Для улучшения условий проживания помещения в Калуге, где размещались турецкие подданные, к началу февраля 1915 г. были отремонтированы, а из 29 жилых вагонов на Окской железнодорожной ветке 3 вагона отвели под санитарные. Заболевших стали перевозить в специальной повозке, выделенной городской управой²⁶⁵. Однако число заболевших к январю возросло до 268, умерших – до 52 человек (их хоронили на кладбище при Хлюстинской

больнице, в специально отведённом месте). В Калуге с начала эпидемии по сентябрь 1915 г. скончались 295 турецких подданных (12 % от их общего количества)²⁶⁶. В уездном г. Козельске в январе 1915 г. от сыпного тифа скончался становой пристав и три нижних полицейских чина²⁶⁷. Для проведения противоэпидемических мероприятий в Козельском и Жиздринском уездах, где также наблюдалась значительная вспышка сыпного тифа, из Калуги направили эпидемические отряды, которые подвергли дезинфекции места расквартирования и другие, в том числе все лавки и чайные Козельска²⁶⁸. К сожалению, дезинфекцию помещений провели с опозданием. В марте 1915 г. умер от сыпного тифа, заразившись от турок, которых он осматривал, калужский санитарный врач И.Ф. Аккерман. Через месяц после его смерти в г. Жиздре скончался заведующий санитарной частью в уезде врач А.И. Шокуров, 34 лет. Спустя шесть дней умер также от сыпного тифа помощник Шокурова – санитарный фельдшер И.А. Иванюшин, 32 лет²⁶⁹.

Местные общественные самоуправления, выполняя решение губернского санитарного совета, с января 1915 г. увеличили размер продовольственного пайка «турецко-подданным» с 10 до 15 коп. в сутки, учитывая их истощённое состояние, способствующее высокой заболеваемости. Калужская горуправа к тому же приобрела для них смену белья²⁷⁰. Газета «Калужский курьер» в статье «Турок моют» осветила процесс их санитарной обработки в снятых для этой цели банях: «Машинка после стрижки 2–3 человек приходит в совершенную негодность <...> из бани турки выходили в русских меховых шапках, молескиновых пиджаках, чистеньких лаптях <...> и выглядели смуглыми, черноокими красавцами неопределённой расы, весьма оригинального вида <...>»²⁷¹.

В дальнейшем до конца войны подобной величины эпидемий в губернии не было допущено. Расходы Калужского губернского земства на лечение и погребение турецких подданных в размере 5 тыс. руб. были возмещены из средств, обычно расходовавшихся на проведение противочумных мероприятий²⁷².

Турецких подданных направляли на казённые и общественные работы, на частные предприятия, причём турки, как правило, неплохо зарабатывали²⁷³. В Калуге это был кирпичный завод Пантюшина, лесопильный завод Мешкова, Никольская переправа

через Оку, строительство казарм для 9 и 10 пехотных полков и др. Они выполняли ремонтные железнодорожные работы, разные работы на Дугнинском чугуноплавильном заводе в пределах Калужского уезда²⁷⁴, Людиновском чугунолитейном Мальцовского АО (25 чел.)²⁷⁵, Дудоровском заводе братьев Меншиковых (30 чел.), лесопильном заводе Дурново (15 чел.) в Жиздринском уезде, на бумажной фабрике В. Говарда в Медынском уезде; за пределами Калужской губернии – в АО «Тульские чугуноплавильные заводы»²⁷⁶. Трое турецких подданных, определённых на работу в селе Дugna Калужского уезда, бежали оттуда через два месяца и скрылись из-под надзора полиции²⁷⁷. С апреля 1915 г. турецкие подданные выполняли сельскохозяйственные работы по заявкам землевладельцев, например, к Коншину и Голицыну в Калужский уезд отправили 44 человека²⁷⁸.

В Калуге один из пяти состоятельных турецких подданных, поселившихся в доме почётного гражданина М.М. Фишера, в 1915 г. был уличён в шпионаже. В связи с этим домовладелец-немец, имевший русское подданство, попал под подозрение в пособничестве шпионажу. Высылка престарелого М.М. Фишера из Калуги окончилась его смертью 1 октября 1916 г. в г. Чистополе Казанской губернии²⁷⁹.

По предписанию министра внутренних дел в течение 13–15 сентября 1915 г. подданные Османской империи как «пришлый элемент» были высланы из Калуги в Уральск, за исключением 42 чел., работавших в пекарне, поставлявшей хлеб в местные госпитали и военные части²⁸⁰. Газета «Калужский Курьер» от 15 сентября 1915 г., не владея «совершенно секретной» информацией о причинах высылки из губернии «пришлого элемента», комментировала распоряжение губернатора так: «Мера эта является вполне своевременной ввиду недостатка в губернии помещений, а турки занимают только в Калуге три казармы»²⁸¹. Из уездов турок также выслали в Уральск и Казань в сентябре – первой половине октября 1915 г. в связи с возможным переводом ставки Верховного главнокомандующего в Калугу²⁸².

В других губерниях центральноевропейской России, например, в Воронежской, турецкие интернированные граждане находились на протяжении всего военного периода. Так, на городских общественных работах в Воронеже турки в марте 1916 г. были

недовольны и жаловались, что им платят 70 копеек в день, а русским 1 рубль²⁸³. В Рязанской губернии на февраль 1916 г. находилось 600 военнообязанных турецких подданных, их труд использовался в сельском хозяйстве и на различных предприятиях²⁸⁴. В 1915 и 1916 гг. процесс интернирования турецких подданных из приграничных кавказских территорий (Сухума, Зугдиди, Карса, Баку и др.) в Центральные губернии Европейской России не прекращался²⁸⁵.

*
* *

Помимо подданных враждебных России держав, проживавших к началу войны на территории России, военное командование для облегчения ведения боевых действий интернировало и военнообязанных жителей оккупированных районов с семьями, «заподозренных в шпионаже». В основном это были немцы и евреи из Восточной Пруссии, количество которых до сих пор точно не установлено²⁸⁶. Более 20 тыс. евреев было перемещено из Галиции и Буковины в период с августа 1914 по июль 1915 г., по подсчётам современных исследователей²⁸⁷. Есть данные о содержании под стражей в калужской тюрьме весной 1915 г. по указанию генерала В.Ф. Джунковского около 30 военнообязанных евреев австрийского подданства²⁸⁸. В тюрьмах Калужской губернии с лета 1914 г. находились 7 прусских подданных, подозреваемых в шпионаже и высланных из района военных действий Северо-Западного фронта. В декабре 1914 г. они были освобождены из тюрьмы и водворены на жительство в г. Боровск Калужской губернии под надзор полиции. За исключением одного, все поднадзорные были в возрасте от 45 до 78 лет. На их содержание были получены специальный кредит. В Тарусе до окончания войны были размещены на жительство под надзором полиции трое граждан возраста от 57 до 72 лет русского подданства из Гродненской губернии, высланных оттуда также по подозрению в шпионаже²⁸⁹. События осени 1914 г. на территории Варшавской губернии описал офицер 171 пехотного Кобринского полка В.В. Корсак (Завадский), отмечавший, что местное польское население самостоятельно «выявляло» шпионов и доносило об этом воен-

ным²⁹⁰. В тюрьмах Павловского и Бирюченского уездов Воронежской губернии содержались высланные из Галиции австрийские подданные, подозреваемые в шпионаже, – 28 и 10 человек соответственно²⁹¹. В Курской губернии находилось более 1 тысячи интернированных австро-венгерских подданных из Галиции²⁹².

Что касается нерусского населения, принявшего в своё время подданство России или русских подданных «неблагонадёжных» национальностей, то уже осенью 1914 г. началось выселение немцев-колонистов русского подданства из приграничных губерний²⁹³. Они в 1915 г. с семьями прибывали в центральную Россию из Сувалкской, Волынской, Люблинской и других губерний. Им полагалось при отсутствии заработка и наличии нужды пособие в размере арестантского, квартирные деньги до 3,5 рублей на взрослого и 1,75 руб. на ребёнка, на семью в месяц – до 7 рублей, на одежду – не более 30 рублей в год. Например, 3 августа в Калугу прибыло на жительство 42 немца-колониста, высланных из Волынской губернии²⁹⁴. По распоряжению губернатора, местом для их жительства был назначен Лихвинский уезд²⁹⁵. В Калужской губернии немцы-колонисты долго не задержались, так как в сентябре 1915 г. всем им было предписано выехать в суточный срок из пределов губернии по обстоятельствам военного времени²⁹⁶. Но ещё до массового выселения один из немцев-колонистов из Плоцкой губернии Адольф Карл Радоц был арестован ГЖУ как политически неблагонадёжный и выслан в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции на 2 года с 1 июля 1915 г. Расследование показало, что устроившись старшим рабочим на кирпичный завод Пантюшина в Калуге с заработной платой 200 рублей в месяц, Радоц грубо обращался с подчиненными русскими рабочими, называя их не иначе как свиньями, предлагал их увольнять, заменяя турецкими подданными, размещёнными в Калужском уезде. «Я немец и должен помогать союзникам-туркам», – заявлял Радоц²⁹⁷.

Заодно с немцами-колонистами из губернии как «враждебный элемент» удалили и 20 евреев российского подданства²⁹⁸, ранее высланных из прифронтовой полосы в Калугу²⁹⁹. По воспоминаниям вице-директора департамента полиции К.Д. Кафафова, калужский губернатор летом 1915 г. распорядился содержать их

под стражей на том основании, что Калужская губерния не входила в черту оседлости евреев³⁰⁰, следовательно, они свободно тут проживать не могли³⁰¹. Об их освобождении хлопотали члены Государственной думы, поэтому высылка способствовала разрешению конфликта.

В Рязанской губернии на начало 1917 г. во всех уездах находились немцы-колонисты из Западных губерний в количестве 2018 человек. Они трудились преимущественно в сельских хозяйствах³⁰². В Курской губернии до лета 1917 г. находились в качестве ссыльных 200 немцев русского подданства, в основном колонисты из Волынской губернии³⁰³.

Более трёх тысяч евреев русского подданства, высланных военными властями из приграничных территорий, были расселены в Воронежской губернии. Из них в Воронеже – 1,5 тыс. Они в основном проживали на частных квартирах за свой счёт³⁰⁴. Нуждавшиеся немцы-колонисты и евреи российского подданства, высланные военными властями и не состоявшие под надзором полиции, получали беженские пособия.

Отношение населения провинции к «внутренним немцам», или «германцам», к которым относились не только подданные неприятельских держав, но и выходцы оттуда, имевшие российское подданство, с началом войны изменилось, как и государственная политика по отношению к ним. Многие из российских подданных, имевших нерусские фамилии, с началом войны стали менять их на русские. Новые названия получали улицы, различные заведения. Так, в Орле гостиница «Берлин», где «всё было на европейский лад», была переименована в «Белград»³⁰⁵. Калужская Городская дума обсуждала вопрос о новом названии улицы Венской³⁰⁶. Главный врач санитарного поезда, доставлявшего в Орёл раненых, «превратился» из Хальбрейха в Полубогатова³⁰⁷.

В рабочей среде уже в 1914 г. сложилось общее мнение, что на производстве не должно быть места специалистам германского происхождения, которые, как считали рабочие, не были заинтересованы в победе России. Так, калужский губернатор сообщал об этих настроениях, возникших «со времени объявления войны Германией», Департаменту полиции³⁰⁸. Рабочие Троицко-Кондровской писчебумажной фабрики Говарда Медынского уезда Калужской губернии потребовали удалить директора Р. Эльц-

берга, немца по происхождению, перешедшего в русское подданство³⁰⁹.

Определённая часть «германцев» или членов их семей своим поведением провоцировала враждебное к себе отношение тем, что демонстративно не разделяла всеобщей радости при победах русской армии, не вставала, как все во время исполнения русского гимна при посещении культурно-просветительных учреждений и т. д. Так, в Брянске во время патриотической манифестации по поводу начала войны жена мастера Радицкого завода, рижская мещанка Спрудз была «избита толпой» за демонстративно антипатриотичное поведение³¹⁰. В Зарайске Рязанской губернии германский подданный Карл Мейер был уличен в распространении среди сельского населения версии о ненадёжности системы сберегательных касс России, а уроженец Пруссии Карл Штейнвальдер, имевший русское подданство, «возбуждал волнение» среди рабочих, делая попытки закрыть фабрику, являясь её совладельцем³¹¹. Любые проявления германофильства неизменно вызывали крайне негативную реакцию населения³¹².

В деревне также с начала войны наблюдалось подозрительное отношение к «германцам». Так, в октябре 1914 г. крестьяне Мещовского уезда Калужской губернии поставили в известность местную административную власть, что управляющий одним из имений Ю. Розенбах (русский подданный) распространяется о том, что немцы скоро будут в Варшаве, а затем и в Калуге³¹³. Крестьяне были свидетелями того, как управляющий, прочтя в «Русском слове» о победоносном сражении русской армии, «рассердился и порвал газету на мелкие кусочки»³¹⁴.

Усиление антинемецких настроений вызвало «великое отступление» русской армии весной 1915 г., сопровождавшееся большими людскими потерями при катастрофической нехватке вооружения, в обстановке неуклонного роста цен и спекуляции. По данным политических обзоров калужского ГЖУ, народные массы волновало и возмущало плохое вооружение армии, назначения на высокие военные посты лиц немецкого происхождения³¹⁵. «В Гродненской крепости были поставлены начальствующими лицами немцы, которые только подводили русских...», — так полагал, например, крестьянин Е. Жарков Дороховской волости

Медынского уезда Калужской губернии³¹⁶. В Орловской губернии в сентябре 1915 г. в г. Болхове две разные партии ратников ополчения II разряда, призванных в войска, вместе с местными жителями два дня подряд (10–11 сентября) устраивали погром в кондитерской, принадлежавшей германскому подданному Г. Тецлаву, после чего Тецлав с семьёй был выслан из Болхова³¹⁷. Учащиеся Орловской школы садоводства в июле 1915 г. выступили против существующих в школе порядков, установленных директором немецкого происхождения Ферхманом. За разжигание межнациональной розни в Орле в июле 1915 г. постановлением губернатора была закрыта типография Союза русского народа и приостановлено издание газеты «Орёл». В статьях «Что делать с нашими немцами», «Кто жид и кто немец», «Невинная немочка» и др. приводились списки «немцев», которые все в основном являлись русскими подданными и даже занимали высокое служебное положение.

Среди рабочих предприятий, работавших на оборону, в этот период антинемецкие настроения выражались всё в том же стремлении удалить с заводов «немцев». При этом рабочие исходили из патриотических соображений, т. к. были уверены, что немцы сдерживают выпуск необходимых армии предметов вооружения³¹⁸. Так, в августе 1915 г. у рабочих Людиновского чугунолитейного завода Жиздринского уезда Калужской губернии сложилось мнение, что в трудную для Родины минуту можно было бы вырабатывать больше боеприпасов, а в заводской лаборатории организовать производство взрывчатых веществ. Они подозревали в «измене» всё «немецкое» руководство завода, якобы желавшее победы немцев: директора И.Р. Страсбургера, его заместителя Б.Р. Шифферса, заведующего большой механической мастерской Франца Родэ. Настроение рабочих не осталось без внимания ГЖУ, которое предприняло проверку, но доказательств измены не было собрано никаких, а «немцы» на самом деле имели русское подданство³¹⁹. На Брянском заводе в с. Бежице Орловской губернии по распоряжению Артиллерийского управления в июле 1915 г. были сняты с производства морские снаряды большого калибра. Рабочие же увидели в этом происки врагов. На заводе стал циркулировать слух, что к отливке военных снарядов недоброжелательно относятся «еврей немецкий инженер Билькин

и мастер немец Эдуардов», которые, кроме того, «когда победа немцев, радуются этому»³²⁰. Проверкой слухов занималось Орловское ГЖУ, также не установившее «измены» со стороны «немецких евреев» – российских подданных³²¹.

Объявление Германии и Австро-Венгрии 23 октября 1916 г. о создании Польского государства на отвоёванной у России территории вновь усилило антигерманские настроения в обществе. На совместном заседании Государственного совета и Государственной думы вновь назначенный председатель Совета министров А.Ф. Трепов заявил, что в России «всё оказалось захваченным в значительной мере германскими выходцами: промышленность, школа, наука, искусство»³²². Выступление А.Ф. Трепова напечатала официальная губернская пресса, но и менее официальные газеты писали о том же. К примеру, что «победа над Германией будет неполной, пока останется немецкий экономический гнёт, что немцы сумели воспользоваться своей исключительной способностью устраивать благополучие на чужой земле. Но теперь немец из тайного врага России стал явным и притом самым страшным врагом»³²³. Однако, антинемецкая тематика в провинциальной прессе, безусловно, отражавшей общественные настроения, в этот период была неглавной. Ведущей темой являлась дороговизна и частые перебои в снабжении предметами первой необходимости.

Таким образом, высылка неприятельских подданных, признанных неблагонадежными, из мест их довоенного проживания в Центре Европейской России происходила в течение всего военного периода, являясь мерой, безусловно, вынужденной, обусловленной обстоятельствами военного времени. Центральные губернии становились местом временного размещения неприятельских гражданских подданных Германии и Австро-Венгрии из западных приграничных районов империи, пересылаемых российскими властями этапным порядком вглубь страны. Незначительное количество пересылаемых оседало на территории Центральных губерний. В феврале–марте 1915 г. подданные Германии и Австро-Венгрии непризывного возраста получили право за свой счет выехать на родину.

Центральные губернии стали специальным местом высылки интернированных военнообязанных подданных Османской импе-

рии из приграничных территорий Кавказского региона. Они прибывали на жительство без семей, подавляющее большинство составляли неимущие чернорабочие. Их размещение было связано с большими трудностями из-за недостатка свободных помещений. Скудное проживание группами привело к распространению эпидемий тифа, которая, например, в Калужской губернии в 1914–1915 гг. унесла жизни 12 % турецких граждан.

В Центральных губерниях Европейской России также размещали имевших русское подданство немцев-колонистов и евреев, заподозренных в шпионаже и высланных из районов боевых действий.

Наряду с изменением государственной политики изменилось и отношение населения к «внутренним немцам» – подданным неприятельских держав и выходцам оттуда, имевшим к началу войны российское подданство. Всякое проявление германофильства с их стороны неизменно вызывало негативную реакцию населения. В провинции существовали протестные настроения против немецкого засилья, местами принимавшие националистическую окраску.

2.4. Военнопленные Центральных держав

... распушенность военнопленных допущена самими хозяевами, у которых они находятся на работах.

Из рапорта рязанского уездного исправника от 7 июля 1916 г. (ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 356–356 об).

Пленные обзавелись штатским платьем и свободно разгуливают в ночное время по слободе, чем вызывают неудовольствие населения.

Из секретного рапорта помощника начальника Воронежского ГЖУ от 3 октября 1916 г. (ТАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 227).

Число военнослужащих Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии, взятых в плен российской армией, по современным оценкам, составляет около 2 млн человек, в том числе 1 736 764 военно-

служащих австро-венгерской, 159390 немецкой, 64509 турецкой и 670 болгарской армий³²⁴.

Правовой статус военнопленных на территории Российской Империи определялся «Положением о военнопленных», утверждённым императором в октябре 1914 г.³²⁵ Положение представляло собой перевод Гаагских конвенций 1907, 1911 гг. «О законах и обычаях сухопутной войны», включавший как права и обязанности военнопленных, так и правила их содержания, трудового устройства, перевозки и т. д. В Положении был закреплён принцип военного управления делами военнопленных.

В 1914–1915 гг. военнопленных направляли в основном в азиатскую часть России. В европейской России военнопленных содержали казарменным порядком в приспособленных помещениях, в том числе при местных воинских частях. Устройством сборных пунктов и пунктов постоянного размещения военнопленных занимались штабы военных округов по согласованию с губернаторами или войсковыми начальниками³²⁶. Так, в Воронеже в 1914 г. для военнопленных отвели свободные казармы и городской ночлежный дом, этих помещений хватило для 450 нижних чинов. Заведовать военнопленными был назначен начальник гарнизона полковник Александров. Военнопленных славян разместили отдельно от немцев и венгров. Например, в Тихвинских казармах славян было 176, а немцев и венгров 57. Помещений скоро стало не хватать. Так, в 1915 г. 325 военнопленных турок разместили с трудом и довольно скученно, что привело к распространению среди них заразных болезней. Лечение вражеских военнопленных осуществлялось везде в тех же лечебных учреждениях, что и русских военнослужащих. Например, в октябре 1914 г. в 62 сводном эвакуационном госпитале Воронежа находились 344 военнопленных³²⁷. По медицинским показаниям военнопленных отправляли в московский Генеральный Императора Петра I военный госпиталь, как например, майора австро-венгерской армии Гетца Балаца, находившегося в воронежском госпитале³²⁸.

В Калуге в 1916 г. военнопленным отвели помещения, где ранее содержались интернированные военнообязанные турецкие подданные. Расселение «по обывателям» категорически запрещалось³²⁹.

«Заведование» военнопленными калужский полицмейстер возложил на пристава эвакуированной в Калугу Белостокской городской полиции, а в помощь ему назначил околоточного надзирателя. Два круглосуточных поста городских возле каждой казармы наблюдали за тем, чтобы посторонние не появлялись возле них, а военнопленные не покидали помещения без разрешения³³⁰.

Военнопленным также запрещалось: «Собираться в группы вне мест квартирования для праздных разговоров; посещать без разрешения дома местных жителей, а жителям принимать их у себя; пользоваться чужим званием, фамилией с целью пересылки и получения корреспонденции; проявлять демонстративные выходы и враждебное отношение к местному населению; самовольно прекращать работы, совершать побег; предъявлять к работодателю требования по облегчению труда, улучшению пищевого довольствия, выдаче кожаной обуви вместо брезентовой или лаптей; выпрашивать у местных жителей подаяния как денежные, так и вещами или продуктами <...>»³³¹.

Нарушителям режима грозил арест до трёх месяцев или же денежный штраф до 3 тыс. рублей, если допущенное нарушение не заключало в себе преступное деяние, за которое они подлежали военному суду³³². Несмотря на запреты, военнопленные позволяли себе нарушать режим при отсутствии должного за ними надзора³³³. Начальник Орловского ГЖУ видел причину в том, что некоторые из военнопленных «получали из дома много денег», и это «сближало их с нижними чинами, несущими охрану»³³⁴.

Неоднократные проверки содержания военнопленных показывали неудовлетворительное состояние охраны и надзора за ними со стороны чинов гарнизона и полиции. Об отсутствии должного надзора за военнопленными в г. Боброве писала газета «Воронежский телеграф» 25 мая 1916 г.³³⁵ Одна из проверок содержания военнопленных офицеров в Богучарске Воронежской губернии летом 1916 г. показала, что их жилище охранялось часовым, прогулки по городу осуществлялись тоже под охраной, но в ночное время дом не запирался, изгородь плохая, и офицеры уходили на ночь к женщинам. В слободе Калач Богучарского уезда надзор за командой военнопленных из 70 человек был поручен местному

агроному Мяздрикову, последний перепоручил его одному из военнопленных. В результате его поднадзорные «обзавелись штатским платьем и свободно разгуливали в ночное время по слободе, чем вызывали недовольство местного населения»³³⁶. В уездном Землянке офицеры неоднократно замечались в самовольных вечерних прогулках, охранявшим их солдатам об этом было известно, но они за молчание получали часевые. Прапорщик, надзиравший за офицерами в Землянке, сам принимал их на своей квартире. Местный исправник Куколевский, по мнению ГЖУ, ежедневно в клубе занимался карточной игрой, вместо того, чтобы наблюдать за порядком. Военнопленные офицеры при открытых окнах до вечера могли распевать немецкие песни, что было запрещено. При этом местный воинский начальник на это не реагировал, здороваясь с ними во время этого занятия. Кроме того, военнопленные офицеры систематически заставлялись на прогулках по городскому кладбищу с барышнями и молодыми дамами. Местом встреч офицеров с дамами являлся также зубной кабинет Шифрина. В 11 часов вечера 1 августа 1916 г. в частном саду Савельева был задержан прапорщик австро-венгерской армии Людвиг Пбляк, гулявший с женой псаломщика Марией Поповой. Прапорщик был в гражданской одежде³³⁷.

В Рязанской губернии городской полиции в 1916 г. приходилось неоднократно задерживать на улицах военнопленных, находившихся там без присмотра, и препровождать их в городскую и земскую управы или передавать другим хозяевам³³⁸. В уездах хозяева, взявшие на работу военнопленных, надлежащего надзора за ними также не обеспечивали при попустительстве чинов полиции, которые, как показывали проверки, объезжали свою территорию очень редко. Вместо казарменного содержания военнопленные проживали вместе с хозяевами и отпускались ими всюду без присмотра. Дошло до того, что военнопленный в селе Матчино Затишьевской волости Рязанского уезда объявил себя гадальщиком и свободно занимался этим делом. При этом сельский староста Осипов начальству об этом не сообщал³³⁹.

С февраля 1915 г. были введены в действие «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», согласно которым военнопленные поступали в распоряжение губернских

или уездных земских управ³⁴⁰. С марта 1916 г. функция распределения военнопленных на работы перешла от военного министерства к министерству земледелия. В 1915 г. на сельскохозяйственных работах использовались в основном военнопленные славянской национальности австро-венгерской армии³⁴¹. С лета 1915 г. с целью ускорить процесс получения военнопленных для полевых работ Совет министров видоизменил порядок их отпуска. Теперь заинтересованным организациям следовало обращаться непосредственно в штаб соответствующего ВО, лишь поставив в известность губернатора о своём обращении³⁴². В Центральных губерниях Европейской России, например в Тульской, в январе 1915 г. для сельскохозяйственных работ было запрошено 1837 военнопленных «исключительно славянского происхождения». Местным исправникам было поручено продумать организацию надзора за военнопленными и представить свои соображения губернатору, что было исполнено. В конце марта 1915 г. из Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) поступили сведения об отпуске Тульской губернии первой партии военнопленных в количестве 1235 человек. К августу 1915 г. на полях Тульской губернии трудилось в общей сложности 5189 военнопленных, в том числе 927 человек в Веневском уезде, 766 – в Ефремовском, 756 – в Каширском³⁴³. В Рязанскую губернию в 1915 г. было прислано на сельскохозяйственные работы 3523 военнопленных³⁴⁴.

По поводу отказов от работ ГУГШ информировало о возвращении таких военнопленных в распоряжение военного ведомства, однако без замены на других³⁴⁵. Такое положение нередко являлось поводом для шантажа со стороны военнопленных. Показательно в этом плане заявление землевладельца В.Ф. Разевского в Алексинскую Тульской губернии земскую управу по поводу поведения военнопленных, отпущенных в его распоряжение 15 апреля 1915 г. Он сообщал, что военнопленные поздно выходят на работу и норовят закончить её раньше положенного срока. Требуют завтрак в 8–9 часов, обед – в 12–14, чай – в 16–16.30, ужин после работы и, кроме этого, «ещё какой-то первый завтрак». Разевский указал, что выделил на содержание военнопленных такие дорогостоящие продукты как крупчатка, рис, сало, мясо по 0,5 фунта ежедневно, творог, молоко, лук, огурцы, что

обойдется ему около 10 рублей в месяц, однако претензиям от военнопленных «нет конца». При неудовлетворении требований военнопленные заявляли, чтобы их отправили обратно. Землевладелец был уверен, что нужны какие-то меры воздействия³⁴⁶. В 1916 г. сельскохозяйственные работы в Центральных регионах выполнялись военнопленными всех национальностей.

В Орловской губернии летом 1915 г. к сельскохозяйственным работам были привлечены 137 военнопленных австро-венгерской армии, которые трудились в Брасовском и Дерюгинском имениях Вел. кн. Михаила Александровича, вел. кн.. Их жалование составляло в Карачевском уезде – 6 руб., в Дмитровском – 7 руб. в месяц. Кроме этого они получали ежемесячный продуктовый паёк: 1 пуд 30 фунтов ржи, 20 фунт. крупы, по 30 фунт. сала и масла конопляного, 4 фунта соли и 1 фунт сахара³⁴⁷. Карачевскому уездному земству было отпущено 97 военнопленных, Ливенскому – 61³⁴⁸. На работы к землевладельцам Орловского уезда Мартынову и Каширину 30 военнопленных поступили только в конце октября 1915 г.³⁴⁹ В апреле 1916 г. для сельскохозяйственных работ было прислано более 1,5 тыс. военнопленных³⁵⁰, из них в Ливенский, Елецкий и Севский уезды направили по 320, 285 и 326 чел. соответственно. Кроме того, в июле 1916 г. в Орловскую губернию назначили ещё 2246 военнопленных³⁵¹.

Калужской губернии в 1916 г. предназначалось 3 тыс. военнопленных для сельскохозяйственных работ, которые должны были прибыть из распределительного пункта военнопленных в Дарнице. Первая партия, прибывшая 29 июля 1916 г. (1005 чел.), была частично передана в ведение Калужской городской управы «для выполнения городских работ», а большая часть – в распоряжение калужской Губернской земской управы (ГЗУ) для распределения по уездам на сельскохозяйственные работы. Вторая партия немецких и австро-венгерских военнопленных в количестве 586 чел. прибыла в Калугу 31 июля 1916 г.; ещё 607 чел. прибыло 2–3 августа 1916 г.³⁵² Всего было прислано 2198 человек.

Размер заработной платы военнопленных устанавливали Губернские земские управы. Так, Калужская ГЗУ 3 августа 1916 г. постановила брать с работодателей не менее 6 рублей в месяц за пленного с выдачей ему не менее 3 рублей на руки, остальные

деньги предназначались земскому управлению. Кроме того, если одеждой и обувью пленным будут снабжать земские управы, то с работодателя будет причитаться 10 рублей в месяц, из которых военнопленному на руки будет выдаваться 4 рубля³⁵³. Плата за труд военнопленных должна была вноситься за месяц вперёд. На практике пленному на руки выдавалось 4 рубля, а 6 из 10 рублей шло земским управам, которые рекомендовали работодателям при выдаче денег пленным делать отметки об этом в книжке военнопленного с подписью владельца книжки и ежемесячно предъявлять эти книжки управам. Далеко не все работодатели соблюдали установленный порядок оплаты труда военнопленных, например, калужский в 1915 г. землевладелец Б. Афонасов, получивший 25 военнопленных, не выплатил ни за месяц вперед, ни спустя месяц после окончания работ более 700 рублей Калужской уездной земской управе³⁵⁴.

Совет министров в апреле 1915 г. принял решение о возмещении государством расходов местных самоуправлений, связанных с привлечением военнопленных к сельскохозяйственному труду³⁵⁵. Возмещаемая сумма не могла быть выше 10 рублей на одного пленного в месяц. В этой связи, например, Рязанская и Михайловская уездные земские управы вознамерились получить в возмещение очень значительные суммы по сравнению с другими уездами губерний. Однако Главное управление местного хозяйства МВД не утвердило представленные расчёты. При этом было указано, что расходы в 40 рублей на одного военнопленного превысили даже норму вещевого довольствия нижних чинов русской армии, которая составляла 36 руб. в год³⁵⁶.

В конце лета землевладельцы через губернаторов обычно ходатайствовали об оставлении у них военнопленных до окончания всех сельскохозяйственных работ, т. е. дольше трех месяцев, на которые они были отпущены³⁵⁷. Надо отметить, что обоснованные ходатайства по возможности удовлетворялись военными властями. Так, на 5 декабря 1915 г. в Веневском уезде Тульской губернии оставалось более 700 военнопленных из 927³⁵⁸. Тульское губернское земское собрание в декабре 1916 г. сетовало на то, что при существующем порядке «снабжения губерний военнопленными» получается, что чернозёмной Тульской губернии

поставлено такое же количество пленных, что и «лесной» Калужской, «вывозящей свою рабочую силу»³⁵⁹. Воронежская губерния в 1916 г., ходатайствуя об оставлении военнопленных до окончания всех сельскохозяйственных работ, ссылалась на дождливое и холодное лето. Общее количество военнопленных в губернии на 1 ноября 1916 г. составляло около 20 тысяч человек. Предлагалось снять с работ до 30 % от этого количества, причем прежде всего «военнопленных-одиночек из крестьянских хозяйств, главы которых были призваны на военную службу». Учитывая непопулярность этого предложения, отзываться следовало и военнопленных-одиночек из хозяйств помещиков и остальных землевладельцев³⁶⁰. На 1 февраля 1917 г. на сельскохозяйственных работах в Воронежской губернии находилось 12 670 человек³⁶¹.

В Калужской губернии в конце сентября 1916 г. уездным земским управом было предложено «немедленно по окончании уборки урожая и осеннего посева снять с сельскохозяйственных работ военнопленных, находящихся в крестьянских селениях, в семьях крестьян, призванных на войну, и передать их в распоряжение прочих испытывающих крайнюю нужду в рабочих руках для сельского хозяйства, но не подходящих под указанную категорию»³⁶².

Орловское дворянство обратилось прямо к императору с ходатайством оставить всех военнопленных, направленных ранее на сельскохозяйственные работы³⁶³. 9 декабря 1916 г. из телеграммы начальника Главного управления по делам местного хозяйства Орловскому губернатору стало известно, что «комиссией по распределению пленных признано возможным прекратить дальнейшее снятие пленных с сельскохозяйственных работ до особых распоряжений»³⁶⁴. Ходатайство дворян производящей Орловской губернии имело успех: «снятых» с сельскохозяйственных работ военнопленных возвратили на прежние места³⁶⁵.

«Правила о порядке предоставления военнопленных для казенных и общественных работ» были утверждены Советом министров 7 октября 1914 г.³⁶⁶ Работодатель обеспечивал охрану, кормление, проживание, медицинскую помощь и т. д. Военнопленных использовали на лесных, гидротехнических, мелиоративных и других работах ведомства Главного Управления земле-

устройства и земледелия³⁶⁷. Из-за нехватки военнопленных заявки местных самоуправлений удовлетворялись чаще всего по остаточному принципу. Например, Рязанское городское общественное управление запрашивало на 1915 г. 300 военнопленных для работ в городском хозяйстве, но получило лишь 88. Лишь к концу года, после окончания основных сельхозработ, местные самоуправления могли рассчитывать на получение заявленного количества военнопленных для работ по городскому и земскому хозяйству³⁶⁸. Тульской горуправе, запросившей в 1915 г. 120 военнопленных для городских работ, их вовсе не выделили, сославшись на запрет нахождения в там даже военнопленных славянской национальности³⁶⁹.

В Калуге для городских общественных работ в 1916 г. было выделено 130 военнопленных³⁷⁰. В Орловском уезде на начало февраля 1916 г. общее количество военнопленных состоявших на общественных работах, составляло 127 чел. Из них 18 чел. добывали камень в каменоломне крестьянина Сурова для постройки Кромского шоссе; в ведомстве путей сообщения – 5 чел.; на торгово-промышленных предприятиях – 20 чел. Остальные трудились в экономах частных землевладельцев³⁷¹. В Калуге для городских общественных работ по ремонту и строительству, уборке городских улиц, производству строительных материалов, посадке леса, выпечке хлеба в 1916 г. было выделено 130 военнопленных, в том числе 18 военнопленных германской армии. Венгры («мадьяры») составляли 78 % от общего количества военнопленных³⁷². Кроме того, в Калуге с мая 1915 г. в распоряжении казенной Сызрано-Вяземской железной дороги находилось до 500 военнопленных австро-венгерской армии³⁷³. Национальный состав 526 чел. военнопленных, находившихся в Калуге на 1 марта 1917 г., выглядел следующим образом: 35 немцев и 1 славянин (германской армии), 408 австрийцев, 1 славянин, 24 румына, 57 итальянцев (австро-венгерской армии)³⁷⁴.

Правительственным постановлением от 10 октября 1914 г. военнопленные «допускались» и к строительству железных дорог, которое осуществляли частные общества³⁷⁵. В этом случае содержание военнопленных возлагалось на правление общества, которое, кроме того, должно было за каждый рабочий день воен-

нопленного вносить по 25 копеек на счёт министерства путей сообщения. Правлению общества разрешалось поощрять военнопленных за хорошую работу денежной премией³⁷⁶.

«Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» вступили в силу 17 марта 1915 г.³⁷⁷ Согласно правилам, заявки владельцев рассматривал губернатор и направлял их в Главное управление Генерального штаба. Работодатель нес все расходы по доставке, содержанию (обеспечению помещением, продовольствием, одеждой, медицинской помощью, необходимыми инструментами) и охране военнопленных. Продолжительность рабочего дня, заработная плата устанавливалась в соответствии с принятыми на данном предприятии и в данной местности. Одна треть заработной платы отчислялась военнопленному, остальная расходовалась на покрытие затрат, связанных с его содержанием. Контроль за выполнением требований, предъявляемых работодателю, возлагался на губернскую власть, фабричную инспекцию и полицию³⁷⁸. В сентябре 1915 г. в Правила от 17 марта 1915 г. был внесён ряд изменений. Признавалось возможным допустить к работам на заводах военнопленных офицеров из славян по их желанию, обладающих специальными знаниями и благонадёжных³⁷⁹.

Частная промышленность всего Центрального региона, работавшая на государственную оборону, прибегала к использованию труда военнопленных, однако выделяемых военнопленных часто не хватало, кроме того, от подачи заявки до её исполнения проходило много времени³⁸⁰. Например, в Калужскую губернию, на Людиновский чугунолитейный завод Мальцовского АО в Жиздринском уезде военнопленные австро-венгерской армии (101 чел.) прибыли 5 ноября 1916 г., хотя заявка подавалась в начале года³⁸¹. Спустя несколько дней на завод дополнительно прислали 99 рабочих, но это уже были сарты и киргизы³⁸². В 1916 г. в Калужской губернии труд небольших групп военнопленных в качестве чернорабочих использовался в основном на отдельных мелких и средних предприятиях, например, на Ханинском и Черепетском чугуноплавильных заводах Лихвинского уезда, Мышенском чугуноплавильном заводе и Троицко-Дашковской фабрике Челнокова Тарусского уезда, фабрике АО Ермолинские мануфактуры

в Боровском уезде, фабрике Говарда в Медынском уезде и др. Но на Цементном заводе Мальцовского АО в Жиздринском уезде находилось более 300 военнопленных – наибольшее количество из всех предприятий Калужской губернии, выполнявших заказы для армии³⁸³.

Повсеместно наблюдались случаи отказа военнопленных от работ под различными предлогами. Так, в январе 1915 г. в имении Типякова Орловского уезда трое немецких военнопленных «категорически отказались работать и возмущали других военнопленных»³⁸⁴. В Воронежской губернии летом 1915 г. назначенные на работы в имение Антоновка Острогожского уезда землевладельца А. Голостенова 17 военнопленных австро-венгерской армии заявили, что готовы трудиться лишь для крестьян³⁸⁵. В Калужском уезде Калужской губернии в сентябре 1916 г. трое из четырех военнопленных в одном из имений отказались работать, потребовав увеличения заработной платы, а также включения в рацион кофе с сахаром по утрам, больше мяса и хлеба³⁸⁶.

На одном из калужских участков Сызрано-Вяземской железной дороги 15 июня 1915 г. военнопленные отказались идти на работу. 22 июня на другом участке последовали их примеру 86 военнопленных, а 3 июля не вышли на работу ещё 10 чел. на станции «Калуга». Железнодорожная администрация и полиция не имели на тот момент чётких указаний, как поступать с военнопленными в таких случаях. Они использовали в основном метод «уговоров», затем стали прибегать к арестам и «уменьшению кормового довольствия»³⁸⁷. Наконец штаб Московского военного округа 22 июля уведомил калужского губернатора, что местным начальникам полиции предоставлено право за отказ военнопленных от работ налагать на них дисциплинарные взыскания, аналогичные налагаемым на городских и стражников³⁸⁸. После этого, например, в 1916 г. в Малоярославецком уезде Калужской губернии подвергался усиленному аресту на 7 дней военнопленный австро-венгерской армии, находившийся на лесных работах, Якоб Берингер³⁸⁹.

В Рязанской губернии в 1916 г. было зарегистрировано 16 случаев отказа от сельскохозяйственных работ в Рязанском уезде, когда пришлось прибегнуть к помощи полиции. Отмечались слу-

чаи агрессивного поведения военнопленных по отношению к работодателю. Например, в деревне Юрасово Бахмачевской волости военнопленный австро-венгерской армии венгр Иоганн Бургер в ответ на сделанное замечание, связанное с работой, попытался избить хозяина, у которого работал, а затем оказал сопротивление вмешавшейся полиции. Все 16 военнопленных получили наказание в виде ареста в основном на 7 суток, а И. Бургер — в виде усиленного ареста на четверо суток с содержанием в темной камере на хлебе и воде³⁹⁰. За тот же период за отказы от городских работ в Рязани были подвергнуты аналогичному наказанию 36 военнопленных, в том числе 14 германской армии за отказ работать на городских свалках, 3 военнопленных турецкой армии, отказавшихся работать в городском ассенизационном обозе³⁹¹.

Побеги военнопленных в губерниях Центральноевропейской России в течение военного периода не носили массового характера. Периодически отмечались единичные случаи побегов³⁹². Это хорошо видно на примере Воронежской губернии, где из города Воронеж в 1915 г. побег совершили 4 военнопленных австро-венгерской армии, в Воронежском уезде — один, в Бирючинском уезде — 2 офицера, которых задержали³⁹³. Это при общем количестве военнопленных в губернии, равном 7 тысячам человек. В 1916 г. из Задонского уезда бежали трое военнопленных³⁹⁴. Во втором полугодии 1916 г. из Воронежского уезда бежали пятеро, из Задонского — один военнопленный³⁹⁵. Военнопленных в губернии было на этот период 20 тысяч. Задерживаемые беглецы объясняли, что пробираются на родину. Так, 13 июня 1916 г. в Острогожском уезде Воронежской губернии крестьяне буквально наткнулись на трех иностранцев, отдыхавших под деревом. Выяснилось, что это военнопленные австро-венгерской армии, бежавшие из Тамбовской губернии с сахарного завода. В июле в Новохопёрском уезде задержали беглеца из Пензы, военнопленного австро-венгерской армии, который держал путь в Австро-Венгрию³⁹⁶.

Вся корреспонденция, денежные суммы, адресованные военнопленным или ими отправляемые, освобождались от всех таможенных и иных сборов. Письма военнопленных просматривались военными цензорами в Москве и Харькове³⁹⁷. От военнопленных

почтовые отправления поступали через земскую управу или местные полицейские управления к уездному воинскому начальнику, который и направлял их военным цензорам. В соответствии с отношением Московского ВО от 9 июля 1916 г. пленным разрешалось отправлять в месяц 4 открытки и 2 письма³⁹⁸. Телеграммы могли отправлять лишь с письменного разрешения воинского начальника только военнопленные австро-венгерской армии. Все поступления на имя военнопленных также проходили военную цензуру³⁹⁹. Например, с сентября по декабрь 1916 г. 150 военнопленных отправили 129 писем из Калужского уезда, где находились на работах. За этот же период ими было получено 15 посылок, 28 писем, 2 денежных перевода и ещё 10 повесток на получение почтовых отправок, всего 55⁴⁰⁰.

Российские военные власти по-разному относились к военнопленным, выделяя из них славян, которые имели некоторые привилегии, связанные с размещением и содержанием⁴⁰¹. Так, военнопленный унтер-офицер чех Вацлав Трефни имел право свободного проживания в Калуге. Он работал в военно-спортивном комитете в качестве инструктора по допризывной подготовке молодежи⁴⁰². Однако привилегии не касались вопроса перемены подданства. Так, прошения военнопленных, в том числе и славян, о принятии в российское подданство неизменно оставались неудовлетворенными⁴⁰³. К примеру, на прошение военнопленного австро-венгерской армии Семёна Кирина от 16 февраля 1916 г. отказ от 5 марта мотивирован «отсутствием законных оснований для принятия в российское подданство»⁴⁰⁴.

Из военнопленных славян в России были сформированы «чешско-словацкие» стрелковые и сербские добровольческие пехотные полки. Большую роль в организации чешско-словацкой дружины сыграл генерал А.А. Брусилов. Первоначально Ставка была против её организации, опасаясь измены. Но Брусилову удалось провести решение о её формировании. Чехи великолепно сражались на Юго-Западном фронте, и сербская дивизия, насчитывавшая 10 тыс. чел., «выглядела хорошо»⁴⁰⁵. В 1916 г. трое из находившихся в Орловском уезде военнопленных австро-венгерской армии (сербь и словенец) вступили в сербскую дивизию⁴⁰⁶.

Население провинции относилось к военнопленным по-разному, например, к раненым — сочувственно. Этим даже пользовались городские попрошайки, просившие подавание под видом раненых вражеских военнопленных⁴⁰⁷. Рабочие руки были нужны в хозяйствах, поэтому, если военнопленные трудились добросовестно, то к ним и относились «сочувственно, как к трудящимся», несмотря на их принадлежность к «немецкой нации»⁴⁰⁸.

Пленные офицеры, как правило, не работали. Население видело их гуляющими по городам. Например, в Калуге в 1915 г. многие местные жители принимали раненого французского офицера за австрийца и демонстрировали по отношению к нему враждебность⁴⁰⁹. В Рязани с самого момента прибытия туда здоровых, а также раненых и больных военнопленных офицеров австро-венгерской армии стали ходить толки о слишком доброжелательном отношении к этим офицерам администрации и небольшой части горожан, состоящей исключительно из дам и девиц. Военнопленных поместили в центре города, в лучших зданиях, им разрешили «фланировать» по многолюдным улицам города большую половину дня. При этом дамы и девицы позволяли себе отзывать на заигрывание с ними военнопленных офицеров и даже делать первые шаги к установлению с ними отношений. Правда, администрация, сочтя нарекания населения справедливыми, здоровых офицеров переместила из центра города на окраину и сократила время их прогулок. Однако, по мнению начальника Рязанского ГЖУ, в деле изоляции военнопленных от внешнего мира «надо было сделать ещё очень много»⁴¹⁰. Следует отметить, что проблема «изоляции» военнопленных, размещенных в центральноевропейских губерниях, так и не была решена до окончания военного периода.

Таким образом, в Центре Европейской России для приёма военнопленных были открыты сборные пункты и пункты постоянного размещения. Военнопленных размещали казарменным порядком в специально нанятых и приспособленных помещениях. Режим «изоляции военнопленных от внешнего мира», которого пыталось добиться Министерство внутренних дел силами местных жандармских управлений, так и не был воплощен в жизнь до окончания войны. Положение «полной свободы» военнопленных,

по поводу которого выражало недовольство население провинции, стало возможным благодаря позиции, занятой держателями военнопленных, в том числе и общественными городскими и уездными самоуправлениями, которые, используя труд военнопленных в виде малочисленных, до 10 человек групп, и военнопленных-одиночек, не обеспечивали их охрану. Они считали это экономически невыгодным и поэтому неприемлемым. В сельских хозяйствах вместо казарменного содержания военнопленные проживали вместе с хозяевами и отпускались ими всюду без присмотра. Кроме того, надзор за военнопленными в пунктах постоянного размещения не был удовлетворительным, по данным специальных проверок ГЖУ и прессы, благодаря попустительству со стороны как воинских чинов, непосредственно несших охрану и отвечавших за ее организацию, так и чинов полиции.

Отказы военнопленных от работ, и не только от непрестижных или тяжелых, имели место с начала определения их на казенные и общественные работы, а затем и на сельскохозяйственные, когда за отказ работать военнопленные просто возвращались военному ведомству без замены. После введения в практику летом 1915 г. дисциплинарных взысканий отказы от работ в Центральных губерниях Европейской России стали регистрироваться реже, особенно отказы под надуманными предлогами. Военнопленные чаще отказывались от городских общественных работ (ассенизационные обозы, свалки), чем от полевых. Побегі военнопленных, находившихся в Центральных губерниях Европейской России, как и отказы от работ, не имели массового характера, хотя отмечались повсеместно.

Военнопленным была предоставлена возможность вести переписку и получать посылки. В просьбах о приобретении русского подданства им всегда отказывалось, зато предлагалось вступать в национальные воинские формирования, чтобы вместе с российской армией сражаться против Германии и её союзников.

Для населения Центральных губерний Европейской России было характерно сочувственное отношение к раненым военнопленным, к трудолюбивым и прилежным работникам. Режим, установленный для военнопленных офицеров, основная масса населения считала слишком мягким, правда, этому способствовали

упущения местных представителей военных и полиции, непосредственно обеспечивавших соблюдение военнопленными установленного для них режима.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Положение о комитете Ея Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. – Пг., 1916. С. 47.

² Закон и положение об обеспечении нужд беженцев (СУ. № 242, 1 сент. 1915, ст. 1842) // Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. – М., 1916. С. 1–6.

³ Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 82.

⁴ Главноуполномоченным по устройству беженцев Северо-Западного фронта стал С.И. Зубчанинов, Юго-Западного фронта – кн. Н.И. Урусов // Беженцы и выселенцы. – М., 1915. С. 20.

⁵ См.: Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г.–13 марта 1916 г.) // ВИ. 1994. № 11. С. 136.

⁶ Калужский санитарный обзор (КСО). 1916. № 1–5.

⁷ Там же.

⁸ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9894. Л. 1.

⁹ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. Курск, 1997. С. 43–44.

¹⁰ См.: Очерк деятельности Калужского губернского отделения Комитета ЕИВ Вед. кн. Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий с 18 мая 1915 по 1 января 1916 г.

¹¹ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 5244. Л. 91–93. Центр «Северопомощи», организованной при Главноуполномоченном Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинове, находился в Смоленске // Беженцы и выселенцы. – М., 1915. С. 20.

¹² ГАВО. Ф. 374. Оп. 1. Д. 204. Л. 64.

¹³ КЦОВ. 10 окт. 1915. Стихи приводятся в сокращении.

¹⁴ См.: Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г.–13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 136.

¹⁵ Шевелева О.В. Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и столичинская аграрная реформа в годы I Мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. – Тула, 2008. С. 186. О неритмичности движения беженских

эшелонов см. также: Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии... С. 42.

¹⁶ Зинюк Я. Люди гибли наповал // Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 86–87; см. также: Логвинюк А. Люди от голода умирали // Там же. С. 135–137.

¹⁷ Там же. С. 138–141.

¹⁸ Беженство 1915 года. С. 256.

¹⁹ Там же. С. 90, 163–164.

²⁰ Там же. С. 160–163.

²¹ Панфилюк Н. Беженство в Сибирь // Беженство 1915 года. С. 176.

²² См., например: Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 1. – Саратов, 1997. С. 139–150; Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. – Курск, 1997. С. 41.

²³ Козловский А. Брали нас нарасхват // Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 103.

²⁴ Там же. С. 121.

²⁵ Там же. С. 26, 47, 116.

²⁶ Там же. С. 254.

²⁷ Подсчитано по: Там же. С. 96, 79, 255, 132, 45, 68, 175–176, 99, 156, 167, 211.

²⁸ Оккупация. Гродненская губерния в 1915–1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istpravda.ru/bel/research/5933/> (дата обращения: 03.02.2014)

²⁹ Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 266.

³⁰ Там же. С. 288.

³¹ Там же. С. 149.

³² Там же. С. 125. Об оккупационном режиме, установленном немецкой администрацией в российской Польше и Прибалтике см. также в статье: Westerhoff C. German Labor and Occupation Policy in the western parts of the Russian Empire during the First World War // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizLRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

³³ Каспяравичус А. Первая мировая война: литовское общество и его историческая память // Текст выступления на международной научно-практической конференции «Первая мировая война в истории и культуре Европы и России», Калининград, 25–27 октября 2013 г., любезно предоставленный А. Каспяравичусом автору настоящей работы.

³⁴ См., например: Беженство 1915 года. С. 121.

- ³⁵ Калужский курьер (КК). 3 сент. 1915. № 98.
- ³⁶ В ноябре 1915 г. территория Российской империи была разделена на 12 районов по устройству беженцев. Об этом подробнее см. в § 2 и Приложении 1.
- ³⁷ ГАКО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1; КК. 3 окт. 1915. № 111.
- ³⁸ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5384. Л. 34; Д. 5342. Л. 13.
- ³⁹ КЦОВ. 1 ноября 1915. № 31.
- ⁴⁰ Там же. 10 марта 1916. № 8.
- ⁴¹ Невестка Л.Н. Толстого, жена его старшего сына Ильи.
- ⁴² Салахова Н.В. Софья Николаевна Философова-Толстая. Страницы жизни // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции. – Калуга, 2005. С. 119.
- ⁴³ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1192. Л. 181; Д. 1204. Л. 638.
- ⁴⁴ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1195. Л. 18.
- ⁴⁵ ГК. 16 сентября 1916. № 47.
- ⁴⁶ ОВ. 30 октября 1915. № 252.
- ⁴⁷ ОГВ. 23 марта 1916.
- ⁴⁸ Курцев А.Н. Беженство... С. 103.
- ⁴⁹ Отчёт о деятельности Особого Отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны – Пг., 1916. С. 39.
- ⁵⁰ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1206. Л. 41.
- ⁵¹ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. С. 38.
- ⁵² ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1203. Л. 105.
- ⁵³ См.: ОВ. 20 сентября 1915. № 221.
- ⁵⁴ ОВ. 25 февраля 1916. № 43.
- ⁵⁵ ОВ. 20 сентября 1915. № 221.
- ⁵⁶ Первые беженцы появились в Калужской губернии в августе 1914 г. из 12 западных губерний, в основном польских и прибалтийских (ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 7).
- ⁵⁷ Русские – термин обобщённый (великорусы, малороссы, белорусы).
- ⁵⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 38, 52.
- ⁵⁹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 7–8.
- ⁶⁰ ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 5. Л. 72.
- ⁶¹ Очерк деятельности Калужского Губернского отделения Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны с 18 мая 1915 г. по 1 января 1916 г. // ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 101.
- ⁶² Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.
- ⁶³ Анисин А.В. Национальные проблемы России в программах и тактике партий революционно-демократического лагеря: автореф. ... докт. ист. наук. – М., 1994. С. 32.
- ⁶⁴ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 101.

- ⁶⁵ ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 5. Л. 203–203 об.
- ⁶⁶ ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 5. Л. 203–203 об.
- ⁶⁷ Отчёт о деятельности Особого Отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны... С. 40.
- ⁶⁸ Около 70% беженцев составляли уроженцы Волынской губернии.
- ⁶⁹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 95.
- ⁷⁰ ОВ. 30 октября 1915. № 252; Данные предоставили лишь Болховский, Дмитровский, Елецкий, Карачевский, Ливенский и Мценский уезды Орловской губернии.
- ⁷¹ ОВ. 6 декабря 1915. № 283.
- ⁷² Андреевский Сергей Сергеевич – действительный статский советник, камергер, с 30.12. 1902 г. по 13. 01. 1906 г. – Воронежский губернатор, с 10 июня 1906 г. по 6 декабря 1915 г. – Орловский губернатор.
- ⁷³ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5304. Л. 22.
- ⁷⁴ Там же. Д. 5304. Л. 10, 11.
- ⁷⁵ Там же. Д. 5245. Л. 17, 18.
- ⁷⁶ Там же. Д. 5245. Л. 27.
- ⁷⁷ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. – Курск, 1997. С. 5.
- ⁷⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1204. Л. 638; КК. 18 августа 1915. № 91.
- ⁷⁹ См.: КК. 18 августа 1915. № 91; КК. 21 ноября 1915. № 132; КК. 21 ноября 1915; 22 января 1916. № 17; 28 февраля 1916. № 46.
- ⁸⁰ ГАРО. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 988. Л. 11–11 об.
- ⁸¹ ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 175. Л. 22.
- ⁸² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. ДП ОО. 1915. Д. 167. Ч. 54. Л. 5 об.
- ⁸³ См. подробнее: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004. С. 113–114.
- ⁸⁴ ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 1595. Л. 160–160 об.
- ⁸⁵ Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. – Гродно, 2006. С. 29–30.
- ⁸⁶ Черепица В.Н. Указ. соч. С. 306.
- ⁸⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 6 (без нумерации листов).
- ⁸⁸ Черепица В.Н. Указ. соч. С. 309, 313, 316.
- ⁸⁹ Польский исследователь Конрад Зелинский отмечает, что всего за первый год войны из Привислянских губерний было эвакуировано 1 млн 200 тыс. русских: железнодорожников, чиновников, духовенства, рабочих военных заводов, учителей (Zieliński K. The evacuation of Russians from the Kingdom of Poland in 1915 // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня 2014 г. [Элек-

тронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizIRProS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 08.06.2014).

⁹⁰ ГАКО. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83. Л. 241.

⁹¹ Черепица В.Н. Указ. соч. С. 307.

⁹² Шебеко Вадим Николаевич (11. 07. 1864–12. 11. 1943, Париж) – генерал-майор, из дворян Могилёвской губернии. Гродненский губернатор с 18.10.1913 по 17.02.1916 г. В марте 1915 г. награждён орденом Св. Станислава I степени и медалью «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года».

⁹³ Черепица В.Н. Указ. соч. С. 301, 243, 238.

⁹⁴ Черепица В.Н. Указ. соч. С. 287.

⁹⁵ Крейтон Александр Николаевич (13 сентября 1866 – после 1917), рязанский вице-губернатор с 1913 г. по 1916 г., с февраля 1916 г. – гродненский губернатор.

⁹⁶ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 25 об.

⁹⁷ НАРБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

⁹⁸ НАРБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 23 об.

⁹⁹ НАРБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

¹⁰⁰ НАРБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

¹⁰¹ Там же. Л. 12, 22.

¹⁰² Там же. Л. 269.

¹⁰³ Там же. Л. 20, 269.

¹⁰⁴ НАРБ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 36. Л. 15.

¹⁰⁵ НАРБ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

¹⁰⁶ Там же. Л. 23.

¹⁰⁷ Закон 30 августа 1915 г. Об обеспечении нужд беженцев // Законы и распоряжения о беженцах. – М., 1916. С. 2.

¹⁰⁸ Осенью 1915 г. были созданы губернские совещания по устройству беженцев под личным руководством губернаторов.

¹⁰⁹ Закон 30 августа 1915 г. Об обеспечении нужд беженцев ... С. 3–7.

¹¹⁰ См.: Беженец. 23 декабря 1915. № 9–10. С. 3; Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). – М., 2003. С. 108, 172.

¹¹¹ Лигин Валериан Валерианович (1873–?), статский советник, с 1907 по 1914 гг. вице-губернатор Калишской губернии, в 1914–1917 гг. губернатор Келецкой губернии.

¹¹² Папудогло Семен Павлович – действительный статский советник, с 1909 по 1917 гг. губернатор Ломжинской губернии.

¹¹³ КГВ. 12 декабря 1915. С. 13; Грязев Николай Дмитриевич – в 1912–1917 гг. губернатор Ковенской губернии.

¹¹⁴ На продовольствие полагалось 15–20 копеек в день на человека, размер квартирного пайка составил 1, 2–2 рубля в месяц на одного человека // Руководящие положения по устройству беженцев. 2 марта 1916 г. (ГАОО. Ст. 1. Д. 1. Л. 24–24 об.).

¹¹⁵ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 20 об.

¹¹⁶ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1192. Л. 178.

¹¹⁷ ГАКО. Ф. 648. Оп. 1. Д. 620. Л. 113.

¹¹⁸ ГАКО. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 2. Л. 89.

¹¹⁹ ГАКО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 4. Л. 106.

¹²⁰ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 68–69 об.

¹²¹ Журнал Губернского совещания по устройству беженцев. 2 мая 1916 г. // ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 21.

¹²² Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. С. 57–58.

¹²³ См.: Очерк деятельности Калужского губернского отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны // КК. 21 января 1916. № 16; 22 января 1916. № 17.

¹²⁴ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 6. Л. 235, 240, 492, 546.

¹²⁵ КК. 7 февраля 1916. № 29.

¹²⁶ ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 155; Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии... С. 48.

¹²⁷ См., например: ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 151–152 об.

¹²⁸ Подсчитано по: ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 151–154.

¹²⁹ Беженцы из Ковенской губернии находились, например, в Орловской губернии с конца октября 1915 г. Общее их количество, по данным отчёта Уполномоченного Ковенского Отдела, составляло 28593 чел. «русской» национальности. Они были размещены по всем уездам Орловской губернии (ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5384. Л. 29–30).

¹³⁰ ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 155.

¹³¹ Сохранилось праздничное пасхальное меню бесплатной столовой на 50 человек, организованной в одной из церковноприходских школ Калуги, из которого видно, что в первый день Пасхи беженцы получили кулич, пять яиц и полтора фунта ветчины каждый. В течение пасхальной недели готовились обеды из двух блюд: щи с мясом и молочная каша // ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.

¹³² ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 5. Л. 81.

¹³³ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. С. 57–58.

¹³⁴ КСО. 1915. № 10–12.

¹³⁵ РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 209. Л. 4–5.

¹³⁶ См.: Циркулярная телеграмма министра внутренних дел от 9 августа 1915 г.; контроль за исполнением принадлежал губернаторам (ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1206. Л. 41).

¹³⁷ Подсчитано по: Очерк деятельности Калужского губернского отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны // КК. 21 января 1916. № 16; 22 января 1916. № 17.

¹³⁸ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5245. Л. 28.

- ¹³⁹ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1512. Л. 75.
¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. ДП 4 Д-во. 1916. Д. 26. Ч. 2. Л. 11–11 об.
¹⁴¹ ОВ. 29 октября 1915. № 251; ОВ. 20 сентября 1915. № 221.
¹⁴² ГАКО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 4. Л. 113–114; КГВ. 6 февраля 1916. № 11.
¹⁴³ КК. 19 сентября 1915. № 105; в Калуге летом 1915 г. стал ощущаться недостаток извозчиков, большинство которых ушло в деревни на полевые работы (КК. 30 июля 1915. № 83); в Орле этим «промыслом» стали заниматься женщины (ОВ. 5 ноября 1915. № 257).
¹⁴⁴ ГАКО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 4. Л. 130–134, 382.
¹⁴⁵ Бежанства 1915 года / Редактар Віталь Луба. – Беласток, 2000. С. 74, 152.
¹⁴⁶ Там же. С. 114–115.
¹⁴⁷ Там же. С. 175–176.
¹⁴⁸ Там же. С. 120.
¹⁴⁹ Там же. С. 152.
¹⁵⁰ Там же. С. 139.
¹⁵¹ Там же. С. 257–258.
¹⁵² Там же. С. 103.
¹⁵³ Там же. С. 37–38.
¹⁵⁴ Из воспоминаний беженцев А. Ваврашука, Н. Качана, А. Кучки, временно размещённых в Саратовской губернии // Там же. С. 46, 120, 131.
¹⁵⁵ Там же. С. 167.
¹⁵⁶ Там же. С. 213.
¹⁵⁷ Там же. С. 257.
¹⁵⁸ Там же. С. 211.
¹⁵⁹ Там же. С. 98.
¹⁶⁰ Там же. С. 83.
¹⁶¹ Там же. С. 250.
¹⁶² Там же. С. 28.
¹⁶³ Там же. С. 171.
¹⁶⁴ Там же. С. 219.
¹⁶⁵ Там же. С. 65.
¹⁶⁶ Там же. С. 110.
¹⁶⁷ Там же. С. 135.
¹⁶⁸ Там же. С. 112, 161, 176.
¹⁶⁹ Там же. С. 80, 151.
¹⁷⁰ Шевелева О.В. Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы I Мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. – Тула, 2008. С. 47.
¹⁷¹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 95.
¹⁷² ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1239. Л. 95.
¹⁷³ ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 21 об; ГАКО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1. Л. 279.
¹⁷⁴ ОВ. 8 марта 1916. № 53.

- ¹⁷⁵ Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. – М., 1962. С. 106.
¹⁷⁶ КК. 21 мая 1916. № 108; КК. 23 июня 1916. № 117.
¹⁷⁷ ГК. 2 октября 1916. № 63.
¹⁷⁸ КК. 21 мая 1916. № 108; КК. 23 июля 1916. № 117.
¹⁷⁹ ГАОО. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–5 об.
¹⁸⁰ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. С. 58.
¹⁸¹ Подсчитано по: ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 117.
¹⁸² ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.
¹⁸³ ГАТО. Ф. 1714. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.
¹⁸⁴ ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 21 об–22 об, 25, 26, 28–29 об.
¹⁸⁵ ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.
¹⁸⁶ Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. С. 59.
¹⁸⁷ Журнал Губернского совещания по устройству беженцев. 2 мая 1916 г. // ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 23.
¹⁸⁸ ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4307. Л. 1, 735; Ф. 29. Оп. 395. Д. 10. Л. 121–121 об.
¹⁸⁹ Журнал Губернского совещания по устройству беженцев. 2 мая 1916 г. // ГАРО. Ф. 29. Оп. 396. Д. 6. Л. 33–33 об; КК. 22 января 1916. № 17.
¹⁹⁰ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 6. Л. 248, 256, 549, 550.
¹⁹¹ ГАКО. Ф. 228. Оп. 1. Д. 6. Л. 235, 240, 492.
¹⁹² Краткий отчет о деятельности Бежицкого при Брянском заводе комитета о беженцах с 17 августа 1915 г. по 1 января 1916 г. // РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 209. Л. 7.
¹⁹³ ОВ. 28 февраля 1916. № 46; 10 февраля 1915. № 286.
¹⁹⁴ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5246. Л. 135, 172.
¹⁹⁵ ГАОО. Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–3.
¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 1 а. Л. 54–58, 79–80 об, 85–85 об.
¹⁹⁷ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 154.
¹⁹⁸ ГАКО. Ф. 648. Оп. 1. Д. 623. Л. 47.
¹⁹⁹ ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 571. Л. 16.
²⁰⁰ ОВ. 30 октября 1915. № 252; 25 февраля 1916. № 43.
²⁰¹ ОЖ. 21 октября 1915. № 225; 24 октября 1915. № 227.
²⁰² ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5246. Л. 27–29.
²⁰³ КК. 23 ноября 1915. № 134.
²⁰⁴ КК. 27 октября 1915. № 121.
²⁰⁵ ГАКО. Ф. 599. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
²⁰⁶ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 37.
²⁰⁷ См., например: ОВ. 6 декабря 1915. № 283; 9 марта 1916. № 54; ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 604. Л. 60.
²⁰⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 101; КК. 12 сентября 1915. № 102.

- ²⁰⁹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39813. Л. 153.
²¹⁰ ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 604. Л. 60.
²¹¹ Летопись войны 1914–1915–1916 гг. № 107. С. 11–17.
²¹² РГВИА. Ф. 13273. Оп. 1. Д. 210; ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 784. Л. 39–41.
²¹³ Известия Главной конторы Брасовского и Дерюгинского ЕИВ ВК Михаила Александровича, вел. кн. имений. 1915. № 6–7.
²¹⁴ ГАРО. Ф. 29. Оп. 395. Д. 10. Л. 13; КК. 1 октября 1915. № 110.
²¹⁵ КК. 4 декабря 1915. № 138.
²¹⁶ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5384. Л. 31–31 об.
²¹⁷ ГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5244. Л. 67; Д. 5384. Л. 31.
²¹⁸ ОВ. 5 ноября 1915. № 257; 20 сентября 1915. № 221.
²¹⁹ КК. 1916. № 51.
²²⁰ ГАКО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 5. Л. 621.
²²¹ Общество и революция. Калужская губерния в 1917 г. / Под ред. В.Я. Филмонова. – Калуга, 1999. С. 54.
²²² Уткин А.И. Первая мировая война. – М., 2002. С. 32.
²²³ ГАКО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 51. Л. 30.
²²⁴ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 712. Л. 8.
²²⁵ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 180.
²²⁶ ГАКО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1916. Л. 2, 9, 33–35.
²²⁷ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 36.
²²⁸ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 480.
²²⁹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 575.
²³⁰ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 66.
²³¹ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 7141. Л. 34–38; Ф. 580. Ст. 1. Д. 5911. Л. 13–14.
²³² ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 2.
²³³ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 6, 10.
²³⁴ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 12.
²³⁵ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 430. Л. 2, 3, 7.
²³⁶ См., например: ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 30, 34, 84.
²³⁷ ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 196 об.
²³⁸ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 149.
²³⁹ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 262–262 об.
²⁴⁰ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 422. Л. 2, 8, 13.
²⁴¹ ГАБО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 206. Л. 55.
²⁴² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1254. Л. 30–35; Ф. 6. Оп. 2. Д. 510. Л. 13–14.
²⁴³ См.: Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «Центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // ВИЖ. 1996. № 6. С. 32, 34.
²⁴⁴ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1182. Л. 20–21.
²⁴⁵ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 662 об; Д. 1182. Л. 1, 3, 59.
²⁴⁶ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 576–581, 225.
²⁴⁷ Там же. Л. 662 об.

- ²⁴⁸ КК. 6 августа 1915. № 86.
²⁴⁹ КК. 7 июля 1915. № 73.
²⁵⁰ Курцев А.Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Чернозёмного региона // Учёные записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. Т. 2. С. 13.
²⁵¹ Нелипович С.Г. Репрессии против подданных «Центральных держав»... С. 41.
²⁵² ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1172. Л. 8.
²⁵³ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1183. Л. 785; Д. 1243. Л. 783; КК. 6 августа 1915. № 86.
²⁵⁴ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4056. Л. 139, 628, 641.
²⁵⁵ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 97.
²⁵⁶ См.: Нелипович С.Г. Репрессии против подданных... С. 37.
²⁵⁷ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1090. Л. 114–115.
²⁵⁸ Среди прибывших находился профессор политэкономии Константинопольского университета, один из будущих основателей коммунистической партии Турции (1920 г.) и её председатель Мустафа Субхи (1882–1921). В Калуге он давал уроки французского языка (КЭ. Калуга, 2000. С. 557–558).
²⁵⁹ КСО. 1914. № 11–12. С. 1102–1103.
²⁶⁰ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1185. Л. 20–21.
²⁶¹ Распределение по уездам выглядело следующим образом: в Боровский – 50, Жиздринский – 150, Калужский – 50, Козельский – 75, Ливенский – 75, Малоярославецкий – 50, Медынский – 100, Мещовский – 50, Мосальский – 100, Перемышльский – 50, Тарусский – 30 чел. (КСО. 1914. № 11–12. С. 1103; ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 435. Л. 1–10).
²⁶² ГАКО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1047. Л. 1.
²⁶³ ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 384. Л. 28, 58, 59.
²⁶⁴ ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 27.
²⁶⁵ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1185. Л. 11, 21, 25, 127.
²⁶⁶ ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 384. Л. 332–339.
²⁶⁷ КК. 17 января 1915. № 8.
²⁶⁸ КГВ. 10 января 1915. № 3; Отчёт о деятельности... С. 37.
²⁶⁹ КСО. 1915. № 1–3. С. 128.
²⁷⁰ КСО. 1914. № 11–12. С. 1151–1152.
²⁷¹ КК. 17 января 1915. № 8; 20 января 1915. № 9.
²⁷² КК мая XI. 1915. № 99.
²⁷³ Там же. 16 апреля 1915. № 39.
²⁷⁴ ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 435. Л. 28–30, 172; Д. 1185. Л. 122.
²⁷⁵ Всего в январе 1915 г. в Жиздринском уезде Калужской губернии работало 150 турок (ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 23).
²⁷⁶ Там же. Д. 413. Л. 1–4; Ф. 783. Оп. 1. Д. 1177. Л. 1; Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 23.

- ²⁷⁷ ГАКО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1047. Л. 14, 62, 73.
²⁷⁸ ГАКО. Ф. 785. Оп. 1. Д. 435. Л. 10, 49–50, 56, 101.
²⁷⁹ ГАКО. Ф. 33. Оп. 4. Д. 530. Л. 616 об.
²⁸⁰ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 37–38, 809, 860.
²⁸¹ КК. 15 сентября 1915. № 103.
²⁸² ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1090, 1184; Д. 1204. Л. 535; Ф. 785. Оп. 1. Д. 383. Л. 13–14; Д. 412. Л. 27; Д. 434. Л. 24; Д. 1179. Л. 16–19; *Уткин А.И.* Первая мировая война. – М., 2002. С. 257;
²⁸³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 81–82 об.
²⁸⁴ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4141. Л. 374, 485, 615.
²⁸⁵ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4141. Л. 12, 13, 78, 152, 153, 276.
²⁸⁶ Например, по вопросу о количестве перемещённых из Восточной Пруссии за время её первой оккупации русской армией к началу сентября 1914 г. существуют только данные немецкой историографии – 10 тыс. чел. Общее число немцев, высланных из восточной Пруссии при 2-й оккупации (октябрь 1914 – февраль 1915 гг.), неизвестно (*Нелипович С.Г.* Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // *ВИЖ.* 2000. № 2. С. 62–63).
²⁸⁷ Там же.
²⁸⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1243. Л. 635.
²⁸⁹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 1502. Л. 1, 4, 6, 15–16.
²⁹⁰ *Корсак В.В.* Плен // *Забытая война: сб. ист. лит. произв. / Сост. Р.Г. Гаскуев.* (Серия «Голоса истории»). – М., 2011. С. 5, 28.
²⁹¹ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1131. Л. 2, 5.
²⁹² *Курцев А.Н.* Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. – Курск, 1997. С. 53.
²⁹³ См.: *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – М., 2004. С. 103.
²⁹⁴ КК. 6 августа 1915. № 86.
²⁹⁵ КК. 20 августа. 1915. № 92.
²⁹⁶ ГАКО. Ф. 823. Оп. 1. Д. 1083. Л. 1–9, 26.
²⁹⁷ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1215. Л. 1, 11, 33.
²⁹⁸ Еврейское население русского подданства не избежало выселения из прифронтовой полосы в близлежащие прифронтовые губернии в качестве превентивной меры их обезвреживания. Российские правящие круги имели основание подозревать евреев в сочувствии к противнику из-за антиправительственных и антироссийских настроений, на что и рассчитывали в Германии. П. Холквист отмечает, что выселение мирных еврейских жителей из приграничной полосы в качестве превентивной меры, практиковавшейся российскими властями, наблюдалось и в других странах (См., например: *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // *Вопросы истории.* 2001. № 9. С. 85–97; *Пивоварчик С.А.* Трагедия Первой мировой

- войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства.* – М., 2005. С. 71–83; *Сергеев Е.Ю.* «Иная земля, иное небо...» Запад и восная элита России. 1900–1914 гг. – М., 2001; *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // *Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloквиума).* – СПб., 1999; и др.).
²⁹⁹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1187. Л. 7.
³⁰⁰ Летом 1915 г. губернии «черты оседлости» оказались настолько переполнены выселенцами евреями, что правительство вынуждено было открыть для них три губернии внутренней России (Тамбовскую, Пензенскую и Воронежскую), а в августе того же года евреи получили возможность селиться во всей России, кроме столиц. (БСЭ. Т. 5. – М., 1927. Ст. 177).
³⁰¹ *Кафафов К.Д.* Воспоминания о внутренних делах Российской империи // *ВИ.* 2005. № 5. С. 80–81.
³⁰² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 87 об; Д. 5682. Л. 176 об, 258.
³⁰³ *Курцев А.Н.* Миграционные процессы репрессивного характера... С. 13.
³⁰⁴ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 9912. Л. 4–25.
³⁰⁵ *Аксакова (Сиверс) Т.А.* Семейная хроника. В 2-х кн. Кн. 1. – М., 2005. С. 271.
³⁰⁶ Переименование не состоялось. Видимо, нового названия не подобрали, а предыдущее – «Говенская» не отличалось благозвучием. (ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1100. Л. 130).
³⁰⁷ *Аксакова (Сиверс) Т.А.* Указ. соч. С. 272.
³⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. ДП 4 Д-во. 1915. Д. 26. Ч. 1. Л. 7.
³⁰⁹ Там же. Л. 3.
³¹⁰ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791. Л. 339.
³¹¹ ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5682. Л. 22.
³¹² Местные представители левых партий и их сторонники на протяжении всего военного периода делали настойчивые попытки придать антивоенную направленность борьбе рабочих промышленных предприятий, за выживание в условиях дефицита и дороговизны самых необходимых товаров. Однако, к «пораженческим» прогерманским лозунгам левых большинство населения провинции, и рабочие в том числе, относились враждебно, как и к германофильским высказываниям «внутренних немцев».
³¹³ ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 2526. Л. 1–1 об.
³¹⁴ В результате Ю. Розенбах был арестован на три месяца и первое время отбывал наказание в тюрьме (ГАКО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 2526. Л. 2, 7, 23).
³¹⁵ ГАКО. Ф. 784. Оп. 1. Д. 1195. Л. 46.
³¹⁶ ГАКО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 6. Л. 30.
³¹⁷ См.: ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 790. Л. 60–62.
³¹⁸ Отчёт унтер-офицера дополнительного штата Калужского ГЖУ от 18 сентября 1915 г. // ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 220–221.

- ³¹⁹ Там же.
- ³²⁰ ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 21. Л. 70–70 об.
- ³²¹ Там же. Л. 77–77 об.
- ³²² ГАКО. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 63. Л. 176.
- ³²³ Голос Калуги. 9 августа. 1916. № 9.
- ³²⁴ Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: в 4 кн. – М., 2002. Кн. 1. Первая мировая война: исторический очерк / отв. ред. Г.Д. Шкундин. – М., 2002. С. 629.
- ³²⁵ Положение о военнопленных. Высочайше утверждены 7 октября 1914 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. – Пг., 1916. С. 332–340.
- ³²⁶ ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 531. Л. 10.
- ³²⁷ ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 2993. Л. 14, 20, 39, 53; Ф. И-212. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
- ³²⁸ ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 531. Л. 232 об.
- ³²⁹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 39.
- ³³⁰ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245. Л. 4–5.
- ³³¹ Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 113.
- ³³² Там же. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245. Л. 13.
- ³³³ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791. Л. 239; Д. 828. Л. 74, 315.
- ³³⁴ Там же. Ф. 883. Оп. 1. Д. 791. Л. 39.
- ³³⁵ Воронежский телеграф. 25 мая 1916 г.
- ³³⁶ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 114, 205, 227.
- ³³⁷ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1254. Л. 22.
- ³³⁸ ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 230–235.
- ³³⁹ ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 356–357, 368–368 об.
- ³⁴⁰ Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы. Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. – Пг., 1916. С. 341–342.
- ³⁴¹ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 406.
- ³⁴² ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39861. Л. 101; Об изменении порядка отпуска военнопленных на работы. Высочайше утв. 1 июля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. – Пг., 1916. С. 345.
- ³⁴³ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39861. Л. 136.
- ³⁴⁴ ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4172. Л. 69–69 об.
- ³⁴⁵ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39861. Л. 1, 11, 24, 27, 33, 39, 55, 63.
- ³⁴⁶ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39817. Л. 71–72.
- ³⁴⁷ Известия главной конторы Брасовского и Дерюгинского ЕИВ ВК Михайла Александровича имений. 1915. № 6–7.

- ³⁴⁸ ОЖ. 2 июля 1915. № 140.
- ³⁴⁹ ОВ. 31 октября 1915. № 253.
- ³⁵⁰ ОВ. 19 апреля 1916. № 86.
- ³⁵¹ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 524.
- ³⁵² ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 147; Д. 1245. Л. 17, 22.
- ³⁵³ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 42–43.
- ³⁵⁴ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 42–43, 159, 190.
- ³⁵⁵ Изменения правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы. Высочайше утв. 22 апреля 1915 г. // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. – Пг., 1916. С. 342–343.
- ³⁵⁶ ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 4172. Л. 3–4 об; 92 об, 103–104.
- ³⁵⁷ Там же. Л. 135.
- ³⁵⁸ Там же. Л. 47.
- ³⁵⁹ Журнал заседаний Тульского губернского земского собрания 55 чрезвычайной сессии. Заседание 15 декабря 1916 г. Тула, 1916. С. 3.
- ³⁶⁰ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 238–239.
- ³⁶¹ Нигматов В.В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 2. – Воронеж, 2004. С. 103.
- ³⁶² ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 149. Л. 71.
- ³⁶³ См.: ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 842. Л. 66–67.
- ³⁶⁴ Там же. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 633, 729.
- ³⁶⁵ В России к сентябрю 1915 г. на сельскохозяйственных работах трудилось 295 тыс. военнопленных, а в 1916 г. уже более 500 тыс. // Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. – М., 1999. С. 100.
- ³⁶⁶ Правила о порядке представления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ, в распоряжение заинтересованных в том ведомств, утверждённые Советом Министров 7 октября 1914 г. // Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. А.И. Овчинников. – Пг., 1916. С. 24–27.
- ³⁶⁷ Например, в Орловской губернии военнопленные сербы в феврале 1915 г. работали в Ботаническом саду школы садоводства министерства земледелия и Государственных имуществ. В лесничестве Калужской и Тульской губернии в 1915 г. работало 100 военнопленных // КК. 30 июля 1915. № 83.
- ³⁶⁸ ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 64, 487.
- ³⁶⁹ ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 39853. Л. 1, 6, 11.
- ³⁷⁰ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245. Л. 90 об–91.
- ³⁷¹ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 37–38, 93.
- ³⁷² ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245. Л. 90 об–91.

³⁷³ Там же. Д. 1322. Л. 8–8 об.

³⁷⁴ Там же. Л. 76; По данным итальянского исследователя Симоне Аттилио Беллецца, из 60 тысяч итальянцев австро-венгерской армии 30 тысяч оказались в русском плену (*Беллецца С.А.* Выбирая свою нацию: национальная и политическая идентичность итальянских военнопленных в России (1914–1921 гг.) // Доклад на международной конференции «Россия в Первой мировой войне» 3–5 июня, 2014 г., ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiIStizlRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

³⁷⁵ Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами, утверждённые Советом Министров 7 октября 1914 г. // Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. *А.И. Овчинников*. – Пг., 1916. С. 27–28.

³⁷⁶ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 58, 59.

³⁷⁷ Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях, утверждённые Советом Министров 17 марта 1915 г. // Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных. Сост. *А.И. Овчинников*. – Пг., 1916. С. 28–32.

³⁷⁸ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 58.

³⁷⁹ Там же. Л. 59–60.

³⁸⁰ Из общего количества немецких и австрийских военнопленных в промышленности в годы Первой мировой войны работало от 10 до 30% // *Маркевич А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы труда на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. – М., 2005. С. 57.

³⁸¹ ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 480. Л. 32

³⁸² Там же. Д. 426. Л. 234. До сентября 1915 г. Людиновский завод использовал труд военнообязанных турецких граждан (ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 388. Л. 220–221).

³⁸³ ГАКО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 480. Л. 6–7; Ф. 784. Оп. 1. Д. 1288. Л. 12–13, 19, 22, 60, 61, 151–152, 427; Д. 1409. Л. 30.

³⁸⁴ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 47.

³⁸⁵ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 427. Л. 3.

³⁸⁶ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 78–79; По утвержденной в 1915 г. норме военнопленным полагалось в день 800 грамм хлеба, 100 г крупы, 100 г мяса или рыбы, приварочные припасы на 2,5 копейки. Чайное довольствие, полагавшееся ранее, было отменено (ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 19).

³⁸⁷ ГАКО. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 83. Л. 149, 176, 208–209.

³⁸⁸ Там же. Ф. 648. Оп. 1. Д. 620. Л. 75.

³⁸⁹ ГАКО. Ф. 825. Оп. 5. Д. 531. Л. 235.

³⁹⁰ ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 120, 121, 147, 161, 166, 173, 269, 433, 443, 482.

³⁹¹ Там же. Л. 2–5, 12, 60, 79, 89, 122, 126, 132, 306, 432.

³⁹² ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 431 об; ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1245. Л. 4 об; ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445а. Л. 123.

³⁹³ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 75.

³⁹⁴ ГАВО. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 500. Л. 1, 7; Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1254. Л. 15, 21.

³⁹⁵ ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1161. Л. 227, 241, 242.

³⁹⁶ Там же. Л. 198, 221; Ф. И-6. Оп. 2. Д. 572. Л. 1.

³⁹⁷ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1244. Л. 37–38.

³⁹⁸ Как пишет бывший военнопленный офицер русской армии, им разрешилось отправлять из лагеря в месяц также 4 открытки, но 1 закрытое письмо (*Корсак В.В.* Плен // Забытая война: сб. ист. лит. произв. / Сост. *Р.Г. Газгуев*. – М., 2011. С. 84).

³⁹⁹ ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14 а. Л. 60.

⁴⁰⁰ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 162–164, 168, 176, 201–203 об.

⁴⁰¹ ГАКО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 1254. Л. 7; Д. 1244. Л. 52, 55.

⁴⁰² Там же. Д. 1243. Л. 46–47.

⁴⁰³ См., например: ГАРО. Ф. 4. Оп. 77. Д. 4445 а. Л. 39, 44.

⁴⁰⁴ ГАРО. Ф. 5. Оп. 3. Д. 4142. Л. 2, 4.

⁴⁰⁵ *Брусиллов А.А.* Мои воспоминания. Мн., 2003. С. 200, 223.

⁴⁰⁶ ГАОО. Ф. 706. Оп. 1. Д. 879. Л. 551.

⁴⁰⁷ ГАВО. Ф. И-212. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.

⁴⁰⁸ Рапорт Мещовского уездного исправника // Общество и революция... С. 47.

⁴⁰⁹ *Белова И.Б.* Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // ВИЖ. 2007. № 12. С. 44.

⁴¹⁰ ГАРО. Ф. 1292. Оп. 2. Д. 175. Л. 21–22 об.

Глава III

БЫВШИЕ РУССКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ. ЦЕНТРОПЛЕНБЕЖ И ЕГО МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ. 1918–1919 гг.

До 1918 г. в Россию вернулось свыше одной трети русских военнопленных. После 1918 г. возвращение на родину, в новую страну с названием РСФСР, предстояло более чем одному миллиону наших пленных.

3.1. Возвращение из плена и государственные меры поддержки бывших русских военнопленных

Возвращающиеся из плена наши военнопленные пребывают в самом ужасном виде: грязные, оборванные и совершенно голодные.

Из доклада старшего врача 200 эвакуационного госпиталя В.А. Рейтера от 15 августа 1918 г. (ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 30).

...под строгой ответственностью объявить всем пленным, проживающим в волостях, что обмундирование, ссылаясь на приказ № 169 от 22.11.1918 г. Центропленбежа, полностью каждому выдано быть не может...

Из циркуляра Калужской Губернской коллегии по делам пленных и беженцев от 20 января 1919 г. (ТАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов).

После февраля 1917 г. с целью объединения усилий общественных организаций и государственных структур в деле помощи военнопленным при Главном управлении Российского общества Красного Креста был создан Центральный комитет по делам военнопленных. В октябре-ноябре 1917 г. на очередной международной конференции в Копенгагене между Россией и Центральными государствами были согласованы правила по содержанию, управлению и организации помощи военнопленным¹.

В апреле 1918 г., после заключения Брестского мирного договора для планомерного обмена военнопленными, была создана русско-германская смешанная комиссия, а в июле – августе 1918 г. – русско-австрийская и русские комиссии попечения о пленных на территории Германии и Австро-Венгрии².

Декретом СНК от 23 апреля 1918 г. для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и организаций, ведавших делами военных и гражданских пленных, заложников и беженцев, учреждалась Центральная Коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж), открывшая затем свои органы на местах. Коллегия назначалась СНК и имела право доклада непосредственно СНК. Её решения были обязательны для всех ведомств РСФСР. С мая 1919 г. Центропленбеж перешел в состав Наркомата внутренних дел на правах самостоятельного отдела. Решением, принятым 21 июня 1918 г., СНК установил, что Центропленбеж призван оказывать помощь возвращающимся русским военнопленным без отклонений в состоянии здоровья до времени их водворения, а больным и инвалидам – до передачи их органам государственного призрения³. В период планомерной эвакуации с июля-августа до ноября 1918 г. Центропленбежем было зарегистрировано 181375 вернувшихся в Россию русских военнопленных⁴.

Ноябрьские революционные события в Австро-Венгрии и Германии нарушили начавшуюся планомерную работу по обмену военнопленными и способствовали массовому стихийному движению русских военнопленных из этих стран, продолжавшемуся до февраля-марта 1919 г. В связи с возникшим массовым стихийным движением В.И. Ленин 23 ноября 1918 г. утвердил циркуляр Центропленбежа, подтверждавший полномочия этой организации

как высшей инстанции, ведавшей делами военнопленных. Все ведомства и учреждения обязывались оказывать Центропленбежу и его органам на местах самое широкое и решительное содействие. Были также утверждены сверхсметные ассигнования в размере 35 млн рублей⁵. По поводу стихийного движения русских солдат Ленин, выступая на рабочей конференции Пресненского района Москвы 14 декабря 1918 г., сказал: «Из Германии бежит сейчас в Россию 2 миллиона человек. Эти 2 миллиона истерзаны и измучены. Они голодны, как никто. Это не люди, а тени, скелеты людей»⁶. Центропленбежем называлась другая цифра – 1,5 млн человек⁷.

По современным данным, численность русских военнопленных составила 2417 тыс., до 1918 г. прибыли из плена 715 тыс. инвалидов и 60 тыс. бежали из лагерей⁸, всего 775 тыс. (32 %). Таким образом, на начало 1918 г. в плену оставались 1642 тыс. (68 %). За исключением умерших в плену 190 тыс., остались в Европе – 95 тыс., вернулись в Прибалтийские государства – 215 тыс.⁹ Как видим, не вернулись в Россию 500 тысяч (21 %) русских военнопленных. Поэтому в Советскую Россию могли вернуться не более 1142 тыс. (47 % от 2417 тыс.) К началу 1920 г., по данным Центропленбежа, за границей находилось около 400 тысяч (16, 5 %) русских военнопленных¹⁰. Отсюда следует, что за 1918–1919 гг. в Россию вернулись 742 тыс. (31 %) русских военнопленных, из них по обмену до ноября 1918 г. – 181 375 (7,5 %) человек. Остальные 560 625 (23 %) возвращались в Россию самотёком либо в результате вступления в Белую армию.

О массовом стихийном движении русских военнопленных говорилось в радиোগрамме австро-венгерского военного министерства от 30 января 1919 г.: «До ноября 1918 г. русские военнопленные при отправке на родину снабжались одеждой, продовольствием и документами <...> После свержения монархии военнопленные самовольно в массовом порядке ушли из лагерей и с мест своей работы, не дожидаясь организованной отправки на родину и не считаясь с соответствующими предписаниями». В ответ министерство иностранных дел РСФСР обвинило австрийские власти в открытии лагерей военнопленных после ноябрь-

ской революции 1918 г. без принятия мер по «быстрой и организованной отправке военнопленных на родину»¹¹.

Антанта предприняла шаги по прекращению массового самотёка русских военнопленных. 15 января 1919 г. при продлении соглашения о перемирии с Центральными державами в условия перемирия была включена дополнительная статья, согласно которой устанавливался непосредственный контроль стран Антанты над возвращением на родину русских военнопленных из Германии. Для этого была создана межсоюзническая комиссия, возглавил которую начальник английской военной миссии в Берлине генерал Эварт¹². При этом германское правительство взяло на себя обязательство не отправлять на родину русских военнопленных помимо этой комиссии¹³. Правительство РСФСР выразило своё отношение к установлению контроля стран Антанты над репатриацией русских военнопленных из Германии в своей ноте от 21 января 1919 г. правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США, заявив, что «русское советское правительство одно компетентно заботиться о российских гражданах, оставшихся в Германии, и оно одно имеет право передавать эти заботы какой-либо другой державе. Русское советское правительство не было побеждено державами Согласия и не заключало с ними мирного договора»¹⁴.

Тем не менее в апреле 1919 г. Совет 5 министров иностранных дел принял решение отправлять русских военнопленных «в те русские области, возвращение в которые допустимо по экономическим и политическим условиям». В соответствии с этим решением в июне 1919 г. был утверждён план репатриации русских военнопленных. Представитель США Гувер 18 июля предложил направить 25 тысяч военнопленных для усиления «русской северной армии» и 40 тысяч – Деникину. В октябре 1919 г. *межсоюзническая комиссия* была реорганизована в *международную комиссию* для контроля над русскими военнопленными, в которую были включены представители Германии и Белого движения. В 1919 г. обмена военнопленными с Германией и её бывшими союзниками не производилось до заключения соответствующих соглашений в 1920 г.

В декабре 1919 г. – феврале 1920 г. правительство РСФСР вело переговоры с Великобританией об обмене военнопленными, об устранении препятствий к возвращению из Дании двух тысяч русских военнопленных, перешедших туда из Германии, а также из Бельгии, Голландии и Швейцарии. Наконец, 12 февраля 1920 г. было подписано соглашение о помощи со стороны Великобритании в деле морского транспорта для возвращающихся на родину из этих стран военнопленных. Кроме того, Британское правительство обязалось признавать всякую договорённость между Советским и Германским правительствами¹⁵. Такое Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных было подписано в Берлине в апреле 1920 г.¹⁶ В Копенгагене в апреле было заключено аналогичное соглашение с правительством Италии¹⁷, в мае – с правительством Венгрии¹⁸, в июле – с правительством Австрии¹⁹. Несколько позже, 5 июня 1922 г., был заключен Временный договор РСФСР с Чехословацкой республикой²⁰. Последний бесплатный транспорт репатриантов оттуда был отправлен 8 марта 1923 г. на Украину²¹.

С началом массового стихийного движения русских военнопленных Центропленбеж своим приказом от 15 ноября 1918 г. возложил на свои местные органы – губернские и уездные коллегии по делам пленных и беженцев (губ- и уездпленбежи), карточную регистрацию возвращавшихся из плена русских солдат²². Уездпленбежам предписывалось широко оповещать население о необходимости регистрации и получения билета военнопленного всеми возвратившимися из плена, так как только при этом условии они смогут обращаться за получением жалования за время нахождения в плену, бесплатной медицинской помощи и других видов государственной помощи. Наплыв военнопленных оказался очень велик, например, в Рязанской губернии за лето 1918 г. зарегистрировали 50 русских военнопленных, а за ноябрь через Губпленбеж прошло 2,6 тысячи человек²³. В Орловской губернии в начале декабря 1918 г., например, в Трубчевский уездпленбеж ежедневно обращались по 500 человек и более²⁴.

В таких условиях с карточной регистрацией военнопленных в Центральных губерниях Европейской России сразу возникли проблемы. Регистрационных карточек здесь не доставало ещё до

начала массового стихийного наплыва военнопленных в ноябре 1918 г.²⁵ Тульский Губпленбеж не имел бланков для регистрации военнопленных и не ручался за точность их учёта²⁶. Губпленбеж Рязани вместо регистрационных бланков в декабре 1918 г., в период пика стихийного движения военнопленных, получил разрешение Центропленбежа на их заказ в количестве 10 тысяч штук в местной типографии. Типография испытывала проблему с бумагой, поэтому не могла выполнить срочный заказ. Через два месяца, в феврале 1919 г., Рязанский Губпленбеж просил Центр о том же – выслать регистрационные карточки²⁷. И к 1920 г. карточная регистрация массы возвратившихся в период с ноября 1918 г. по март 1919 г. военнопленных не была закончена²⁸.

С выдачей билетов военнопленного дело обстоит ничуть не лучше: повсеместно в местных пленбежах не хватало бланков этого документа, которыми их не обеспечил Центропленбеж²⁹. Например, Рязанский Губпленбеж к сентябрю 1919 г. отчитался о выдаче 297 билетов военнопленного при количестве возвратившихся из плена в основном за несколько месяцев 1918–1919 гг. более 19 тысяч человек, что составило 1,56 %³⁰. В январе 1920 г. в Рязанский Губпленбеж поступило 261 заявление от военнопленных, возвратившихся в период массового движения конца 1918 – начала 1919 гг., о выдаче им билета военнопленного для получения жалования за время плена. По этим заявлениям было выдано в январе 27 билетов военнопленного (10 %) ³¹. В Тульской губернии к 1920 г. зарегистрировали 17 тысяч русских военнопленных, при этом билет военнопленного выдали 892 из них (5 %) ³². Для сравнения в уездах Калужской губернии этот показатель составлял от 30 до 60 % ³³.

В апреле 1919 г. Центропленбеж принял решение регистрировать военнопленных, прибывших на места без регистрации на одном из головных пунктов приёма военнопленных, только в Губпленбежах и билет военнопленного выдавать также в Губпленбежах всем военнопленным при наличии у них регистрационной карточки. Приказ вместе с инструкцией вводился в действие по истечении недельного срока со дня получения их Губпленбежами³⁴. Например, в Калужской губернии этот приказ вступил в силу лишь с июля 1919 г., уездные пленбежи заполняли

только регистрационные карточки, в обмен на которые Губпленбеж выдавал им билеты военнопленного для вручения на месте³⁵. В Рязанской губернии указанный порядок был введен в действие с 1 июня 1919 г.³⁶ Выдача билетов военнопленного осуществлялась по 1922 г. включительно. С января 1923 г. возвращавшиеся на родину бывшие русские военнопленные на общих основаниях в органах милиции получали лишь вид на жительство³⁷.

В мае 1919 г. Совет Обороны предписал призывать всех бывших русских военнопленных, сверстники которых уже были призваны в Красную армию, но не ранее истечения двухмесячного срока после их возвращения из плена³⁸. Например, в Воронежской губернии первый призыв возвратившихся из плена более двух месяцев назад и родившихся в 1894–1898 гг., а также в 1889–1893 гг. был назначен на июнь 1919 г.³⁹

Согласно постановлению СНК от 16 ноября 1918 г. о денежном довольствии военнопленных и их семейств, бывшие нижние чины получили право на денежное довольствие, исчисленное из прежних окладов со дня последнего довольствия на службе по первое мая 1917 г., а с 1 мая 1917 г. по день прибытия – по повышенному окладу (Приказ по военному ведомству № 256 от 29 апреля 1917 г.). Прочим военнопленным за всё время плена довольствие исчислялось из оклада 64 рубля в месяц. Сумма, причитавшаяся каждому военнопленному, не должна была превышать 1,5 тыс. рублей⁴⁰. Семейства военнопленных с 1 января 1918 г. до возвращения из плена приобрели право на получение половины содержания, установленного военнопленным. Воинам-инвалидам сверх денежного довольствия за время плена были установлены единовременные пособия в размере 25 «полуинвалидам» и 50 рублей «полным» инвалидам. На эти выплаты отпускалось 472 млн рублей⁴¹. В 1920 г. единовременные пособия бывшим военнопленным – инвалидам были отменены⁴².

Дело обеспечения денежными пособиями военнопленных и их семейств с августа 1919 г. передали от Наркомата по военным делам Центропленбежу⁴³, которому поручалось установить порядок удовлетворения пособием по соглашению с Главным военнo-хозяйственным управлением. На местах денежное довольствие за время плена выдавали военные комиссариаты, аванс в 40 рублей

в счёт этого довольствия и единовременное пособие воинам-инвалидам – уездпленбежи. На практике эти выплаты бывшие военнопленные чаще всего не имели возможности получить беспреткновенно из-за отсутствия денежных средств в вышеупомянутых организациях и необходимых документов у военнопленных по вине Центропленбежа. Так, в Жиздзинском уезде Калужской губернии с лета 1918 г. за год было зарегистрировано 4550 вернувшихся из плена, из них аванс в 1919 г. выдали лишь 1749 чел. (38 %)⁴⁴. Уездпленбежи фактически не имели средств для этих выплат с мая 1919 г., хотя лишь в августе 1919 г. Центропленбеж уведомил о приостановке этой выплаты, а в апреле 1920 г. – об её отмене⁴⁵. В Тульской губернии в Алексинский уезд возвратилось к началу 1920 г. 957 военнопленных, из них аванс в счёт жалования за время плена получили в 1919 г. 10,5 % военнопленных. Выдача жалования здесь началась с июля 1919 г. При этом лишь 5 % возвратившихся в Тульскую губернию в период массового движения конца 1918 – начала 1919 гг. и получивших билет военнопленного в 1919 г., могли рассчитывать на получение жалования за время плена⁴⁶.

В день регистрации в местных органах Центропленбежа бывшие русские военнопленные имели право получить паёк (хлеб, чай, сахар, вобла), установленный Декретом СНК от 14 декабря 1918 г.⁴⁷ Для этого уездным коллегиям со складов местных Губпленбежей должны были отпускаться продукты. Например, в Жиздзинском уезде Калужской губернии с января по май 1919 г. при наличии продуктов на складе готовилась горячая пища. Её получили 57 % зарегистрированных на тот период бывших военнопленных. В дальнейшем при наличии продуктов им выдавался сухой паёк, состоявший из 400 грамм хлеба, 100 гр. рыбы, 1 гр. чая, 25 гр. сахара. С декабря 1920 г. паёк состоял из 400 гр. хлеба, 400 гр. картофеля, 25 гр. сахара, 12 гр. соли, 4 гр. суррогата кофе. Хлеб разрешалось частично заменять картофелем: 100 гр. хлеба – на 200 гр. картофеля. Из-за частого отсутствия продовольствия военнопленные не могли получить паёк, они удовлетворялись им «по мере возможности»⁴⁸. При этом печеный хлеб и сахар отпускались пленбежами для парткомовских столовых⁴⁹. С 1 октября 1921 г. уездные органы Центрального управления по эвакуации

населения (Центрэваку)⁵⁰ совсем прекратили выдачу продовольственных пайков⁵¹.

При катастрофической ситуации с продовольствием и обмундированием их учёт и хранение на складах Губпленбежей были организованы крайне неудовлетворительно, о чём говорят материалы проверок местных контролирующих органов⁵². Например, в Калужском Губпленбеже в июне 1919 г. были выявлены факты отпуска муки и выпеченного хлеба без проведения их по приходно-расходной книге. При проверке в мае 1919 г. там было «незаприходовано» 33 пуда муки, а половина всего имущества вообще не значилась в описи, 9 пудов хлеба оказались непригодными к употреблению даже скоту и были уничтожены комиссией. Только после ревизии встал вопрос о составлении «инструкции по правильному ведению хозяйственного дела». Начальник Губернского управления пленбежа вынужден был признать, что «хозяйственная часть управления находится в бесхозном состоянии»⁵³. Хранение продуктов на складах уездпленбежей было поставлено не лучше, чем на губернском. Внезапные проверки выявляли порчу и недостачу, а также излишки продуктов. Например, на складе Жиздринского уездпленбежа Калужской губернии в июле 1919 г. была обнаружена недостача более 1 пуда воблы, более 17 пудов овсяной муки, более 30 фунтов пшеничной муки, 4 фунтов печеного хлеба. Кроме продуктов, недоставало 14 пиджаков. Мука «частично находилась в процессе горения». Несколько френчей «были изъедены мышами». Отмечены излишки сахара, конопляного масла, сушеных овощей, более 4 пудов соли, более 14 пудов ржаной муки⁵⁴. Недостачу муки всегда объясняли «крысоедом», рыбы — «утечкой рассола»⁵⁵. Недостача продовольствия обнаруживалась и при первом осмотре поступавших на склад продуктов, как, например, в Орловской губернии⁵⁶. Сотрудники Рязанского Губпленбежа утверждали, что «такая недостача имела хронический характер»⁵⁷.

Ещё в начале апреля 1918 г., через месяц после заключения Брест-Литовского мирного договора, Московский комитет помощи военнопленным сообщал своим местным отделам, что недалёк тот момент, когда русские военнопленные начнут прибывать на родину, «ожидаая помощи и надеясь отдохнуть после всех ис-

пытаний, лишений и страданий <...> инвалиды уже прибывают. Между тем в России ничего не делается для того, чтобы обеспечить им эту помощь⁵⁸: существовавшие организации распадаются, общегосударственная машина <...> вряд ли сможет сделать что-либо для этой новой сложной задачи <...>». Комитет призвал местные отделы «не теряя ни одного дня приступить к сбору пожертвований деньгами и вещами, ведя пропаганду самым энергичным образом путем плакатов и воззваний. Нужно облегчить военнопленным возможность добраться до своих домов и хозяйств, снабжая припасами или деньгами в дорогу»⁵⁹.

В период массового движения военнопленных путём воззваний местные совдепы агитировали за пожертвование «разных вещей для военнопленных», как, к примеру, в г. Коротояке Воронежской губернии. Служащим предлагалось, не взирая на «принцип, выдвинутый правительством Советской России, об аннулировании старых империалистических поборов», отчислять в пользу военнопленных однодневный заработок⁶⁰. Рязанский Губпленбеж в декабре 1918 г. обязал волостные советы оказывать помощь возвращавшимся русским военнопленным также «местными средствами» по причине «затруднительности центра в финансовом отношении и недостачи обмундирования и обуви», например, перевозку «из села в село до места жительства» предписывалось организовать посредством «натуральноподводной повинности». При этом «подводчики должны иметь с собою тулупы или другую теплую одежду», так как пленных никто не снабдил теплым платьем и обувью. Ночлег для пленных «должен быть у населения в виде натуральной повинности». Губернским и уездным продовольственными организациями из отпущенных Центром средств надлежало заготовить продукты, но питательные пункты следовало открывать только в крайнем случае при станции, так как и приготовление пищи «население сёл должно принять на себя»⁶¹.

В уездпленбежах получить вещевое довольствие было так же непросто, как и остальное. Причина состояла в его отсутствии или недостатке, поэтому стать обладателем набора обмундирования было практически невозможно⁶². Кроме того, это запрещалось Центропленбежем, а между тем, практически все пленные

нуждались в нём, требовали и выражали недовольство его отсутствием⁶³. В этой ситуации было принято решение, что самым немощным волисполкомы будут выдавать удостоверения, а сами пленные будут давать подписки о том, что никто из них ранее никакого обмундирования не получал. В Орловской губернии в 1918 г. такие удостоверения выдавали комбеды⁶⁴. К примеру, в удостоверении указывалось, что данный военнопленный «не имеет одежды и средств купить её, так как бедного класса и одинок» или «находится в критическом положении» или «действительно остро нуждается в одежде и обуви, в семье отец 70 лет, мать, жена с детьми» и т. п. Подписки обычно составлялись от имени целой группы военнопленных (от нескольких до 90 человек) и содержали данные об ответственности за ложные сведения⁶⁵. Получить удостоверение о нуждаемости не означало получить обмундирование. Некоторые бывшие военнопленные, зарегистрировавшиеся в своих уездах, пытались обзавестись обмундированием в Губпленбеже. Однако там они получали только не обмундирование, а только «разъяснения», что надо брать обмундирование в уездпленбежах, когда оно там появится. При этом «разъяснения» получали и уездпленбежи, что им «ни под каким видом» не следует направлять бывших военнопленных в Губпленбеж, а требовать от волостных Советов выдачи «объективных удостоверений» об имущественном положении военнопленных и разъяснять, что «обмундирования для всех просто нет из-за сложного экономического положения молодой Советской республики»⁶⁶.

В январе 1919 г. тот же Жиздринский уездпленбеж получил 300 ватных пальто и 100 папах, а также 25 комплектов белья на две с лишним тысячи зарегистрированных военнопленных. Обувь (70 пар сапог) впервые здесь получили в феврале 1919 г., затем в марте и мае, а всего 540 пар. «Обувь старая, чинённая, но годная к носке», — отмечено в отчёте. 50 % белья было ношеным, со старыми пятнами. Бедственное положение с обмундированием вынуждало уездные пленбежи просить волостные Советы о прекращении выдачи удостоверений о нуждаемости в обмундировании. Например, на заявление бывшего военнопленного Г. Лосева, имевшего семью из 9 человек, у которого не было ничего из оде-

жды, была наложена резолюция: «Пусть явится <...> и получит только один пиджак»⁶⁷. Когда в мае 1919 г. Совет Обороны предписал всех бывших русских военнопленных призывать в Красную армию, местным отделам продовольствия и снабжения рекомендовалось «все предметы снабжения, причитавшиеся населению по общей развёрстке», выдавать в первую очередь военнопленным, которые не получили никакого обмундирования по приезде из плена⁶⁸.

Так как многие пленные являлись в уездные коллегии прямо с вокзала «раздетыми и босыми», их не могли отправлять по домам в таком виде в сильные морозы и были вынуждены держать при уездных коллегиях по нескольку дней, «до более тёплого времени»⁶⁹. По этой причине, например, в Мещовском уезде Калужской губернии в декабре 1918 г., по инициативе уездного Совдепа, проводилась реквизиция тёплой одежды и обуви «у некоторых граждан Мещовска», так как на складе уездпленбежа ни одежды, ни обуви не было. 1 января 1919 г. уездпленбеж получил 50 пар валенок, 400 полупальто, 200 папах и 200 комплектов белья. В феврале получили 50 пар сапог. К этому времени зарегистрировалось 1400 военнопленных, и половина из них получила из обмундирования только кое-что⁷⁰. В Мосальском уезде Калужской губернии к 20 февраля 1919 г. зарегистрировались 1351 человек, из которых частично получили обмундирование 521 чел. (38,6 %) ⁷¹.

В Тульской губернии в 1919 г. одежду и бельё получили, например, в Алексинском уездпленбеже, 19,5 % возвратившихся военнопленных, в Каширском — 25 %. Обувь не выдавалась, за исключением лаптей, её можно было только купить по удостоверению уездного продкома. 176 пар лаптей в Каширском уездпленбеже не взял никто, так как они были «очень худые и грязные»⁷². Рязанский Губпленбеж в 1919 г. выдал бесплатно несколько пар ботинок на несколько тысяч военнопленных, возвратившихся в Рязанский уезд⁷³.

С 1920 г., когда возобновился обмен военнопленными, положение с выдачей вещевого довольствия не улучшилось, хотя количество возвращавшихся в 1920–1921 гг. сократилось весьма значительно. Так, в Жиздринском уезде Калужской губернии

в 1918 г. вернулись 2140, в 1919 г. – 2605 человек, а в 1920 г. – 412, в 1921 г. – 306 человек. В Медынском уезде в 1918 г. – 617, в 1919 г. – 938, а в 1920 г. – 107, в 1921 г. – 93 человека. Все возвратившиеся в 1920 г. 107 человек получили нижнее бельё и брюки, но пиджаки достались уже только 70 пленным, валенки – 7, лапти – 34, а полупальто – одному⁷⁴. При этом иностранные коммунисты могли получить в пленбежах «полное обмундирование», но только по направлению местных парткомов⁷⁵. В сентябре 1921 г. Губернские управления по эвакуации населения обязали уезды не позднее 1 октября 1921 г. передать им обмундирование и продовольствие. Возвращавшихся пленным при необходимости следовало направлять в Губэвак с отношением, в котором указывать, что требуется выдать.

Для определения права бывших русских военнопленных на пенсию⁷⁶, лечение, снабжение протезами требовалось освидетельствование. В соответствии с совместным приказом Центропленбежа и Наркоматов здравоохранения и социального обеспечения от 24 февраля 1919 г., который предписывал «перенести центр тяжести освидетельствования на места», в губернских центрах в мае 1919 г. создавались Губернские межведомственные совещания по освидетельствованию бывших военнопленных. В них входили представители Губпленбежа, Губернского медико-санитарного отдела, военного комиссариата, отдела социального обеспечения. Совещание принимало решение об организации во всех уездах губерний аналогичных межведомственных совещаний и врачебных комиссий по освидетельствованию бывших военнопленных. Так, в Жиздринском и Мосальском уездах Калужской губернии планировалось создать при уездной больнице по две комиссии (постоянная и подвижная для выездов), в остальных уездах – по одной⁷⁷. Созданное в Жиздре в июне 1919 г. уездное межведомственное совещание пришло к заключению о невозможности организации двух врачебных комиссий в связи с нехваткой врачей из-за эпидемии тифа. Решено было использовать для освидетельствования медицинскую комиссию, существовавшую при отделе социального обеспечения⁷⁸. Как бы то ни было, но до сентября 1919 г. освидетельствование прошли все 230 подавших заявления военнопленных, вернувшихся как в 1918,

так и в 1919 г.⁷⁹ Процесс оформления пенсии длился от 3–4 месяцев до 1 года⁸⁰. В Рязанской губернии, например, к сентябрю 1919 г. были освидетельствованы 68 военнопленных – уроженцев Рязанского уезда⁸¹. В уездах Тульской губернии освидетельствования начались в июне 1919 г., комиссии проводились, как правило, 2 раза в месяц, например, в Ефремовском уезде в 1919 г. было освидетельствовано 74 человека⁸².

В мае 1920 г. вышел приказ Реввоенсовета, Центрэвака, Наркомздрава и Наркомсобеса, регламентирующий «порядок обслуживания больных и увечных военнопленных, возвратившихся из иноземного плена (Германия, Франция, Австрия и пр.)». Согласно приказу, военнопленные должны были подвергаться освидетельствованию в комиссии *по месту выгрузки* из санпоезда с целью разбивки на группы для обслуживания тем или иным ведомством: 1) группа здоровых, передающаяся в ведение местных органов Центрэвака; 2) нуждающиеся в помещении их в дома инвалидов; 3) нуждающиеся в протезировании; 4) требующие амбулаторного лечения; 5) требующие госпитального лечения общего типа; 6) нуждающиеся в специальном лечении: санаторно-курортном, физиотерапевтическом и механотерапевтическом; 7) нуждающиеся в пенсионировании. Непрошедшие освидетельствование в комиссии имели право пройти его в течение двухмесячного срока со дня регистрации⁸³.

По данным Калужской Губернской коллегии пленбежа, в период Первой мировой войны около 21 тысячи уроженцев Калужской губернии попали в плен⁸⁴. По подсчётам А.Н. Курцева, уроженцев других Централных губерний Европейской России, таких как Тульская, Орловская, Рязанская, Курская и Воронежская, в плену оказалось соответственно 26, 38, 38, 45 и 50 тысяч человек⁸⁵. Что касается отдельных уездов, то, например, в Жиздринском уезде Калужской губернии на момент организации уездного пленбежа 1 июля 1918 г. в плену числилось 7250 человек⁸⁶, в Мосальском уезде – 2585, в Мещовском – 2800, в Калужском, Медынском и Козельском – более 2 тысяч в каждом, в Боровском и Перемышльском – более одной тысячи в каждом, в остальных уездах – до одной тысячи человек⁸⁷.

По подсчётам Тульского Губпленбежа, в 1918–1919 гг. возвратились из плена 17 тысяч военнопленных (65,5 % от их общего количества)⁸⁸. В Рязанскую губернию вернулось за 1918–сентябрь 1919 гг. 19 тысяч военнопленных (50 %)⁸⁹. По данным Калужского Губпленбежа, в Калужскую губернию до 1 июня 1918 г. возвратились из плена 1341 чел. (6,4 %), с 1 июня до 1 декабря 1918 г. ещё – 1476 чел. (7 %) – (см. таблицу), из них из германского плена – 837, из австрийского – 639 человек.

Таблица

Численность бывших русских военнопленных, вернувшихся из германского и австрийского плена на родину в Калужскую губернию за период с 1 июня по 1 декабря 1918 г.⁹⁰

Уезды	Количество военнопленных			
	здоровых	больных	инвалидов	всего
г. Калуга	20	27	2	49
Калужский	92	97	13	202
Жиздринский	165	142	17	324
Козельский	75	63	5	143
Медынский	47	59	3	109
Мещовский	57	65	–	122
Перемышльский	62	66	5	133
Мосальский	79	67	7	153
Малоярославецкий	19	15	1	35
Боровский	17	24	1	42
Лихвинский	65	64	–	129
Тарусский	19	15	1	35
ВСЕГО	717	704	55	1476

На 1 февраля 1919 г. в Калужскую губернию возвратилось около 10 тысяч военнопленных (48 %). На пике стихийного массо-

вого движения русских военнопленных в декабре 1918 г. – январе 1919 г. возвратилось 7183 человека (34,2 %). На 1 мая 1919 г. число военнопленных увеличилось до 12 тысяч (57 %), на 1 сентября 1919 г. – до 16 тысяч (76 %). За 1920–1921 гг. возвратились ещё приблизительно 10 % военнопленных⁹¹. А всего по 1921 г. включительно – до 80–86 % от общего количества пленных.

По Жиздринскому уезду за 1918–1919 гг. вернулось 4745 (65,4 %) пленных, за 1920–1921 гг. – 718 человек (9,9 %); всего за 1918–1921 гг. – 75,3 %⁹². По Медынскому уезду за 1918–1919 гг. – 1555 человек (73 %), за 1920–1921 гг. – 200 человек (9,4 %); всего – 82,4 %⁹³. Для сравнения общее число возвратившихся военнопленных в Россию с начала войны по 1921 г. включительно составило 79 %. Вместе с вернувшимися в Польшу и республики Прибалтики, составившими 8,9 %, число возвратившихся из плена достигло 87,9 %⁹⁴.

*
* *

Возвращению в Россию подлежали военнослужащие русского экспедиционного корпуса (РЭК)⁹⁵, отправленного в 1916–1917 гг. в союзную Францию. Франция в августе 1918 г. через шведское правительство сделало официальное заявление Советской России о том, что не будет препятствовать возвращению в Россию находящихся во Франции русских солдат при содействии международного Красного Креста и трёх представителей русского Красного Креста⁹⁶. 9 января 1919 г. французский консул в Копенгагене Дюшен прибыл в Москву для переговоров об обмене военнопленными. Об итогах переговоров Дюшен информировал правительство Франции и просил сообщить решение, дату отплытия судна из Франции и прибытия его в Ревель. 15 января 1919 г. Французское правительство приняло условия обмена, переданные Дюшеном. Число отправляемых русских военнослужащих – 1150, гражданских лиц – 57. Это в 20 раз больше, чем число Французов в России (68 человек). Выход судна был назначен на 16 января⁹⁷.

Председатель Центрального комитета Российского общества Красного Креста (РОКК) В. Свердлов 1 апреля 1919 г. передал по

радио «гуманитарные директивы» своим представителям во Франции: «Добиваться беспрепятственной и незамедлительной эвакуации русских солдат и других российских граждан, широкой амнистии для всех российских граждан, обвинённых в военных или политических преступлениях, принудительного привлечения российских граждан в ряды войск». Г.В. Чичерин в ноте от 4 апреля 1919 г. министру иностранных дел Франции Пишону сообщал о том, что представителям РОКК во Франции во главе с Мануильским было поручено выработать план распределения возвращаемых русских по различным судам, устанавливать даты их отъездов и пути их следования, удостовериться, что ни одному русскому не возбраняется отправка в Россию. В ноте указывалось, что ничего этого представители РОКК не могут выполнить, т. к. им не созданы соответствующие условия⁹⁸.

Французы ответили (7 апреля 1919 г.), что «никогда в предыдущих соглашениях не было речи о том, чтобы миссия Мануильского устанавливала распределение транспортов, сроки отправки, морские и сухопутные пути и т. д. Не может быть и речи о разговорах между делегацией русского Красного Креста и её согражданами *без свидетелей*. Другие правительства такие льготы русской миссии предоставляли, но она воспользовалась ими для того, чтобы вести активную революционную пропаганду. Требование о юридическом советнике для русского Красного Креста ничем не оправдано, т. к. это общество не является во Франции юридическим лицом. Россия же является страной, где упразднена всякая нормальная юрисдикция вообще». Министерство иностранных дел СССР 8 апреля 1919 г. сообщило французскому МИДу о своей готовности допустить возвращение всех желающих ехать во Францию только после того, как миссия Мануильского посетит все тюрьмы, концлагеря, дисциплинарные роты для общения с русскими гражданами⁹⁹.

В ноте от 15 апреля 1919 г. Советское правительство в ответ на сообщение Французского правительства от 12 апреля 1919 г. по поводу возвращения на родину на пароходе «Дюмон Дюрвиль» 1 тысячи русских военнослужащих и миссии Мануильского выразило сожаление по поводу «вынужденного и преждевременного отъезда миссии Мануильского». Для высадки возвращающихся

граждан Советское правительство определило Одессу вместо предложенных портов Балтийского моря¹⁰⁰. 9 мая 1919 г. российский МИД направил Франции ноту протеста против задержания миссии Мануильского в Финляндии и предупредил о домашнем аресте членов бывшей французской военной миссии и дальнейших «более энергичных мерах репрессии»¹⁰¹.

В ноте от 12 ноября 1919 г. правительству РСФСР сообщалось, что французское правительство, согласно выраженному им ещё в апреле намерению возвратить на родину русских независимо от всяких переговоров с Советами, приступило к систематической репатриации не только находящихся во Франции русских солдат, но и 33 тысяч русских пленных из Германии, перешедших во Францию в период перемирия. Около половины их уже смогло вернуться в Россию, между тем как ни один француз не получил разрешения покинуть советскую территорию¹⁰². Предлагался обмен большевистских агентов, находящихся во власти французского правительства, на всех французов, находящихся в России¹⁰³.

20 апреля 1920 г. в Копенгагене Франция заключила Соглашение с Россией и Украиной об отправке всех русских военных, составлявших РЭК во Франции и в Македонии, а также тех военных, которые стали военнопленными и находились во Франции, Алжире, Салониках и др. территориях, куда могли быть посланы французским правительством. Число подлежащих отправке определялось в 22 тысячи человек, по 2,5 тысячи русских на 100 французов, которых в России и Украине всего 900 человек. Обмен намечалось начать немедленно и закончить за 3 месяца с доставкой через Черноморские порты¹⁰⁴.

24 января 1922 г. Пуанкаре сообщил советскому правительству, что большая часть личного состава русских воинских частей, сражавшихся на французском фронте во время мировой войны, отправлена на родину в 1920 г., остальных, пожелавших остаться во Франции, около 5 тысяч человек. В дальнейшем вернуться в Россию выразили желание 2,2 тысяч человек из них. Местонахождение 1,3 тысячи человек бывших русских военнопленных, бежавших из Германии и укrywшихся во Франции, неизвестно. Французское правительство готово перевезти в любой черномор-

ский порт всех лиц, относящихся к этим категориям. Лица, которые до 1 октября 1922 г. не выразят согласия вернуться в свою страну, утратят право на бесплатную репатриацию за счёт французских властей¹⁰⁵.

12 февраля 1922 г. в телеграмме Чичерина, адресованной Пуанкаре, содержалась просьба допустить во Францию комиссию помощи военнопленным или делегацию РОКК для подготовки репатриации русских солдат. В итоге 16 декабря 1922 г. делегация РОКК во главе с А.М. Устиновым прибыла в Берлин, чтобы следовать во Францию. Но только в начале июня 1923 г. делегацию допустили в Марсель. 19 июня 1923 г. из Марселя отправилась группа русских репатриантов в количестве 587 человек. Из них 516 бывших русских военнослужащих. Французское правительство объявило, что репатриация русских за счёт французского правительства закончена, и теперь все оставшиеся смогут вернуться на родину самостоятельно¹⁰⁶. 26 июня 1923 г. эта последняя партия русских солдат на пароходе «Брага» прибыла из Марселя в Новороссийск¹⁰⁷.

Местные пленбежи регистрировали бывших солдат русского экспедиционного корпуса, которые военнопленными не признавались. Им выдавались удостоверения с указанием воинского звания, времени отправки на фронты союзников и прибытия в Россию с записью о том, что военнопленными они не считаются¹⁰⁸. Указанный контингент имел право на получение содержания, установленного при командировании их на фронт союзников, но, в отличие от военнопленных, в особом порядке, разработанном Военно-ликвидационным комитетом¹⁰⁹. Местные пленбежи неоднократно спрашивали разрешения Центра на удовлетворение данной группы бывших воинов пищевым и вещевым довольствием наравне с военнопленными, но положительного ответа не получали¹¹⁰.

В марте 1920 г. Центрэвак распорядился провести «допросы» бывших военнослужащих РЭК, отправленных на фронт союзников, с целью сбора материалов о жестоком обращении с ними французских военных властей. Собранные показания свидетельствовали о жестоком обращении с военнослужащими после выхода России из войны, которых насильно удерживали за преде-

лами России, заставляя воевать, а затем, после ноября 1918 г., выполнять непосильную работу в крайне тяжёлых условиях¹¹¹.

Например, в Калужскую губернию до начала санкционированной репатриации военнослужащих РЭК в апреле 1920 г. на родину в Медынский уезд из Франции возвратились: Николаев Константин Иванович, 23 лет, холост, ефрейтор и Соловьёв Василий Данилович, 23 лет, рядовой, воевал на Салоникском фронте с августа 1916 г.¹¹² В Жиздринский уезд вернулся из Франции Баранов Дмитрий Алексеевич¹¹³.

В 1920 г. в Медынский уезд возвратился Георгий Погодин, бежавший из Франции через Англию и Норвегию¹¹⁴, и Матюхин Егор Фёдорович, рядовой, 28 лет, женат, двое детей, отправленный на союзнический Французский фронт в январе 1916 г., затем бывший на принудительных работах в Африке 3 года, возвратился в Россию в сентябре 1920 г.¹¹⁵ В Жиздринский уезд в 1920 г. возвратились: Анисенков Дмитрий Константинович, младший унтер-офицер, 24 лет, грамотный, отправлен на Союзнический фронт в августе 1916 г., где находился по сентябрь 1919 г.; Балакин Фёдор Филиппович, рядовой, 32 лет, грамотный, на Французском фронте с марта 1915 по июнь 1920 г.; Воробьёв Пётр Егорович, рядовой, 24 лет, грамотный, на Салоникском фронте с сентября 1916 г.; Кузьмичёв Фёдор Павлович, рядовой, 28 лет, грамотный, на фронте в Македонии с 1916 г., возвратился в октябре 1920 г.; Малахов Пётр Маркович, рядовой, 27 лет, грамотный, на фронте в Африке с августа 1916 г.; Никишин Иван Иванович, матрос, 31 год, образование низшее, на фронте союзников в Порт-Саиде с февраля 1916 г.; Петрушкин Афанасий Николаевич, рядовой, 22 лет, грамотный, на Французском фронте с января 1916 г.; Плешкин Егор Никанорович, рядовой, 34 лет, грамотный, с января 1916 по апрель 1920 г. во Франции и с декабря 1917 г. в Алжире на принудительных работах в каменоломнях; Плёнкин Фрол Васильевич, рядовой, 25 лет, с октября 1916 г. был на Салоникском фронте; Ползиков Родион Мартынович, рядовой, 31 год, грамотный, с июля 1916 г. находился на Салоникском фронте; Пузырёв Иосиф Борисович, рядовой, 28 лет, малограмотный, с августа 1916 г. на Французском фронте; Уличев Георгий Галактионович, рядовой, 24 лет, грамотный, холост, отправ-

леп в составе 2-й особой бригады на Французский фронт в июне 1917 г. В феврале 1918 г. военнослужащие этой бригады потребовали отправки в Россию, но были привлечены к принудительным работам в Турции. Их по несколько дней не кормили, заставляли ночевать в ямах¹¹⁶. За первое полугодие 1921 г. в Жиздринский уезд вернулись 5 военнослужащих РЭК¹¹⁷. В Орловскую губернию в 1920 г. вернулись 204 военнослужащих РЭК¹¹⁸.

В мае 1922 г. Центрэвак объявил об окончании работ по возвращению из-за границы бывших русских военнопленных и расформировании в связи с этим своего подотдела по учёту русских военнопленных¹¹⁹. Между тем, по данным Центрэвака, за 10 месяцев 1922 г. в Россию возвратились 3580 бывших русских военнопленных¹²⁰. С 1 января 1923 г. Центрэвак прекратил своё существование. Последние лагеря русских военнопленных в Германии были распущены летом 1922 г. Тех, кто не воспользовался отправкой на родину, перевели на самостоятельное содержание¹²¹. Согласно постановлению Президиума ЦИК от 13 ноября 1925 г., все находившиеся за границей и пропустившие в установленные сроки регистрацию без уважительной причины признавались утратившими Советское гражданство, и всякие ходатайства их о приёме в таковое рассматриваются в общем порядке, существующем для иностранцев. Это относилось к бывшим военнопленным, интернированным военнослужащим царской и Красной армий и целому ряду других категорий¹²².

Таким образом, после заключения Брестского мира обмен военнопленными начался в конце лета 1918 г. и продолжался до ноября 1918 г. В итоге в Россию было возвращено свыше 180 тыс. военнопленных русской армии из остававшихся в плену на начало 1918 г. более 1 600 тыс. человек. В результате массового стихийного движения военнопленных, начавшегося в ноябре 1918 г. по причине революционных событий в Австро-Венгрии и Германии и продолжавшегося до февраля–марта 1919 г., в Россию вернулось около 600 тыс. русских военнопленных. Небольшая их часть осела в Дании, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Франции. В 1919 г. обмена военнопленными не производилось. Антанта установила контроль за русскими военнопленными в ла-

герях Германии, несмотря на протесты Советского правительства. К началу 1920 г. за границей находилось около 400 тыс. русских военнопленных, которые возвращались в Советскую Россию вплоть до 1925 г. после заключения соответствующих соглашений. Как видим, в основном за несколько месяцев 1918 г. самотёком в Советскую Россию вернулось столько же русских военнопленных, сколько их было возвращено в плановом порядке усилиями советских государственных структур за несколько лет, с 1918 по 1925 гг.

Центропленбеж ещё до начала массового стихийного движения русских военнопленных не обеспечил свои органы на местах бланками введённых им новых документов. Это отражалось на качестве учёта военнопленных и затрудняло получение ими государственной помощи. Последняя оказалась малодоступной для русских военнопленных, возвращавшихся на родину, так как декреты Советского правительства о государственной поддержке носили декларативный характер, не получив соответствующего финансового обеспечения.

Право получить паёк в день регистрации военнопленные систематически не имели возможности осуществить из-за отсутствия на складах продовольствия. Обмундирование или обувь реально могли получить лишь беднейшие из военнопленных, и то не все нуждающиеся в нём, по специально введённым на местах удостоверениям волисполкомов или комбедов. Как правило, это были бывшие в употреблении отдельные предметы обмундирования. Отсутствие зимней одежды как у военнопленных, так и на складах местных пленбежей, заставляло местные власти прибегать к реквизиции одежды у населения, которую правильнее назвать конфискацией. При катастрофическом положении с продовольствием и обмундированием, в котором нуждались практически все возвращавшиеся военнопленные, их учёт и хранение не были налажены. Единовременные пособия, установленные воинам-инвалидам, были отменены в апреле 1920 г. Оформление пенсий длилось 3–4 месяца и более. Денежные выплаты за время плена (не свыше 1,5 тыс. руб.) из-за частого отсутствия средств на эти цели бывшие русские пленные не могли получить вплоть до нового призыва в армию.

3.2. Политическое просвещение пленных и беженцев

Каждый пленный, прошедший через пропускной пункт, должен быть свободен от контрреволюционного влияния, навешенного на него по пути следования на родину, а также во время пребывания в лапах империалистических хищников и приобщен к пролетарской рати...

Из отчета о деятельности Калужского Губленбежа за время с 1 января по 1 августа 1919 г. (ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 12).

...Уезжающих на родину беженцев нужно снабжать большим количеством брошюр, плакатов, газет... устраивать проводы с возможно торжественными речами... и указать на задачи беженцев по возвращении на родину в места, где ещё господствует капитал и где нет Советов.

Из схемы работы для культурно-просветительных отделов уездных коллегий пленных и беженцев (ТАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов)).

После заключения Брестского мирного договора, в преддверии предстоявшего обмена военнопленными, 26 июня 1918 г. в составе Центропленбежа появился культурно-просветительный отдел (культпросвет), на который была возложена организация политической пропаганды и агитации среди возвращавшихся из плена солдат русской армии, начиная с пограничных пунктов, в пути следования, на узловых станциях, приёмных пунктах¹²³. Отдел появился не на пустом месте, а в результате преобразования Всероссийского бюро военнопленных при военном отделе ВЦИК, созданного в январе 1918 г. для агитационно-пропагандистской работы среди иностранных и русских пленных. В результате политически надёжные товарищи социалисты-интернационалисты из иностранных военнопленных были привлечены к установлению связи с лагерями русских военнопленных в Германии и Ав-

стро-Венгрии, куда доставлялась агитационная литература, направлялись подготовленные агитаторы¹²⁴, к озвучиванию идеи организации III Коммунистического Интернационала. ЦК РКП(б), руководивший работой по подготовке борцов за приближение победы мировой революции, считал политически подготовленных бывших вражеских военнопленных главным кадровым резервом для создания коммунистических партий в зарубежных странах¹²⁵. Военнопленные-интернационалисты приняли участие в Гражданской войне и агитировали за вступление в Красную армию своих беспартийных товарищей.

Приказом Центропленбежа № 112 от 4 сентября 1918 г. всем органам Центропленбежа на местах предлагалось образовать культпросветы, на которые возлагалось проведение политической агитации среди бывших военнопленных русской армии, возвращавшихся на родину, и беженцев, ожидавших реэвакуации, а также участие в привлечении указанного контингента к устройству сельскохозяйственных коммун, артелей для полевых работ¹²⁶. Во главе организуемых культпросветов рекомендовалось иметь «партийных товарищей-коммунистов», так как главная работа отдела – политическая агитация. Путём агитации следовало добиться, чтобы «лозунги борьбы пролетариата и крестьянства за социализм, окончательную победу революции стали понятными людям, незнакомым с революционным движением»¹²⁷, но политическая обстановка к восприятию подобных лозунгов явно не располагала. По донесениям агитаторов (эmissаров, комиссаров, как они называются в документах) Центропленбежа, встречавших в августе 1918 г. на границе военнопленных русской армии, люди были голодны настолько, что «<...> при каждой остановке поезда ходили по путям и подбирали объедки, обглаживали валяющиеся кости, облизывали консервные банки <...>», на пограничных станциях отсутствовала баня, бельё¹²⁸. Эмиссар Центропленбежа врач И. Сапиро докладывал, что в конце ноября – начале декабря 1918 г. картина движения военнопленных на станции «Смоленск» уже представляла собой сплошной «стихийный поток, вышедший из берегов железнодорожного канала». Кругом были больные, снятые в большом количестве с поездов¹²⁹.

В Брянск в ноябре 1918 г. прибывало из Австро-Венгрии через пограничные станции «Зерново» и «Унеча» до тысячи русских военнопленных в день. Их количество росло, среди них было много больных, все «оборванные, босые и голодные». Они обращались за помощью. В Брянск из Орловского Губпленбежа прибыл заведующий отделом И. Аберберг. Он вынужден был лишь констатировать, что Брянский пленбеж находился «в тисках полного безденежья», как и его представители на пограничных станциях, поэтому «тёплого приёма на родине» получиться никак не могло, так как ни одеть, ни накормить, ни обогреть пленных было нечем. Из Брянска многие военнопленные следовали в Орёл, туда прибывали и военнопленные со стороны Курска. Распределительного пункта в Орле не было. Его отсутствие сильно затрудняло деятельность железной дороги, не говоря о положении и настраивании военнопленных, несмотря на усилия агитаторов¹³⁰.

Говоря о настроении наших военнопленных, массово самотёком возвращавшихся на родину, начиная с ноября 1918 г., следует отметить, что в программе для агитаторов от 24 ноября 1918 г., разработанной Центропленбежем, имелось положение о том, что военнопленные не имели права предъявлять к Советской власти «чрезмерные требования», иначе они будут «врагами трудового народа»¹³¹. Стихийное массовое движение русских военнопленных закончилось в феврале 1919 г. по инициативе Антанты, установившей контроль над возвращением русских военнопленных из Германских лагерей. В этих условиях согласие служить в Белой армии открывало нашим военнопленным путь на родину¹³².

В ноябре 1918 г. в связи с революционными событиями в Австро-Венгрии и Германии уполномоченные Центропленбежа не только встречали на западной границе возвращавшихся русских военнопленных, но и провожали бывших вражеских пленных, выступая перед ними с речами о мировой революции и отсылая в Москву отчёты о проведённых мероприятиях и резолюции митингов, например: «Выслушав о положении авангарда мировой революции, просим довести до сведения российского рабоче-крестьянского правительства, что, прибыв на родину, будем стараться установить советскую власть, дабы скорее грянул час, когда

пролетариат всего мира соединится в единую мировую коммуны. Председатель митинга комиссар Пленбежа Пупкевич»¹³³.

На беженских собраниях также предлагалось принимать аналогичные резолюции и направлять их в Центр, например: «Мы верим в рабоче-крестьянское правительство, клянёмся его активно поддержать <...> Да здравствует мировая революция!»¹³⁴.

В одной из Центральные губерний Европейской России – Калужской, культпросвет в Губпленбеже был организован в июне 1918 г. Он непосредственно занимался политической агитацией как среди бывших вражеских военнопленных и беженцев города и уезда, так и среди русских военнопленных, которые временно оказывались в ночлежном доме или чайной, в регистрационном или питательном пунктах, открытых Губпленбежем близ железнодорожной станции¹³⁵. В арсенале культпросвета Губпленбежа было два способа агитации: раздача литературы, присылаемой из Центропленбежа, и устройство беседований и митингов для прибывавших на родину военнопленных¹³⁶. В ноябре 1918 г., в период массового стихийного возвращения русских военнопленных, орган Губернской организации РКП(б) – газета «Коммуна» под заголовком «Кое-что о наших пленных» писала о «громадной» ответственности местных органов Центропленбежа, которым «нужно каждому пленному правильно осветить вопрос о положении Социалистической революции, чтобы в их лице не приобрести врагов для власти <...>», о том, что «для более целесообразного распространения идей коммунизма приглашены агитаторы для пленных»¹³⁷. В одном из сентябрьских номеров газеты было напечатано обращение ко всем трудящимся беженцам-белорусам эмиссара Белорусского национального комиссариата (Белнацком¹³⁸) по делам беженцев товарища Василевича с оружием в руках защищать Советскую власть: «Кому дороги завоевания революции, кому нужна свобода, земля и воля в Белоруссии, тот без малейшего колебания должен встать рядом со своим братом Великороссом в ряды революционной Армии и грудью защищать интересы революции»¹³⁹.

Представитель Белнацкома, находившийся в Калужской губернии с 15 июня по 1 сентября 1918 г., в итоге признал культпросветработу Губпленбежа в Калуге, а также уездных пленбе-

жей слабой. Беженцы высказывали ему недовольство по поводу того, что не получили землю и инвентарь для её обработки, а работ для применения физического труда в губернии было недостаточно. Не способствовало успеху политической работы в беженской среде враждебное отношение местного сельского населения к беженцам и, самое главное, катастрофическое положение с продовольствием. Представитель Центра отметил «весьма вялое течение не по разработанному плану» реэвакуации беженцев на фоне всеобщего их стремления во что бы то ни стало поскорее отбыть на родину. О результатах агитации беженцев за добровольное вступление в Красную армию эмигрант Белнацкома высказался в том плане, что они (результаты) «пока ещё не выявлены»¹⁴⁰. На агитационно-инструкторские курсы тоже никто из беженцев не записался. В анкете, предложенной информационным бюро при Наркомнаце в сентябре 1918 г., Василевич на вопрос о политической организации беженцев записал: «Сорганизовать их политически не представляется возможным несмотря на принятые меры»¹⁴¹. В октябре 1918 г. Калугу посетил сотрудник беженского отдела Белнацкома А. Янулевич. По его мнению, организация партийных ячеек в беженской среде невозможна ввиду «общего стремления всех беженцев на родину». Всему виной продовольственный вопрос¹⁴².

В Рязанском Губпленбеже во время массового движения пленных агитационной деятельностью занимались члены коллегии пленбежа во главе с председателем, а также привлеченные члены местных парткомов всех уровней. В Губпленбеже считали, что участие партийных представителей оправдывалось ещё и тем, что «пленные при водворении их на места жительства превращаются в обыкновенных граждан». Согласно отчетным данным, «агитационная деятельность заключалась в том, что при прибытии эшелона с пленными устраивались митинги, произносились речи и раздавалась литература»¹⁴³. В последующий период работа культпросвета «ограничивалась только раздачей некоторого количества литературы русским военнопленным и отпуском желающих разного рода книг и брошюр из библиотеки-читальни <...> Агентом-агитатором состоял назначенный Рязанской уездной партисей товарищ Дементьев»¹⁴⁴.

В уездных органах Центропленбежа культпросветы возникли в конце 1918 – начале 1919 гг., во время пика массового стихийного движения русских военнопленных¹⁴⁵. Например, в самом крупном Жиздринском уезде Калужской губернии это произошло в январе 1919 г. Отдел состоял из одного работника-заведующего, который распространял агитационную литературу преимущественно среди бывших русских военнопленных, обращавшихся для регистрации. Практиковались и собеседования «по текущему моменту». В январе 1919 г. через Жиздринский пленбеж ежедневно проходило до 150 человек, к двадцатым числам февраля было зарегистрировано около 3,5 тыс. бывших русских военнопленных, и все были обеспечены агитационной литературой¹⁴⁶.

5 января 1919 г. было объявлено Всероссийским Днём военнопленного, который рекомендовалось отметить праздничными митингами, концертами, выдачей пищевого довольствия в двойном размере, а также табака и, конечно, агитационной литературы¹⁴⁷. На местах этот праздник переносили по нескольку раз, например, в том же Жиздринском уезде – три раза, в итоге его отметили 2 марта, когда удалось получить кое-какие продукты, сократилось количество прибывавших военнопленных и стало теплее. На праздничном митинге присутствовало около 200 бывших военнопленных, хотя рассчитывали на участие 400 человек. Выступал член уездпленбежа и председатель исполкома уездного Совдепа. Затем бывших военнопленных пригласили на обед, раздачу табака, спичек, бумаги и агитационной литературы¹⁴⁸. Накануне поступило 3 тыс. экземпляров брошюр, таких как «Сельская коммуна», «Программа коммунистов», «Что такое Советская власть» и другие¹⁴⁹. В остальных уездах губернии День военнопленного проходил по такому же примерно сценарию.

В 1919 г. на съездах уездных пленбежей заслушивались отчёты о культурно-просветительной работе. Так, на I Съезде уездных пленбежей в Калуге 20–21 февраля 1919 г. Боровский культпросвет, образованный в ноябре 1918 г., кроме раздачи литературы и собеседований о «задачах русского пролетариата и крестьянства», перейти к более «живой» работе по устройству митингов, коллективных чтений политической литературы, спектаклей не

смог из-за «недостатка лекторов и агитаторов». О невозможности организации митингов по этой же причине, а также по причине разбросанности людей по многим деревням, между которыми большие расстояния, говорили практически все представители уездных пленбежей. Перемышльский делегат добавил, что в уезде не до митингов, так как люди голодают, свирепствует тиф, поэтому прежде всего нужны медицинские работники, а не агитаторы¹⁵⁰.

В Мещовском уездном пленбеже культпросвета не было организовано и о политическом просвещении возвращавшихся русских военнопленных на съезде не упоминалось, но для беженцев, на настроении которых «печально отразилась» их «непосвящённость в суть происходящих политических событий», со слов докладчика, были организованы митинги. Для этого за неимением «свободных лиц» в уездпленбеже приглашали лекторов из уездного комитета РКП(б), которому перечислили 12,5 тыс. рублей. Представитель культпросвета Мосальского уездпленбежа тов. Троцкий, с его слов, выезжал за пределы уездного центра для проведения митингов и собеседований с людьми по месту их жительства. Как часто он это делал, сколько людей собирал, сколько вопросов они ему задавали – обо всём этом выступающий не сказал, как и все остальные делегаты. Заведующий культпросветом Губпленбежа назвал работу отдела (то есть свою работу) по г. Калуге и уезду «протекающей успешно», но в остальных уездах – «хромающей» по причине «недостатка агитаторских сил». В резолюции съезда по этому вопросу политическая агитация среди пленных и беженцев была названа одной из главных задач уездных пленбежей.

Накануне съезда культпросвет Губпленбежа разослал на места Схему работы культпросветов. Согласно схеме *всех* пленных и беженцев следовало охватить политическим влиянием совместно с Комитетами бедноты, местными Советами и партийными ячейками. Схемой, в частности, предусматривалось:

- покрыть каждый уезд широкой сетью библиотек, читален, кружков для совместного чтения рекомендованной Центром литературы;

- привлечь 2–3 агитаторов, которые, разъезжая по населённым пунктам, устраивали бы собеседования, лекции, митинги;

- раздавать агитационную литературу по месту жительства беженцев и бывших военнопленных, а не только при их обращении в коллегую;

- организовать школы политической грамоты для изучения целей и задач революционного движения, привлечения беженцев и бывших военнопленных в Красную армию и трудовые коммуны;

- устраивать торжественные проводы со снабжением агитационными материалами беженцев, едущих в места, где «пока господствуют капиталисты и ещё нет Советов»¹⁵¹. В схеме также указывался перечень литературы: «Что дала рабочим и крестьянам Великая Октябрьская Революция», «Слово русским рабочим и крестьянам», «Программа коммунистов», «Карл Маркс», «Что такое коммуна» (всего 14 названий).

Однако в апреле 1919 г. Губпленбеж признал культпросветработу на местах «очень незначительной» и предложил упразднить культпросветы с возложением их функций на всех служащих уездных пленбежей, что и было выполнено. Кипучей агитационно-пропагандистской работы в уездах Губпленбеж так и не обнаружил: не произошло ни всеобщего охвата политическим влиянием пленных и беженцев, ни совместных чтений, ни раздачи агитационной литературы по месту жительства, ни массовых торжественных проводов на родину, ни массового добровольного вступления беженцев и бывших русских пленных в Красную армию и в трудовые коммуны. Схемы остались на бумаге. В Воронежской губернии в марте–апреле работе уездных культпросветов среди пленных и беженцев давалась аналогичная оценка, признавалась практическая невозможность личного общения с указанным контингентом по месту жительства¹⁵². Зато к этому времени прекратилось стихийное массовое движение военнопленных, так как отправка из Германии русских военнопленных по своему усмотрению занялась Антанта. При этом культпросветы Губпленбежей в апреле 1919 г. подверглись реорганизации, сопровождавшейся сокращением штатов, при сохранении за Губпленбежами функции культпросветработы до конца 1919 г.¹⁵³

Между тем политическая обстановка в 1918–1919 гг. в России характеризовалась резко отрицательным отношением крестьян, в том числе солдат, вернувшихся из плена, к военным мобилизациям.

Вместо Красной армии многие из них вступали в вооружённые отряды, громили военные комиссариаты, убивали коммунистов и других советских работников. Волна крестьянских восстаний затронула весь Центр Европейской России, в том числе Курскую, Воронежскую, Орловскую, Тульскую, Калужскую, Рязанскую губернии¹⁵⁴. Так, в вооружённых выступлениях против власти коммунистов в ноябре 1918 г. в Рязанской губернии приняло участие население 9 уездов из 12¹⁵⁵. В волостях действовали агитаторы, распространявшие воззвания к населению, так называемые «летучки». Например, в Медынском уезде Калужской губернии имели хождение следующие воззвания: «Товарищи, граждане, погибает наша Родина – погибаем с голоду. При царе Николае была у нас мука и каша, а при этом Совете и хлеба нет <...> не ходите в солдаты <...> за что мы пойдём на войну?»; «Вы не выбирали Ленина <...>»; «Свободному – Ленин враг <...> Власть – народу, а не германскому шпиону <...>»; «И льётся кровь братская». В вооружённом восстании в ноябре 1918 г. приняли участие 17 из 22 волостей уезда¹⁵⁶. Остальные граждане губернии безучастно отнеслись к воззваниям о записи в Красную армию¹⁵⁷. Не секрет, что газеты, воззвания, плакаты охотно использовались «на папиросы и оклейку стен», о чём говорилось на различных совещаниях, когда речь шла об эффективности политической агитации¹⁵⁸. За первое полугодие 1919 г. в Курской губернии было зафиксировано 106 крестьянских восстаний, Воронежской – 101, Орловской – 31¹⁵⁹.

К 1919 г. дезертирство и укрывательство дезертиров повсеместно приняли такие размеры, что была учреждена специальная организация – Центральная Комиссия по борьбе с дезертирством («Центркомдезертир»), а на местах – окружные, губернские и уездные комиссии при военных комиссариатах, которым пришлось работать с большим напряжением сил, используя репрессивные методы. Члены сельских партийных ячеек выходили из них, чтобы не оказаться на фронте, и укрывали сыновей-дезертиров, что крайне возмущало народ, считавший, что война им не нужна, а нужна только партии. Об этом писали в своих докладах партийные организаторы из губернских центров¹⁶⁰. Боровский уездный военный комиссариат в июне 1919 г. направил

в Калужскую Губернскую комиссию по борьбе с дезертирством списки граждан, неявившихся по мобилизации, в том числе 57 человек, вернувшихся из плена, по Чубаровской, Серединской, Никольской волостям¹⁶¹.

О тяжёлом финансово-экономическом положении в центре Европейской России можно судить по телеграмме Касимовского Совдепа Рязанской губернии от 22 июля 1918 г.: «В уезде свирепствует тиф, появились холерные заболевания <...> Нужна немедленная помощь врачей. Нет денег, нет хлеба, населению выдали последнее на два дня, беднота в волостях жнёт преждевременно хлеб, спасите голодных <...> Несмотря на присылаемые сметы, кредитов открыто не было, приказано готовить армию против Чехословацкого мятежа, а содержать нечем. Обмундирования нет совсем. Срочно откройте кредиты военному и другим комиссариатам. Шлите врачей, обмундирование, хлеба, для больных рису <...>»¹⁶².

Положение беженцев с лета 1918 г. стало просто катастрофическим: казённые беженские пайки были отменены, упразднены организации, занимавшиеся оказанием помощи жертвам войны. Коренное население не хотело держать беженцев на квартирах, а продкомы – выдавать им продовольствие, которого на всех не хватало. Беженские массы осаждали местные органы власти, требуя отправки на родину, скапливались на железнодорожных станциях в ожидании отправки. В Рязанской губернии летом 1918 г. отмечались случаи разгона беженцами местных совдепов. Для наведения порядка приходилось прибегать к помощи конной стражи¹⁶³.

В 1919 г. эвакуация была остановлена на неопределённое время, но коренное население упрекало беженцев за то, что они не уезжали, увеличивая количество больных и голодных. Тяжесть положения беженцев признавали как все местные Совдепы сверху донизу, так и местные органы Центропленбежа, не раз направлявшие в Центр свои резолюции и просьбы решить вопрос о материальной помощи беженцам до эвакуации их на родину. Беженские ходоки и сами писали и ездили в Москву к товарищу Ленину, но всё было безрезультатно¹⁶⁴. Организация сельских коммун из беженской бедноты всеми местными ведомствами была

признана невозможной из-за отсутствия всех видов сельскохозяйственного инвентаря и семян¹⁶⁵.

Неудивительно, что в таких условиях попытки Центральной власти, оставившей беженцев без реальной поддержки, превратить их путём политической агитации в сознательных сторонников и защитников Советской социалистической республики, оказались практически безрезультатными: в Красной армии беженцы находились лишь по мобилизации. Уездные органы Центропленбежа информировали об отсутствии беженцев, желавших поступать на военную службу в Советские полки, летучие отряды и другие воинские формирования¹⁶⁶. По своему отношению к частым мобилизациям ни беженцы, ни вернувшиеся из плена солдаты ничем не отличались от общей массы голодающего населения, хотя к бывшим русским военнопленным Советское правительство отнеслось несколько лучше, чем к беженцам. Им дали право на получение жалованья за всё время нахождения в плену, продовольственного и вещевого довольствия, бесплатного лечения и протезирования, пособий по инвалидности. Правда, реализация этих прав давалась бывшим военнопленным очень и очень нелегко. Бывшие солдаты, как и беженцы, не выражали желания с оружием в руках защищать завоевания Октябрьской революции, рабоче-крестьянскую власть и старались различными способами уклониться от воинской повинности, и большевистская агитация была здесь бессильна.

Попытка оживления агитационных мер воздействия на сознание возвратившихся бывших русских военнопленных и беженцев со стороны Центропленбежа и его губернских органов была предпринята летом – осенью 1919 г., когда части армий Деникина угрожали Москве. Так, Рязанский Губпленбеж, получив в июле 1919 г. распоряжение Центра о принятии мер «к более широкому развитию культурно-просветительной деятельности среди пленных и беженцев», принял решение об открытии клуба с библиотекой в Троицкой слободе Рязани, но помещение требовалось электрифицировать, и открытие клуба затянулось на несколько месяцев¹⁶⁷. Губпленбежами выпускались листовки, в которых беженцев обнадёживали, что ждать отправки осталось недолго, так как Советское правительство принимает все меры для облег-

чения участи беженцев, ведёт трудные переговоры с буржуазной Польшей¹⁶⁸. Бывших русских военнопленных призывали мстить бывшим генералам и помещикам: «Товарищи военнопленные! <...> Помните, что Деникин и Колчак несут прежние национальное угнетение и полякам, и украинцам, и сибирякам, и латышам. <...> Мщением, беспощадной местью к насильникам и обманщикам, генералам и помещикам зажгётесь Вы, узнав, как одурманивал, как обманывал Вас наш общий враг. <...> Военнопленные должны быть вместе с пролетариями Советской России!»¹⁶⁹.

По уездам рассылались циркуляры об оживлении культурно-просветительной работы, «необходимой и крайне важной по причине отсталости беженских масс и военнопленных в политическом развитии, что объясняется теми условиями жизни, в которых они находятся <...> только сознательное отношение к событиям, разыгрывающимся на глазах пролетарских масс, к которым принадлежит большинство пленных и беженцев, может служить залогом победы пролетариата России над многочисленными врагами, стремящимися подавить мировую заразу большевизма, мировой очаг революции – восставших русских рабочих и крестьян». Снова предлагалось поставить культурно-просветительную работу на «должную высоту» путём приглашения из уездкомов партии агитаторов для *постоянной* работы среди пленных и беженцев. На эту работу обещались «в скором времени» средства¹⁷⁰.

К циркулярам прилагались Инструкции по проведению агитационной работы, согласно которым один раз в месяц обязательно следовало устраивать митинги, два раза в месяц – поездки агитаторов по деревням и сёлам для бесед, а каждый проходящий в уездные пленбежи, должен получать листовку, брошюру, плакат¹⁷¹. Пленбежи продолжали раздачу партийной агитационной литературы прибывающим русским военнопленным: «Рабочая революция в 1905 г.», «Программа коммунистов», «Основной закон и социализация земли», «Свободная Америка», «Советский букварь для взрослых», «О союзе крестьян и рабочих», «О мятеже левых эсеров» и др.¹⁷² При этом, правда, в Рязанском Губпленбеже отмечали, что получали из Центра до мая 1919 г. ежемесячно в среднем по 500 экземпляров газет, которые раздавали русским

пленным, но с мая высылка газет прекратилась. Губпленбеж теперь имел лишь по 5 экземпляров газеты «Правда», «Беднота», «Известия ВЦИК» от Губернского агентства Центропечати¹⁷³. Тульским же культпросветом Губпленбежа в 1919 г. брошюры и местные газеты «раздавались в достаточном количестве»¹⁷⁴.

Уездные пленбежи, получившие обещанный кредит, в ноябре-декабре 1919 г. впервые смогли организовать мероприятия (спектакли, танцы под духовой оркестр), ставшие последними, так как с 1 января 1920 г. Губпленбежи освобождались от ведения политической агитации среди своего контингента. Надо отметить, что местные агитаторы отмечали контрреволюционное настроение сельского населения, большую вероятность возникновения восстаний и опасались за свою жизнь¹⁷⁵.

С начала 1920 г. подверглась реорганизации вся система Центропленбежа. Новая организация-преемник получила название Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак). Как видим, в названии ни о пленных, ни о беженцах не упоминается. К этому времени основная масса бывших вражеских военнопленных и беженцев резвакуировалась, то есть самостоятельно покинула территорию Советской России, а большинство военнопленных русской армии – лагеря военнопленных в Центральной Европе и возвратилось в Россию, за исключением погибших от военных действий, эпидемий и голода.

Центрэвак периодически предлагал своим местным органам принимать меры к распространению среди пленных и беженцев советских газет, листовок, брошюр, для чего «требовать средства от местных культпросвет организаций»¹⁷⁶.

Таким образом, организация культпросвета Центропленбежа в июне 1918 г. была связана с предстоявшим возвращением на родину, в соответствии с Брестским мирным договором, военнопленных русской армии. Большевицкому руководству было безразлично, как военнопленные воспримут происходящее в России. На правильное восприятие советской действительности были направлены усилия агитаторов Центропленбежа, работавших с военнопленными от самой границы до станции назначения.

Культпросвет Центропленбежа стал преемником Всероссийского бюро военнопленных при военном отделе ВЦИК, создан-

ного в январе 1918 г. для организации политической пропаганды и агитации среди иностранных военнопленных в России и русских военнопленных, находившихся в лагерях за рубежом. Однако абсолютное большинство вражеских военнопленных предпочло отъезд на родину в 1918–1919 гг. участию в Гражданской войне в России, приблизительно 7 % бывших военнопленных, по современным данным, приняли в ней участие, причём как на стороне большевиков, так и на стороне антибольшевистских сил.

Агитаторам Центропленбежа политико-воспитательную работу с возвращающимися на родину русскими военнопленными не лишне было начинать прямо на границе, так как в лагерях Германии и Австро-Венгрии велась антибольшевистская пропаганда. После приветственных речей и музыки в честь военнопленных агитаторы приступали к разъяснению политической и экономической ситуации в стране с возложением вины за происходящее на внутреннюю и внешнюю контрреволюцию, на борьбу с которой и брошены все силы коммунистической партии и трудового народа. Военнопленных уведомляли, что если они на стороне трудового народа, то не должны предъявлять к Советской власти какие-то особые требования, учитывая сложность политического момента, иначе власть вынуждена будет поступить с ними, как с врагами трудового народа. Одновременно агитаторы обнадеживали людей в том, что Советское государство не оставит их без поддержки и помощи, которую они получают по возвращении на места своего проживания. Кроме того, бывшим военнопленным предлагалась служба, разумеется, военная в рядах Красной армии. На каждой железнодорожной станции военнопленные видели одну и ту же картину, в центре которой – эшелоны войск, военные грузы, охрана, на каждом шагу вооружённые патрули, проверки документов, досмотры, то есть картина единого военного лагеря, подчиняющегося законам военного времени. Увиденное настораживало, свидетельствуя о серьёзности момента, не подходящего для выражения недовольства и предъявления претензий к власти.

Под впечатлением от увиденного усиливалось основное желание всех бывших русских военнопленных, истосковавшихся по дому, как можно скорее, нигде не задерживаясь, любым способом

добраться до своего родного дома. Личные мотивы, сумма лагерных и дорожных впечатлений и определяли настроение русских военнопленных, увидевших через много лет свою родную страну, и отношение к новой власти. Несмотря на опасения большевиков, сотни тысяч русских военнопленных рассеялись по России, как в 1915 г. рассеялись несколько миллионов беженцев. Но это не означало, что они были готовы защищать новую власть. Добровольно в Красную армию они в массе своей не пошли, но приняли участие в антибольшевистских крестьянских восстаниях, массово прокатившихся в 1918–1919 гг. по территории России, в том числе и в европейском её Центре.

В сентябре 1918 г. культпросветы были организованы в губернских органах Центропленбежа, несколько позже – в уездных. В распоряжении культпросветов Губпленбежей была периодическая печать и агитаторы Губкомов. Основной мотив агитационных выступлений – это необходимость в рядах Красной армии защищать интересы пролетарской революции. Губпленбежами осуществлялся выпуск листовок, в которых возвращавшимся русским военнопленным рекомендовалось быть вместе с пролетариями Советской России и мстить бывшим генералам и помещикам. Беженцам разъяснялось, что их возвращение на родину зависит от успехов Красной армии. Параллельно в уездах распространялись антибольшевистские листовки и действовали нелегальные агитаторы.

Губпленбежами разрабатывались *схемы* работы для уездных культпросветов. Этих схем на местах не придерживались в силу их утопического характера. Например, предлагалось организовывать в уездах школы политической грамоты, чтобы изучать цели и задачи революционного движения, и это для страдающих от голода и эпидемий людей; привлекать беженцев, лишённых поддержки государства, и военнопленных, оказавшихся в условиях, несильно отличавшихся от беженских, к активному участию в Гражданской войне на стороне большевиков; распространять агитационную литературу по месту жительства беженцев и военнопленных при отсутствии для этого средств передвижения. Уездным культпросветам предлагались *инструкции* по проведению *систематической* агитационной работы с беженским насе-

лением и бывшими русскими военнопленными посредством приглашения агитаторов из уездных комитетов партии. Для воплощения в жизнь этих схем и инструкций не было условий и средств, в чём признавались сами работники культпросветов губернских и уездных органов Центропленбежа.

Агитационная работа на уездном уровне отличалась от губернского тем, что там не разрабатывали рекомендаций, циркуляров и схем, а просто распространяли агитационную литературу, в которой, как правило, не было недостатка, и проводили политбеседы с возвращающимися русскими военнопленными. Митинги были редкостью из-за дефицита агитаторов и денежных средств. На уездном уровне агитационная работа признавалась проверяющими незначительной.

Деятельность культпросветов при уездных организациях Центропленбежа была недолгой (она продолжалась всего несколько месяцев). В своем составе они имели, как правило, одного работника. После их упразднения, связанного с окончанием массового стихийного движения русских военнопленных, раздача литературы и проведение политбесед по обращаемости снова стали обязанностью всех работников уездпленбежей. Разъезжать по деревням им было некогда, не на чем и опасно из-за антибольшевистских настроений, эпидемий тифа. Кроме того, в этом не было смысла, так как их нетрудоспособный контингент нуждался в медицинской и социальной помощи, а не в агитационных мероприятиях, а трудоспособный – был на заработках и постоянно находился в разъездах. Сами местные агитаторы отзывались о своей работе как о неэффективной, так как народ не переставал демонстрировать непонимание политического положения Советской республики, всё время поднимая продовольственный вопрос.

В заключение следует отметить, что, несмотря на агитационно-пропагандистские усилия большевиков, осуществлявшиеся, в том числе и через систему Центропленбежа, основная масса вражеских военнопленных и беженцев самостоятельно покинула Россию до 1920 г. Большинство же русских военнопленных самостоятельно возвратившихся в Россию также до начала 1920 г., на призыв к вооружённой защите социалистического отечества не откликнулось и находилось в Красной армии лишь по призыву.

Приходится констатировать, что условия жизни, в которых находились пленные и беженцы в Советской России, оказали на них гораздо более сильное влияние, чем коммунистическая пропаганда.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. – М., 1920. С. 53.

² Там же. С. 118–122.

³ Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. – М., 1959. С. 462–463.

⁴ Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. – Казань, 1971. С. 192.

⁵ Циркулярная телеграмма СНК о подтверждении Центральной коллегии о пленных и беженцах её полномочий по эвакуации, снабжению всем необходимым и устройству на местах возвращающихся военнопленных // Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. С. 57–59.

⁶ Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М., 1969. Т. 37. С. 382.

⁷ ГАОО. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 16. Л. 205.

⁸ Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. Кн. 1. – М., 2002. С. 630.

⁹ Там же.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 107. Л. 67.

¹¹ Нота Народного комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Австрии. 5 марта 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 87–89.

¹² Генерал-лейтенант Джон Спенсер Эварт (1861–1930).

¹³ Примечания к Ноте Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США. 21 января 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 733–734.

¹⁴ Нота Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США. 21 января 1919 г. // Документы... Т. 2. С. 37.

¹⁵ Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР о переговорах с Великобританией об обмене пленными. 19 декабря 1919 г.; Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР о состоянии советско-английских переговоров об обмене военнопленными. 25 января 1920 г.; Соглашение между Правительством Великобритании и правительством РСФСР об обмене пленными. 12 февраля 1920 г. // Документы... Т. 2. С. 311–312, 329, 364–367.

¹⁶ Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц обеих сторон. 19 апреля 1920 г. // Документы... Т. 2. С. 459–462.

¹⁷ Соглашение между Королевским Итальянским Правительством и Российским Советским Правительством об обмене пленных и интернированных гражданских лиц. 24 апреля 1920 г. // Документы... Т. 2. С. 485–486.

¹⁸ Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Великобритании – с другой, о возвращении на родину военнопленных. 21 мая 1920 г. // Документы... Т. 2. С. 539–541.

¹⁹ Договор между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Австрийской Республики. 5 июля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 3. – М., 1959. С. 12–13.

²⁰ Временный Договор между Российской Советской федеративной Социалистической Республикой и Чехословацкой Республикой. 5 июня 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 5. – М., 1961. С. 441.

²¹ Однако благодаря нахождению военнопленных мировой войны в отдаленных от Праги местностях Чехословакии, куда не дошли газеты об отправке последнего транспорта, многие военнопленные, желающие вернуться на родину, не могли выехать домой транспортом, а для поездки на собственный счёт у них не было средств. Таких граждан насчитывалось около 300, все они являлись уроженцами Украины // Документы внешней политики СССР. Т. 6. – М., 1962. С. 389–390.

²² Анкета Жиздзинской уездной коллегии по делам пленных и беженцев // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

²³ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 57. Л. 2, 14; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 67.

²⁴ ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 1. Л. 130.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 43. Л. 2.

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 136. Л. 38.

²⁷ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 9, 15, 26 об.

²⁸ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 716. Л. 11 об.

²⁹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 57. Л. 2 об-3.

³⁰ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 67.

³¹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 716. Л. 11 об.

³² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

³³ ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 3 (без нумерации листов); Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 364 об.

³⁴ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 2. Л. 112.

³⁵ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 80 (без нумерации листов).

³⁶ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 67.

³⁷ ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

³⁸ Постановление Совета Обороны о призыве на военную службу солдат старой армии, вернувшихся или возвращающихся из плена. 12 мая 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. – М., 1971. С. 181–183.

³⁹ ГАВО. Ф. Р-538. Оп. 6. Д. 64. Л. 3.

⁴⁰ Например, в Жиздринском уезде Калужской губернии размер денежного довольствия за время плена бывших воинов составлял от 100 до 200 рублей // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 20. Л. 39.

⁴¹ Постановление СНК о денежном довольствии военнопленных и их семейств. 16 ноября 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. С. 20–24.

⁴² Постановление СНК о порядке выдачи единовременных пособий военнопленным и воинам-инвалидам. 9 июня 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 9. – М., 1978. С. 45–46.

⁴³ Постановление СНК о передаче Центральной коллегии о пленных и беженцах дела обеспечения денежными пособиями военнопленных и их семейств. 14 августа 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 6. – М., 1973. С. 36.

⁴⁴ Доклад Жиздринской уездной коллегии по делам пленных и беженцев на предстоящий 9 Жиздринский уездный очередной Съезд Советов. 1 июня 1919 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 187.

⁴⁵ ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 2 (без нумерации листов).

⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 23 (без нумерации листов).

⁴⁸ ГАКО. Ф. Р-2237. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов); ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

⁴⁹ ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49. Л. 14, 17.

⁵⁰ Центрэвак – новое название Центропленбеж.

⁵¹ ГАКО. Ф. Р-2237. Оп. 1. Д. 5 (без нумерации листов).

⁵² ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 119. Л. 359; ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 18. Л. 113.

⁵³ Протокол Губернского Съезда представителей уездных пленбежей совместно с делегатами-беженцами от 8 сентября 1919 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 362–362 об.

⁵⁴ Там же. Д. 23 (без нумерации листов).

⁵⁵ Там же. Ф. Р-2237. Оп. 1. Д. 5 (без нумерации листов); Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 96 (без нумерации листов).

⁵⁶ ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 18. Л. 111, 114.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2а. Д. 43. Л. 26–26 об.

⁵⁸ Глава миссии Датского Красного Креста в России, организации, спасшей тысячи жизней русских военнопленных, ринувшихся в Россию в связи с крушением Германии и Австро-Венгрии, назвал Центропленбеж («Центроплен») «большевистской организацией» и «союзом личных друзей правительства», который вместо оказания реальной помощи русским военнопленным подвергал их «большевистскому оболваниванию» // Енсен Б. Миссия Датского Красного Креста в России. 1918–1919 годы (ОИ. 1997. № 1. С. 29).

⁵⁹ ГАВО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3.

⁶⁰ Там же. Л. 48 об.; Д. 4. Л. 66.

⁶¹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

⁶² ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 25. Л. 24.

⁶³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов); ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 4. Л. 143–143 об.

⁶⁴ ГАОО. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

⁶⁵ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов).

⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов).

⁶⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов).

⁶⁸ ГАВО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 1. Л. 49–49 об.

⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 21 (без нумерации листов).

⁷⁰ ГАКО. Ф. Р-377. Оп. 1. Д. 3 (без нумерации листов).

⁷¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

⁷² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

⁷³ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 716. Л. 46–48.

⁷⁴ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 75, 79, 80 (без нумерации листов).

⁷⁵ ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49. Л. 10.

⁷⁶ Пенсии делились на 5 разрядов в зависимости от степени утраты трудоспособности и составляли (в год): 1 разряд – полная утрата трудоспособности, соединённая с необходимостью в постоянном постороннем уходе – 125 руб. 36 коп.; 2 разряд – полная утрата трудоспособности, не соединённая с необходимостью в постоянном постороннем уходе – 806 руб. 40 коп.; 3 разряд – сильное понижение трудоспособности (70–100%) – 459 руб.; 4 разряд – среднее понижение трудоспособности (40–70%) – 198 руб.; 5 разряд – слабое понижение трудоспособности (10–40%) – 66 руб. // Газета пленного. 26 янв. 1919. № 2. Л. 4.

⁷⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.

⁷⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 45; Аналогично поступали и в других центральноевропейских губерниях // ГАБО. Ф. Р-1267. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁷⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.

⁸⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 105.

⁸¹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 70 об.

⁸² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).

⁸³ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 74 (без нумерации листов).

⁸⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 64 об.

⁸⁵ Курцев А.Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Черноземного региона // Учёные записки. Электронный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. Т. 2. С. 8.

⁸⁶ Доклад Жиздринской уездной коллегии по делам пленных и беженцев на предстоящий 9 Жиздринский уездный очередной Съезд Советов. 1 июня 1919 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 187.

⁸⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 88–95.

- ⁸⁸ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).
- ⁸⁹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 70 об.
- ⁹⁰ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 51 об-52.
- ⁹¹ Посчитано по: ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 6. Л. 61; Д. 79, 80 (без нумерации листов); Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов). Данные по Медынскому и Жиздринскому уездам Калужской губернии.
- ⁹² ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).
- ⁹³ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 6. Л. 61; Д. 79, 80 (без нумерации листов).
- ⁹⁴ См.: Мировые войны XX века. Кн. 1. – М., 2002. С. 630.
- ⁹⁵ Русский экспедиционный корпус (РЭК) – это условное название четырёх особых пехотных и одной артиллерийской бригады (в 1917 г. переформированы в две особые пехотные дивизии), отправленных в 1916–1917 гг. во Францию по просьбе её правительства общей численностью свыше 44 тысяч человек // Военный энциклопедический словарь. – М., 2002. С. 1347.
- ⁹⁶ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел Правительству Швейцарии. 9 августа 1918 г. // Документы внешней политики. Т. 1. – М., 1957. С. 422.
- ⁹⁷ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 18 января 1919 г. // Документы внешней политики. Т. 2. – М., 1958. С. 35.
- ⁹⁸ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Франции Пишону. 4 апреля 1919 г. // Документы внешней политики. Т. 2. – М., 1958. С. 112.
- ⁹⁹ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 8 апреля 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 119–124.
- ¹⁰⁰ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 15 апреля 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 127–128.
- ¹⁰¹ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 9 мая 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 160–161.
- ¹⁰² Российское правительство объявило заложниками за жизнь русских солдат, остававшихся во Франции, французских граждан бывшей французской военной миссии (Нота Правительств РСФСР и Советской Украины Правительству Франции // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 225).
- ¹⁰³ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству Иностранных Дел Франции. 20 ноября 1919 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 294–296.
- ¹⁰⁴ Соглашение между Французским правительством, с одной стороны, и Советом Народных Комиссаров России и СНК Украины – с другой. 20 апре-

- ня 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 463–466.
- ¹⁰⁵ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Франции Пуанкаре. 28 января 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 5. – М., 1961. С. 71–72; 717.
- ¹⁰⁶ Примечания к Ноте Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Франции Пуанкаре. 28 января 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 5. – М., 1961. С. 717.
- ¹⁰⁷ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Председателю Совета Министров и Министру Иностранных Дел Франции Пуанкаре. 4 августа 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 6. – М., 1962. С. 404–405.
- ¹⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.
- ¹⁰⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 232.
- ¹¹⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- ¹¹¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Л. 13–14, 25–25 об.
- ¹¹² ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 71 (без нумерации листов).
- ¹¹³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 73.
- ¹¹⁴ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. Д. 80 (без нумерации листов).
- ¹¹⁵ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 93 (без нумерации листов).
- ¹¹⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 9, 10, 15, 19, 22, 26, 27, 31, 36, 43, 45, 48.
- ¹¹⁷ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 2. Д. 3 (без нумерации листов); за период с 1919 по первую половину 1921 г. возвратились 22 участника РЭК (выявленные данные по двум уездам – Медынскому Калужской губернии и Жиздринскому Калужской (с 1920 г. Брянской) губернии).
- ¹¹⁸ Подсчитано по: ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 194. Л. 179–193.
- ¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 18. Л. 106.
- ¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 4.
- ¹²¹ Назорная О.С. Другой военный опыт. Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии. – М., 2010. С. 181.
- ¹²² Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. – М., 2004. С. 25.
- ¹²³ Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. – Казань, 1971. С. 191.
- ¹²⁴ Мальков А.А. Указ. соч. С. 136.
- ¹²⁵ Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. – М., 2009. С. 20.
- ¹²⁶ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 4. Л. 310.
- ¹²⁷ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 4. Л. 309; ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 8. Л. 53.

- ¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 30.
¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 46. Л. 26.
¹³⁰ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 169, 204, 249.
¹³¹ *Жданова И.А.* Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах // РИ. 2011. № 4. С. 70.
¹³² *Мальков А.А.* Указ. соч. С. 176.
¹³³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 194, 204, 206.
¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 170.
¹³⁵ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 56.
¹³⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Жиздринское уездное управление по делам пленных и беженцев. Оп. 1. Д. 12. Л. 100–100 об.
¹³⁷ Коммуна. 31 ноября 1918. № 122.
¹³⁸ Белорусский национальный комиссариат (Белнацком) был создан декретом СНК от 31. 01 (19. 02). 1918 г. в составе Народного комиссариата по делам национальностей с целью укрепления в массах идеи создания белорусской государственности на основе диктатуры пролетариата, сплочения беженцев-белорусов вокруг Советской власти. Ликвидирован в марте 1919 г. решением Президиума ЦИК БССР. Подробнее о Белнацкоме см.: *Скалабан В.В.* Белорусский национальный комиссариат (январь 1918 – март 1919 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Минск, 1987.
¹³⁹ Коммуна. 5 сентября 1918. № 55.
¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 28. Л. 63–63 об.
¹⁴¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 2, 27.
¹⁴² НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 11 об.
¹⁴³ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 72.
¹⁴⁴ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 663. Л. 189 об.
¹⁴⁵ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
¹⁴⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 92–92 об.
¹⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).
¹⁴⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).
¹⁴⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).
¹⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 87–102 об.
¹⁵¹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 14 (без нумерации листов).
¹⁵² ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 8. Л. 55, 65.
¹⁵³ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 58.
¹⁵⁴ См. например: *Вронский О.Г.* Крестьянские восстания в Тульской губернии в 1918–1920 гг. // Тула в Гражданской войне. 1917–1922 гг. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Тула, 1996. С. 20–22; *Алексеев В.* Октябрь и Гражданская война в ЦЧО. – Воронеж, 1932. С. 60, 76.
¹⁵⁵ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13. Л. 41–44 об.
¹⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 5. Д. 2. Л. 263, 314.
¹⁵⁷ ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 153.

- ¹⁵⁸ ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 67. Л. 157.
¹⁵⁹ *Алексеев В.* Указ. соч. С. 83.
¹⁶⁰ ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 69. Л. 77; ГАВО. Ф. Р-1954. Оп. 1. Д. 23. Л. 43, 55 об.
¹⁶¹ ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 1. Д. 69. Л. 156.
¹⁶² ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 13. Л. 17.
¹⁶³ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 48; Д. 128. Л. 28–29.
¹⁶⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 92 об.
¹⁶⁵ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 106–106 об.
¹⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-526. Оп. 5. Д. 2. Л. 144–145; Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 149.
¹⁶⁷ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 59 об.
¹⁶⁸ Там же. Д. 12. Л. 5; Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 63 (без нумерации листов).
¹⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 4. Д. 20. Л. 73. Листовка культпросвета Губ-шенбежа от 24 ноября 1919 г.
¹⁷⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 2, 4; Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 63 (без нумерации листов).
¹⁷¹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 63 (без нумерации листов).
¹⁷² ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).
¹⁷³ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 72 об.
¹⁷⁴ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).
¹⁷⁵ ГАВО. Ф. Р-1954. Оп. 1. Д. 23. Л. 43–75.
¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 2. Л. 151.

Глава IV

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1925 гг.)

Перед руководством Советской России в отношении военнопленных Германии и её союзников встала проблема их содержания и возвращения на родину. Политическая ситуация внутри страны и в мире накладывала свой отпечаток на решение данной проблемы.

4.1. Военнопленные и советская действительность

Германское правительство передает русскому правительству следующее настоятельное требование: ...недопущение созыва собраний и съездов военнопленных... чтобы возвращение военнопленных на родину могло совершиться беспрепятственно.

Из воспоминаний И.В. Ульянова «Октябрьская революция и военнопленные» (Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 107).

...подавал прошение о принятии в русское подданство..., но теперь я не хочу [его] получить, я хочу ехать домой на родину.

Из заявления бывшего военнопленного австро-венгерской армии Людвига Дюкаво в отдел управления Рязанского Губисполкома. Март 1919 г. (ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 2. Л. 11).

С началом Первой мировой войны тыловым губерниям Европейской России, откуда прежде всего действующая армия черпала материальные и продовольственные ресурсы, потребовалась до-

полнительная рабочая сила. На промышленных предприятиях и на железной дороге, в сельском хозяйстве был востребован труд военнопленных. Их количество зависело от объёма выполняемых работ для фронта. Например, в Калужскую губернию ещё в мае 1915 г. в распоряжение Сызрано-Вяземской железной дороги было прислано 500 военнопленных преимущественно австро-венгерской армии (австрийцы, итальянцы, румыны). На 1 марта 1917 г. на железной дороге продолжали работать 408 австрийцев, 57 итальянцев, 24 румына и 1 славянин австро-венгерской армии, 36 немцев и 1 славянин германской, всего 527 человек¹. В 1916 г. для сельскохозяйственных работ та же Калужская губерния получила более двух тысяч военнопленных². Промышленные предприятия губернии, выполнявшие военные заказы, такие как Людиновский чугунолитейный и Цементный заводы Мальцовского АО в Жиздринском уезде, Ханинский и Черепетский чугуноплавильные в Лихвинском уезде и др. получали военнопленных в качестве чернорабочих. Например, в ноябре 1916 г. в Людиново, на чугунолитейный завод, прибыли 100 человек, а на Цементном заводе к февралю 1917 г. работали более 300 военнопленных. Всего на февраль 1917 г. в Калужской губернии находились более трёх тысяч военнопленных блока Центральных держав. В Тульской, Рязанской, Орловской, Курской и Воронежской губерниях количество пленных было в 1,5–4,5 раза больше. Однако с лета 1917 г. военнопленные всё чаще стали самовольно оставлять работы и скрываться³. Уездная милиция только успевала собирать сведения о побегах⁴. Например, только из одного Козельского уезда Калужской губернии за первые 15 дней сентября 1917 г. бежали 23 человека⁵.

После очередной смены власти в Центральных губерниях Европейской России военнопленные находились в ведении местных комиссариатов по национальным и религиозным или по гражданским делам. В декабре 1917 г. они были уравнены в правах с гражданами нейтральных государств и получили возможность свободно, без охраны, проживать на частных квартирах⁶. Вместе с тем у военнопленных появились серьёзные проблемы с пропитанием, и началось их стихийное движение по стране в поисках лучших условий жизни и за её пределы, которое, например, рязанские власти называли «самовольным блужданием»⁷. Заклю-

ние Брест-Литовского мирного договора стимулировало выезд пленных из России.

Германия через нейтральную Швецию оказывала помощь своим подданным в России. В провинции, например, в Орле, Комитет помощи германским подданным в 1918 г. направлял денежные средства аналогичным уездным комитетам на выдачу пособий, так, в Ливенский уезд в январе – 370 рублей, в феврале – 500⁸. С марта 1918 г., действуя в соответствии с Брестским мирным договором в части улучшения условий жизни пленных, бюро помощи германским подданным Королевского Шведского Генконсульства (секретарь Франц Вагнер) попыталось организовать в г. Ливны кухню для военнопленных германских солдат и офицеров. Однако организаторы столкнулись с препятствиями, которые им преодолеть не удалось. В письме от 14 апреля 1918 г. господин Вагнер назвал одно из таких препятствий – это дороговизна, дороговизна почти при полном отсутствии всего и вся. Кроме того, в письме говорилось о «печальном» опыте устройства кухонь в других местах. Например, в Курске русские власти стали свозить на германскую кухню «всех пленных со всех окрестностей, освободив себя от обязанности кормить их». В связи с этим г-н Вагнер предложил выдавать пленным германской армии пособие в размере 10 рублей в месяц на одного человека, а для находящихся в госпитале – по 20 рублей в месяц и приобретать для них медикаменты. Одеждой Бюро помочь не могло. Комитет помощи германским подданным в Ливенском уезде в апреле 1918 г. взял под опеку и австро-венгерских пленных⁹. Что касается гражданских пленных, то в апреле 1918 г. пособие от комитета получили 14 человек. С июля 1918 г. миссия австро-венгерской Комиссии попечения о пленных оказывала материальную помощь и поддержку австро-венгерским подданным, периодически отправляя им денежные пособия и медикаменты. Например, в Рязанской губернии, с августа 1918 г. помощь оказывалась военнопленным Сапожковского, Раненбургского и Рязанского лагерей¹⁰. В сентябре 1918 г. австро-венгерская миссия ходатайствовала о закрытии лагеря в Сапожковском уезде и переводе военнопленных в Рязанский лагерь для скорейшей эвакуации, об отправке на родину 105 инвалидов из Раненбургского лагеря, где пленные

голодали, не получая положенного содержания¹¹. Далее последовали революционные события 30–31 октября в Австро-Венгрии, затем в Германии, аннулирование СНК Брестского мирного договора и ликвидация в России Австро-Венгерской и Германской миссий по делам военнопленных.

С апреля 1918 г. пленные Центральных держав перешли в ведение Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, образованной в составе Наркомата по военным делам, открывшей свои организации на местах. С первых дней своего существования Центральная коллегия пленбежа предприняла попытку изменить ситуацию с «самочинными массовыми передвижениями военнопленных по всей территории России» и обязала местные власти принять меры к ликвидации этого явления. В апрельском циркуляре Центропленбежа отмечалось, что «некоторые местные власти присвоили себе право освобождать военнопленных и приравнивать их к совершенно свободным гражданам, тогда как порядок перехода пленных в русское гражданство установлен декретом ВЦИК от 1 апреля 1918 г., и никакие иные виды освобождения из плена не должны допускаться»¹². Однако «самочинное движение» имело объективные причины: стремление к самосохранению в условиях всё нараставшего продовольственного кризиса заставляло военнопленных устремиться на родину, чему способствовало заключение Брест-Литовского мирного договора, а также в производящие губернии, наряду с коренным населением России. Революционные события, произошедшие в Центральной Европе, и Компьенское перемирие в ноябре 1918 г. стали новым стимулом для стихийного возвращения иностранных пленных на родину.

Предложенный ВЦИК в апреле 1918 г. способ освобождения из плена в виде перемены гражданства¹³ был выгоден советскому руководству, поскольку давал возможность пополнять ряды Красной армии контингентом, имевшим военную подготовку, избегая критики со стороны мирового сообщества. Для этого только требовалось желание военнопленного и его заявление о положительном отношении к Советской власти. Превращение иностранных военнопленных в российских граждан освобождало Советское правительство от забот по содержанию и эвакуации на родину около 2 млн человек. Прошения принимали губернские

Совдены, они же выдавали удостоверения о приёме в российское гражданство. Существовал и секретный приказ Центропленбежа № 29 (июнь 1918 г.), согласно которому отдельные военнопленные переставали ими быть, по политическим мотивам превращаясь в подданных иностранных государств на территории России и в политэмигрантов в отношении своих стран¹⁴.

На местах все процедурные вопросы, связанные с переменной гражданства, возлагались на милицию. Её сотрудники разыскивали военнопленных, оформляли документацию, получали также гербовый сбор и подписи военнопленных, именуемых в анкетах «просителями», но всё это при условии, что просители к этому моменту ещё находились на территории губерний, что случалось редко. Удостоверения о приёме в российское гражданство за подписью председателя Губисполкома вручала военнопленным та же милиция, которая ещё собирала плату за объявление об этом событии в местных газетах. Так, в Калуге с мая до конца 1918 г. лишь 17 военнопленных австро-венгерской армии (0,6 % от общего количества военнопленных, находившихся в губернии на начало 1918 г.) получили удостоверение и стали гражданами Советской России, в их числе 8 чехов, 3 хорвата, по 2 венгра, поляка и немца¹⁵. Некоторые военнопленные, например немец Ф. Гроллингер и венгр Д. Местергази, отказались получать уже оформленные удостоверения о принятии их в российское гражданство, сославшись на своё желание вернуться на родину¹⁶. Десять военнопленных, которых тоже собирались сделать гражданами Советской России, скрылись из Калуги. Один из них, военнопленный германской армии, немец Ф. Налбах, перед этим вступил в брак с русской гражданкой. Бывший военнопленный австрийской армии Иван Пеле «был в розыске» с мая по август 1918 г., но безрезультатно. После ранения он находился в Калуге на лечении, но в числе отправленных на родину из госпиталя не значился¹⁷.

В соседних губерниях, например, в Орловской, пожелавших стать гражданами Советской России, тоже было немного. Так, переменить австрийское гражданство на русское выразил желание бывший офицер военного времени австро-венгерской армии Фридрих Карлович Микули, поляк из г. Львова, находившийся в Мценском, Болховском и Орловском лагерях для военнопленных. В своём прошении от 27 августа 1918 г. Микули указал, что по

убеждениям является социал-демократом¹⁸. Переменил гражданство и находящийся в Кромском уезде венгр Михаил Ковач, 22-летний солдат 62 пехотного полка австро-венгерской армии, попавший в плен в сентябре 1915 г. под Тарнополем¹⁹. Не захотели стать советскими гражданами, несмотря на русских жён, несколько военнопленных австрийской армии из Елецкого уезда (Букша, Едличка, Мануш, Сабо, Хангельберг). Они с жёнами и грудными детьми зарегистрировались в марте 1918 г. для отправки на родину в местном уездпленбеже²⁰. В Рязанской губернии с июля до ноябрьских событий 1918 г. в Австро-Венгрии и Германии принял российское гражданство военнопленный германской армии Конрад Меллер, 26 лет, турецкий военнообязанный Яков Гробман, 23 лет и ещё 9 военнопленных австро-венгерской армии, чехи и поляки²¹. До конца 1918 г. удостоверение о принятии в российское гражданство получили военнопленные австро-венгерской армии Антон Арделян, Василий Андришан, Юзеф Борощ²². После заключения Компьенского перемирия в ноябре 1918 г. отказался от своего намерения перейти в российское гражданство военнопленный австро-венгерской армии Людвиг Дюкало²³.

Абсолютное большинство иностранных военнопленных оставляло в 1918–19 гг. Европейскую Россию самовольно. Лишь немногие обращалась по поводу отъезда на родину в местные органы Центропленбежа за удостоверениями, чтобы не быть остановленными в пути. Например, начальник нестроевой команды Калужского гарнизона сообщал 11 июня 1918 г. Губернскому военному комиссару: «За последнее время участились случаи бегства военнопленных из вверенной мне нестроевой команды <...> Военнопленные бегут по деревням, покупают билеты на поезд и уезжают <...> На железной дороге их задерживают как неимеющих документов, но комендант их освобождает <...> Прошу принять меры»²⁴. Поступивший на службу в первую караульную роту в Калуге военнопленный австро-венгерской армии Владислав Карголь, видимо, тоже собираясь уехать, заявил, что не желает служить в роте и просил «выдать его документы», находившиеся в Губвоенкомате²⁵. Жиздринский уездпленбеж в июне 1919 г. докладывал очередному уездному Съезду советов, что лишь 11 человек уехали в 1918 г. за свой счёт, но легально. В 1919 г. за

удостоверением обратились ещё 11 человек²⁶, а 79 человек бежали с работ. Военнопленный австро-венгерской армии Франц Собов, бежавший из Сибири, оказался в Жиздре по пути на родину, в Венгрию, в сентябре 1919 г.²⁷ Мосальская уездная коллегия пленбежа сообщала о 8 бежавших из 12 зарегистрированных на февраль 1919 г.²⁸ В Медынском уезде большинство военнопленных уехало на родину *легально* за свой счёт в 1918 г., но из 12 оставшихся 6 сбежали из имения в Ореховенской волости, где они работали²⁹.

В Орловской губернии отмечалось аналогичное явление, когда военнопленные бросали работы и скрывались. Например, 28 июля 1918 г. военнопленный австро-венгерской армии Фёдор Проказа бежал из сборно-пересыльного пункта орловского уездного Комиссариата по военным делам (г. Орёл), где находился в качестве обслуживающего работника. 18 августа 1918 г. ещё 7 военнопленных, работавших в этом же учреждении, бежали, все остальные отказались от работ. В ночь на 18 августа 1918 г. с работ по уборке фуража в Яковлевской волости Орловского уезда бежали четверо военнопленных австро-венгерской армии. Орловское отделение австро-венгерской миссии помощи военнопленным 9 августа 1918 г. просило Орловский уездпленбеж дать распоряжение военкомату отпустить имевшихся в его распоряжении военнопленных, не желавших оставаться на работах, в лагерь военнопленных ввиду их предполагавшейся вскоре эвакуации на родину. Орловский Губпленбеж по этой причине своим распоряжением от 21 августа 1918 г. обязал всех работодателей возвратить военнопленных, работавших в г. Орле, в лагерь постоянного размещения. Однако затем, до затянувшегося начала эшелонной реэвакуации, военнопленные, собранные в г. Орле, по согласованию с Орловским отделением австро-венгерской миссии отпускались на работы в пределах города к частным предпринимателям, на орловские заводы, в лечебные учреждения, хлебопекарни, даже в конвойную команду³⁰. Военнопленные по заявкам работодателей трудились кузнецами и слесарями, чернорабочими, санитарями, сторожами, дворниками. Но были и такие, которые совершали побег с этих работ, как, например, военнопленный австро-венгерской армии Фёдор Балан, присланный на

работу 14 сентября 1918 г. к гражданину Синельникову в г. Орле, и скрывшийся 30 сентября³¹. Что касается уездов, то 11 сентября 1918 г. Орловский Губпленбеж отдал распоряжение не снимать военнопленных с сельскохозяйственных работ до самого их окончания³².

В Рязанской губернии, например, из Раненбургского лагеря, в июле 1918 г. бежали 9 военнопленных австро-венгерской армии, венгры и два немца, но в октябре количество совершивших побег составило уже 67 человек³³. В ночь с 3 на 4 ноября 1918 г. из обоза при Губвоенкоме бежали сразу 20 военнопленных³⁴. В ноябре военнопленные бежали массово из всех уездов³⁵. Тот факт, что «стали скрываться» даже больные и инвалиды, работники Губпленбежей связывали с непредоставлением для их отправки на родину санитарных поездов в необходимом количестве³⁶. В «массовом бегстве» на родину принимали участие и офицеры. Голод, холод, эпидемии, общая разруха оказали своё влияние и на них. Они без разрешения покидали места своего размещения, что было совсем не трудно сделать³⁷. Так, в Рязани более 40 военнопленных офицеров-славян австро-венгерской армии были размещены в трёх отдельных домах по 2 человека в комнате, один денщик обслуживал двух офицеров. Караул отсутствовал, имелся только сторож³⁸. На местах считали, что «массовое возвращение наших пленных из Австрии и Германии без обмена "голова за голову" дает повод военнопленным-иностранцам совершать побег по примеру русских пленных». Констатируя «самовольное массовое бегство бывших вражеских пленных на родину» и отмечая, что «ни один из бежавших военнопленных задержан не был», уездпленбежи предлагали впредь не проводить розыск бежавших, а просто снимать их с учёта³⁹.

Бежавших и пропавших военнопленных стали разыскивать иностранные миссии по делам военнопленных. Сотни военнопленных австро-венгерской армии разыскивались по 3–4 года. Так, в 1922 г. список разыскиваемых в России военнопленных, составленный австрийской миссией по делам военнопленных (уполномоченный господин Поль), состоял из 464 человек. К примеру, в Орловской губернии пропал бывший военнослужащий Ландштурмного пехотного полка Генрих Томашко. Но из Орла

ответили, что он исчез в 1918 г.⁴⁰ В Калужской губернии австрийская миссия разыскивала рядового 21 Ландштурмного пехотного полка, уроженца Вены, Иоганна Рингофера, а также Франца Чеха⁴¹. В списке господина Поля были военнопленные, пропавшие в самых разных регионах — Омске, Тоске, Оренбурге и др. регионов⁴². Германское посольство, например, в 1923 г. разыскивало в Орловской губернии военнопленного Иоганна Марлинского, находившегося в 1916 г. в одном из госпиталей Орла и пропавшего в 1919 г. В Томске пропал военнопленный Мартин Марштад. Представительством Чехословацкой республики разыскивался Франц Пжиск, пропавший в 1919 г. в Томске⁴³. Германское посольство просило вернуть настоящую фамилию найденному военнопленному Фрицу Зюттерлину, который по вине советских органов стал именоваться иностранным гражданином Зибиленко⁴⁴. В 1924 г. германское посольство искало Генриха Клаусмана, Станислава Целиковского, находившегося ранее в Трубчевском уезде Орловской губернии⁴⁵.

Точный учёт иностранных военнопленных отсутствовал. Иностранные военнопленные, находившиеся «на вольных работах» ещё до организации уездпленбежей, после их образования в июле 1918 г. туда не обращались и поэтому не были зарегистрированы, и в уездпленбежах не знали, где такие пленные живут и чем занимаются⁴⁶. Например, с апреля до конца 1919 года в Жиздринский уездпленбеж Калужской губернии обратились по поводу отъезда на родину 11 австро-венгерских военнопленных, которые ранее не были зарегистрированы, они проживали в разных волостях уезда и даже в городе Жиздре и сами себя обеспечивали. В июне 1919 г. по поводу отъезда на родину обратились в уездпленбеж ещё два до этого не зарегистрированных военнопленных австро-венгерской армии, один из которых ранее бежал из сибирского лагеря⁴⁷.

В лагерях, куда военнопленных собирали в 1918 г. в связи с планируемыми отправка на родину, у них отбирали всё, что можно было отобрать, обращались грубо. Так, уполномоченный германской миссии сообщал в Центропленбеж в августе 1918 г. из Воронежа, что красноармейцы Люблинского полка систематически отбирают обеды у пленных германцев⁴⁸. Лагерная охрана

«отбирала деньги и одежду, при этом практиковала побои»⁴⁹. 1 октября 1918 г. Тульский отдел австро-венгерской миссии общал местному Губпленбежу, что 28 сентября в уездном городе Ефремове член местного уездпленбежа А. Зайцов заставлял 15 австро-венгерских военнопленных, находившихся в лагере, идти на работу «избиением ремнём». Отказ от работы был протестом против удержания половины дневного заработка (вместо 8 выдали 4 рубля) на продовольствие, которого военнопленные не получили. Из Рязани в Центропленбеж сообщали о грубом поведении в отношении военнопленных офицеров со стороны красноармейцев из бывших иностранных военнопленных⁵⁰. В Тульской губернии августе 1918 г. офицера австро-венгерской армии Стефана Уду-дека арестовали красноармейцы из бывших военнопленных, отобрали деньги (23 тыс. 817 руб.) и личные вещи⁵¹. Администрацией Раненбургского лагеря для военнопленных в Рязанской губернии был ликвидирован («объявлен смещенным») Комитет помощи военнопленным, а его членам запрещено покидать территорию лагеря под угрозой расстрела, как стало известно Центропленбежу. Расследование проводил уездный совдеп, сообщивший в Центр, что военнопленные, руководимые комитетом, показали себя контрреволюционерами, якобы заявив о «непризнании распоряжений Советской власти». Они были готовы выполнять лишь указания Германского Консульства в Москве, «после чего за пленными был учрежден бдительный надзор»⁵². Однако, кроме бдительного надзора, с 1 сентября 1918 г. военнопленных этого лагеря оставили без содержания, составлявшего 1,5 рубля в день согласно межправительственной договоренности⁵³. Как видим, обстановка в лагерях способствовала побегам.

Всех военнопленных агитировали вступать в Красную армию, на полное государственное обеспечение. По этой причине пленные соглашались служить, например, в местных караульных ротах. Иностранное гражданство не являлось помехой для военной службы, хотя переход в российское гражданство будущим красноармейцам предлагался⁵⁴. Так, в Первый Советский полк, сформировавшийся в г. Калуге, военнопленные австро-венгерской армии чехи В. Кашпар и А. Шпачек были приняты ещё до получения российского гражданства⁵⁵, а в Рязани в Красную

армию вступил бывший военнопленный турецкой армии товарищ Хусейн Ибокорни⁵⁶. В декабре 1918 г. численность Рязанского интернационального отряда составляла 65 человек, Тульского – 200⁵⁷. В Орловском интернациональном отряде в октябре 1918 г. насчитывалось 120 человек, в Воронежском – 200⁵⁸. В вышеперечисленных губерниях количество военнопленных, вступивших в 1918 г. в ряды Красной армии, составило от 1 до 1,4 % от их общей численности в этих губерниях к началу 1918 г. В Орловской губернии в августе 1918 г. местный отряд, образованный в конце 1917 г. из военнопленных австро-венгерской армии численностью 100 человек, участвовал в подавлении крестьянского выступления в Ливенском уезде⁵⁹. При этом Брестским мирным договором было запрещено вооружение военнопленных, и германское правительство и правительства других стран, в частности Датское, активно выступали против вовлечения иностранных военнопленных в Гражданскую войну в России, за разоружение созданных формирований, прекращение деятельности революционных организаций военнопленных. Ответная реакция большевиков была чисто формальной, «для отвода глаз». По свидетельству И. Ульянова, председателя «Всероссийского бюро пленных», члена ВЦИК, «работа по привлечению в ряды Красной армии пленных, вопреки всяким запрещениям и насилию со стороны германских властей, велась всё время с начала Октябрьской революции». Революционные структуры, в которые входили военнопленные-социалисты, были лишь переименованы. Например, организованные в некоторых городах «Советы военнопленных социал-демократов всех наций, населяющих Германию и Австро-Венгрию» стали называться Комитетами иностранных рабочих и крестьян. При этом «более деятельные товарищи приняли русское гражданство». Это называлось «переменой революционного ярлыка» и делалось для того, чтобы «империалисты потеряли формальное основание придирается к пленным». Иногда под воздействием обоснованной критики из боязни международных осложнений приходилось арестовывать агитаторов-военнопленных, членов коммунистической партии, но только для того, «чтобы выпустить товарища через другие двери»⁶⁰.

Советское правительство в 1918 г. всемерно затягивало процесс эвакуации на родину здоровых военнопленных Центральных

держав⁶¹, поэтому пленные, оказавшись без работы или с заработком, на который нельзя было существовать, поступая на военную службу, могли рассчитывать на паёк и обмундирование. К примеру, бывший солдат 137 пехотного полка германской армии Оббе Фосберг был пленен в апреле 1915 г. и направлен в Сибирь, в один из лагерей, откуда попал на работу в Донскую область. Из-за недостаточного пайка, который получал там военнопленный, Фосберг, с его слов, в апреле 1918 г. добровольно вступил в 3-й Интернациональный полк, там пленный неоднократно просил отправить его на родину. Получив ранение, Фосберг лечился в Царицыне, Саратове, Орле, где в декабре 1918 г. снова заявил о своём желании возвратиться на родину⁶². Согласно данным Центрального исполкома иностранных рабочих и крестьян, в Красной армии в 1918 г., до революций в Германии и Австро-Венгрии, находилось более 50 тысяч военнопленных⁶³. По подсчётам современных исследователей, в рядах Красной армии, а также в белогвардейских частях в общей сложности в 1918 г., оказалось 127 тысяч легионеров из бывших военнопленных⁶⁴.

Беспартийных военнопленных, а их было большинство, агитировали, используя военнопленных-социалистов соответствующей национальности или страны, за вступление в иностранные группы РКП(б): венгерскую, немецкую, чехословацкую, югославянскую и др.⁶⁵, чтобы приобщить их к партийно-политической работе на коммунистической платформе. Членам зарубежных социал-демократических партий делались такие же предложения. Они рассматривались как главный кадровый резерв для создания компартий в своих странах. Большевики не отказались от подготовки революции в различных странах мира, где «пока господствовал капитал». Например, по данным калужской милиции, венгр Карл Шмидт 1 августа 1918 г. отправился в Москву, где якобы вступил в венгерскую группу РКП(б). Правда, его так и не разыскали ни в Калуге, ни в Москве, чтобы вручить удостоверение о российском гражданстве⁶⁶. Другой военнопленный, чех Карл Иванович Сливко, 24 лет, рабочий, член австрийской социал-демократической партии с 1912 г., вступил в чехословацкую группу РКП в 1918 г. На II Губернском Съезде Советов в июле 1918 г. он был избран членом калужского Губисполкома и назна-

чен председателем Калужской губернской коллегии по делам военнопленных и беженцев. «Свои обязанности исполнял добросовестно, как полагается коммунисту, ныне же уезжает на Запад для продолжения партийной работы», — записано в удостоверении, выданном Сливко 8 апреля 1919 г., за подписью председателя Губисполкома Васильева⁶⁷. В 1921 г. К. Сливко был избран членом ЦК компартии Чехословакии и, по поручению Коминтерна, 7 декабря 1922 г. поздравлял молодёжь на торжественном заседании по поводу четырёхлетней годовщины Калужской губернской организации Российского Коммунистического Союза Молодёжи⁶⁸, а также 9 декабря 1922 г. приветствовал делегатов VIII Губернского Съезда Советов в Калуге⁶⁹. Как видим, Карл Иванович, вернувшись с партийного задания из — за границы, обосновался в Москве, где продолжал выполнять задания Коминтерна.

Венгерской партийной группой при ЦК РКП(б), созданной 24 марта 1918 г., в Москве в мае 1918 г. была организована агитаторская школа. Подготовленные в ней агитаторы направлялись в провинцию, в Красноармейские части, Венгрию, на Украину. В нескольких городах, в том числе в Курске, Воронеже, Орле, Рязани, Туле, венгерские коммунисты объединялись в партийные ячейки. Однако в связи с революционными событиями на родине все члены этих ячеек выехали туда в 1918–1919 гг. В ноябре 1918 г. венгерская группа при ЦК РКП(б) развернула агитацию среди беспартийных масс военнопленных за их возвращение домой в качестве солдат революции. Им предлагалась доставка до границы и оружие, которое следовало применить против «подлой контрреволюционной банды буржуазии». Одновременно в Венгрию, «на агитацию» отправился весь состав президиума вышеназванной партийной группы вместе с другими подготовленными агитаторами, всего 80 человек⁷⁰.

Агитацией военнопленных в духе коммунизма и приближения победы мировой революции руководил ЦК РКП(б). При военном отделе ВЦИК в январе 1918 г. было образовано Всероссийское бюро пленных, основной задачей которого являлась агитация среди военнопленных, находившихся в России. Перед этим, 25 декабря 1917 г., в Москве под воззванием к немецким солдатам,

находившимся на Восточном фронте, подписались группа немецких военнопленных социал-демократов, назвавшись членами III Интернационала, ещё тогда не существовавшего⁷¹. 14 марта 1918 г. в Москве вышеупомянутое Всероссийское бюро пленных организовало конференцию военнопленных, на которой была выдвинута идея создания новой интернациональной коммунистической организации — «Международной коммунистической партии»⁷². В июне 1918 г. Бюро было преобразовано в культпросветотдел при Центропленбеже. В сентябре 1918 г. органам Центропленбежа на местах было предложено образовывать культурно-просветительные отделы⁷³. На губернском уровне эти отделы просуществовали до конца 1919 г., а на уездном были упразднены ещё раньше — в апреле 1919 г., через три-четыре месяца после создания, когда прекратилось массовое стихийное движение русских и бывших вражеских военнопленных.

Вполне естественно, что эффективность пропаганды нового мира, «свободного от эксплуатации и войн», постепенно слабела, поскольку голодная советская действительность не могла не отражаться на здоровье и настроении беспартийного большинства бывших военнопленных, которые устремились на родину, не полагаясь и не дожидаясь официальных межправительственных соглашений по обмену пленными. Именно «общее плохое экономическое положение», а также «нехватка пригодных агитаторов» в качестве причин, «играющих очень большую роль» в возникновении «демонстрации упадка духа» среди бывших иностранных военнопленных в Красной армии назвал Бела Кун. Он представлял Федерацию иностранных групп РКП(б) на заседании немецкой и венгерской групп РКП(б) 3-й армии 13 октября 1918 г., где речь шла о развале дисциплины среди вступивших в Красную армию бывших военнопленных. Не желавших воевать военнопленных после объявления о Компьенском перемирии и революционных событиях в Австро-Венгрии и Германии их партийные руководители и вдохновители-соотечественники предлагали демобилизовать, чтобы «очистить армию от сеющих недовольство»⁷⁴. Центральная Федерация иностранных групп РКП(б) 7 декабря 1918 г. и 2 января 1919 г. обсуждала создавшееся в армии положение в связи с этими антивоенными настроениями. В итоге

Реввоенсовет Республики в январе 1919 г. прослужившим в Красной армии 6 месяцев и желавшим уволиться предоставил такое право⁷⁵. Но в действительности уволиться из рядов Красной армии было не так-то просто: увольнение ставилось в прямую зависимость от положения дел на фронтах Гражданской войны. Например, командующий 4 армией М.В. Фрунзе в марте 1919 г. по поводу освобождения из армии желающих ехать домой дословно сказал: «Я требую, чтобы интернационалисты <...> помогли бы сначала довершить начатую задачу <...> преступление перед революцией мировой создавать затруднения в момент самого решительного удара, наносимого нами врагу»⁷⁶.

8 мая 1919 г. правительство новой Советской Венгрии объявило мобилизацию всех венгров от 18 до 45 лет, находившихся в России и на Украине, с целью защиты Советского строя в Венгрии от «иностранных империалистов и своих капиталистов»⁷⁷. В России явку на призывные пункты предстояло обеспечивать местным исполкомам всех уровней. Например, в Орловской губернии кромский уездный исполком 17 мая 1919 г. разослал телеграммы во все волостевые с приказом «немедленно выслать в уездпленбеж всех военнопленных австро-венгерской армии для срочной отправки на родину»⁷⁸. В лагерь военнопленных в Кромах, а также в Ельце, Севске, Ливнах, Малоархангельске телеграфировали о немедленном направлении всех военнопленных австро-венгерской армии в Орловский Губпленбеж. К 27 мая 1919 г. из уездного центра отправили в Орёл 11 военнопленных. 15 июля 1919 г. Губпленбеж предписал кромскому пленбежу составить списки на военнопленных, не желавших явиться в Орёл, и оповестить их, что отныне они не будут пользоваться защитой Австросовета и не могут рассчитывать на его помощь при эвакуации на родину⁷⁹. В мае 1919 г. через Орёл на родину следовали группы по 30 человек мобилизованных австро-венгерских военнопленных из Тамбова (14, 15, 16, 17, 22 мая)⁸⁰.

По данным отчёта венгерской группы при ЦК РКП(б), удалось мобилизовать всего 10–12 тысяч военнопленных, среди которых были и добровольцы⁸¹. Красноармейцы-интернационалисты, не желавшие оставаться в России, потребовали немедленного своего перевода к границе для дальнейшего движения через Украину на

родину, в противном случае угрожая оставить Красную армию. Летом 1919 г. Орловский, Воронежский, Тульский венгерские отряды численностью от 120 до 200 человек каждый были включены в интернациональный полк для оказания помощи Советской Венгрии⁸². Но Советская власть в Венгрии просуществовала, как известно, недолго. После её ликвидации рядовые красноармейцы-венгры, уцелевшие в боях, посчитав приказ о мобилизации недействительным и свое дальнейшее участие в гражданской войне законченным, массово дезертировали из Красной армии. Они справедливо полагали, что в Красной армии должны оставаться лишь добровольцы. Так, осенью 1919 г. по этой причине была расформирована, «позорно разоружена» интербригада, находившаяся при 12 армии Южного фронта. В Москве дезертиры укрывались, например, в приюте Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов (Австросовета)⁸³. В 1919 г. с помощью немецкой группы РКП(б) проводилась мобилизация в Красную армию «всех бывших пленных австрийцев, ожидавших отправки на родину, и ни трудом и ни оружием не помогавших Советской власти». При этом германским пленным предлагалось вступить в Красную армию добровольно⁸⁴. Бывшие военнопленные 1885 г. рождения и старше, принявшие советское гражданство, получили возможность уволиться из Красной армии после 11 декабря 1920 г., а все не принявшие – ещё позже, после 30 апреля 1921 г.⁸⁵

В ноябре 1918 г., как только в Москве было получено сообщение о свержении кайзера Германии, военнопленные-коммунисты, представители немецкой секции Федерации иностранных групп при ЦК РКП(б) объявили образование Совета германских рабочих и солдат для ведения всех дел, касавшихся интересов германских граждан до получения директив от нового германского правительства⁸⁶. Аналогично поступили австро-венгерские коммунисты из бывших военнопленных, образовавшие Совет, который 6 ноября 1918 г. «перенял революционным порядком все дела <...> бывшей австро-венгерской миссии по делам военнопленных». Письмом от 23 ноября 1918 г. Совет уведомил об этом Центропленбеж и просил считать его единственным представителем граждан бывшей Австро-Венгрии⁸⁷.

Советы иностранных рабочих и солдатских депутатов, состоящие из военнопленных были созданы на местном уровне⁸⁸.

Например, в Смоленске, по сообщениям оттуда от 9 ноября 1918 г., товарищи военнопленные арестовали членов австрийской и германской комиссий по делам военнопленных и объявили себя комитетом, защищающим интересы всех военнопленных. В связи с этим событием Смоленский Губпленбеж по прямому проводу связался с Центропленбежем: «Нас крайне удивляет отсутствие с Вашей стороны каких-либо распоряжений, несмотря на все наши запросы <...> Как нам реагировать на эти аресты?», – спрашивали Москву, которая не рекомендовала противодействовать Комитету⁸⁹. Это свидетельствует о том, что описанные аресты и захваты были организованы и происходили с ведома власти. Иностранные Советы занимались гражданскими делами военнопленных и гражданских пленников. Они старались содействовать отправке бывших солдат на родину, снабжению их одеждой и решению некоторых других вопросов⁹⁰. К примеру, в августе 1919 г. местный Австросовет, заботясь о пленниках, задерживаемых на станции «Орёл» по пути на родину, просил Орловский Губпленбеж о размещении австрийских гражданских пленников в бараках бывшего 35 госпиталя, а военнопленных – в Орловском лагере на Кромской улице и об организации им врачебной помощи⁹¹. В Петрограде председателем созданного там Австросовета стал Макс Штибер⁹².

Центропленбеж объявил своим местным органам о создании Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в Москве в декабре 1918 г. Сообщалось, что бывшая австро-венгерская миссия по делам военнопленных «приняла наименование “Совет австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в России”»⁹³. Через год, в ноябре 1919 г., вместо австро-венгерского совета были учреждены венгерский, чешский, югославский и румынский советы, объединившиеся в Федерацию иностранных советов (Фединсовет)⁹⁴. Фединсовет вошел в состав Центропленбежа, в качестве подотдела, он просуществовал до 1921 г. Его ликвидация обосновывалась «исчерпанием контингентов, подлежащих репатриации в государства Центральной Европы». ВЧК считала излишней «широчайшую автономию», которой обладала, по её мнению, эта иностранная Федерация и рекомендовала приступить «к её немедленной ликвидации». Представители Федин-

совета имелись в Губэваках⁹⁵. С 1 ноября 1921 г. местные представительства Фединсовета ликвидировались приказом Центрэвака, а сотрудники трудоустраивались в тех же Губэваках⁹⁶.

В ноябре 1919 г. Губпленбежи получили указание Центра о привлечении всех остававшихся ввиду отсутствия эшелонной отправки военнопленных к «общегосударственным работам». Это означало запрещение «вольных работ», позволявших военнопленным как-то кормиться. 20 декабря 1919 г. вышел приказ Центропленбежа № 400, предписавший своим органам на местах в целях выяснения общего количества бывших вражеских военнопленных Первой мировой войны в течение 2 недель в Европейской России и 1 месяца в Сибири и Туркестане произвести регистрацию бывших вражеских военнопленных по карточкам прилагаемого образца, которые затем направить в Статистическо-Справочный отдел Центропленбежа. Регистрационные карточки уездэваки, например, Калужской губернии, получили в апреле 1920 г.⁹⁷ В феврале 1920 г. Центропленбеж в ответ на запросы с мест дал разъяснение по мерам против уклонявшихся от общегосударственных работ или самовольно оставлявших таковые военнопленных. Их следовало арестовывать и заключать в концентрационный лагерь принудительных работ, как и гражданское население в аналогичных случаях, или передавать до возобновления эвакуации в распоряжение отдела принудительных работ для назначения на работы по нарядам. Выбор меры предоставлялся Губпленбежу с обязательным сообщением административному отделу Центропленбежа⁹⁸. Иностранные агитаторы-пропагандисты разъясняли военнопленным, что «экономическое укрепление Советской власти ведёт к упрочению положения рабочего класса всего мира, что каждый удар молота приближает к родине и к мировой революции». Поэтому надо восстанавливать разрушенные железные дороги, сразу после этого налаживать добычу угля и поднимать сельское хозяйство⁹⁹.

Таким образом, до октября 1917 г. военнопленные в качестве рабочей силы направлялись в установленном порядке в центральные губернии Европейской России, в распоряжение и по заявкам работодателей, обеспечивавших их содержание. В результате смены власти военнопленные оказались предоставленными

самим себе. Они получили возможность свободно, без охраны, проживать и зарабатывать себе на жизнь. Их передвижение никто не контролировал. Вектор движения военнопленных имел западное направление, хотя отмечалось и движение в производящие российские регионы, так как оставаться в потребляющих центральных губерниях Европейской России было в сложившихся условиях подобно смерти. К факторам, усилившим стихийное движение военнопленных в 1918–1919 гг., надо отнести заключение Брест-Литовского мирного договора, задержку российской стороной отправки на родину здоровых военнопленных, которых старались не включать в эшелонные списки, Компьенское перемирие, революционные события в Австро-Венгрии, Германии, Венгрии.

Большевистское руководство к работе по выполнению двух своих основных задач по защите «пролетарской революции» и распространению революционного процесса на другие государства привлекло бывших военнопленных-социалистов. Они активно участвовали в ведении агитации среди беспартийных военнопленных за добровольное их вступление в Красную армию и в мобилизации этого контингента. Бывшие военнопленные-социалисты занимались формированием интернациональных воинских частей, используемых в составе Красной армии на фронтах и в тылу, организацией Советов иностранных военнопленных, проведением различных политических акций и конференций с участием военнопленных, в том числе озвучиванием идеи создания Коминтерна. Иностранных товарищей с партийными заданиями отправляли на родину.

Однако общее количество военнопленных, вступивших в 1918 г. в Красную и белые армии, составило около 7 % от их общего количества на январь 1918 г., что свидетельствует о нежелании военнопленных участвовать в Гражданской войне в России. Основная масса военнопленных покинула Россию в 1918–1919 гг. При этом большевистская пропаганда не мешала военнопленным сделать свой выбор. Массовому стихийному движению военнопленных на родину, превратившемуся в настоящее бегство, способствовало осознание невозможности в условиях советской действительности как существования, так и организованной репатриации в обозримом будущем.

Оставшееся меньшинство военнопленных добровольно поступало на военную службу, как правило, не потому что под влиянием большевистской или антибольшевистской пропаганды оно вдруг захотело участвовать в Гражданской войне, снова подвергая опасности свои жизни, а потому что не смогло самостоятельно ни возвратиться на родину, ни прокормить себя, оставаясь в России в ожидании репатриации в условиях голода и безработицы. Не поступившие на военную службу добровольно бывшие военнопленные Австро-Венгрии в 1919 г. были объявлены мобилизованными в Красную армию. С 1920 г. все зарегистрировавшиеся трудоспособные военнопленные, ожидавшие эвакуации на родину, привлекались к так называемым общегосударственным работам, нередко задерживавшим отъезд на родину.

4.2. Возвращение на родину

...Я требую, чтобы интернационалисты... помогли бы сначала довершить начатую задачу.

Из выступления командарма IV армии М.В. Фрунзе по поводу освобождения из Красной армии желающих ехать домой военнопленных. 11 марта 1919 г. (Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Т. 2. – М., 1968. С. 220).

Карл Иванович Сливко, бывший военнопленный... как подобает коммунисту, ныне уезжает на Запад для продолжения партийной работы.

Из удостоверения К.И. Сливко, выданного 8 апреля 1919 г. за подписью председателя калужского Губисполкома Васильева (ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 149. Л. 5).

О начале подготовки к планомерному обмену военнопленными с Германией и Австро-Венгрией летом 1917 г. объявило Временное правительство. В начале июня 1917 г. Центральный комитет по делам о военнопленных при Главном Управлении Российского общества Красного Креста сообщил об этом на места. В августе

1917 г. штаб Московского Военного округа разослал циркуляр о предстоящей регистрации вражеских военнопленных и Инструкцию по регистрации. Около 2 млн солдат и офицеров вражеских армий взяла в плен русская армия в Первую мировую войну¹⁰⁰. На начало 1918 г. количество военнопленных сократилось на 199 тыс. человек за счёт умерших в плену, возвращённых на родину по инвалидности и отправленных в нейтральные и союзные страны¹⁰¹. Пока шла подготовка запланированного обмена, произошла очередная смена власти.

Соглашение между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией о возвращении на родину раненых и больных военнопленных, подписанное в Петрограде 25 января (7 февраля) 1918 г. как добавление к договору о перемирии от 2 (15) декабря 1917 г. способствовало планомерному обмену военнопленными¹⁰². После подписания Брестского мира, в течение весны-лета 1918 г., были созданы Русско-германская и Русско-австрийская комиссии, приступившие к работе по обмену военнопленными¹⁰³. В то же время заключение Брестского мирного договора значительно облегчило пленным возвращение на родину, их самостоятельное стихийное движение, ставшее заметным с лета 1917 г., приняло массовый характер¹⁰⁴. Центропленбеж предписывал своим органам на местах «срочно принять меры к категорическому недопущению выезда пленных из пределов губерний без разрешения <...> установить караулы на вокзалах и пропускных пунктах»¹⁰⁵. Австро-венгерское Восточное Главнокомандование выражало недовольство по поводу действий Советской России, направленных на затруднение австро-венгерским пленным возвращения, об этом, в частности, говорилось в радиogramме от 24 апреля 1918 г.¹⁰⁶ Однако до начала обмена, в первом полугодии 1918 г., из российского плена, включая территорию Украины, в Австро-Венгрию вернулось 550 тысяч военнопленных¹⁰⁷.

В ноябре 1918 г. в результате подписания Компьенского перемирия Брестский мирный договор, а также вышеупомянутое Соглашение были, как известно, аннулированы СНК, что прервало начатую работу по планомерному обмену пленными, в результате которой было репатриировано, по данным Центропленбежа,

162 тысячи иностранных военнопленных¹⁰⁸, что составляет 9 % от их общего количества на январь 1918 г., и одновременно подстегнуло стихийное движение военнопленных на родину. Действительно, когда в апреле 1920 г. в Берлине было подписано новое Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных¹⁰⁹, в России осталось всего около 130 тысяч военнопленных (7 %)¹¹⁰.

В связи с возобновляемым обменом пленными в июле 1920 г. в Москве была учреждена немецкая миссия по делам военных и гражданских пленных, в Берлине — соответствующая русская миссия. Специально оговаривался вопрос о недопустимости ведения пропаганды в рамках миссий, которым следовало заниматься исключительно подготовкой к реэвакуации и оказанием материальной помощи военнопленным¹¹¹. В Дополнительном соглашении от 22 января 1921 г. к Берлинскому соглашению от 19 апреля 1920 г. речь шла о транзитной доставке военнопленных через территории Литвы и Латвии при содействии Международного Красного Креста. Отмечалось, что «значительное большинство германских военнопленных уже доставлено на родину к этому времени»¹¹². С 1 марта 1922 г. бесплатная эвакуация германских военных и гражданских пленных была прекращена. Центральное Управление по эвакуации населения (Центрэвак) сообщило на места, что после указанного срока эвакуация будет производиться исключительно за собственный счёт отправляющихся. Все пленные, желавшие бесплатно переехать, должны были до 1 марта зарегистрироваться у уполномоченных по эвакуации населения при уездисполкомах¹¹³.

Летом 1920 г. в Копенгагене договор о возвращении на родину военных и гражданских пленных был заключён с Австрией. В нём специально оговаривалось, что австрийское правительство будет соблюдать нейтралитет «в войне против России, полностью запретит поставку и перевозку через свою территорию оружия всех видов, боевых припасов и военного имущества». Кроме того, Австрия предоставляла право свободного передвижения находившимся в стране народным комиссарам бывшего Венгерского Советского правительства¹¹⁴. В декабре 1921 г. в Вене было подписано Дополнительное соглашение к Соглашению о возвраще-

нии на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих Сторон, заключённого в Копенгагене 5 июля 1920 г. между правительствами Российской и Украинкой советских республик и правительством Австрийской республики. Правительства приняли обязательство в самом спешном порядке провести возвращение на родину ещё не отправленных военных и гражданских пленных. В этой связи указанный контингент не должен был обременяться никакими служебными обязанностями и обязательствами. Конкретно российскому и украинскому правительствам вменялось в обязанность не допускать случаев насильственного удаления из вагонов возвращающихся на родину, в том числе с целью выполнения каких-либо общественных работ, а при наличии к этому веских оснований незамедлительно информировать соответствующее правительство. Согласно этому документу, бывшие военнопленные, гражданские интернированные, добровольно возвратившиеся на территорию государства, в котором они находились в плену, не подлежали отправки на родину в качестве военнопленных (гражданских интернированных). Отмечалось также, что *транспортные списки* возвращающихся на родину составляет соответствующее учреждение страны пребывания, что подлежащие отправке обладают правом неограниченного общения со своими Полномочными Представительствами, а также правом брать с собой свои семьи. Находящиеся вблизи польской границы австрийские военнопленные и гражданские интернированные передаются польским приёмным станциям по существующему соглашению между польским и австрийским правительствами¹¹⁵.

Дополнительное соглашение вступило в силу с 14 февраля 1922 г., а с 31 августа 1922 г. Приказом Центрэвака от 31 марта 1922 г. прекращалась бесплатная эвакуация военных и гражданских австро-венгерских пленных на родину¹¹⁶. В феврале 1924 г. правительство СССР сообщило правительству Австрии, что на территории Союза из числа военнопленных остались единичные лица, желающие возвратиться в Австрию. Поэтому Союзное Правительство считает эвакуацию австрийских военнопленных законченной с 1 мая 1924 г. Лица, пропустившие указанный срок, не смогут выехать в эвакуационном, а только в общем порядке выезда иностранцев из пределов Союза¹¹⁷.

Шнейдер А.П. «Молитва беженцев – галичан», почтовая карточка (между 1914 и 1917 гг., Пг.; Комитет Е.И.В. Вел. кн. Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий) // Фото с сайта: История, культура и традиции Рязанского края. URL: <http://www.history-ryazan.ru/> (дата обращения: 30.01.2014)

Серебряный жетон 1-й степени Комитета Е.И.В. Вел. кн. Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий

Беженцы в лесу близ Барановичей. 1915 г. // Летопись войны. 1914–1915 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал. № 107

Беженцы. 1915 г. // Летопись войны. 1914–15 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал. № 49

Беженцы в Петрограде во дворе городского дома в ожидании регистрации. Фото Я. Штейнберга // Летопись войны. 1914–15 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал. № 53

Дети беженцев, живущие в приюте Воронежской Общепедагогической организации // В дни войны. Вестник Воронежских организаций военного времени. 1916. 10 июля. № 2

Пленные, вьютые у оз. Свентен. 1915 г. Фото Вл. Ассонова // Летопись войны. 1914–15–16 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал. № 73

Пленные немцы. 1916 г. // Летопись войны. 1914–15–16 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал. № 88

Члены калужского Губкома РСДРП (б). Слева стоит бывший военнопленный Карл Иванович Сливко, член чехословацкой группы РКП (затем член ЦК компартии Чехословакии), председатель Калужской губернской коллегии по делам пленных и беженцев. Февраль 1918 г. // Очерки истории Калужской организации КПСС. Тула, 1967

Заведующие отделами Центропленбежа. В первом ряду посередине сидит председатель Коллегии И.С. Уншлихт // Известия Центральной Коллегии о пленных и беженцах. Юбилейный номер. 7. 11. 1918. № 18

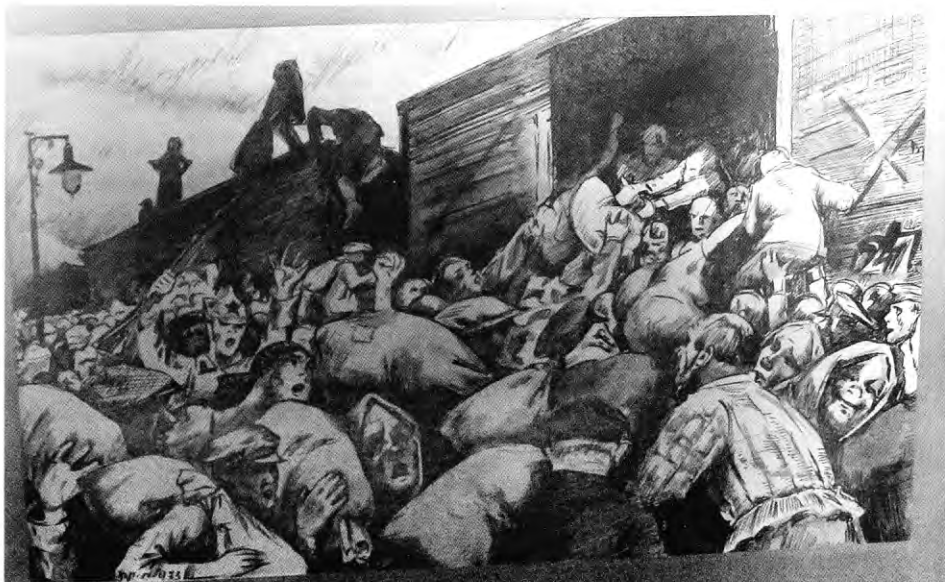

Русские герои, бежавшие из германского плена, в русском консульстве в Голландии. Слева направо: ст. унтер-офицер Андрей Левченко, стрелок Василий Шишкин, мл. унтер-офицер Дука Андриюшенко, мл. унтер-офицер Ульян Фризюк, ефрейтор Максим Колесников, стрелок Василий Стариков // Летопись войны. 1914–15 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал. № 41

Возвращение солдат из германского плена. Петроград, 1917 г.

Мешочники. Рисунок В. Михайлова. Бумага, тушь, картон. 1922 г.

Беженцы в ожидании отправки. 1918 г. // Известия Центральной Коллегии о пленных и беженцах. Юбилейный номер. 7. 11. 1918. № 18

Только тем беженцам Центральная Коллегия о пленных и беженцах с ее местными органами оказывает содействие и помощь при эвакуации, **КОТОРЫЕ ЕДУТ ЭШЕЛОНАМИ или САНИТАРНЫМИ ПОЕЗДАМИ по разрешениям Центральной Коллегии.**

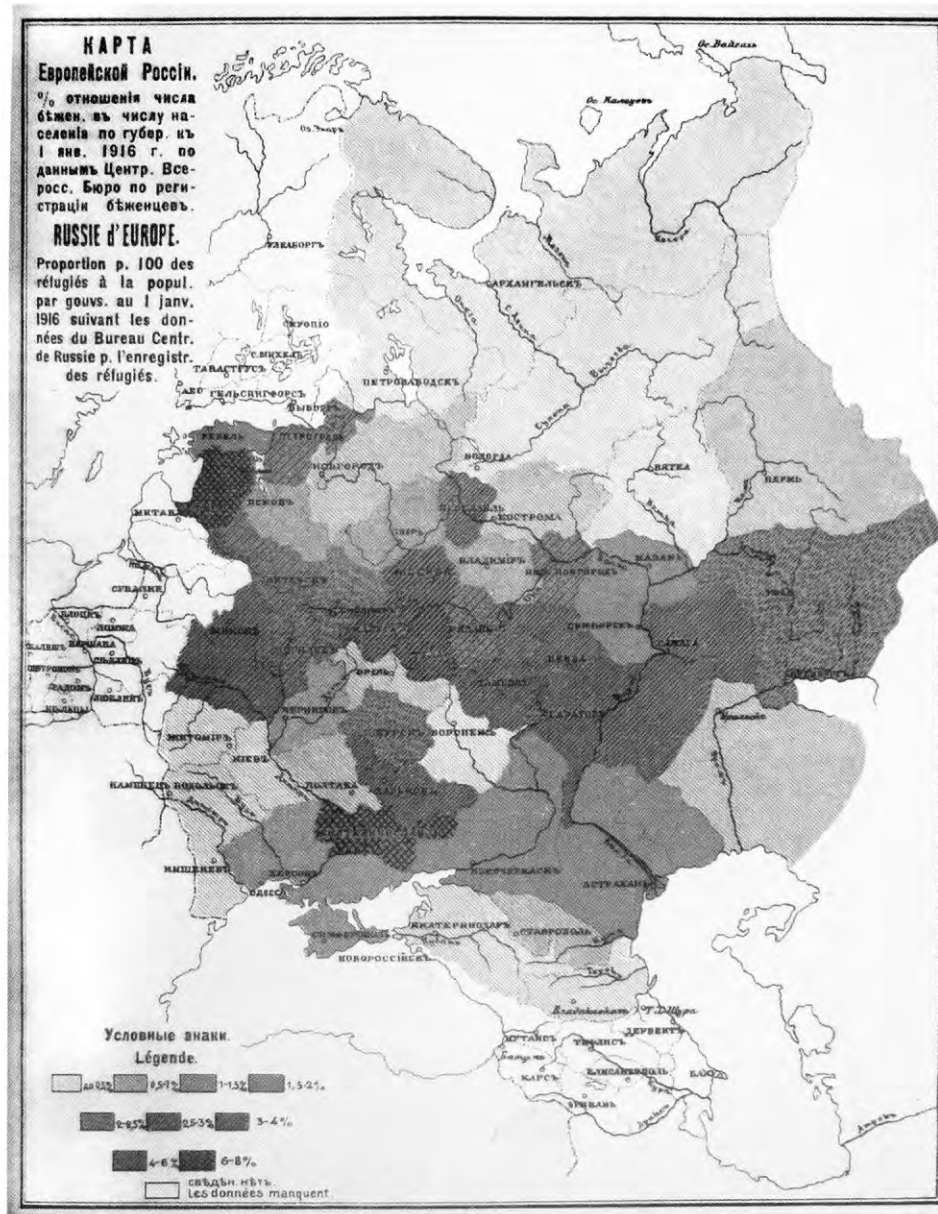
Беженцы едущие **одиночным порядком**, (хотя бы по разрешениям коллегий) едут исключительно на свой **собственный риск и счет** и никаких прав на дальнейшее передвижение и попечение со стороны коллегии **НЕ ИМЕЮТ.**

Председатель Центральной Коллегии **ТИХМЕНЕВ.**

Объявление Центропленбежа «для вывешивания на видном месте». Май 1919 г. // ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 42

Карта Европейской России. Процент отношения числа беженцев к числу населения по губерниям к 1 января 1916 г. по данным Центрального Всероссийского Бюро по регистрации беженцев // Отчёт о деятельности Особого Отдела Комитета ЕИВ Вел. кн. Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Петроград, 1916

1.

Въ Рязанскій Губернскій Исполнительный Комитетъ Совѣта
Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.
Рабоч. Солдатск. и Крестьянск.
ДЕПУТАТОВЪ
21. Сентября 1918 г.
Военнопленного *Василия*
Андрюшана
подданного *Австро-венг.*
проживающего *в г. Рязань.*

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Желая стать гражданиномъ Россійской Соціалистической Феде-
ративной Совѣтской Республики, прошу Губернскій Исполнительный
Комитетъ, согласно декрету Всероссийскаго Центрального Исполни-
тельнаго Комитета Совѣта Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ,
отъ 1 Апрѣля 1918 года, выдать мнѣ свидѣтельство о приобрѣтеніи
новыхъ правъ Россійскаго гражданства.

При этомъ присовокупляю, что за общеуголовныя преступленія
подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ и нынѣ не состою.

При этомъ прилагаю: документъ о личности, удостовѣреніе о не-
дѣлности, опросный листъ.

Гор. Рязань, Августа *20* дня 1918 года. *Василий Андрюшан*

Заявление в рязанский губисполком о принятии в российское гражданство бывшего военнопленного австро-венгерской армии Василия Андрюшана. 20 сентября 1918 г. // ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 1. Л. 1

Отличительный
знакъ на лѣвомъ
рукавѣ плѣннаго
солдата.

Записная книжка

военноплѣннаго

Чинъ (звание) Солдатъ
Армія Австро-Венгерской
Фамилія Валько
Имя и отчество Андрей

На 1918 1919 г.г.

Личный №

(согласно карточки военноплѣннаго).

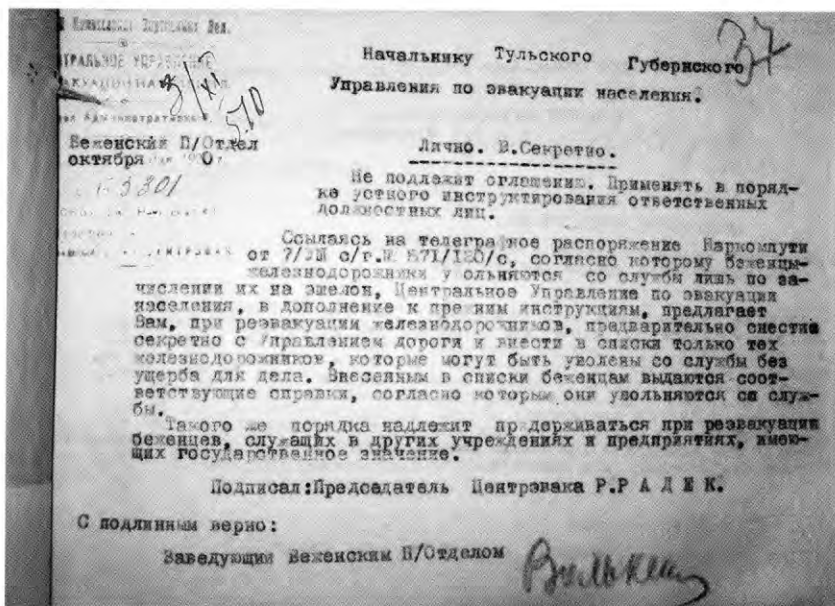
Завед. Отд. Управ.

Записная книжка военнопленного австро-венгерской армии Андрея Валько // ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 6. Л. 537-539

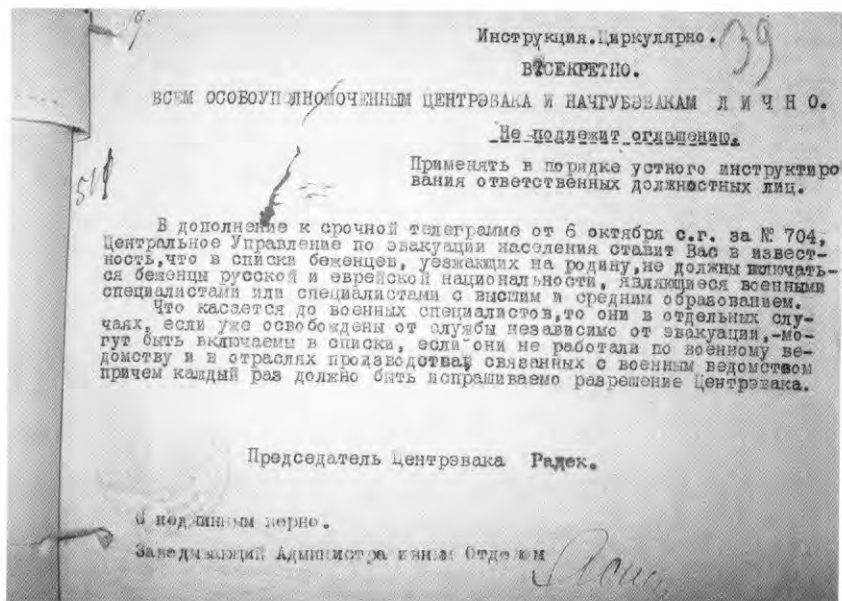
2
Армія, государ. Австро-Венгерской
Часть войскъ 41 пех полка
Фамилія Валько
Имя и отчество Андрей
Чинъ (звание) рядовой
Национальность Словаки
Вѣроисповѣданіе рим.-кат.
Холостъ или женатъ холостъ
Лѣтъ «23» годъ рожд. 1895.
Родъ занятій (мастерство) до призыва оператор на сахар. заводе
Мѣстожителство на родинѣ Кубин
Венгрия
Мѣсто и время плѣненія 1 апреля 1915г.
в Карпатах
Собственноручная подпись военноплѣннаго Andrei Valco

Записная книжка военнопленного австро-венгерской армии Андрея Валько // ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 6. Л. 537-539

Секретная инструкция председателя Центрэвака Розы Радек от 3 октября 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 37

Секретная инструкция председателя Центрэвака Розы Радек от 6 октября 1920 г. // ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 39

В мае 1920 г. в Копенгагене было подписано Соглашение с правительством Венгрии. По соглашению Советское правительство отпускало на родину из Европейской части России, Сибири, Туркестана и Советской Украины всех военнопленных и гражданских лиц из Венгрии и принимало обязательство производить довольствие на русской территории возвращающихся на родину без последующего расчета с Венгрией¹¹⁸. В июле 1921 г. в Риге РСФСР и УССР заключили с правительством Венгрии Договор об обмене военнопленными. По Договору все военнопленные «венгерцы», из Туркестана и Сибири в том числе, все гражданские лица и задержанный в Москве капитан Карл Маршалл, доставлялись до границы. При этом обмен *первой категории* планировалось осуществить без задержки, согласно копенгагенскому соглашению. Нижние чины (пролетарии) менялись на русских нижних чинов и военнопленных из буржуазии. *Обмен второй категории* должен был происходить через посредство третьего государства, которое определялось после ратификации настоящего договора. Офицеры и буржуазные элементы, задержанные в России, обменивались на 400 поименно указанных лиц. Лица этой категории партиями должны были присоединять к эшелонам с нижними чинами. Весь обмен планировалось выполнить до конца 1921 г.¹¹⁹

Соглашением РСФСР и УССР с Латвией и Венгрией от 8 октября 1921 г. относительно содействия Латвии при осуществлении Советско-Венгерского договора от 28 июля 1921 г. предусматривался обмен на Латвийской территории через посредство Международного Красного Креста. Указывалось число венгерских военнопленных офицеров и гражданских лиц, находящихся в России – 2,5 тыс. человек, в Венгрии – 400 человек. Это осужденные, арестованные или интернированные за деяния, учиненные ими во время существования в Венгрии Советской республики¹²⁰. Между Копенгагенским соглашением от 21 мая 1920 г. и Рижским договором от 28 июля 1921 г. было два официальных дипломатических обращения (ноты) со стороны советской России – (6 августа и 12 ноября 1920 г.), в которых Советское правительство заявляло, что 10 бывших членов Венгерского Советского правительства, преследуемых в Венгрии, находятся под его

покровительством. В России одна тысяча венгерских офицеров заключена в концентрационные лагеря, 10 из них объявлены заложниками «в отношении 10 бывших народных комиссаров», ожидающих судебной расправы¹²¹. 15 июля 1922 г. представителями РСФСР и Венгрии был подписан протокол, согласно которому венгерское правительство обязывалось отправить в Советскую Россию дополнительно 93 венгерских коммуниста в обмен на находившихся ещё в Советской стране венгерских офицеров и некоторых гражданских лиц¹²².

Договор между Россией и Турцией о возвращении на родину военнопленных был подписан 16 марта 1921 г., а 28 марта – конвенция о репатриации во исполнение этого Договора. Предусматривалось, что каждая из сторон имела право использовать военных и гражданских пленных до момента возвращения на родину как рабочую силу, но не использовать на особо тяжёлых работах и работах, могущих задержать их возвращение на родину. Обе стороны назначали делегации из трёх членов каждая для оказания пленным помощи и поддержки в связи с репатриацией. Конвенция вступала в силу со дня её подписания в Москве 28 марта 1921 г.¹²³ В июле 1923 г. российское правительство согласилось продлить действие Конвенции о репатриации на «достаточный» срок. Турецкая сторона в ответ сообщила, что в Турции не имеется больше русских военнопленных и гражданских лиц, оставшихся после мировой войны, но имеются русские беженцы, желающие вернуться на родину и скопившиеся в Константинополе. Обмен нотами 13 августа и 19 сентября 1923 г. касался нового состава репатриационных комиссий¹²⁴. Советская репатриационная комиссия, возглавляемая В.П. Потёмкиным, приступила к работе в октябре 1923 г. К концу 1925 г. взаимная репатриация была в основном завершена. Стороны договорились с 1 января 1926 г. ликвидировать обе репатриационные комиссии и считать Конвенцию о репатриации утратившей силу¹²⁵.

Договор с Чехословакией, позволивший обмениваться представителями и начать обмен пленными и беженцами, был заключен летом 1922 г.¹²⁶ Что касается Чехословацкого корпуса, то 7 февраля 1920 г. его командование заключило с Советским правительством соглашение о перемирии. 2 сентября 1920 г. последние подразделения корпуса покинули Владивосток¹²⁷.

Возвращаясь к началу практической работы по обмену пленными, следует отметить, что порядок обмена неоднократно обсуждался и уточнялся на заседаниях Смешанной Русско-Германской комиссии о военнопленных. Например, 27 и 30 апреля 1918 г. по вопросу о гражданских пленных пришли к мнению о том, что сначала эвакуации будут подлежать семьи, включая мужчин призывного возраста, затем одинокие женщины, дети, больные, мужчины старше 45 лет, духовенство, врачи и только после них – одинокие военнообязанные мужчины¹²⁸. Вне всякой очереди следовало отпускать желавших ехать одиночным порядком за свой счёт. Из группы военнопленных сначала следовало эвакуировать больных и инвалидов, при наличии свободных мест рекомендовалось отправлять отдельные группы здоровых военнопленных до установления условий обмена всей массы здоровых военнопленных¹²⁹.

При этом далеко не все местные коллегии по делам пленных и беженцев (пленбежи) были знакомы с установленным порядком обмена пленными, тем более с вносимыми дополнениями и уточнениями, о чём свидетельствует их переписка с Центропленбежем. Например, летом 1918 г. Губпленбежи просили выслать им декрет ВЦИК от 1 апреля 1918 г. о порядке перехода пленных в русское гражданство или просили экземпляр Брестского мирного договора, а бюро военнопленных при Генконсульстве РСФСР в Берлине «остро нуждалась в сведениях о всех постановлениях и приказах, вышедших со времени второй революции»¹³⁰. Кроме того, секретные инструкции Центра предписывали задерживать мужчин призывного возраста и здоровых военнопленных, ссылаясь при этом на отсутствие распоряжений Центра, свободных мест в эшелонах, наличие контингента, подлежащего отправке в первую очередь и т. д. Так, Воронежский Губпленбей 27 мая 1918 г. телеграфировал Центропленбежу о том, что Германская Ишная комиссия по делам пленных, в соответствии с установленным порядком обмена, настаивала на отправке на родину не только инвалидов, но и здоровых гражданских и военных пленных. В этой ситуации Воронежский Губпленбей просил «немедленно увязания», так как иностранные консульства уже заготовили целый поезд для вывоза военнопленных¹³¹. После консультаций

были отправлены лишь германские инвалиды, для здоровых военнопленных не нашлось мест. Эшелон сопровождал германский представитель, на что Центропленбеж отреагировал предупреждением «впредь не допускать назначений никаких иностранных комендантов, караулов, санитаров» под угрозой суда ревтрибунала¹³². Председатель Центропленбежа И.С. Уншлихт «убедительно просил» председателя Воронежского Губпленбежа Крылова запрашивать Центропленбеж в связи со всякой отправкой¹³³. Повсеместно нарушался и установившийся порядок внеочередной отправки желающих ехать на родину за свой счёт: им отказывали в выдаче «проходных свидетельств» (удостоверений), на что неоднократно указывала Германская Комиссия по делам пленных¹³⁴.

Центропленбеж разработал план эвакуации, изложенный в приказе № 30 от 4 июня 1918 г. В первую очередь предусматривалась эвакуация военнопленных-инвалидов и гражданских пленных из областей: Северной (6 губерний), Туркестанской, Московской (6 губерний, включая Тульскую, Орловскую). Были намечены несколько маршрутов, например, из Москвы через Великие Луки на Псков или через Смоленск на Оршу; из Орла через Брянск и Смоленск на Оршу; из Ташкента через Самару, Пензу, Тулу на Оршу. Сборные пункты по направлениям эвакуации подлежало организовать областным и губернским пленбежам¹³⁵, например, для Московской области в Москве и Орле. Инвалидов и больных предполагалось эвакуировать санитарными поездами. При этом отмечалось, что курсирование санитарных поездов для Московской области устанавливается «по мере возможности», поэтому с самого начала с санитарными поездами возникли большие проблемы. При этом отправки военнопленных одиночным порядком «хотя бы инвалидов ни в коем случае не разрешалось»¹³⁶. При таком положении дел объявленная в приказе борьба с внеплановым передвижением, даже когда самовольно едущих превращались «задерживать и немедленно водворять в ближайшие концентрационные лагеря», не увенчалась успехом. Наоборот, внеплановое передвижение получило новый стимул после Комьенского перемирия. К этому времени, с начала ноября, плановая эвакуация и вовсе прекратилась.

Самостоятельный внеплановый отъезд в 1918–1919 гг. стал основным способом возвращения иностранных пленных на родину.

Достаточно рассмотреть динамику численности военнопленных на примере отдельных губерний центра Европейской России. Так, в лету 1918 г. количество военнопленных, например, в Калужской губернии составило 1,5 тыс. человек из 3 тыс., находившихся в губернии на начало 1918 г.¹³⁷ К ноябрю 1918 г. в губернии оставалось 474 человека, в том числе бывших солдат германской армии – 24, а австро-венгерской – 450 человек. Губпленбежем было отправлено в августе-сентябре 1918 г. на родину по обмену военнопленными 649 человек, в том числе 110 из калужских госпиталей¹³⁸. За ноябрь – декабрь 1918 г., по данным Губпленбежа, численность военнопленных сократилась до 120 человек. В 1919 г. количество военнопленных в губернии продолжало уменьшаться. Так, на 1 мая 1919 г. насчитывалось 65 военнопленных австрийской и 10 германской армии¹³⁹. В сентябре 1919 г. на Втором съезде уездных органов Центропленбежа исполняющий дела заведомом пленных Губпленбежа Войцехович назвал цифры оставшихся в губернии на тот момент военнопленных – это 24 австрийских и 8 германских, всего 32 человека. Остальные, по его словам, уехали одиночным порядком¹⁴⁰. Как видим, в 1918 г. самостоятельно покинули территорию Калужской губернии до Комьенского перемирия 1877 (62,7 %) военнопленных, после него – 442 (14,7 %), всего 77 %. По обмену в 1918 г. отправили в плановом порядке отправили 649 военнопленных (22 %). Оставалось на начало 1920 г. 32 военнопленных (1 %) ¹⁴¹. Следовательно, преобладающим видом возвращения на родину военнопленных являлся их самостоятельный внеплановый отъезд.

В Тульской губернии в 1917 г. находилось 18255 военнопленных¹⁴², в лету 1918 г. осталось 9079, на начало 1919 г. – 1080¹⁴³. При этом по обмену в 1918 г., в период *плановой эвакуации* с 28 августа по 30 октября, отправили всего около 2 тысяч военнопленных¹⁴⁴. Таким образом, до начала 1919 г. самостоятельно уехали из Тульской губернии 83 % военнопленных, по обмену в 1918 г. отправили 11 %. Между тем после первой (буржуазно-демократической) революции в Венгрии 30–31 октября 1918 г. по политическим мотивам имели место санкционированные Центром отправки военнопленных австро-венгерской армии на родину.

Например, в Каширском уезде, где на начало 1919 г. размещалось около 1 тысячи военнопленных, по данным местного уездпленбежа, военнопленные «самовольно отправлялись в Москву, в Совет австро-венгерских рабочих и солдат», который «направлял их эшелонами дальше на родину <...> После отхода всех военнопленных в Москву лагерь военнопленных был закрыт в феврале <...> Оставшиеся на работах и должностях австрийцы живут как вольные жители, дожидаясь своей отправки на родину»¹⁴⁵.

В Рязанской губернии в 1917 г. находилось 4, 5 тысячи военнопленных¹⁴⁶. К лету 1918 г. военнопленных их было уже 3003 чел., а в 1919 г. – 900 чел.¹⁴⁷ По обмену до ноября 1918 г. на родину были отправлены всего 88 инвалидов¹⁴⁸. Хотя только в одном из уездов – Рязанском, по заключению медицинской комиссии, подлежали отправке на родину 123 военнопленных-инвалида¹⁴⁹, в Спасском уезде – 62 инвалида, в Раненбургском лагере – 123 инвалида и больных¹⁵⁰. Всего не смогли отправить 400 освидетельствованных военнопленных из-за непредоставления железнодорожного санитарного транспорта¹⁵¹. Интересно отметить, что в августе 1918 г. Москва согласовала отправку из Раненбургского лагеря в Москву 8 военнопленных германской армии, но одновременно отказалась принять 12 инвалидов австро-венгерской армии из этого лагеря¹⁵². В декабре 1918 г. 85 военнопленных-австрийцев этого же Раненбургского лагеря обратились в уездпленбеж по поводу отъезда на родину. Им было отказано, а уездным советам разъяснено, что «эвакуация военнопленных австрийцев в настоящее время не производится»¹⁵³. Однако в это же самое время отправляли венгров, согласившихся выступить с оружием в руках против «своей буржуазии». Таким образом, в 1918–1919 гг. самостоятельно покинули территорию Рязанской губернии 78 %, отправлены по обмену были – 2 %, оставалось в губернии на начало 1920 г. – 20 % военнопленных.

В Воронежской губернии в начале 1917 г. находилось 15048 (100 %) военнопленных, в сентябре – 14347¹⁵⁴. На 1 августа 1918 г. оставалось 12141, в том числе 231 офицер, к 1 ноября 1918 г. – 5590, в том числе 20 офицеров, к 1 января 1919 г. из этого количества военнопленных осталось лишь 10 человек, в том числе 2 офицера. По обмену летом 1918 г. было отправлено

в Москву около 200 человек военнопленных-инвалидов¹⁵⁵. В октябре 1918 г. – 900 военнопленных австро-венгерской армии, всего 1100 человек (7 %) ¹⁵⁶. Как видим, 93 % военнопленных самостоятельно выехали на родину к началу 1919 г. В 1920–1921 гг. в губернии осело около 200 военнопленных, прибывших из других регионов.

В Орловской губернии летом 1918 г. находилось 8,5 тысяч военнопленных, по данным, собранным Губпленбежем. Центропленбеж считал эту цифру в 3,5 раза заниженной и требовал точных сведений, для чего предлагалось «всякое свободное проживание военнопленных на частных квартирах немедленно пресечь <...> и водворить их в лагери»¹⁵⁷. При этом на 15 марта 1919 г. в губернии осталось 2376 военнопленных, в том числе германской армии – 208 человек, остальные – австро-венгерской армии, т. е. на 72 % меньше¹⁵⁸.

Что касается планомерного обмена¹⁵⁹ пленными, то в июле-августе 1918 г. на родину отправили 330 военнопленных-инвалидов и 126 гражданских пленнх, 9 октября с орловским эшелонем № 1 были эвакуированы 900 военнопленных австро-венгерской армии, в том числе из Орловского госпиталя и лагеря для военнопленных, Малоархангельского и Кромского лагерей¹⁶⁰. 21 октября орловским эшелонем № 2 эвакуировали ещё 1063 военнопленных¹⁶¹, всего 2293 человек, или 27 % от 8,5 тысяч. Гражданских пленнх в общей сложности было отправлено 230 человек, из них 74 – германских и 9 – турецких. Бесплатно отправили 100, остальные ехали за свой счёт¹⁶². Им выдали «удостоверительные карточки гражданского пленного, едущего одиночным порядком из России за свой счёт»¹⁶³. На этом обмен пленными закончился. Интересно отметить, что 1 и 5 ноября получили возможность уехать на родину 1,5 тысячи военнопленных австро-венгерской армии, а 17 декабря ещё более 400¹⁶⁴. Таким образом, за 4 месяца планового обмена эвакуировали на родину 2 тысячи военнопленных. И столько же пленнх за более короткий срок отправили из Орловской губернии после революции в Венгрии 30–31 октября 1918 г.

В Курской губернии из 7 тысяч¹⁶⁵ военнопленных осталось на 1 марта 1919 г. 286 человек (4 %), в том числе 5 бывших солдат германской армии¹⁶⁶.

Раньше всех в 1918 г. была приостановлена отправка турецких пленных. Так, 24 сентября 1918 г. Центропленбеж по телеграфу отдал распоряжение всем своим местным органам о «немедленной приостановке отправки всех турецких военных и гражданских пленных и установлении за ними надзора»¹⁶⁷. Но запросы с мест о том, что делать с турецкими военнопленными, продолжали поступать. Центропленбеж отвечал, что ввиду перерыва сношений с турецким правительством пленные турки не эвакуируются впредь до разрешения этого вопроса международным путём¹⁶⁸. До этого времени интересы турецких подданных в России защищало Германское Генеральное Консульство¹⁶⁹. С конца октября прекратился обмен военнопленными с Австро-Венгрией и Германией. Однако Центр совместно с Австросоветом, сместившим бывшую австро-венгерскую миссию по делам пленных, практиковали отправку австро-венгерских пленных до демаркационной линии, чтобы дальше они двигались на свой страх и риск. В обратную сторону (в Россию) двигались русские военнопленные из Австро-Венгрии¹⁷⁰. Приостановленный плановый обмен пленными не возобновлялся до 1920 г.

На начало 1920 г. на территории Европейской России насчитывалось около 19 тыс. бывших вражеских военнопленных, в том числе в шести центральных губерниях (Калужская, Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская) – менее 4,5 тыс. человек. По неполным данным Центропленбежа, собранным в январе 1920 г., количество военнопленных в Сибири было в 5 раз больше, чем в Европейской России, то есть около 100 тысяч¹⁷¹. В Туркестане находилось около 10 тысяч военнопленных бывшей германской армии¹⁷². Всего около 130 тыс. чел., что составляет 7 % от количества военнопленных, находившихся в России на начало 1918 г. Учитывая процент оставшихся на 1920 г. в Советской России (7 %), эвакуированных по обмену с конца июля по 30 октября 1918 г. (9 %), получаем 84 % выехавших самостоятельно в 1918–1919 гг. вместе с погибшими и умершими, что составило в численном выражении более 1,5 млн человек.

В начале 1920 г. Губпленбежи интересовал вопрос о том, будет ли в 1920 г. производиться эвакуация военных и гражданских пленных на родину, как поступать с военнопленными, прибы-

вавшими без разрешительных документов Центра на следование одиночным порядком на родину, можно ли отправлять военнопленных и другие губернии без разрешения Центра. В ответ Центропленбеж предписывал самовольно едущих на родину пленных направлять в концентрационные лагеря для привлечения к труду «общегосударственного значения»¹⁷³. 4 мая 1920 г. Центрэвак сообщила на места о возобновлении планомерного обмена пленными. Это сообщение было опубликовано в губернских газетах, в уездах распространили объявления. Пленным предлагалось регистрироваться для предстоявшей планомерной отправки на родину¹⁷⁴. Возобновлялась эвакуация инвалидов Первой мировой войны, всё ещё остававшихся на территории России. Например, в марте и апреле 1920 г. из Москвы отправили санитарные поезда с инвалидами бывшей австро-венгерской армии до демаркационной линии¹⁷⁵. На этот период, например, в Тульской губернии планировали отправки 708 инвалидов, среди них 78 – германской армии, 11 – турецкой, 12 – болгарской¹⁷⁶.

Здоровые военнопленные, обращавшиеся с января по июль непосредственно в местные органы Центрэвак по поводу эвакуации на родину, получали ответ, что «не было распоряжения на отставку». При этом им предлагалось вступить в Красную армию, если они не хотят трудиться по направлениям местных отделов принудительных работ. Губэваки докладывали в Центр, что военнопленные, следовавшие на родину без разрешения, они задерживают и направляют в местные лагеря принудительных работ, откуда их посылают на общегосударственные работы. Между тем военнопленные с этих работ бегут, из лагерей – тоже, бегут даже те немногие, пожелавшие было вступить в красную армию, чтобы избавиться от концлагеря. Пленные скрывались поодиночке или небольшими группами по 2–3 человека и ехали на Запад¹⁷⁷. В Брянске в августе 1920 г. милиция задержала военнопленного австро-венгерской армии Степана Тодора, «пробиравшегося из Иркутска пешком в Венгрию»¹⁷⁸. По распоряжению Центра отправки на родину в 1920 г. начались с августа¹⁷⁹. При этом на места было сообщено, что отправлению на родину НЕ подлежат следующие категории гражданских и военнопленных: «германцы польской национальности; австрийцы польской национальности;

уроженцы Галиции; уроженцы Украины; офицеры»¹⁸⁰. Из этой группы лишь инвалидов первой категории разрешалось включать в эшелоны австро-венгерских военнопленных¹⁸¹.

Красноармейцев-иностранцев стали отправлять на родину после демобилизации в 1921 г.¹⁸² Интересно отметить, что из 4600 отправленных военнопленных 46 % (2102 чел.) являлись членами РКП(б)¹⁸³. В январе 1921 г. Центрэвак запросил свои органы на местах о количестве чешских и словацких граждан, желающих выехать на родину. Например, в Воронежской губернии на этот момент было зарегистрировано 122 человека военнопленных и 24 членов их семей, кроме того, 15 гражданских пленных, всего – 161. Сообщалось, что «указанный контингент рассеян по всей губернии». Общее количество военнопленных составляло к ноябрю 1921 г. 216 человек¹⁸⁴. В октябре 1921 г. Центрэвак объявил о регистрации и эвакуации граждан Югославии – «пролетариев и полупролетариев», в порядке, установленном для германских и австрийских пленных¹⁸⁵.

Задержки объявленной отправки, злоупотребления персонала – эти негативные моменты имели место при возобновившихся в 1920 г. плановых отправках пленных. Например, в августе 1920 г. здоровых военнопленных, прибывавших в Петроград перед отправкой на родину, задерживали с целью использования их Топливным комитетом. В обоснование приводился довод о том, что военнопленные прибывают эшелонами, на которых можно было бы возить дрова в Центр, поэтому не мешает, если венгерский пролетариат окажет перед отъездом на родину помощь русскому пролетариату по топливному вопросу¹⁸⁶. В сентябре 1920 г. отъезжавшие на родину военнопленные несколько дней работали на субботниках. В течение недели 700 человек принимали участие в постройке водопровода в Петрограде, затем занимались переноской брёвен, 45 человек остались в Петрограде на более длительное время¹⁸⁷. В декабре 1921 г. военнопленных из Курганского уезда Тобольской губернии собрали в Кургане для отправки, но она всё откладывалась. При этом в городе за проживание надо было платить по 3 тыс. рублей в сутки, и военнопленные ушли по деревням на работы. Этим и воспользовался начальник местного уездэвака, отправив на родину своих родственников, когда ваго-

ны были поданы. В итоге военнопленным пришлось покупать билеты по 600 рублей, для чего надо было продать всё имущество. Когда они по пути следования обратились за продовольствием в Губэвак Челябинска, им отказали на том основании, что они едут за свой счёт, значит, «богатые» и продовольствие им не полагается¹⁸⁸.

В марте 1922 г. НКВД определило, что граждане, заявившие себя иностранцами, но документы коих признаны НКВД недостаточными для признания их таковыми, будут получать вид на жительство для граждан РСФСР. Заявившие себя иностранцами должны были обращаться в свои дипломатические представительства по поводу получения требуемых документов. Из циркуляра также следовало, что документы от иностранных представительств будут признаваться лишь в том случае, когда на них будет виза полномочного представительства РСФСР в этой стране, что будет означать выдачу документа теми, кому это положено делать¹⁸⁹.

Часть военнопленных выезжала на родину с русскими жёнами. Так, из отправленных в июне 1921 г. из Тульской губернии 19 бывших австро-венгерских военнопленных шестеро были с жёнами и детьми. «Австро-германопленных» отправляли через Латвию при посредстве международного Красного Креста¹⁹⁰, чья миссия завершилась 30 июня 1922 г., хотя, по заявлению Центрэвака, военнопленные продолжали прибывать в Москву для дальнейшей отправки¹⁹¹. При этом бесплатная отправка германских пленных советской стороной уже была прекращена с 1 марта, а австро-венгерских – с 31 августа 1922 г.¹⁹² В сентябре 1922 г. чехословацкая торгово-промышленная миссия просила Центрэвак ускорить отставку на родину военнопленных из Сибири, т. к. приближался зимний сезон¹⁹³. 11 военнопленных австро-венгерской армий, находившихся в Кубанской области, 3 месяца с лета 1922 г. ожидали отправки, уволившись и бедствуя¹⁹⁴. 7 турецких подданных ожидали отправки в сентябре 1922 г. в Воронеже¹⁹⁵. 3 января 1923 г. Представительство чехословацкой республики сообщило в НКВД, что в Киеве находятся бывшие военнопленные австро-венгерской армии: чехи, немцы, хорваты, сербы, болгары. Некоторые из них не знают, гражданами какой страны они

теперь являются. Их всех Представительство предлагало присоединить к транспорту чехословацких репатриантов¹⁹⁶.

За 10 месяцев 1922 г. (1 января – 1 ноября) через пропускные пункты прошло 2467 военных и 1563 гражданских пленных, в том числе 456 военных и 849 гражданских пленных Германии, всех вместе 4030 человек¹⁹⁷. Например, из Тульской губернии отправили 407 военнопленных из 458 зарегистрированных¹⁹⁸.

В 1923 г., за год до окончания репатриации австрийских военнопленных, в отдел управления Орловского Губисполкома обратился бывший военнопленный австро-венгерской армии Георгий Буяндрич с заявлением, что оставаться на жительство здесь он не желает. «Я не уехал в своё время потому, что когда была отправка военнопленных в 1918 г., я собрался было уехать, но меня не приняли, потому что я серб, и нам сказали, что можете уходить по работам по первому требованию. И я всё время работал при деревне Глебово Яковлевской волости Орловского уезда. Когда мне предложили уехать на родину в 1922 г., то я не уехал потому, что не управился – очень короткое было время», – сообщил Буяндрич. Через месяц после подачи заявления, 27 марта 1923 г., Г. Буяндричу сообщили, что для отправки на родину, которая производится из Москвы, он должен ехать *за свой счёт*. Одновременно другой бывший военнопленный австро-венгерской армии Пётр Яблонский с женой и дочерью, осевший в г. Ельце, заявил о желании выехать на родину (г. Черновиц, Румыния). Ему также выдали разрешение на выезд за свой счёт в Москву для отправки¹⁹⁹.

1 февраля 1924 г. в НКВД совместно с представителями ОГПУ состоялось совещание, на котором был согласован «технический порядок» окончания эвакуации вражеских военнопленных Первой мировой войны. Так, уроженцам Австрии, Чехословакии и Германии предстояло зарегистрироваться и прибыть в Москву в двухмесячный срок, неявившиеся теряли право на эвакуацию. Явка на сборные пункты осуществлялась за счёт военнопленных. Германские военнопленные могли обращаться к германским консулам. Регистрация не распространялась на уроженцев Венгрии, Югославии, Румынии, Болгарии, а также Италии, они не подлежали эвакуации²⁰⁰. По результатам совещания в Пред-

ставительства Австрии и Чехословакии и в посольство Германии были направлены ноты об окончании эвакуации. В документах констатировалось, что на территории Союза из числа военнопленных остались только единичные лица, желавшие возвратиться на родину. Союзным правительствам назначен предельный срок для получения военнопленными виз на выезд в эвакуационном порядке – 1 мая 1924 г. Пропустившие предельный срок смогут выехать в общем порядке выезда иностранцев²⁰¹.

В 1924 г. в Воронежский Губисполком обратился за разрешением на выезд на родину бывший военнопленный 45 пехотного полка австро-венгерской армии Андрей Затворницкий, поляк, попавший в плен в ноябре 1914 г. в Карпатах²⁰². В начале 1924 г. в Борисоглебском уезде Воронежской губернии ещё оставались более 40 военнопленных австро-венгерской армии, 3 турецких военнопленных²⁰³. К декабрю 1924 г. количество австро-венгерских военнопленных сократилось до 38 человек, большинство из которых имело русских жен и детей. Из них половина была согласна возбудить ходатайство о приеме в гражданство СССР²⁰⁴. В 1924 г., 6 ноября, заведующий репатриационным отделением иностранного подотдела Центрального Административного Управления НКВД Леопольд Гейзлер сопровождал до границы для передачи венгерскому представителю 24 заложников и военнопленных с семьями (80 человек)²⁰⁵.

Согласно циркуляру НКВД от 24 марта 1925 г. «О порядке выезда на родину венгерских военнопленных Первой мировой войны» военнопленные, уроженцы Венгрии должны были представить в Губисполкомы документы (регистрационную карточку органов Центризвака, национальный паспорт, присланный из Венгрии) и получить удостоверение для отправки в Москву как военнопленных. Отправка до Москвы осуществлялась за свой счёт, а из Москвы до границы – бесплатно. Выезд из Москвы должен был состояться до 15 июня 1925 г. Отдельным пунктом в циркуляре отмечалось, что бывшие военнопленные австро-венгерской армии, являвшиеся подданными Румынии, Болгарии, Югославии, отправке в порядке данного циркуляра не подлежали²⁰⁶. Выезд в эти страны бывшим военнопленным в частном порядке не поспешался²⁰⁷.

27 мая 1925 г. НКВД сообщил на места, что бывшие венгерские военнопленные, заявившие о намерении принять советское гражданство, освобождаются от гербового сбора. Ходатайства о выезде на родину от бывших венгерских военнопленных следовало принимать при условии установления их принадлежности к категории военнопленных советской милицией. Все бывшие венгерские военнопленные обязывались возбуждать ходатайства о принятии их в советское гражданство либо о выезде на родину. В противном случае они подлежали принудительной репатриации²⁰⁸.

В мае 1925 г. продолжались отъезды военнопленных в Чехословакию. Например, Антон Дробный добрался, наконец, до Москвы из Нерчинска, чтобы отсюда ехать на родину. В июле просил об отправке на родину военнопленный австро-венгерской армии Иосиф Лаутербах²⁰⁹. В 1925 г. по поводу отправки на родину обращались уроженцы Галиции, например, Янишевский Валериан Генрихович²¹⁰.

С целью доведения до конца репатриации турецких военнопленных в марте 1925 г. в Москву прибыла Турецкая репатриационная комиссия под председательством г-на Мааруф-бея. Комиссия должна была посетить места наибольшего скопления лиц, подлежащих репатриации, например, в Центральном регионе это были Орёл и Воронеж. Комиссия при наличии основания для репатриации выдавала военнопленным на местах удостоверения со сроком действия 3 месяца, аналогичные удостоверениям, выдаваемым турецким послом в Москве. Губернские Административные отделы, со своей стороны, выдавали им как репатриантам выездные визы, действительные в течение 2 месяцев. Дорога до передаточного пункта в Одессе оплачивалась советской стороной. Пропустившие сроки действия своих выездных виз и удостоверений теряли право на бесплатную репатриацию²¹¹.

Таким образом, плановый процесс обмена пленными был ввешен после заключения Брестского мирного договора в 1918 г. Обмен осуществлялся с конца июля по 30 октября 1918 г., до начала революционных событий 1918 г. в Австро-Венгрии, Германии и Турции. За этот период было отправлено на родину 9 % военнопленных от их общего количества на январь 1918 г. При

этом советской стороной неправомерно задерживалось возвращение на родину «гражданских» пленных призывного возраста, внеочередная отправка желающих ехать на родину за свой счёт, а также здоровых военнопленных. Возобновление обмена военнопленными произошло в 1920 г., после заключения соответствующих межгосударственных соглашений, когда 93 % бывших вражеских военнопленных покинули Советскую Россию в подавляющем числе случаев (до 84 %) самостоятельно, на свой страх и риск, преодолевая нейтральные полосы и демаркационные линии, либо погибли в 1918–1919 гг. в результате боевых действий и болезней на фоне хронического недоедания.

Процесс возвращения из Советской России 7 % военнопленных продолжался более 5 лет, с 1920 по 1925 г. включительно, чему способствовала политика советского руководства, направленная на задержку военнопленных призывного возраста польской национальности, галичан, украинцев, офицеров, ранее вступивших в Красную армию без принятия советского гражданства. Они, а также те, кто пытался самостоятельно покинуть территорию Советского государства, неправомерно в принудительном порядке использовались на государственных работах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Белова И.Б. Военнопленные центральных держав в годы Первой мировой войны (по материалам Калужской губернии) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005 г. – Калуга, 2005. С. 155–159; Она же. Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 42–45.

² Там же.

³ ГАКО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

⁴ Там же. Л. 9, 10.

⁵ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 1. Л. 15, 22–24, 29–33.

⁶ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2а. Д. 43. Л. 1.

⁸ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 1. Л. 25–26.

⁹ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

- ¹⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 22. Л. 41, 49.
¹¹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 19. Л. 71.
¹² ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.
¹³ Выйти из российского гражданства было труднее, чем получить его. Дела по ходатайствам о выходе с 18 ноября 1918 г. были аннулированы циркуляром НКВД от 31 июля 1919 г. С этого времени прекращался до особого распоряжения и приём новых прошений о выходе из российского гражданства (ГАОО. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 93. Л. 6).
¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 16. Л. 100–100 об.
¹⁵ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 19, 30, 33, 34, 35, 36, 38, 41, 42, 43, 48, 49, 51, 52, 54, 55, 58, 59, 61, 62, 63, 65, 66, 70, 73, 75, 76, 77, 80, 81, 82, 83; Оп. 4. Д. 25.
¹⁶ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–10; Д. 63. Л. 9–10.
¹⁷ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.
¹⁸ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 228. Л. 1–3.
¹⁹ ГАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 1. Л. 38.
²⁰ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 6. Л. 511.
²¹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 4. Л. 15, 18, 27, 50–50 об.
²² ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 1. Л. 10; Д. 2. Л. 6; Д. 3. Л. 8.
²³ Там же. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 2. Л. 11.
²⁴ ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 1а. Л. 79.
²⁵ ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 39. Л. 39–40.
²⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Л. 187 об.
²⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 14. Л. 53.
²⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 91 об.
²⁹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 9. Л. 155.
³⁰ ГАОО. Ф. Р-1687. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 12, 18, 34, 36, 37, 50–55.
³¹ ГАОО. Ф. Р-1687. Оп. 1. Д. 2. Л. 77.
³² ГАОО. Ф. Р-1687. Оп. 1. Д. 5. Л. 2, 3, 5, 14, 18, 24.
³³ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 29. Л. 7, 37; Д. 22. Л. 73.
³⁴ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 33. Л. 153.
³⁵ Там же. Д. 31. Л. 9, 11, 18.
³⁶ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 33. Л. 2.
³⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 345; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 33. Л. 39, 153; Д. 31. Л. 9.
³⁸ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 33. Л. 9, 275–275 об.; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 522. Л. 6.
³⁹ Там же. Д. 22. Л. 102.
⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 307.
⁴¹ ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
⁴² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 40, 202.
⁴³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43. Д. 123. Л. 93.
⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 96.

- ⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 221. Л. 550; Д. 224. Л. 245.
⁴⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–12; ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
⁴⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 14. Л. 38–39, 41–42, 51, 53.
⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 64–65.
⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 3. Л. 186 об.
⁵⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 22. Л. 95.
⁵¹ ГАРО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 291 (без нумерации листов).
⁵² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 29. Л. 27–27 об., 29–29 об.
⁵³ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 29. Л. 43.
⁵⁴ ГАКО. Ф. Р-85. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.
⁵⁵ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 52. Д. 82 (без нумерации листов).
⁵⁶ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 32. Л. 31.
⁵⁷ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. – М., 1968. С. 38.
⁵⁸ Там же. С. 35.
⁵⁹ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. – М., 1968. С. 392.
⁶⁰ См.: Ульянов И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 99, 106–109.
⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 17. Л. 8.
⁶² ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 6. Л. 70–70 об.
⁶³ Ульянов И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 109; Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. – М., 1968. С. 172.
⁶⁴ Всего в Первую мировую войну Русская армия взяла в плен около 2 млн солдат и офицеров вражеских армий. На начало 1918 г. количество военнопленных уменьшилось на 199 тыс. человек за счёт умерших в плену, возвращённых на родину по инвалидности и эскортированных в нейтральные и союзные страны (Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 75–77; Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери. – Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. – М., 2002. С. 630).
⁶⁵ В мае 1918 г. была организована Федерация иностранных групп РКП(б), которую возглавил Б. Кун, как руководящий орган секций РКП(б), ведущий в 1918–1919 гг. работу среди иностранцев-коммунистов на территории Советской республики. Федерация иностранных групп просуществовала до начала 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943: документы. – М., 2004. С. 10.

- ⁶⁶ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 81 (без нумерации листов).
- ⁶⁷ Там же. Д. 149. Л. 1, 2, 5.
- ⁶⁸ Коммуна. 9 декабря 1922. № 277.
- ⁶⁹ Калужский край. Сборник документов и материалов. Кн. 3. – Тула, 1982. С. 118.
- ⁷⁰ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. – М., 1968. С. 182–183, 197–201, 261.
- ⁷¹ Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. – М., 2009. С. 16.
- ⁷² Ульянов И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 101.
- ⁷³ Приказ Центроплембежа от 4 сентября 1918 г.
- ⁷⁴ Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 166–167.
- ⁷⁵ Венгерские интернационалисты... Т. 2. С. 41.
- ⁷⁶ Там же. С. 220.
- ⁷⁷ Там же. С. 60, 65.
- ⁷⁸ ГАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об.
- ⁷⁹ ГАОО. Ф. Р-1706. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 14, 41.
- ⁸⁰ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 6. Л. 572, 586.
- ⁸¹ Отчет о деятельности Венгерской группы при ЦК РКП(б) в 1919 г. (Нераспечатанное 31 декабря 1919 г.) // Венгерские интернационалисты... Т. 1. С. 263.
- ⁸² Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 2. С. 58–59, 74.
- ⁸³ Там же. С. 87–89.
- ⁸⁴ Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. – М., 1987. С. 401.
- ⁸⁵ Там же. С. 100–101.
- ⁸⁶ Сообщение Народного Комиссариата Иностранных Дел о создании Революционного Совета Германских Рабочих и солдат в Москве. 10 ноября 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М., 1959. С. 564.
- ⁸⁷ Письмо Совета бывших австро-венгерских граждан в Советской России в Центроплембеж о переходе представительств австро-венгерских граждан в руки Совета. 23 ноября 1918 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. – М., 1968. С. 188–189.
- ⁸⁸ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 4. Д. 25. Л. 37–38.
- ⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 84. Л. 10.
- ⁹⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 22. Л. 53; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 19 об.
- ⁹¹ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 74. Л. 231.
- ⁹² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 84. Л. 58.
- ⁹³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 201.

- ⁹⁴ Отчет о деятельности Венгерской группы при ЦК РКП(б) в 1919 г. Примечания // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. – М., 1968. Т. 1. С. 268.
- ⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 52. Л. 13–14, 23.
- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 246. Л. 14.
- ⁹⁷ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 85 (без нумерации листов).
- ⁹⁸ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 85 (без нумерации листов).
- ⁹⁹ Статья газеты «Főrtadalom» с призывом к иностранным трудящимся участвовать в борьбе с хозяйственной разрухой в стране Советов. 13 марта 1920 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. – М., 1968. Т. 1. С. 286–287.
- ¹⁰⁰ Посчитано по: Акт передачи картотеки бывших военнопленных Четверного союза от 9 октября 1924 г. // ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 79–80.
- ¹⁰¹ Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930. С. 75–77; Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. – М., 2002. С. 630.
- ¹⁰² Русско-Германский Дополнительный договор к Мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. 3 марта 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М., 1959. С. 174–177.
- ¹⁰³ В работе Русско-германской смешанной комиссии участвовали представители турецкого Красного Полумесяца. Болгарская делегация в работах смешанных комиссий совсем не участвовала // Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. – М., 1920. С. 121.
- ¹⁰⁴ Отчет о деятельности Всероссийского ЦИК Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян с 19 апреля по 30 сентября 1918 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Т. 1. – М., 1968. С. 170.
- ¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 30. Л. 2.
- ¹⁰⁶ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Австро-Венгрии. 25 апреля 1918 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М., 1959. С. 264–265.
- ¹⁰⁷ Ответ военного министерства Австро-Венгрии на запрос депутата австрийской Нижней палаты парламента В. Малика о положении военнопленных в России // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Т. 1. – М., 1968. С. 153.
- ¹⁰⁸ Жданов Н.А. Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 гг. // РИ. 2011. № 4. С. 64.
- ¹⁰⁹ Соглашение между РСФСР и Германией об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц обеих сторон. 19 апреля 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М., 1958. С. 459–462.
- ¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 107. Л. 88.

¹¹¹ Дополнительное соглашение между РСФСР и Германией о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных. 7 июля 1920 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 3. – М., 1959. С. 14–16.

¹¹² Дополнительное к Берлинскому соглашению между Россией и Германией от 19 апреля 1920 г. соглашение о эвакуации на родину транзитом через Латвию и Литву пленных и интернированных обеих сторон. 22 января 1921 г. // Там же. С. 489–490.

¹¹³ ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 3. Л. 9; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 190.

¹¹⁴ Договор между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Австрийской Республики, с другой. 5 июля 1920 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 3. – М., 1959. С. 12–13.

¹¹⁵ Дополнительное соглашение (7 декабря 1921 г.) к Соглашению о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных обеих Сторон, заключенному в Копенгагене 5 июля 1920 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 4. Приложение 4. – М., 1960. С. 624–629; в Дополнительном соглашении представителям обеих сторон давалось право наводить справки о пропавших без вести и умерших, запрашивать удостоверения о смерти и сообщения о местонахождении могил. Правительства брали на себя «поддержание в исправности» могил на своей территории.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 18. Л. 64.

¹¹⁷ Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел СССР Полномочному Представительству Австрии в СССР. Февраль 1924 г. № 2100 // *Документы внешней политики СССР*. Т. 7. – М., 1963. С. 137–138.

¹¹⁸ Соглашение между Правительствами РСФСР и УССР, с одной стороны, и Правительством Венгрии, с другой, о возвращении на родину военнопленных. 21 мая 1920 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 2. – М., 1958. С. 539–541.

¹¹⁹ Договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Венгрией – с другой, об обмене военнопленных и интернированных гражданских лиц. 28 июля 1921 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 4. – М., 1960. С. 242–246.

¹²⁰ Соглашение РСФСР и УССР с Латвией и Венгрией относительно содействия Латвийского Правительства при осуществлении Советско-Венгерского договора от 28 июля 1921 г. // Там же. Т. 4. – М., 1960. С. 396–399; Венгерская Советская республика (ВСР) – политический режим, существовавший в Венгрии, в период с 21 марта по 1 августа 1919 г. Первоначально правительство ВСР представляло собой коалицию социалистов и коммунистов во главе с Шандором Гарбаи, но через несколько дней Бела Кун, занимавший пост комиссара по иностранным делам, вывел из него всех социалистов. После разгрома ВСР румынскими войсками Б. Кун, М. Ракоши, Э. Герё, Т. Самуэли и др. члены правительства бежали в Австрию.

¹²¹ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Министру Иностранных Дел Венгрии Телеки. 6 августа 1920 г. // *Документы внешней*

политики СССР. Т. 3. – М., 1959. С. 89; Нота Правительства РСФСР Правительству Венгрии. 12 ноября 1920 г. // Там же. 325–326.

¹²² Примечания к Договору между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Венгрией – с другой, об обмене военнопленных и интернированных гражданских лиц от 28 июля 1921 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 4. – М., 1960. С. 778.

¹²³ Конвенция между РСФСР и Турцией о ренатриации. 28 марта 1921 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 4. – М., 1960. С. 32–34.

¹²⁴ Нота заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Турции в СССР Ахмеду Мухтару. 24 июля 1923 г.; Комментарий к Ноте Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Турции в СССР Ахмеду Мухтару. 13 августа 1923 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 6. – М., 1962. С. 397, 410–411.

¹²⁵ Примечания к Ноте Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Послу Турции в СССР Ахмеду Мухтару. 13 августа 1923 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 6. – М., 1962. С. 623.

¹²⁶ Временный Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Чехословацкой Республикой. 5 июля 1922 г. // *Документы внешней политики СССР*. Т. 5. – М., 1961. С. 441–446.

¹²⁷ Чехословацкого корпуса мятеж 1918 г. // *Военный энциклопедический словарь*. – М., 2002. Ст. 1591.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 68. Л. 4.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 17. Л. 1–2 об. 7.

¹³⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 13, 43, 63.

¹³¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 8, 12.

¹³² Там же. Л. 18–18 об.

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 68. Л. 13.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 68. Л. 22.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 16. Л. 98–98 об.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 68. Л. 37, 38; ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 12. Л. 35.

¹³⁷ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 12. Л. 361 об.

¹³⁸ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 12. Л. 64–64 об.

¹³⁹ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 61 об.

¹⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 361 об.; ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 10.

¹⁴¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 14. Л. 82; Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 85 (без нумерации листов).

¹⁴² Курцев А. Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Чернозёмного региона // *Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2011. № 3. Т. 2. С. 13. URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=21> (дата обращения: 17. 03. 2013).

- ¹⁴³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 136. Л. 1, 38.
¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 46. Л. 6–25.
¹⁴⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).
¹⁴⁶ Курцев А.Н. Миграционные процессы... С. 13.
¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 23. Л. 161.
¹⁴⁸ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 66–66 об.
¹⁴⁹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1. Л. 187.
¹⁵⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 32. Л. 9; Д. 21. Л. 3.
¹⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 43. Л. 1.
¹⁵² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 29. Л. 11, 16, 20.
¹⁵³ Там же. Л. 49.
¹⁵⁴ Нигматов В.В. Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии // Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень. Вып. 2. – Воронеж, 2004. С. 103–106.
¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 68. Л. 31.
¹⁵⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 18.
¹⁵⁷ ГАБО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 602. Л. 84.
¹⁵⁹ До начала обмена пленными в первой половине июля 1918 г. Бюро помощи германским подданным Шведского Генконсульства уведомило Орловский комитет помощи о том, что всех германских гражданских и военных пленников следует направить в Москву, в Германскую Главную комиссию по делам пленных, так как эвакуация предполагается только через Москву. В Москве для пленных было организовано Германское убежище с полным содержанием до эвакуации на родину. Через месяц, 8 июля 1918 г., Германская комиссия по делам пленных в Орле уже сообщала в уезд об эвакуации гражданских и военнопленных Германии, Турции и Болгарии через Орёл. Всех гражданских пленных из уездов Орловской губернии следовало собрать в Орле. Мужчинам 18–48 лет надлежало явиться в Германскую комиссию, иначе они превращались в дезертиров. Нежелавшие выезжать на родину теряли право на пособия. Военнопленных также предписывалось сконцентрировать в Орле. В ожидании отправки пленных собирали и распускали не один раз, в результате многих недосчитались // ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 1. Л. 76, 77, 79, 92, 120.
¹⁶⁰ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 2, 7 об, 8.
¹⁶¹ Там же. Д. 18. Л. 70.
¹⁶² ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 86. Л. 11.
¹⁶³ Там же. Д. 66. Л. 164.
¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 136. Л. 12.
¹⁶⁵ Курцев А.Н. Миграционные процессы... С. 13.
¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 602. Л. 91.
¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 570. Л. 12.
¹⁶⁸ Там же. Л. 3.

- ¹⁶⁹ Там же. Л. 31.
¹⁷⁰ Там же. Л. 289–290.
¹⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 107. Л. 88.
¹⁷² Там же. Д. 228. Л. 50.
¹⁷³ ГАБО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 30. Л. 4–5 об.
¹⁷⁴ ГАВО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.
¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 177; Д. 170. Л. 31, 32.
¹⁷⁶ Там же. Д. 166. Л. 24.
¹⁷⁷ ГАБО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 30. Л. 51, 135, 147, 161, 174, 176, 185, 186, 187, 199.
¹⁷⁸ ГАБО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 30. Л. 15, 161, 163–163 об, 175.
¹⁷⁹ См.: Венгерские интернационалисты в октябрьской революции... Т. 1. С. 344, 356.
¹⁸⁰ ГАБО. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 30. Л. 302; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 535. Л. 18, 25.
¹⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 535. Л. 37.
¹⁸² Примечания к Отчёту Венгерской секции агитпропаганды при Новороссийском комитете РКП(б) Центральному бюро венгерских секций об агитационной работе среди возвращающихся на родину военнопленных. 12 июля 1921 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. Т. 1. – М., 1968. С. 443.
¹⁸³ Из отчёта подотдела национальных меньшинств ЦК РКП(б) о работе Венгерской секции за февраль–июль 1921 г. // Там же. С. 450.
¹⁸⁴ ГАВО. Ф. Р-529. Оп. 1. Д. 479. Л. 18; Д. 475. Л. 33 об.
¹⁸⁵ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 197.
¹⁸⁶ Протокол общего собрания Венгерской секции агитпропаганды при Петроградском губкоме РКП(б). 6 августа 1920 г. // Венгерские интернационалисты в октябрьской революции... Т. 1. С. 344.
¹⁸⁷ Доклад Венгерского отдела агитпропаганды при Петроградском губкоме РКП(б) Московской конференции венгерских коммунистов о своей деятельности. 18 сентября 1920 г. // Венгерские интернационалисты... Сборник документов. Т. 1. С. 356.
¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 67.
¹⁸⁹ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 132. Л. 115.
¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 440. Л. 21.
¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 188.
¹⁹² На 15 июля 1922 г. в России оставалось около 3 тысяч австро-венгерских военнопленных (преимущественно в Сибири, Туркестане, на Кавказе) и примерно 200–360 германских // ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 390. Л. 172.
¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 297. Л. 8.
¹⁹⁴ Там же. Л. 44.
¹⁹⁵ Там же. Л. 17.

- ¹⁹⁶ Там же. Л. 97.
¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 4.
¹⁹⁸ ГАТО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.
¹⁹⁹ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 1118. Л. 202, 261, 267.
²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 327, 328.
²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 332, 333.
²⁰² ГАВО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 43. Л. 40.
²⁰³ Там же. Л. 100.
²⁰⁴ Там же. Д. 18. Л. 142.
²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 73.
²⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 53. Д. 42. Л. 338, 339.
²⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 102.
²⁰⁸ ГАВО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 18. Л. 294.
²⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 43, 149.
²¹⁰ Там же. Д. 170 б. Л. 273, 275.
²¹¹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 53. Д. 43. Л. 165, 166, 167.

Глава V

ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В 1918–1919 гг. ЦЕНТРОПЛЕНБЕЖ

С самого начала перед советской властью встала проблема обеспечения нужд нескольких миллионов беженцев Первой мировой войны. Заключение Брест-Литовского мирного договора выдвинуло на повестку дня вопрос реэвакуации беженцев.

5.1. Советы беженцев

...средства на обеспечение нужд беженцев должны быть черпаемы из государственных источников...

Из резолюции финансовой комиссии II Всероссийского съезда беженцев 19–25 ноября 1917 г. (ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–7 об).

Центральное правление Всероссийского Союза Беженцев¹, избранное на II Всероссийском Съезде Беженцев (19–25 ноября 1917 г.), направило губернским совдепам резолюции Съезда, а также свои конкретные предложения по «правильной» организации дела помощи беженцам на местах. Предлагалось назначить Комиссара по делам беженцев, который обеспечит реорганиза-

цию старых беженских учреждений на демократических началах путём проведения в городах и уездах выборов в Советы беженцев на общих собраниях². Принятые Съездом резолюции касались всех аспектов беженской проблемы. Так, в резолюции *о эвакуации* беженцев Съезд выразил уверенность, что возвращение беженцев начнётся одновременно с общей демобилизацией. Все заботы по возвращению возмёт на себя государство, включая организацию питания и медицинской помощи в пути. По прибытии на родину к «разрушенным очагам» беженцы должны получать государственную помощь (продовольственный и квартирный пайки, одежда, обувь) «до устройства своей жизни». Сопровождение беженцев будет обеспечивать Всероссийский Союз Беженцев. В резолюции *о финансировании* отмечалось, что нужды беженцев «вызваны государственной властью», поэтому средства на обеспечение этих нужд должны выделяться государством. Особое Собрание по устройству беженцев через Правление Всероссийского Союза Беженцев будет распределять эти средства между местными органами, «образованными самими беженцами». В резолюции *по земельному вопросу* Съезд обращал внимание Народных Комиссаров на необходимость предоставления беженцам права пользования землёй по месту временного проживания, учитывая «их особое, критическое бедственное положение». Одна из резолюций Съезда была посвящена вопросу детского образования и просвещения взрослого беженского населения. В ней, в частности, говорилось о том, что школа должна быть светской, и Закон Божий исключается из учебных программ. Объявлялось о необходимости бесплатного обучения детей и повсеместного открытия вечерних курсов для взрослых. В резолюции *литературной комиссии* Съезда говорилось о газете «Беженская правда», печатном органе Всероссийского Союза Беженцев, которая бесплатно рассылается во все демократические местные беженские организации³.

На местах вначале появились губернские Советы беженцев. Так, в Калуге Губернский Совет Беженцев был образован 3 января 1918 г. Председателем Совета был избран т. Бохонович, эвакуационную секцию возглавил т. Лопас, оба – беженцы⁴. Совет принял дела от ликвидировавшихся в тот период прежних досу-

ветских организаций, занимавшихся беженцами. Это Калужский Объединённый Комитет Земского и Городского Союзов по оказанию помощи беженцам, Губернское Собрание по устройству беженцев, Губернское и Городское Отделения Татьянинского Комитета, Бюро труда при Губернском Отделении Татьянинского Комитета, Центральный Обывательский Комитет Калужского Округа, из национальных организаций – Калужский Польский Комитет помощи жертвам войны, Калужское отделение Литовского Общества по оказанию помощи пострадавшим от войны, Калужский Отдел Латышского Общества вспомоществования беженцам «Родина», Калужское Еврейское Общество помощи жертвам войны. Совет взял на своё попечение 4 тысячи нетрудоспособных немущих беженцев, 11 детских приютов и 12 школ для детей беженцев, врачебно-питательный пункт на станции «Калуга». Создание Советов Беженцев в уездах происходило при активном участии Губернского Совета Беженцев⁵.

В Орловской губернии деятельность губернского Совета беженцев, например, в начале марта 1918 г., была направлена на утверждение новых норм беженских пайков, принятых губернским собранием по устройству беженцев ещё 28 ноября 1917 г., по которым продовольственное пособие составляло 40 копеек в день на одного человека, а квартирное – 13 копеек⁶. В Рязанской губернии по предложению комиссара Центрального Правления Союза беженцев Станислава Мицкевича 23 января 1918 г. были утверждены «нормы беженского довольствия для составления сметы на первую четверть 1918 г.». При этом учитывалось, что беженский продовольственный паёк приравнивался к пайку для семей, призванных в войска, который состоял из: 1 пуда 28 фунтов ржаной муки – 10 рублей; 10 фунтов крупы – 3,75 рубля; 1 фунта постного масла – 1,15 копеек; 4 фунтов соли – 0,5 рубля; всего – 15,4 рубля. Поэтому размер продовольственного пайка был установлен в 15 рублей 40 копеек в месяц на одного человека. Квартирная норма – 3 рубля в месяц на одного человека в городе и 2 рубля в селениях. На содержание приютов, убежищ и общежитий – 40 рублей в месяц на одного человека. Коечное лечение – 2,5 рубля в день на одного человека, содержание школ – 8 рублей

в месяц на одного ученика⁷. На четвертый квартал 1917 г. Рязанскому губернскому Совету беженцев было ассигновано 178251 рублей⁸.

В уездах общие собрания беженцев проводились в марте 1918 г.⁹ Параллельно создавались губернские исполнительные комитеты Советов беженцев, куда входили четыре представителя от губернского совета и по одному от каждого уездного Совета беженцев¹⁰. Создание уездных Советов беженцев рассмотрим на примере Жиздринского уезда Калужской губернии. На собрании беженцев 3 марта присутствовало 243 представителя из 10 волостей и города Жиздры. На этот период в уезде проживало более 5 тысяч беженцев, из них мужчин от 15 до 60 лет немногим более 1 тысячи человек¹¹. Открытым голосованием в уездный Совет беженцев избрали по 4 члена и 2 кандидата от белорусов, поляков, литовцев, латышей и евреев. От белорусов членами Совета стали: Степан Степанович Новыш – председатель Совета; Яков Игнатьевич Зайцев, 29 лет, беспартийный, окончил двухклассное училище; Фома Игнатьевич Пентяк, 36 лет, эсер, окончил уездное училище; Андрей Павлович Цвиевич. От поляков: Иосиф Игнатьевич Банацкий; Феликс Антонович Бельский; Казимир Станиславович Квятковский; Сигизмунд Викентьевич Витецкий. От литовцев: Альфонс Иосифович Петрашкевич; Иван Иосифович Тилиндис; Антон Карлович Малиновский; Иосиф Петрович Давгирдт. От латышей: Х.Я. Родз; Э.А. Зведер; Э.Э. Звелер; Б.П. Страуман. От евреев: Михаил Владимирович Стучковский; Давид Борисович Люстигман; Мойсей Давидович Эрбштейн; Натан Борисович Айзенберг. В Совет беженцев был включён и представитель уездного совдепа.

Вновь избранный Совет сразу же обратился в исполком Жиздринского Совета с просьбой о передаче ему арестованного имущества и денежных средств прежних организаций, оказывавших помощь беженцам (местные отделения Земско-городского и Татьянинского комитета, Польского общества помощи жертвам войны, Ковенского отдела Западно-Русского общества помощи беженцам). Во время Первой мировой войны в Жиздринском уезде было открыто 12 школ для детей беженцев (в т. ч. 3 польские)

в г. Жиздре, сёлах Людиново, Сукремль, Брынь, Песоченский Завод, Зимницы, деревнях Думиничи, Слободка, Волое, Поляное, Вёртное, Мурачёвка, которые финансировались Ковенским отделением Западно-Русского общества¹². Кроме того, в г. Жиздре был организован приют для детей беженцев, в селе Брынь – приют для детей и стариков, а в селе Ловать разместили богадельню, эвакуированную из Гродненской губернии. Теперь эти учреждения переходили в ведение Жиздринского Совета беженцев¹³.

После создания уездных Советов беженцев повсеместно начались выборы в Советы волостного уровня. Например, Людиновский временный волостной Совет беженцев сделал объявление: «Просим всех граждан беженцев: поляков, белорусов, литовцев и латышей, явиться на общее собрание в здании людиновского Народного дома во вторник 2 апреля нового стиля (20 марта) 1918 г., в 3 ч. 30 мин. для выборов членов в Волостной Совет Беженцев»¹⁴. Жиздринский уездный Совет беженцев составил инструкцию по организации волостных советов беженцев, в которой, в частности, говорилось: «В Совет не должны входить лица, ранее состоявшие на полицейских должностях, а также лица, противостоявшие новому демократическому строю <...> избранному волостному Совету беженцев будут отпускатся уездным советом беженцев средства на удовлетворение беженцев пайками, а в исключительных случаях и на оказание других видов помощи». Волостные совдепы после утверждения протоколов собрания беженцев уездным советом беженцев обязывались передать избранным волостным советам беженцев «все дела и суммы» от прежних беженских организаций¹⁵. В течение марта-апреля 1918 г. собрания в волостях Жиздринского уезда были проведены, и их протоколы поступили в уездный Совет беженцев для утверждения.

В Орловской губернии, например, в Паньковский волостной Совет беженцев Новосильского уезда, 20 марта 1918 г. единогласно избрали Вацлава Обуховича (председатель), Николая Богаля, Фёдора Соболя и Ивана Юзевчука¹⁶.

Сразу же после выборов в волостные Советы беженцев стали поступать прошения о выдаче удостоверений и экстренных отзывов для бесплатного проезда по железной дороге в так называемые

мые хлебодородные губернии. Массовая отправка уже осуществлялась с 1917 г. прежними организациями помощи беженцам при земских и городских самоуправлениях. Так, в Медынском уезде Калужской губернии после октябрьских событий, с ноября 1917 г. по 15 марта 1918 г., было отправлено 802 беженца¹⁷. Ранее Медынская горуправа на свой запрос получила ответ из Омска от 10 октября 1917 г., в котором сообщалось, что Западно-Сибирская беженская управа при Акмолинском областном комиссариате готова разместить по селениям в Алтайской губернии – 140 тысяч, в Томской – 36 тысяч, в Акмолинской области – около 15 тысяч, в Енисейской губернии (Минусинский уезд) – 3 тысячи беженцев. Сообщалось также, что распределительный пункт находится в Омске, и беженцев следует направлять до станции «Новониколаевск» Томской железной дороги, о чем заблаговременно сообщить¹⁸. Прошения об отправке в другие губернии беженцы обосновывали отсутствием продовольствия и заработков, например: «Находимся на краю голодной смерти <...> страдаем от сильного голода <...> положение с продовольствием катастрофическое <...> совершенное отсутствие работ и продовольствия <...>»¹⁹.

Советы беженцев осуществляли отправку в районы Сибири и другие губернии юго-восточного направления до июля 1918 г., когда были упразднены. К примеру, беженские семьи из Песоченской волости Жиздринского уезда Калужской губернии Макария Савошюка из 9 человек, Исаака Стельмашука из 4 человек, Фёклы Дошик из 4 человек со своим имуществом (70, 50 и 30 пудов соответственно) выехали в Оренбургскую губернию. Чуть позже туда же были отправлены семьи Никоды Тинькевича (5 человек и 50 пудов багажа) и Иосифа Зинкевича (4 чел. и 35 пуд. багажа), все из Гродненской губернии. От группы беженцев из села Сукремль был направлен в качестве ходока в Курскую губернию Ф. Макаревич «для подыскания нового места жительства». В Будской волости из с. Думиничи от 17 семей были выдвинуты 3 ходока (К. Игнатюк, А. Климович, С. Лысюк) и направлены в Томскую губернию. В течение мая–июня 1918 г. удовлетворялись ходатайства беженцев из различных волостей Жиздринского уезда и г. Жиздры о бесплатном проезде ходоков

также в Саратовскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии, Донскую Область²⁰.

Необходимо отметить, что несмотря на заключение мирного договора в Брест-Литовске, беженцы не получили возможности вернуться на родину легальным способом, а Советы беженцев со дня своего основания постоянно получали из Центра распоряжения по удерживанию беженцев на местах. Так, народный комиссар М.С. Кедров 13 марта 1918 г. телеграфировал: «Выдача разрешений на возвращение беженцев в прифронтовую полосу в настоящий момент невозможна». Распоряжение от 4 апреля 1918 г. из Москвы, от Наркома Внутренних дел Петровского и Комиссара по делам беженцев Дижбита гласило: «Ввиду катастрофического состояния наших железных дорог передвижение беженцев должно производиться только с согласия железнодорожной организации <...> Необходимо принять все меры к удержанию беженцев на местах впредь до разрешения вопроса о возвращении на родину в смешанной австро-германо-русской комиссии, которая приступит к работе после обмена ратификационными грамотами». Телеграмма московского Комиссара по делам беженцев Смольского: «Всеми силами сдержите возвращение беженцев на родину, так как немцы пока не пропускают»; телеграмма из Смоленска от председателя исполкома губернского Совета Беженцев Я. Индринсона: «Через границу немецкие власти ещё никого не пропускают. Согласно телеграмме из Орши, беженцы, прибывшие туда на свой страх и риск, находятся в безвыходном положении и голодают»²¹.

В приказе Центроппленбежа²² от 25 мая 1918 г. говорилось, что на предложение Наркомата иностранных дел от 15 апреля 1918 г. по поводу открытия границ для беженцев, скопившихся в пограничных пунктах, Германское правительство 21 апреля 1918 г. объявило согласие на пропуск лишь отдельных лиц из Варшавского генерал-губернаторства при условии наличия у них продовольствия на 3 месяца. Затем 18 мая 1918 г. немцы согласились на проезд беженцев партиями по 500 человек через каждые 2 дня в Люблинское генерал-губернаторство. Для пропуска *всех без ограничения беженцев* Германское правительство настаивало на заключении особых дипломатических соглашений. Вместо этого

Центр требовал принятия мер к недопущению передвижения беженских масс без предварительного согласования. Однако не санкционированное движение беженцев только нарастало. 30 мая 1918 г. Центропленбеж телеграфировал: «Из всех мест беженцы стихийно устремились в пограничные пункты, желая пробиться на родину. Немцы пропускают исключительно людей зажиточных, беднота скопится в приграничной полосе, создавая там катастрофическое положение <...> не давайте никаких нарядов к отправке беженцев к западным границам». 10 июня 1918 г. было объявлено о воспрещении въезда беженцев в Вязьму, Смоленск и Оршу по причине отсутствия хлеба, наличия в госпиталях 2 тысяч тифозных больных и ежедневного прибытия в город 2,5 тыс. беженцев²³.

В местные беженские Советы обращались и за пособиями. Так, в Ловатский волсовет Жиздринского уезда Калужской губернии обратилась уроженка Гродненской губернии Мария Маркевич: «<...> От мужа нет известий три месяца. У меня двое детей 2-х лет и 6 месяцев. Прошу выдать мне пособие»²⁴. Волостной Совет, пересылая прошение в уездный, сделал на нём приписку: «Гражданке Маркевич остаётся только побираться, а за большим наплывом побирающихся и своего недостатка в продовольствии подавания нет». В г. Жиздре беженка из той же Гродненской губернии Заушинская написала в своём прошении о пособии: «Муж вернулся с фронта больным, имею троих детей, до января 1918 г. получала ежемесячное пособие 10 рублей». Мальчик из Гродненской губернии Александр Цебрик просил выдать ему единовременное пособие на пропитание в пути до г. Ельца, куда его отправляли до подыскания места жительства «ввиду свирепствовавшего в Жиздринском уезде голода». Ранее он находился под покровительством досоветских беженских организаций, а теперь средств не имел²⁵. Пособия из-за недостатка средств назначали самым бедным по результатам обследования представителями Советов беженцев. При этом возникали недовольство и жалобы. Так, член Калужского Губсовета беженцев Сергей Дудич в апреле 1918 г. был обвинен беженкой из Гродненской губернии Евдокией Кохнович в получении взятки от беженца Андрея Шишко за назначение ему пособия после обследования

Дудича. Дело дошло до ревтрибунала, однако вина Дудича не была доказана²⁶.

Советы беженцев на своих заседаниях рассматривали все насущные проблемы повседневной жизни беженцев. Так, на заседании Жиздринского уездного Совета 23 апреля 1918 г. его председатель Степан Новыш доложил о получении от губернского Совета беженцев 10150 рублей на беженские пайки за прошлое время, а именно за ноябрь и декабрь 1917 г., и 65 тысяч рублей на призрение нетрудоспособных беженцев в январе–марте 1918 г. Кроме того, губернский Совет беженцев выделил для беженских приютов некоторое количество белья, одежды, обуви, которые следовало получить в Калуге. На заседании было решено увеличить оклады «учащим» (учителям) с 75–80 рублей в месяц до 200²⁷.

На следующем заседании Совета беженцев 30 апреля 1918 г. председатель ознакомил собравшихся с постановлением Наркомата Внутренних дел от 21 марта 1918 г., в пункте 22 которого говорилось о прекращении с 1 января 1918 г. выдачи казённого беженского пайка²⁸. Согласно постановлению, денежные средства предполагалось отпускать лишь на содержание беженских приютов, убежищ и школ. Сметы этих учреждений, составленные беженской организацией, «стоящей на платформе Советской власти», подлежали утверждению уездных или городских совдепов, затем губернского, а потом – беженским отделом Наркомата Внутренних дел. В случае утверждения смет денежные суммы поступали на счёт губернского совдепа для дальнейшего распределения между учреждениями через губернский и уездные Советы беженцев²⁹.

Однако, несмотря на указанное постановление, жиздринский уездный Совет беженцев с одобрения губернского Совета беженцев 11 апреля 1918 г. оставил прежним размер беженского пайка на душу в месяц (7 руб. 30 коп.) и число лиц, получающих его, до открытия в уезде, как надеялись члены Совета, достаточного количества приютов, богаделен и общежитий, где будут призреваться немущие нетрудоспособные беженцы. По просьбе Зикеевского волостного Совета беженцев постановили возобновить с 15 мая 1918 г. работу школы в д. Мурачёвка³⁰. На этом же засе-

дании была рассмотрена дополнительная смета расходов на первый квартал 1918 г. В ней на содержание школ планировалось израсходовать 11050 рублей; богоугодных заведений, эвакуированных из Гродненской губернии – 4582 рубля; на медицинскую помощь – 875 рублей; на передвижение беженцев до железнодорожной станции при переселении в производящие губернии – 5 тысяч рублей; всего – 21, 5 тыс. рублей.

На заседании 18 мая 1918 г. председатель уездного Совета беженцев известил волостные Советы беженцев о прекращении снабжения беженских организаций мукой по нарядам губернских продорганов. Предполагалось снабжение беженцев местными продорганами наравне с коренным сельским населением. Это решение значительно обостряло проблему продовольственного снабжения беженцев на местах. В связи с этим Жиздринский уездный Совет беженцев постановил в г. Жиздре организовать беженскую кооперативную лавку, но это не снизило остроту продовольственного вопроса из-за отсутствия продуктов³¹. Так, в Жиздринский уездный Совет беженцев 31 мая 1918 г. обратился священник Константин Кончевский, заведующий приютом, расположенным в селе Брынь, с просьбой сделать распоряжение об отпуске для приюта продовольствия из беженской лавки, т. к. местные продовольственные органы «ничего не дают за неимением». Было отпущено 9 пудов ржаной муки, ничего другого в лавке не имелось. При следующем обращении в беженской лавке муки уже не было «и добывать её не было никакой возможности»³². Ещё в марте-апреле 1918 г. уездный Совет Беженцев имел возможность снабжать нуждающихся беженцев мукой по 10 фунтов в месяц на каждого. Так, 11 марта 1918 г. для 230 человек в Людинове было отпущено по 6 фунтов (10 рублей за пуд). Уменьшение нормы выдачи в данном случае было связано с резко возросшим количеством нуждающихся беженцев³³. Беженский кооператив в Жиздре, созданный в мае 1918 г., просуществовал до начала 1919 г. В него входило до 1 тысячи человек. Например, Жиздринским центральным продовольственным складом в августе 1918 г. кооперативу было отпущено 90 пудов муки, по 14 руб. 40 копеек за пуд; в сентябре – 12 пудов сельди, соль, керосин, лапдрин; в ноябре – соль, сельдь, тарань³⁴.

С 1 июля 1918 г. уездные Советы беженцев были упразднены, они просуществовали всего 4 месяца. Прекратил свою деятельность и Губернский Совет Беженцев. В Рязанской губернии ликвидация Советов беженцев проходила в августе 1918 г.³⁵ В Орловской губернии губернскому Совету беженцев до своей ликвидации удалось получить от государства на содержание беженских приютов и убежищ в первом полугодии 1918 г. лишь 1/6 часть причитавшихся по смете средств³⁶.

Таким образом, прежние организации, созданные ещё в Российской империи и оказывавшие помощь беженцам в период Первой мировой войны, были ликвидированы Советской властью. II Всероссийский Съезд беженцев в ноябре 1917 г. объявил курс на сотрудничество с Советской властью и создание на демократических началах Советов беженцев, избрал новое руководство Всероссийского Союза беженцев. Съезд обнародовал широкую программу государственной помощи беженцам на местах их временного проживания, а также по возвращении их на родину, порядок и сроки их реэвакуации. С января по апрель 1918 г. были созданы Советы беженцев от губернского до волостного уровня. Они осуществляли отправку беженцев в хлеботорные губернии Сибири и юго-востока России. Однако Советы беженцев не получили возможности принять участие в возвращении беженцев на родину после выхода Советской России из войны, наоборот, центральной властью в этом вопросе Советам беженцев отводилась роль сдерживателя стихийного движения беженцев на Запад, непреодолимого в сложившихся условиях. Из остатка средств ликвидированных прежних беженских организаций Советы беженцев производили выплаты денежных пособий нуждающимся, финансирование беженских школ и приютов, через специальные беженские лавки организовали продовольственное снабжение беженцев. Однако ни один из пунктов программы II Всероссийского Съезда беженцев по государственному обеспечению беженцев Советским государством за период существования Советов беженцев выполнен не был. Кратковременность существования и ликвидация новых беженских демократических организаций в основном к июлю – августу 1918 г. свидетельствует о том, что эти организации очень скоро стали лишними в складывающейся политической системе общества нового типа.

5.2. Беженцы — граждане Советской Республики

И брат Николай было пристал к красным, но когда увидел что делается, то в землю закопал свой красный билет.

Из воспоминаний беженки Анны Ефимюк «Надо было бежать от войны» ((Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. — Белосток, 2000. С. 80).

После заключения в Брест-Литовске мирного договора с Германией в марте 1918 г. для решения проблемы возвращения на родину военных и гражданских пленных, беженцев и заложников в апреле 1918 г. в составе комиссариата по военным делам была учреждена Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж)³⁷. Беженцы подлежали ведению Центропленбежа с момента их посадки в вагоны для реэвакуации³⁸. Губернские и уездные органы этой структуры в Центральном районе Европейской России организовались в основном летом 1918 г. Оказание материальной помощи беженцам до реэвакуации в их обязанности не входило, хотя беженские пайки были отменены с 1 января 1918 г., о чём было объявлено задним числом в марте 1918 г.³⁹

К этому времени прежние досоветские беженские организации были распущены и ликвидировались Советы беженцев, созданные уже в советский период. Было распущено и Центральное правление Всероссийского Союза беженцев, избранное на II Всероссийском съезде беженцев в ноябре 1917 г., который принял резолюции «О реэвакуации», «О финансировании», «О праве пользования землёй». В резолюциях на советское государство возлагалась ответственность за дальнейшую судьбу беженцев, за проведение в жизнь специальных программ, разработанных Всероссийским Союзом беженцев, что не входило в планы центральной власти.

Беженским отделам созданных местных эвакуационных органов предстояло заниматься подготовкой реэвакуации. Например, Калужская губернская коллегия пленбежа приступила к работе

с 1 июня 1918 г. Первым её председателем стал Ян Филиппович Франковский, членами — Карл Иванович Сливко, бывший военнопленный, чех по национальности, член РСДРП с 1912 г., вступивший в РКП, возглавлявший коллегия с 27 июля 1918 г. по 8 апреля 1919 г., и Клара Карловна Лапина, член РКП⁴⁰. Первоначально в составе Губпленбежа было 8 отделов (74 сотрудника): эвакуационный, или беженский; пленных; культпросветотдел; хозяйственный; врачебно-санитарный; финансовый; секретарский и ликвидационный. Эвакуационный отдел возглавлял Я. Франковский, а затем эвакуационную часть общего отдела С. Каралис; отделом пленных руководила Софья Амброжевич, а затем Ян Суходол, бывший делопроизводитель этого отдела. Культпросветотделом заведовала К. Лапина. После апрельской 1919 г. реорганизации и сокращения на 50 % сотрудников из 8 осталось 3 отдела: общий, пленных и материально-финансовый. Возглавил Коллегию товарищ Тихвинский, членами Коллегии стали гг. Волков и Лясковская. Общим отделом стала руководить Е. Лясковская, член ППС, бывший делопроизводитель культпросветотдела. Отдел занимался беженцами и культпросветработой. Возглавил материально-финансовый отдел Фридрих Спунде, бывший начальник секретарского отдела. Надо отметить, что все делопроизводители, конторщики, регистратор Губернского Совета беженцев после его ликвидации перешли на работу в Губпленбеж⁴¹. На 1 августа 1919 г. в калужском Губпленбеже было 6 отделов: общий (Лясковская), беженский (Каралис), пленных (Родзяловский), хозяйственный (Мешков), культпросвет (Волков), бухгалтерский (Паль)⁴².

В Рязанской губернии первым председателем Коллегии Губпленбежа был назначен член Губисполкома Иван Ильич Янкин, кроме него, Коллегия состояла из секретаря и четырёх членов. К практической работе приступили с начала июня 1918 г., первоначально было образовано семь отделов, затем добавился культпросветотдел. После апрельской 1919 г. реорганизации в Губпленбеже осталось 6 делопроизводств. В августе 1919 г., когда Губернская коллегия стала управлением, начальником был назначен И.И. Янкин. Уездпленбежи также были реорганизованы, сначала в подотделы, затем в июне 1919 г. — в делопроизводства

при Совдепах с двумя сотрудниками — уполномоченными пленбежа⁴³. Тульский Губпленбеж в составе председателя Фёдора Фёдоровича Розенбаха, секретаря Альфреда Эмильевича Тейле, членов Бориса Ивановича Калинина и Петра Эдуардовича Берлина приступил к работе 7 июня 1918 г.⁴⁴

Принятые местными организациями Центропленбежа от Советов беженцев школы, приюты, убежища практически сразу были переданы в ведение Наркоматов просвещения и социального обеспечения в соответствии с Декретом СНК от 27 июля 1918 г. об уравнивании беженцев, остающихся в российском гражданстве, в отношении подведомственности с остальными гражданами Российской Республики⁴⁵. Беженцам из местностей, отторгнутых от России в силу Брестского мирного договора, декретом СНК от 15 июля 1918 г. предоставлялось право в месячный срок возбудить ходатайство перед НКВД о выходе из Российского гражданства⁴⁶. По многочисленным ходатайствам указанный срок продлялся трижды: 16 августа, 21 сентября, 22 октября 1918 г., в итоге заявления принимались до 16 ноября 1918 г.⁴⁷ Временные правила порядка выхода уроженцев Украины из российского гражданства были разработаны НКВД лишь в сентябре 1918 г.⁴⁸

Уездпленбежи были образованы с 1 июля 1918 г. Первое время из остатков средств ликвидированных Советов беженцев уездпленбежами оказывалась материальная помощь нуждающимся в виде пайков, единовременных пособий, одежды. Но оказание материальной помощи беженцам до начала их отправки на родину в компетенцию Центропленбежа не входило.

В сложившейся ситуации с первых дней возникновения в центре Европейской России уездных органов Центропленбежа беженцы стали адресовать им заявления об отправке на родину или в производящие юго-восточные губернии. До начала планомерной эвакуации уездные пленбежи помогали беженцам уехать⁴⁹. Например, в 1918 г. Жиздринский уездпленбеж Калужской губернии отправил по экстренным отзывам (бесплатно) в Курскую, Воронежскую, Тамбовскую губернии 685 беженцев. Ещё 296 беженцам были выданы удостоверения, необходимые для проезда по железной дороге, и они за свой счёт покинули Жиздринский уезд. Аналогично действовали и остальные уездпленбежи губер-

ний⁵⁰. Летом 1918 г. помогали отправлять на родину отдельные группы белорусских беженцев из Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Калужской губерний и эмисары Белнацкома⁵¹. За помощью в Белнацком обращались выселяемые из квартир беженцы, как, например, в Новосильском уезде Тульской губернии в октябре 1918 г. Белнацком пытался улаживать эти вопросы через местные совдепы⁵².

Начать эвакуацию беженцев планировалось с Северо-Западного района страны (зона первая, Пограничная). Такие центрально-европейские губернии, как Орловская, Курская, Калужская, Тульская были отнесены ко второй зоне, а Рязанская и Воронежская — к четвёртой⁵³. Сначала Центропленбеж потребовал от своих уездных органов по-новому провести регистрацию беженцев, используя бланки нового образца. Списки зарегистрированных беженцев следовало направлять в Губпленбеж на утверждение и определение очереди отправки. Документы, оформленные по старой форме, возвращали. Например, Почепский уездпленбеж Орловской губернии, отправивший в Орёл списки около 2,5 тысяч беженцев, составленные по старому образцу, получил их обратно. Между тем беженцы выражали нетерпение и недовольство. «Могут возникнуть неприятные эксцессы, если отъезд на родину будет и дальше задерживаться, так как помощь беженцам не оказывается, и они терпят острую нужду во всём», — отмечалось в отчёте уездпленбежа. Нелегально выехали 500 человек, «их не могла сдержать никакая сила <...>, приходилось им помогать, а именно: выдать пропуска, поскольку разъяснений по этому вопросу не было», — оправдывались работники местного пленбежа. Кроме того, из других районов прибывали транзитные беженцы тоже с пропусками уездпленбежей⁵⁴. Как видим, уездпленбежи помогали беженцам уехать за свой счёт.

В другом уезде Орловской губернии — Елецком смогли как исключение к 1 октября 1918 г. добиться бесплатной отправки 293 беженцев из 12,5 тысяч, находившихся там в условиях, когда «во многих деревнях домовладельцы-крестьяне повыбрасывали их с малыми детьми из своих домов на улицу, абсолютно отказали в продаже им каких бы то ни было жизненных продуктов. Полуголодные и полуголые переносят они всевозможные страдания.

Коллегия же за неимением в своем распоряжении средств, придти на помощь не может»⁵⁵.

В октябре 1918 г. из губерний Центрального реэмиграционного района⁵⁶ при активном участии польского представительства Центропленбежем было отправлено всего 6 тысяч польских беженцев: орловским и калужским эшелонами чуть более 2 тысяч, рязанским эшелонами – более 1 тысячи вместе с литовцами и белорусами, 3 тысячи поляков отправили из Москвы⁵⁷. 3 тысяч беженцев отправили в этот же период и из Воронежской губернии⁵⁸. Резэвакуация сопровождалась неоднократным переносом времени отправки, например, более 1 тысячи беженцев, отправленных в Оршу 1 октября 1918 г., перед отъездом находились в вагонах свыше 2 месяцев. Когда комендант эшелона по прибытии в Вязьму обратился в местный пленбеж за получением продовольствия для 1 тысячи человек, ему отпустили только небольшое количество чая и сахара. В Смоленске он не получил ничего, в Орше беженцам выдавали 1 раз в день суп «в виде вонючей жидкости с неразваренной пшеницей»⁵⁹.

Надо отметить, что в начале марта 1919 г. НКВД приостановил рассмотрение ходатайств о выходе из российского гражданства уроженцев всех местностей, кроме Польши и Финляндии, и аннулировал выданные удостоверения о приёме прошений. Циркуляром НКВД от 31 июля 1919 г. прекращался приём прошений о выходе из российского гражданства, а все дела по ходатайствам с 18 ноября 1918 г. аннулировались. В результате беженцы призывного возраста, пожелавшие выйти из российского гражданства, против своей воли оказались в Красной армии и стали участниками Гражданской войны⁶⁰. Уклонявшимся от этой повинности занимались ревтрибуналы, губернские комиссии по борьбе с дезертирством, а с марта 1921 г. – суды⁶¹.

Долго ожидавшие плановой отправки беженцы попадали в поле зрения всяких дельцов и аферистов, которые, пользуясь ситуацией, предлагали свои услуги по ускорению оформления отъезда за пять рублей с одного человека, кроме того, беженцам советовали дополнительно приобретать по 50 рублей какие-то «охранные листы» также для ускорения отправки. Снявшиеся с мест беженцы, уже не имевшие крыши над головой, готовы были

заплатить, лишь бы уехать⁶². Железнодорожные станции летом 1918 г. сплошь были заполнены беженцами, в том числе больными. Например, в Курске в августе-октябре свирепствовала эпидемия холеры: от трупов не успевали освобождать вагоны и пути. Затем началась эпидемия сыпного тифа⁶³. Обирали беженцев и должностные лица. Так, 16 октября 1918 г. в Орше задержали санитарный поезд с украинскими беженцами. При этом сотрудники чрезвычайной пограничной комиссии запросили за отправку поезда 1,5 тысячи рублей, потом ещё 200 тысяч⁶⁴. В сентябре 1918 г. комендант Калужского белорусского эшелона Клара Лапина, сотрудница местного Губпленбежа, не обеспечила беженцев в пути положенным продовольствием, хотя отчиталась о его выдаче. Кроме того, беженцы этого эшелона лишились ценных вещей, отданных на хранение Лапиной⁶⁵.

Конкретных сроков плановой отправки местные органы Центропленбежа заранее не знали и сообщить беженцам ничего не могли, а условия советской действительности, в которых они оказались, заставляли их действовать самостоятельно на свой страх и риск. Например, в июле 1918 г. у границы с Украиной, на территории Курской губернии, скопилось до 5 тысяч беженцев, а за демаркационной линией на расстоянии 5–6 вёрст – до 20 тысяч⁶⁶. Рязанскую губернию, плановая отправка из которой намечалась лишь в четвёртую очередь, уже к лету 1918 г. в основном самостоятельно и частично с помощью прежних беженских организаций покинула большая часть беженцев: из 73,5 тысяч, имевшихся на начало 1917 г., осталось около 15 тысяч (20 %) ⁶⁷. Рязанский Губпленбеж стал добиваться внеплановой отправки на родину всех оставшихся беженцев, мотивируя свою просьбу «критическим положением беженцев как в продовольственном, так и в квартирном отношении, когда выезд на родину есть единственное спасение от голодной смерти совершенно не получивших земли»⁶⁸. Получая отказы центра, Губпленбеж Рязани неоднократно пытался получить разрешение на отправку беженцев дальше на Восток, в более обеспеченные продовольствием губернии, но и это было запрещено⁶⁹. Тогда Губпленбеж стал добиваться санкции на выдачу удостоверений беженцам, согласным выехать из губернии за свой счёт, и снова получал отказы⁷⁰. От-

сутствие официального разрешения не мешало беженцам и дальше самостоятельно покидать территорию Рязанской губернии, спасаясь от голода. При этом Губпленбеж не успевал отвечать Центру, что не участвовал в отправке, что беженцы уезжали самовольно, несмотря на воспрещение, что они «передвигались, как частные пассажиры»⁷¹. Конкретно о 6 тысячах беженцев, якобы уехавших из Рязанской губернии в 1918 г., Губпленбеж заверил Центр, что ему об этом «ничего не известно»⁷².

По распоряжению Центра, самовольно передвигавшихся беженцев в 1918 г. снимали с поездов по пути на родину и размещали, в частности, в близлежащих к железнодорожным станциям разграбленных и пустовавших имениях (без печей, окон и дверей)⁷³. С наступлением весны 1919 г. тот же Рязанский Губпленбеж снова безрезультатно пытался в официальном порядке отправить беженцев в юго-восточные губернии⁷⁴. Летом беженцы самовольно двигались не только по железным или грунтовым дорогам, но и водным путём⁷⁵. Другая часть беженцев в это время дождалась плановой отправки, например, группа уроженцев Гродненской губернии расположилась в пакгаузах железнодорожной станции «Михайлов» и «Богоявленск». На железнодорожной станции «Сухарево» ожидали отправки 285 беженцев из Рязанского уезда. Местному уездному исполкому было предписано удалить их со станции и расселить в бывших помещичьих домах под угрозой отстранения от должности и придания суду, но дело не двигалось⁷⁶.

Из Калужской губернии в конце августа – начале сентября 1918 г. Центропленбеж санкционировал отправку на родину двумя эшелонами 1017 беженцев из Жиздринского уезда⁷⁷ в направлении Орши. Из Калуги и Калужского уезда в направлении Орши и Себежа отправили 1207 чел. в августе и 1730 в сентябре, всего 2937 чел. Из Козельского уезда 29 ноября 1918 г. отбыли на Украину 670 чел.⁷⁸, но было уже поздно, беженцев не принимали, там снова произошла смена власти. Понятно, что отправка на родину эшелонами в общей сложности около 5 тыс. чел. в 1918 г. не решила проблему эвакуации беженцев, которых в Калужской губернии оставалось на лето 1918 г. 35,7 тысяч человек⁷⁹. Кроме того, планомерные маршрутные перевозки на этом были приос-

тановлены на неопределённое время, а индивидуальная отправка беженцев была строго запрещена до особого распоряжения.

В начале 1919 г. уездпленбежи получили информацию о возможном возобновлении маршрутных эвакуаций. Это касалось лишь уроженцев Минской, Могилёвской и Витебской губерний, советских на этот период⁸⁰. Действительно, свыше 1300 беженцев из разных уездов Калужской губернии были отправлены на родину 9 марта 1919 г. Отправка проходила не без проблем. Так, в крупнейшем из уездов – Жиздринском, где расстояние от самой дальней деревни до станции отправки составляло 75 вёрст, а время в пути на подводах от 1 до 2 дней, об отъезде своевременно были оповещены 59 беженцев из 71. При посадке в вагоны беженцам полагался паёк. На складе местного уездпленбежа продовольствия не было, из Центра оно тоже не поступило. На Губпродком рассчитывать не приходилось, хотя обращение туда было направлено. В результате пришлось позаимствовать муку для выпечки хлеба, чай и сахар, поступившие на склад Губпленбежа для русских военнопленных. Эта эвакуация стала первой и последней в 1919 г.⁸¹ Постановление об очередной приостановке эвакуации было принято СНК 27 марта 1919 г.⁸²

В Тульской губернии единственная плановая отправка одного беженского эшелона в Могилёвскую губернию в 1919 г. состоялась 3 января⁸³.

Центропленбеж в 1919 г. прямо объявил своим местным органам, что «дело о эвакуации беженцев в данное время находится в очень плачевном положении, и на скорую отправку на родину нет почти никакой надежды. Комиссариат путей сообщения может предоставить для беженцев всего один эшелон в неделю». Исходя из этого предлагалось составить сметы расходов на удовлетворение нужд беженцев и представить их в Центропленбеж⁸⁴. Сметы были составлены и представлены, но этим все и кончилось. Если вопрос об оказании помощи беженцам до их эвакуации не был решён положительно в Советской России, то, например, Совпарком Советской Украины установил своим декретом от 28 марта 1919 г. семейные пайки неимущим нетрудоспособным беженцам в размере от 75 до 200 рублей в зависимости от числа едоков⁸⁵.

Между тем беспрепятственный проезд на родину предоставлялся беженцам — членам коммунистической партии, «всцело стоявшим на платформе Советской власти, для участия в созидании новой свободной социалистической России на своих родных местах», как они писали в своих заявлениях. Например, из Перемышльского уезда Калужской губернии Максим Рукша и Алексей Гарбарук отправились в феврале 1919 г. в Гродненскую губернию, а Герасим Попрцкий — в Виленскую⁸⁶. Емельян Семенов, размещённый с семьёй в Тамбовской губернии, по знакомству получил в Тамбове товарный вагон и справку о том, что он — революционер и едет в Польшу, чтобы организовать там коммунистическую партию. В справке указывалось, чтобы по дороге его вагон не останавливали и выдавали паёк. Сын беженца вспоминал, что на железнодорожных станциях беженцы в ожидании поезда сидели по три месяца, а отцовский вагон немедленно прицеплялся к поездам нужного направления. В вагоне находилась и лошадь с коровой⁸⁷.

В декабре 1918 г. в губкомы РКП(б) из Москвы, от Литовской секции РКП(б), рассылались телеграммы о мобилизации «в связи с возрастающим революционным движением в Литве всех товарищей коммунистов — уроженцев Сувалкской, Ковенской, Виленской и Гродненской губерний для создания там Советской власти <...> Время не ждёт, каждый час дорог!»⁸⁸. Основная роль в советизации советских окраин отводилась, как известно, Красной армии. Группу беспартийных беженцев из Сапожковского уезда Рязанской губернии, получивших от Бычковского сельского совета разрешение на проезд до Минска и отправившихся туда за свой счёт в январе 1919 г., остановили, как нелегалов, едущих без санкции Центра⁸⁹. При этом в Минске уже была установлена Советская власть. Распоряжением Реввоенсовета, опубликованном в Московских Центральных Известиях 26 марта 1919 г., окончательно останавливалось отправление беженцев на Запад «ввиду скопления беженцев в конечных пунктах, переполнения всех барачных и прекращение, ввиду стратегической обстановки, дальнейшего направления их в западном районе». Одновременно здесь же было помещено объявление Минского пленбежа: «Белогвардейцы привлекают на службу всех, проходящих через их фронт

и способных носить оружие, <...> переход беженцев через демаркационную линию влияет на ход военных операций <...> если беженцы будут направляться в Минск, то все они будут арестовываться и препровождаться под конвоем»⁹⁰. Главпленбеж Советской Украины предписывал удалять самостоятельно едущих на родину беженцев из вагонов и размещать их в ближайших беженских лагерях, а совдепы и особые отделы Красной армии предупреждались об ответственности за выдачу беженцам разрешений на выезд и пропусков⁹¹.

В 1919 г. при отсутствии плановой эвакуации наблюдалось повсеместное массовое изгнание беженцев из домов местных сельских жителей, которые требовали квартирную плату. По этому вопросу беженские ходоки, например, из села Инякино Спасской волости Рязанского уезда в мае 1919 г. ездили с жалобой в Москву. В ответ местным органам Центропленбежа было предложено разместить их на прежнем месте. Они, конечно, рассчитывали на отправку на родину. Вместо этого беженцев призывали в Красную армию⁹². Уездные пленбежи через волостные советы занимались улаживанием этой проблемы. К примеру, крестьяне деревни Которец Маклаковской волости Жиздринского уезда Калужской губернии выгнали из домов 5 семей (26 человек), и беженцы двинулись в Жиздру, прямо на железнодорожную станцию, чтобы их отправили на родину, в Гродненскую губернию. Со станции беженцев направили в уездпленбеж, который попытался разместить их в Милеевской волости, но и там их не приняли. В результате беженцев вернули обратно в ту же Маклаковскую волость⁹³. Аналогичные случаи отмечались, например, в Ухорской волости Спасского уезда Рязанской губернии. В мае 1919 г. беженцы получили там всего по 4 фунта хлеба на целый месяц, и когда их выгнали из квартир, они отправились на железнодорожную станцию «Проня», чтобы ехать домой. Началась переписка об обратном водворении с угрозами ревтрибуналом при невыполнении распоряжения Губпленбежа местной властью⁹⁴.

Невыдача беженцам продовольствия райпродкомами была обычным явлением. Так, в Воронежский Губпленбеж в начале марта 1919 г. обратилось до 100 и более беженцев с жалобами на отказ в выдаче продовольствия и выселение из квартир или домов.

По этой причине за 10 дней марта было выдано 55 удостоверений на 205 человек для выезда на родину за свой счёт⁹⁵. В Рязанской губернии беженцы Лужковской волости Михайловского уезда в мае 1919 г. обратились в Губпленбеж по поводу не выдачи им хлеба и отказов в жилье, вследствие чего они просили разрешение на выезд на родину за свой счёт. Как им стало известно, совдеп Скопинского уезда выдал такое разрешение беженцам, и они все вместе отправились на родину со станции «Павелец»⁹⁶.

Уроженцы Холмской и Гродненской губерний из Зарайского уезда Рязанской губернии в марте 1919 г. телеграфировали Ленину о том, что Кругловский волпродком категорически отказал им в выдаче хлебного пайка, и просили отправить их домой⁹⁷. При обращениях к «уважаемому товарищу Ленину» в ответ всегда предлагалось «принять срочные меры к снабжению беженцев продовольствием и предметами первой необходимости наравне с прочим населением». Иные Губпленбежи, в свою очередь, отвечали Центру, что с продовольствием положение кризисное, а беженцев много или прямо просили помочь с продовольствием, если отправка на родину невозможна⁹⁸.

Козельский уездпленбеж Калужской губернии 31 июля 1919 г. докладывал Губпленбежу, что беженцы не получают продуктов от местных райпродкомов за неимением таковых и по той же причине не могут приобрести их у местного населения, а заградительные отряды препятствуют привозу продуктов из производящих губерний. Сообщалось также, что беженская беднота, которой большинство, второй год не получавшая никакой материальной помощи, дошла до высшей степени нужды: «<...> питается исключительно одной зеленью в виде щавеля, крапивы и лебеды, разута и раздета <...> Беженцы возмущены тем, что 25 июля 1919 г. через Сухиничи на Запад проследовал беженский эшелон из Тамбовской губернии, а две недели назад – из Воронежской. И та, и другая губернии являются хлебобородными, люди не понимают, что происходит. Запрашивать Центральную коллегия уездным строго запрещено, поэтому запрос адресуем Губернской коллегии». 4 августа 1919 г. Козельский уездпленбеж поставил в известность Губпленбеж о том, что 2 августа через станцию «Сухиничи» проследовал уже третий беженский эшелон

(1700 человек из Тамбовской губернии). Сведения получены от коменданта эшелона. Третье уведомление из Козельска было направлено в Калугу 11 августа 1919 г.: «Объяснений отправки беженцев из хлебобородных губерний на родину не имеем. Беженцы осаждают коллегия. Слагаем с себя всякую ответственность за могущие быть выступления»⁹⁹. К примеру, в Самаре в октябре 1918 г. для удаления беженцев, добивавшихся отправки на родину, со двора местного пленбежа вызывалась конная стража¹⁰⁰.

Продкомы не выдавали беженцам продовольствие даже в те редкие дни, когда оно выдавалось коренному сельскому населению, например, в Коротоякском уезде Воронежской губернии, где проживали уроженцы Гродненской и Холмской губернии, которые жаловались в Губпленбеж¹⁰¹. В Новосильском и Алексинском, Каширском и Венёвском уездах Тульской губернии беженцы также жаловались на произвол продорганов¹⁰². В Дороховском волостном продотделе Медынского уезда Калужской губернии, например, беженской семье М. Трофимюк из 4 человек (деревня Зиновино) так прямо и сказали: «Семья ваша к коренному населению не принадлежит»¹⁰³. О «ропоте на почве голода» летом 1919 г. сообщали Людиновский и Кондрыкинский волостные совдепы Жиздринского уезда Калужской губернии¹⁰⁴. В этой ситуации Центропленбеж дал разрешение местным пленбежам «в виде исключения в особо уважительных случаях» выдавать беженцам, «являвшимся за справками из отдалённых селений», суточный рацион, который в день возвращения на родину получали русские военнопленные. Практически все беженские семьи в уезде ездили за хлебом и другими продуктами на Украину и другие губернии, несмотря ни на какие заградотряды¹⁰⁵. Согласно положению СНК от 6 августа 1918 г. Калужским Губернским продовольственным комитетом на всех железнодорожных станциях и крупных шоссежных дорогах были расположены реквизиционно-заградительные продовольственные отряды, которые реквизировали муку и зерно. Печёного хлеба можно было провезти до 20 фунтов. Только при наличии удостоверения о том, что продовольствие с Украины, разрешалось провезти 5 пудов хлеба (муки и зерна) на одного пассажира и два пуда крупы¹⁰⁶. В 1919 г. Украина была для населения главной закупочной базой, лишь

с середины 1920 г. Совнарком Украины запретил самостоятельные заготовки продовольствия и объявил о борьбе с мешочничеством¹⁰⁷.

От хронического недоедания, эпидемий люди болели и не все из них выживали. Так, по неполным данным, собранным не по всем волостям Жиздринского уезда, за период с лета 1918 по конец 1919 г. умерло около 300 беженцев, в том числе, с 1 сентября по 15 ноября 1919 г. – 88 человек (35 человек в месяц)¹⁰⁸. В других уездах, например, в Козельском, за второе полугодие 1919 г. умерло 125 беженцев (20,9 человека в месяц). Кому-то в этот период удавалось выбраться из пределов голодной губернии, а кому-то – нет. Вот сведения 1919 г. по Фоминичской волости Жиздринского уезда, которые периодически собирались для уездного пленбежа в 1919 г., о беженцах из Гродненской губернии: Дудко Корпелий Иванович (Кобринский уезд) – умер; Латипского К.А. (Слонимский уезд) дочери Софья и Михалина – выбыли по причине замужества; Яхимюк М.В. с дочерью Степанидой (Бельский уезд) – уехали в неизвестном направлении; Хлябич А.С. с семьей из семи человек – уехали; Тубай Надежда – выбыла по причине замужества; Софья Рудзь – проживает в волости. Сведения по Песоченской волости Жиздринского уезда: Земняк Евдокия – умерла; Степанюк Мария – умерла; Петерсон К.А. – выехал на родину; семья Чебурашкиных – находится в волости¹⁰⁹.

В Рязанской губернии в 1918–1919 гг., по далеко не полным сведениям, собранным по 7 уездам из 12, в которых находились беженцы, умерло 460 человек. Ясно, что в остальных уездах численность беженцев тоже сократилась, т. к. люди находились в одинаковых условиях¹¹⁰.

Местные пленбежи часто игнорировали запрет Центра на отправку беженцев в другие, лучше обеспеченные продовольствием, губернии. Учитывая, что придётся держать ответ, они старались придать своим действиям законные основания. Например, Рязанский Губпленбеж в апреле 1919 г. отправил в Воронеж ходоков от 35 беженских семей для подыскания места переселения на основании якобы «неотменённого разрешения Центральной коллегии о пленных и беженцах по поводу посылки подобного рода ходоков»¹¹¹. О каком конкретно неотменённом разрешении

шла речь, не указывалось. Ходоки заключили в Воронежской губернии трудовой договор с местным губернским управлением советскими хозяйствами, и в мае 1919 г. артель из 143 беженцев выехала из Рязанской губернии¹¹². Уездные пленбежи вопреки запретам выдавали удостоверения и даже экстренные отзывы беженцам для проезда по железной дороге в хлебобродные губернии. Например, в мае 1919 г. в г. Жиздре выдали удостоверение беженцу из Варшавской губернии Э. Гейденрейху, 38 лет, с женой, четырьмя детьми и матерью для выезда в Полтавскую губернию и вывоза имущества. В этом удостоверении указали и причину выдачи: «Все беженцы в Жиздринском уезде за отсутствием хлеба и других продуктов обречены на голодную смерть»¹¹³.

Центр требовал объяснений, например: «На каком основании без разрешения Центропленбежа был выдан экстренный отзыв на проезд от станции "Думиничи" до станции "Левчиновка" Полтавской губернии на 25 человек?». Уездпленбежи давали объяснения. Отправку до Левчиновки объяснили следующим образом: «Отзыв выдан 8 апреля 1919 г. на 25 человек и 125 пудов багажа в виду настойчиво-угрожающего требования беженцев, особенно женщин, которые обосновывали его согласием начальника станции "Думиничи" отправить их в Полтавскую губернию при наличии экстренного отзыва. Родные этих семейств проживают в Полтавской губернии и зовут их к себе, предварительно заручившись согласием местных властей. Создавшееся тяжёлое положение в Жиздринском уезде в продовольственном отношении заставило даже местное коренное население побросать свои хозяйства и отправиться на Украину (так в тексте. – И.Б.). И это ещё более озлобляет беженцев, считающих, что их парочно держат в мешке, чтобы окончательно погибнуть. Учтя все эти обстоятельства и имея в виду, что среди беженцев было 75 % детей, коллегия пошла на уступки, выдав экстренный отзыв, причём местный исполком, со своей стороны, разрешил им выезд в Полтавскую губернию... Коллегия формально нарушила распоряжение Центра, но иначе она не смогла бы разгрузить голодный уезд от проживавших в нём до 1 июля 1918 г. до 6 тысяч беженцев, а теперь их 1990 чел., зарегистрированных для эвакуации на родину»¹¹⁴.

Губернские совдепы в 1919 г. ходатайствовали перед Центром о разгрузке своих территорий от беженцев, мотивируя свои просьбы невозможностью оказывать помощь всем нуждавшимся. Денежное единовременное пособие, которое могло быть выдано собесом лишь немногим, составляло 50–80 рублей в месяц, этого могло хватить лишь на 3–4 дня¹¹⁵. Не получая разрешения на отправку беженцев, совдепы на свой страх и риск выдавали такие разрешения, по которым железная дорога выделяла места и даже вагоны, особенно если среди беженцев были семьи железнодорожников¹¹⁶.

Беженцы двигались на Запад или в юго-восточном направлении и без всяких удостоверений, просто в качестве пассажиров¹¹⁷. Всех, у кого не было разрешения Центра на проезд, предписывалось задерживать в дороге, как и в 1918 г. Власти по месту задержания должны были расселять беженцев¹¹⁸. Но где их было размещать при наличии своих беженцев и где взять продовольствие? В результате беженцев отправляли следовать дальше. Например, беженские эшелоны (3,5 тыс. человек) были задержаны возле Тулы 3 октября 1919 г. эмиссаром Центропленбежа тов. К. Цодкиным, который попытался расселить их вблизи железнодорожных станций «Белёв» и «Горбачёво», однако, вопреки его намерениям, беженцы усилиями местных властей были отправлены следовать дальше. Товарищ Цодкин не встретил поддержки даже со стороны белёвского ревкома¹¹⁹. 35 вагонов с беженцами из Самары и Симбирска без разрешительных документов добрались в мае 1919 г. до Вязьмы. Эшелон уроженцев Волынской, Холмской и польских губерний, более 1 тысячи человек, в апреле 1919 г. задержали в Смоленске. Беженцы отказались покинуть вагоны. Не подействовал и запрет выдачи продовольствия. В итоге их отправили дальше «как исключение ввиду отсутствия свободных помещений». Добравшихся до прифронтовой полосы тоже пытались возвращать. Так, в августе 1919 г. уполномоченный Центропленбежа тов. Розенгауз сообщал в Реввоенсовет Западного фронта и Центропленбеж, что возвращение беженцев, находившихся уже в пределах Западного фронта, во внутренние губернии он считает нецелесообразным и технически трудноисполнимым. По его мнению, проще было пропустить беженцев, чем возвращать их обратно¹²⁰.

Самостоятельно передвигавшихся по железной дороге беженцев Центр после принятия соответствующего решения в сентябре 1919 г.¹²¹ предписывал использовать на работах государственной важности, например, на угольных шахтах, торфоразработках и пр. Так, 6 октября 1919 г. остановленный в Орле эшелон с беженцами было предписано передать на принудительные работы. Правда, по результатам медосмотра, выявившего большое количество больных тифом и дизентерией, эшелон временно направили в изоляционно-пропускной пункт на станции «Рязжск» Рязанской губернии¹²². По-прежнему беспрепятственно следовали по железной дороге на Запад лишь беженцы, направленные Центром для «активной партийной работы»¹²³.

Как видим, в 1919 г., как и в 1918 г., вместо плановой по территориальному принципу эвакуации наблюдалось самостоятельное беженское движение, которому Центропленбеж чинил препятствия.

В 1919 г. в ответ на поток жалоб беженцев на «голод и холод» при запрете отправки на родину работники Центропленбежа продолжали рекомендовать своим местным органам принимать меры к тому, чтобы беженцы «получали обеспечивающий существование заработок и паёк, а нетрудоспособные – пособие от местных отделений Наркомтруда и Наркомсобеса»¹²⁴. Эти рекомендации заведомо являлись невыполнимыми, так как средств для обеспечения всех нуждавшихся в помощи беженцев местным отделам социального обеспечения не отпускалось, а заработков, пайков и пособий, «обеспечивающих существование», местные отделы труда предоставить не могли. В регионах охотно бы следовали советам Центра, не будь они оторваны от реальности. Советы заслушивали на своих съездах Коллегии пленбежа, которые докладывали о положении беженцев. Резолюции направлялись в Центр, но от этого положение не менялось. Так, в июне 1919 г. очередной девятый Съезд Советов в Жиздре Калужской губернии «единственной и необходимой» мерой в отношении беженцев признал их отправку на родину, считая, что «мера эта ничуть не обременит железнодорожный транспорт, а, наоборот, облегчит его, так как сократится число мешочников-беженцев, которые в силу создавшегося безвыходного положения все поголовно кур-

сируют в производящие губернии за хлебом для продовольствования голодных семей»¹²⁵.

С целью выявления хоть каких-то реальных возможностей местных органов власти по оказанию материальной помощи беженцам уездпленбежи организовывали межведомственные совещания с приглашением ответственных работников отделов социального обеспечения, земельных и трудовых отношений и других. Приведём данные по Жиздринскому уезду Калужской губернии. На одном из таких Совещаний 5 апреля 1919 г. представитель уездного отдела соцобеспечения товарищ Белов прямо сказал, что поместить детей, стариков и нетрудоспособных беженцев (это около тысячи человек) в приюты невозможно из-за отсутствия продовольствия, которого не хватает и на тех, кто там находится. По поводу пенсии Белов объяснил, что уездный отдел только назначает их, расчетные же листы оформляются в губернском центре в течение 3–4 месяцев, а то и года, «как это наблюдается теперь по отношению к инвалидам-воинам». В результате Совещание пришло к выводу, что помощь уездного отдела социального обеспечения, которая может быть оказана беженцам лишь в отдельных случаях не будет достаточной для обеспечения общей массы голодающих беженцев. Представитель уездного земельного отдела товарищ Карасёв сообщил, что в уезде уже организовано семь советских хозяйств, которые полностью укомплектованы рабочими; «свободной земли в уезде имеется в достаточном количестве, но нет ни живого, ни мёртвого инвентаря». Исходя из изложенного был сделан вывод о невозможности организации беженских коммун «за полным отсутствием живого инвентаря, недостатком мёртвого и семян», а также невозможности устройства беженцев «на советских хозяйствах, как уже обеспеченных нужным количеством рабочих». Представитель отдела труда товарищ Адамович докладывал, что биржа труда по возможности помогает беженцам с работой, но «продуктов не имеет и снабдить таковыми беженцев не может». Совещание решило ходатайствовать перед Центральной властью о *переотправке* беженцев из Жиздринского уезда в губернии, производящие продовольствие, для чего нужно «не более двух эшелонов, что не может внести особого затруднения в железнодорожные передвижения»¹²⁶.

В уездах проходили съезды беженцев, на которых присутствовали представители Губпленбежа. Здесь тоже принимались резолюции, обращенные к Советскому правительству, о немедленной продовольственной помощи беженскому населению, вынужденно находящемуся в голодной губернии, о помощи семенами и инвентарём, необходимым для создания коллективных хозяйств. Так, на съезде беженцев 5 марта 1919 г. беженский уполномоченный из Грибовской волости Жиздринского уезда Богданович говорил о том, что люди вынуждены заниматься нищенством, «но в последнее время отказывают и в этом, продовольственные органы ничего не дают, за два последних месяца на 96 душ местным продкомом было выдано два пуда овса, а между тем коренное население получает продукты более аккуратно от комитета бедноты <...> беженцам же там отказывают». Беженский представитель Минюнич из Ловатской волости и Ничипорчик из Маклаковской рассказали, что беженцев изгоняют из квартир, что от холода и голода их косит тиф, они просили не допустить «поголовного вымирания». В Яровицкой волости, по сообщению беженца Эйсмонта, на 6 человек выдали всего 20 фунтов овса ещё в августе 1918 г. Представитель беженцев города Жиздры Емельянчик напомнил, что от Совета беженцев они аккуратно получали по 10 фунтов муки в месяц на душу. С тех пор, как Совет был распущен, беженцы голодают. Емельянчик предложил выделить беженское население в «отдельную продовольственную единицу», так как приравнивание его к местному населению в отношении продовольственного снабжения несправедливо по причине отсутствия у беженцев «своего дома, скота, огорода и кое-чего из хлеба». О коллективных хозяйствах беженцев Емельянчик опять же напомнил, что когда в 1918 г. группа беженцев артелью приступила к обработке земли, то на неё обрушилось местное население, претендовавшее на эту землю – пришлось уступить. Представитель Губпленбежа товарищ Табаков, присутствовавший на съезде, в ответ сказал, что бояться таких обострений не следует, так как Советская власть «настолько сильна, что с теми препятствиями, которые будут стоять на пути к созданию коммунистических хозяйств, ведущих к социализму и признанных Совнаркомом наилучшими к поднятию культуры хозяйства, быстро справится,

как она справлялась и с другими, более тяжёлыми вопросами». Протокол собрания и резолюцию о помощи продовольствием, инвентарём и семенами Жиздринский уездпленбеж направил в Центропленбеж¹²⁷.

Беженцы направляли в Центр не только протоколы собраний, прошения, но и своих делегатов, понимая, что местные уездпленбежи не формируют маршрутные поезда для их эвакуации на родину или в хлебопроизводящие губернии. В одном из протоколов собрания беженцев Жиздринского уезда от 22 июня 1919 г., с которым два делегата отправились в Москву, к В. Ленину, читаем: «Мы шлём в Центр наши протоколы, но жизнь наша не улучшилась, а, наоборот, с каждым днём всё хуже и хуже. Местные продорганы беженское население в деревнях продовольствием не снабжают даже тогда, когда таковое выдают по два – три фунта муки местному населению <...> Если беженцы не погибли, то благодаря нищенству как на местах, так и на Украине (так в тексте. – И.Б.)»¹²⁸. В послании также отмечено, что лишь единицы из коренного населения могут «по знакомству у спекулянтов купить пуд – два ржи по 1 тысяче рублей за пуд». Люди умирают от голода и эпидемии тифа, «уносящей ежедневно по несколько жертв». Из Москвы в ответ пленбежам обычно предлагалось «на месте принять меры к точному выполнению декретов СНК об уравнивании беженцев в правах с прочими гражданами республики»¹²⁹.

В начале 1919 г. (20–21 февраля) в Калуге состоялся первый съезд уездных пленбежей, на котором обсуждалось «гибельное» положение беженцев, с 1 января 1918 г. лишённых продовольственного и квартирного пайков и всех остальных ранее существовавших видов государственной помощи, а также легальной возможности выезда за пределы Калужской губернии («в поисках продовольствия») в обстановке, когда эвакуация в другие губернии не осуществлялась¹³⁰. На съезде выступили работники всех без исключения уездпленбежей. Так, *представитель Жиздринского уездпленбежа* Ф.И. Пентяк сказал, что если не отправить беженцев в хлебородные губернии, то их ожидает голодная смерть при полном отсутствии продовольствия и приостановке эвакуации. Местный отдел социального обеспечения помо-

щи беженцам не оказывает за неимением средств, отношение населения к беженцам враждебное, имеются случаи удаления их из квартир даже в зимнее время. *Тарусский представитель* товарищ Ровинский доложил, что уездный продотдел, кроме двух пудов воблы, с лета 1918 г. ничего не выдал беженцам, которых насчитывалось более 2,5 тысяч. Из запасов ещё прежних беженских организаций удалось снабдить 200 человек бельём и 11 полушубками. Ходатайства об открытии кредита до сих пор безрезультатны. *Товарищ Глебов из Лихвинского уездпленбежа*: «Средств на оказание помощи беженцам не имеется... Вследствие голода многие из беженских семейств выбыли на свои средства неизвестно куда... Необходимо принять все меры к отправке беженцев на родину, а при невозможности выдавать им продовольствие и оказывать денежную помощь, иначе им грозит гибель <...> Все беженцы – беднота <...>». *Товарищ Толканица из Медынского уездпленбежа*: «<...> За отсутствием кредитов выдача пособий была прекращена... В связи с голодовкой многие беженские семейства выбыли за свои средства как на родину, так и в хлебородные губернии, осталась только беднота <...>». *Товарищ Андронович, Мосальский уездпленбеж*: «Никаких продуктов достать невозможно, беженцы обречены на голодную смерть <...> Во что бы то ни стало надо отправить беженцев на родину». *Товарищ Савчук, Козельский уездпленбеж*: «Оставшаяся масса – беднота, нуждающаяся в немедленной помощи. Советом беженцев ещё оказывалась помощь, но уездная коллегия пленбежа не имеет средств <...> Отношение местного населения недружелюбное». *Товарищ Попроцкий из Перемышльского уездпленбежа*: «Беженская беднота находится в отчаянном положении, т. к. не имеет ни хлеба, ни одежды, ни обуви, ни денег <...> Насчёт отправки командировали своего представителя в Губпленбеж, но все хлопоты были напрасны <...>». *Товарищ Горбатов из Мещовского уездпленбежа* сказал: «Беженцы бедствуют <...> Местные учреждения никакой помощи не оказывают <...> Без малейшего отлагательства нужно отправить беженскую массу на родину, иначе все они погибнут. Мы бессильны помочь этим несчастным и безвинным жертвам войны». *Товарищ Сорокин из Боровского уездпленбежа* отметил, что в отношении беженцев уездпленбеж «выполняет лишь канцелярскую работу».

Представитель г. Калуги и Калужского уезда высказал опасение, что при создавшемся положении «если не пустить в ход агитацию впредь до отправки на родину, то будем иметь в лице беженцев явных контрреволюционеров и врагов Советской власти». Однако все остальные выступавшие по поводу проведения политической агитации среди беженцев высказались в том смысле, что разбросанность беженцев по деревням, между которыми большие расстояния, делает эту задачу практически невыполнимой. Председатель коллегии Губпленбежа товарищ Сливко предложил одобрить резолюцию в адрес Центропленбежа «о срочном и принципиальном разрешении наболевшего вопроса об отправке на родину или снабжении беженцев самым необходимым». Другую резолюцию о культпросветработе предложил товарищ Денисов, представитель культпросветотдела Губпленбежа. В своём выступлении по этому вопросу он говорил о клубах для беженцев с библиотекой, читальней, кружками, буфетом с дешевым чаем, которые появятся во всех уездах в самом скором времени, чтобы «вытащить беженцев из тесных, душливых каморок», и призвал уездпленбежи «путём агитации распространять идею коммунизма в беженской среде, несмотря ни на какие трудности» ибо наблюдается «разрастание революции в Германии, Англии, Франции и других странах»¹³¹.

Председатель Губпленбежа во второй, заключительный, день съезда сообщил о том, что «советское правительство, идя навстречу беспомощному беженцу, издало 28 января 1919 г. декрет, который даёт возможность беженцу прожить спокойно до выезда на родину». Действительно, этот декрет об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим эвакуации¹³², по сравнению с декретом СНК от 21 июня 1918 г., выглядел более прогрессивным в социальном плане. В нём на Центропленбеж в отношении беженцев, не получивших ещё возможности тронуться в путь и остающихся на местах временного водворения, возлагалось хотя бы «наблюдение за осуществлением и целесообразностью относящихся к беженцам мероприятий и т. п., а в случае отказа в таковых или их безуспешности – самостоятельное проведение в жизнь мер служащих целям оказания беженцам всех видов материальной и ду-

ховной помощи». Отдельным пунктом отмечалось, что расходы должны быть отнесены на средства государственного казначейства, а право «испрашивать» кредиты предоставлялось Центропленбежу. Что же касается упомянутого выше декрета от 21 июня 1918 г., то в нём на Центропленбеж возлагалось попечение о беженцах лишь с момента их эвакуации. К сожалению, декларативный характер декрета от 28 января 1919 г. скоро стал очевидным, т. к. кредиты «испрашивались», но не отпускались.

При этом значительные средства отпускались из секретного фонда, находившегося в распоряжении В.И. Ленина, на коммунистическую пропаганду и координацию революционных сил. Этим нелегально занималось Полномочное представительство Советской России, открытое в Берлине, после заключения Брестского мира. В 1918 г. Зиновьев в одном из выступлений сказал, что большевики «ассигновали несколько миллионов на поддержку интернационалистической агитации в Европе». Ленин умолял не жалеть на это дело денег и платить за проделанную работу «архипедеро»¹³³. Исполком Коминтерна, базировавшийся в Москве, в 1919 г. организовал свои бюро за рубежом для создания там коммунистических партий. Бюро были созданы в Баварии, Венгрии, Скандинавии, на Украине, затем в Германии и Голландии и финансировались Москвой. На это расходовались огромные по тем временам средства¹³⁴. Золото, валюту, драгоценности, антиквариат можно было употребить на закупку продовольствия для голодающего населения, коренного и пришлого. Но большевики занимались подготовкой мировой революции. Так, Ленин в 1918 г. предложил в каждом российском зернохранилище создать «особый фонд, запас, предназначенный для питания германских рабочих», которых большевики считали авангардом европейской революции¹³⁵.

В мае-июне 1919 г. состоялись два межведомственных совещания губернского уровня. 30 мая 1919 г. Губпленбежем в Калуге было созвано совещание для обсуждения вопроса помощи беженцам. Численность беженцев в губернии, по данным секретаря т. Лясковской, составила 18 тысяч 800 человек, остальные уехали нелегально. Социальная помощь почти не оказывалась, в некоторых уездах беженцы не получают продовольствия наравне со

всеми, не имеют работы, отмечались случаи голодной смерти. В губернии есть волости, которые считаются «самокормящимися» и поэтому не получают продовольствия вовсе. С августа 1918 г. Губпленбежу удалось отправить лишь 5 с лишним тысяч беженцев. Из Центра каждый день поступают распоряжения об удержании беженцев на местах самыми решительными мерами. Представители отдела труда т. Понёвко и отдела социального обеспечения т. Богомолов отметили, что большими средствами не располагают, единовременные пособия выдаются в небольшом количестве. На первое полугодие 1919 г. был получен кредит всего на 24 тысячи рублей. Член Губпленбежа тов. Спунде отметил, что по декрету 28 января 1919 г. Губпленбеж имеет право помогать беженцам, однако на это до сих пор центром не отпущено средств¹³⁶.

На Губернском межведомственном совещании от 30 июня 1919 г., посвященном всё тому же вопросу обеспечения беженцев, председатель Губпленбежа тов. Тихвинский отметил, что райпродкомы не удовлетворяют беженцев продовольствием. Беженская масса представляет собой нетрудоспособную бедноту. Совещание постановило передать оказание материальной помощи беженцам до момента их реэвакуации Губернской коллегии по делам пленных и беженцев. Был одобрен проект сметы расходов¹³⁷.

Второй съезд уездных пленбежей был созван в Калуге 8 сентября 1919 г., через полгода после первого. На этот раз на съезд были приглашены делегаты от беженского населения. На съезде присутствовало немало руководителей губернского уровня. Это начальник Губпленбежа, его заместители и заведующие отделами (Тихвинский, Лясковская, Войцехович, Каралис, Волков), представители Госконтроля (Ерёменко, Благовещенский), отдела соцобеспечения (Соколов), председатель Губкома РКП (Петров). Цель съезда, как отметил товарищ Тихвинский, состояла в том, чтобы «осветить со всех сторон вопрос оказания материальной помощи беженцу». Вначале заслушали доклад о текущем моменте председателя Губкома РКП Петрова, который говорил, что Советская власть заботится о беженцах. В чём конкретно выражалась эта забота, он не отметил, зато сказал, что приют беженцев

в губернии надо принять за счастье, т. к. «беженец, пребывая здесь, заражается болезнью времени – большевизмом... разносит бациллу большевизма и проповедует восстание против гнёта эксплуатации капиталистического строя <...> ускоряет происходящие разрушения буржуазной государственности»¹³⁸. Реальность же была такова, что беженцы в массовом порядке заражались другой болезнью времени – сыпным тифом, при котором отмечалась высокая смертность¹³⁹. Товарищ Петров призвал съезд «развить среди беженцев энергичную пропаганду идей коммунизма».

Заведующий эвакуационной частью (отделом беженцев) Губпленбежа товарищ Каралис ознакомил съезд с содержанием своего очередного отношения от 5 августа 1919 г., адресованного Центропленбежу, в котором говорилось: «Согласно словесным обещаниям, данным Центропленбежем представителям Губпленбежа товарищам Тихвинскому и Кузнецову, отправить беженцев, Губернская коллегия до сего времени уговаривала беженские массы, со скандалами требующие отправки на родину... уговаривать беженцев в дальнейшем коллегия не в силах, т. к. требования принимают угрожающий характер, ибо беженцы в пределах Калужской губернии *голодают* в полном смысле этого слова... просим предоставить как можно скорее хоть два эшелона на Калужскую губернию или прислать за вашими подписями извещение, будет ли отправка в текущем году, чтобы мы беженцам его показывали, т. к. при создавшихся условиях Губпленбеж не может работать и бороться с голодной беженской массой». В постановлении записали, что до сих пор кредит на материальную помощь беженцам до их реэвакуации не отпущен, хотя 12 июля 1919 г. в Центропленбеж была отослана смета расходов на эту помощь. Надо отметить, что вопрос оказания государственной помощи беженцам Первой мировой войны до их реэвакуации через органы Центропленбежа не был решён положительно¹⁴⁰.

Поскольку положение беженцев во всех уездах было одинаково бедственным, заслушали не всех, а только половину беженских представителей. Все выступавшие говорили о положении беженцев как о катастрофическом. О культпросветработе пленбежей среди беженцев докладчик по этому вопросу товарищ Волков сказал только, что клубы для беженцев с кружками, биб-

днотеккой и пр. не устроены, как планировалось ранее, и сослался на «упадок экономических сил страны». В резолюции, направленной в Центр, говорилось что съезд «видит единственный выход из создавшегося положения в скорейшем переходе материального обеспечения всех беженцев империалистической войны от отделов соцобеспечения к управлениям пленбежа». Кроме того, высказывалась необходимость открытия детского приюта для сирот в Калуге при Губпленбеже; использования для нужд вдов, сирот и неспособных к труду продовольствия и одежды, поступающих на склады пленбежей для русских военнопленных. Высказывание Председателя калужского Губкома РКП о «бацилле коммунизма» и «заботе Советской власти о беженцах» явно не соответствовали настрою съезда, отражавшему крайнюю озабоченность по поводу отсутствия материальной помощи беженцам со стороны государства.

Как видим, местные органы Центропленбежа были вынуждены признать, что беженцы находятся в крайне тяжёлом материальном положении, а сами они ничем не могут им помочь. При этом сверху активно внедрялась установка на проведение местными органами Центропленбежа действенной политической агитации в духе коммунизма в беженской среде, то есть Центральная власть, лишив беженцев материальной помощи, пыталась заменить её своим «печатным словом» и требовала нести его беженским массам.

*
* *

Беженцев пытались удерживать в голодных губерниях центра Европейской России в то время, когда оттуда буквально бежало коренное население. На время Первой мировой войны переселение за Урал на зачисленные земли было приостановлено, но во второй половине 1917 г. туда самостоятельно двинулись многие демобилизованные вместе с семьями. К концу 1917 г. и в начале 1918 гг. это движение возросло, кроме того, за Урал направились новые переселенцы, в том числе фабрично-заводские рабочие, оставшиеся без работы, которым правительство оказывало по-

мощь, а также беженцы Первой мировой войны. Ехали и просто за хлебом, который в Сибири был дешевле в 10 раз в городе и в 25 раз в деревне¹⁴¹.

В этой ситуации Советское правительство 6 марта 1918 г. направило всем Советам циркуляр № 1 по Переселенческому управлению, предписывавший удерживать население от переселения куда бы то ни было, а с 1 апреля 1918 г. в условиях нарастания стихийной переселенческой волны Наркомвнудел распорядился о запрещении выдачи местными Советами переселенческих удостоверений¹⁴². Однако до свержения Советской власти за Уралом в начале лета 1918 г., с января по май включительно, за Урал проследовало, по одним данным, около 175 тысяч самостоятельных переселенцев¹⁴³, а по другим – 200 тыс. переселенцев¹⁴⁴.

О вынужденном самостоятельном переселении из центрального региона в производящие регионы, иногда неоднократно, известно из воспоминаний многих беженцев-уроженцев Гродненской губернии. Так, Ян Леонович из Белостока отмечал, что в 1917 г. семья его родителей переселилась на Украину из Калуги. Члены семьи Николая Пташинского, размещённые в Москве, в голодном 1918 г. систематически выезжали на Украину за продуктами, а в 1919 г. семья окончательно переехала на Украину, чудом сумев доехать на крыше товарного вагона¹⁴⁵. Беженская семья Зинаиды Недзельской из Белостокского уезда самостоятельно переселилась из Москвы на Украину, где, по её выражению, «советы не успели ещё всё отобрать и разрушить»¹⁴⁶. Семья Ивана Белокозовича самостоятельно переехала в Тобольскую губернию¹⁴⁷. Ещё одна гродненская семья Лукаша Цара, размещённая в Воронеже, переселилась тоже в Сибирь¹⁴⁸. Анисим Троц с семьёй из Курской губернии от революционных невзгод переехал в Пермскую губернию¹⁴⁹. Семья Фёдора Петровского, состоявшая из 7 человек, из Ярославской губернии переехала в Воронежскую, где было сравнительно лучше с продовольствием¹⁵⁰.

Весной 1919 г. местные Губисполкомы стали обращаться к правительству за помощью неорганизованным переселенцам¹⁵¹. Орловский Губземотдел в апреле 1919 г. сообщал, что в губер-

нии, особенно в Брянском уезде, наблюдается самовольный и беспорядочный уход крестьянского населения в губернии За-волжского района с целью поселиться там на новых землях. При этом распродают или забрасывают хозяйства. Всё это происходило несмотря на «широкое оповещение» населения о том, что «самовольное переселение может окончательно расстроить транспорт, что самовольцы обречены на голодание» и им следует «терпеливо ожидать начала правильно поставленного переселения и не ломать своих, может быть, и бедных, но всё же насыженных хозяйств»¹⁵². Беженское население осаждало уездные пленбежи, прося отправить их в хлебопроизводящие губернии. Статьи и обращения власти к «земледельческому населению о том, что не стоит торопиться с переселением "на окраины", что в данное время оно не возможно и надо терпеливо ожидать, что «сплавить голодных крестьян в Сибирь, дабы они поменьше заглядывались на помещичьи земли в Европейской России», хотела царская власть, которая теперь свергнута, не действовали в условиях голода и разрухи»¹⁵³. В результате правительство объявило об открытии планомерного переселения, но только из северных губерний в южные производящие районы и Донскую область. Предлагалось переселять рабочих и деревенскую бедноту, членов сельских коммун, сочувствующих ведению хозяйства на коллективных началах¹⁵⁴. Наркомзему на эти цели было выделено 10 млн рублей¹⁵⁵. Беженцы и «неорганизованные передвигающиеся массы» переселению не подлежали¹⁵⁶. Центропленбеж категорически запрещал уездпленбежам «давать наряды и пропуска беженцам» без разрешения, угрожая судом Ревтрибунала¹⁵⁷. В итоге переселением в 1919 г. было охвачено всего лишь 9 тысяч человек¹⁵⁸.

Сравнивая результаты санкционированной эвакуации и стихийного беженского движения в 1918–1919 гг. из шести центрально-европейских губерний, надо отметить, что ещё до образования уездных органов Центропленбежа самостоятельно и с помощью досоветских беженских организаций и Советов беженцев, созданных (и ликвидированных) в советский период, выехало около 200 тысяч из находившихся там на начало 1917 г.

400 тысяч беженцев. С разрешения Центропленбежа, по инициативе его местных органов, как исключение, в особых случаях сверхкритического положения беженцев в продовольственном и квартирном отношениях, из отдельных уездов было эвакуировано около 15 тыс. (7,5 %) беженцев, свыше 70 тыс. (35,5 %) выехали самостоятельно или погибли от голода и болезней в местах временного проживания. К началу 1920 г. из двухсоттысячного (100 %) беженского состава на момент образования уездных органов Центропленбежа в регионе продолжали оставаться около 114 тысяч (57 %) беженцев¹⁵⁹.

Таким образом, после заключения Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. российскому руководству предстояло заняться организацией эвакуации находившихся на территории Советской России не только пленных, но и беженцев, для чего к концу апреля 1918 г. была создана специальная организация – Центропленбеж, а в июне–июле – большинство её органов на местах. Для начала в марте 1918 г. НКВД объявил о лишении беженцев с января 1918 г. государственных пособий. Что касается предоставления беженцам возможности коллективной обработки земли, то это оказалось практически невозможным из-за отсутствия на местах сельскохозяйственного инвентаря и посевного материала.

В июле 1918 г. уроженцы местностей, которые в силу Брест-Литовского мирного договора уже не принадлежали Российской Республике, получили разрешение ходатайствовать о перемене гражданства, для этого был установлен всего лишь месячный срок. По многочисленным жалобам, обращениям и протестам он несколько раз отодвигался, каждый раз на один месяц, до 16 ноября 1918 г., а затем выход из российского гражданства был приостановлен и вскоре прекращён. Одновременно декретом от 27 июля 1918 г. всех не подавших ходатайств о выходе из российского гражданства в установленный месячный срок, уравнивали с российскими гражданами. В результате вместо отправки на родину беженцы наравне с коренным населением призывались в Красную армию, куда они не стремились, что выяснилось уже в период её формирования на добровольной основе.

Из шести Центральных губерний Европейской России, в которых было размещено немногим более 400 тысяч беженцев, половина выехала в 1918 г., до образования уездных органов Центропленбежа, самостоятельно или с помощью прежних беженских организаций. Из оставшихся 200 тысяч (100 %) централизованная отправка в случаях особо критического положения беженцев, по заключению Центропленбежа на основе ходатайств с мест, в 1918–1919 гг. составила всего около 15 тысяч человек (7,5 %); 71 тыс. (35, 5 %) беженцев самостоятельно покинула территорию региона или стала жертвой голода и болезней. На начало 1920 г. в центральноевропейских губерниях оставалось 114 тысяч беженцев (57 %).

Центропленбеж противодействовал самовольному отъезду беженцев, что шло вразрез с местными интересами и возможностями, поэтому вместо размещения на своей территории беженцев нередко отпускали следовать дальше. С сентября 1919 г. задерживаемых беженцев в принудительном порядке стали отправлять в разные концы страны на различные работы, нужные Советской Республике. Не чинили препятствий в отъезде на родину лишь беженцам-членам коммунистической партии, имевшим поручения по участию в укреплении власти Советов, установленной усилиями Красной армии. Беженцы, которые не имели возможности самостоятельно покинуть голодные центральные губернии, в первую очередь становились жертвами эпидемий и голода. Они выживали лишь за счёт мешочничества и нищенства, систематически выезжая в производящие районы, преимущественно на Украину. Центральная власть в январе 1919 г. пообещала помощь, Центропленбеж распорядился о составлении на местах смет расходов на поддержку беженцев. Губпленбежам были обещаны кредиты. Однако обещания так и остались обещаниями.

Обозначившееся с середины 1917 г. самостоятельное движение за Урал как на зачисленные, так и на новые земли, в начале 1918 г. приняло массовый характер. В центральноевропейских губерниях участниками стихийного переселения за Урал стали как коренные жители, так и пришлое крестьянское население, размещенное здесь в период Первой мировой войны. Стихийно

возникший переселенческий процесс имел объективные причины, и запретительные меры государства не смогли его остановить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Всероссийский Союз Беженцев был создан решением Всероссийского Съезда Беженцев в сентябре 1917 г. Председателем и секретарем Бюро Союза стали латышские большевики Я. Рович и А. Дижбит // *Бартеле Т., Шалдо В. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны* // ОИ. 2000. № 1. С. 19.

² ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

³ Там же. Л. 6–12.

⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 287 об.

⁵ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 45, 55.

⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 8. Л. 1а–2.

⁷ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 239.

⁸ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 244.

⁹ ГАОО. Ф. Р-1840. Оп. 1. Д. 3. Л. 70.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–5 об.

¹¹ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 26.

¹² ГАКО. Ф. Р-2019. Д. 5 (без нумерации листов).

¹³ Там же. Д. 3. Л. 1 об; Д. 12. Л. 187 а.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 270.

¹⁶ ГАОО. Ф. Р-1840. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-1805. Оп. 1. Д. 1. Л. 230–230 об.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 29 (без нумерации листов).

²⁰ Там же. Д. 29.

²¹ Там же. Д. 1. Л. 18, 20–22.

²² Центральная Коллегия о пленных и беженцах (Центропленбеж) была учреждена Декретом СНК 23 апреля 1918 г. для согласования, объединения и направления деятельности всех учреждений и органов, ведавших делами о военнопленных, гражданских пленных, заложниках и беженцах // *Декреты Советской власти. Т. 2. – М., 1959. С. 165–167; о Центропленбеже см. подробно в следующем параграфе.*

²³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 62, 66, 68.

²⁴ Там же. Д. 9 (без нумерации листов).

²⁵ Там же.

²⁶ ГАКО. Ф. Р-819. Оп. 3. Д. 76. Л. 1, 2, 4, 8.

²⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

²⁸ Постановление было утверждено наркомом внутренних дел Г.И. Петровским 4 апреля 1918 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 4.

³¹ Там же. Д. 3. Л. 41.

³² Там же. Д. 7. Л. 6, 7, 12.

³³ Там же. Д. 30 (без нумерации листов).

³⁴ ГАКО. Ф. Р-2020. Оп. 1. Д. 1, 2 (без нумерации листов).

³⁵ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 68 об.

³⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 8. Л. 8–8 об; 21–22.

³⁷ Декрет об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 23 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. – М., 1959. С. 165–167. Согласно декрету, в ведение Центроппленбежа, кроме военнопленных и беженцев, перешли гражданские пленные и заложники. Коллегия назначалась СНК и имела право доклада непосредственно СНК. Решения Центральной коллегии были обязательны для всех ведомств РСФСР. В составе коллегии были утверждены: И.С. Уншаков, Н.С. Тихменев, Р.М. Радек, И.И. Ульянов и М.М. Луцкий. Центральная коллегия имела в своём составе следующие отделы: 1) административный (заведование военнопленными и гражданскими пленными в России); 2) отдел по размену пленными и беженцами (части: санитарно-эвакуационная, регистрационно-статистическая, железнодорожно-транспортная); 3) правовой отдел; 4) отдел снабжения и продовольствия; 5) отдел помощи русским военнопленным за границей; 6) отдел о беженцах; 7) финансовый отдел и 8) управление делами Коллегии // Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 2 июня 1918. № 1. С. 2.

³⁸ Декрет в дополнение декрета об учреждении Центральной коллегии по делам пленных и беженцев. 21 июня 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2. – М., 1959. С. 462–463.

³⁹ Постановление НКВД от 21 марта 1918 г. // ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–31.

⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 2 (без нумерации листов); Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

⁴¹ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 45–58.

⁴² ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 10–10 об.

⁴³ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 51 об–52, 64–66.

⁴⁴ ГАОО. Ф. Р-1840. Оп. 1. Д. 11. Л. 132.

⁴⁵ Декрет об уравнивании беженцев, остающихся в российском гражданстве, с остальными гражданами Республики. 27 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3. – М., 1964. С. 103–104.

⁴⁶ Декрет о выходе некоторых категорий лиц из российского гражданства. 15 июля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 3. – М., 1964. С. 18–19. Декрет был опубликован в «Известиях» 16 июля 1918 г., № 148.

⁴⁷ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–16 об; см. также: *Фельштинский Ю.Г.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной политики. – М., 1991. С. 70, 123.

⁴⁸ Известия Калужского Губернского исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 28 ноября 1918. № 246.

⁴⁹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 69 об; *Лахарева Н.В.* Резьвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). – Курск, 2001. С. 64–65.

⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 187 а.

⁵¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 40, 49, 87, 89, 93, 112, 115–118, 125–126, 129, 156, 167–171, 174, 176, 252.

⁵² Там же. Д. 47. Л. 335.

⁵³ Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 2 июня 1918. № 1. С. 7.

⁵⁴ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–5 об.

⁵⁵ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

⁵⁶ Центральное резмиграционное управление было создано в августе 1918 г. Представительством Регентского Совета Королевства Польского в России для содействия беженцам – польским гражданам в деле резмиграции. Было организовано 5 резмиграционных районов: Северный с центром в Петрограде, Центральный (Москва), Юго-Восточный (Самара, временно Саратов), Восточный (Екатеринбург, временно Челябинск), Сибирский (Томск) // ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 42. Л. 5–7.

⁵⁷ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 29–29 об.

⁵⁸ Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 27 октября 1918. № 16.

⁵⁹ Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 3 ноября 1918. № 17.

⁶⁰ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 18. Л. 59.

⁶¹ Постановление Совета обороны о борьбе с дезертирством. 25 декабря 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. С. 254–256; Постановление Совета обороны о предоставлении губерньским комиссиям по борьбе с дезертирством прав революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров по делам дезертиров. 13 декабря 1919 г.; Постановление Совета обороны о предоставлении уездным комиссиям по борьбе с дезертирством права наложения наказаний на укрывателей дезертиров // Декреты Советской власти. Т. 7. – М., 1974. С. 22–23; Постановление ВЦИК и СНК о направлении в народные суды всех дел о военном дезертирстве, пособничестве, попустительстве и укрывательстве // Декреты Советской власти. Т. 13. – М., 1989. С. 10–12.

⁶² ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 3. Л. 161–162.

⁶³ *Лахарева Н.В.* Резьвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). – Курск, 2001. С. 71, 95.

- ⁶⁴ Там же. С. 34.
- ⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 39. Л. 2–4; ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 8. Л. 112.
- ⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 69. Л. 5–6.
- ⁶⁷ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 88.
- ⁶⁸ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 18. Л. 12, 33–33 об.
- ⁶⁹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 8, 14.
- ⁷⁰ Там же. Л. 17, 23.
- ⁷¹ ГАРО. Ф. Р-1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 235.
- ⁷² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 40–40 об; Д. 11. Л. 50.
- ⁷³ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 21–21 об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 100.
- ⁷⁵ Там же. Д. 54. Л. 72, 81.
- ⁷⁶ Там же. Д. 11. Л. 226, 267, 323–324.
- ⁷⁷ По другим данным – 1190 чел.
- ⁷⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 64.
- ⁷⁹ Красный октябрь. 1917–1920. Калуга, 1920. Т. VIII. С. 2.
- ⁸⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 2–3.
- ⁸¹ ГАКО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
- ⁸² Постановление СНК о приостановке эвакуации в Латвию, Литву и Белоруссию. 27 марта 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. С. 656.
- ⁸³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов).
- ⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 34.
- ⁸⁵ ГАБО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
- ⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 17.
- ⁸⁷ Семенов И. Бегство от беды // Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 234.
- ⁸⁸ ГАДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.
- ⁸⁹ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 64–64 об.
- ⁹⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 31.
- ⁹¹ ГАБО. Ф. Р-1266. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–3 об, 13, 70.
- ⁹² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 102. Л. 108, 198–199.
- ⁹³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 213–227.
- ⁹⁴ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 120.
- ⁹⁵ ГАВО. Ф. Р-1987. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.
- ⁹⁶ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 190; см. также: Лахарева Н.В. Резьвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). – Курск, 2001. С. 67.
- ⁹⁷ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 54. Л. 45.
- ⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 202. Л. 37, 59, 60, 104, 108, 139 об.
- ⁹⁹ ГАКО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 1. Л. 100–102.

- ¹⁰⁰ Доклад эmissара Белнапкома Саратовской губернии т. Степаниока // ЦАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 128. Л. 28–29.
- ¹⁰¹ ГАВО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.
- ¹⁰² ГАОО. Ф. Р-1840. Оп. 1. Д. 15. Л. 56; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 877 (без нумерации листов).
- ¹⁰³ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 51 (без нумерации листов).
- ¹⁰⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 15. Л. 2 а, 5 а.
- ¹⁰⁵ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 188.
- ¹⁰⁶ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 11. Л. 403.
- ¹⁰⁷ Давыдов Ю.А. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. – СПб., 2007. С. 292.
- ¹⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 411–412.
- ¹⁰⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 22 (без нумерации листов).
- ¹¹⁰ ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 61. Л. 1–75; Ф. Р-1104. Оп. 1. Д. 6. Л. 73, 79–81, 107, 110 об.
- ¹¹¹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 522. Л. 10–10 об.
- ¹¹² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 125.
- ¹¹³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 141.
- ¹¹⁴ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 147.
- ¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 8. Л. 49.
- ¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 107. Л. 17.
- ¹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 102. Л. 82.
- ¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 75. Л. 16; ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 471.
- ¹¹⁹ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 2. Д. 103. Л. 19, 21.
- ¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 8. Л. 10, 34–35, 46.
- ¹²¹ Декрет СНК Об использовании рабочей силы беженцев. 19 сентября 1919 г. // Декреты Советской власти. – М., 1973. Т. 6. С. 122–123.
- ¹²² ГАРО. Ф. Р-547. Оп. 2. Д. 11. Л. 466.
- ¹²³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 102. Л. 73.
- ¹²⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 2. Л. 28.
- ¹²⁵ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 187–188.
- ¹²⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 105.
- ¹²⁷ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 77 об–79.
- ¹²⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 131.
- ¹²⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 100.
- ¹³⁰ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 87–102.
- ¹³¹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 96 об.
- ¹³² Декрет СНК об обязанностях Центральной коллегии о пленных и беженцах по отношению к беженцам, подлежащим резъвакуации. 28 января 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 4. – М., 1968. С. 327–329.
- ¹³³ Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. – М., 2009. С. 286.
- ¹³⁴ Ватлин А.Ю. Коминтерн... С. 287.

- ¹³⁵ Ватлин А.Ю. Коминтерн... С. 32.
- ¹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 39. Л. 22–22 об.
- ¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 39. Л. 21.
- ¹³⁸ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 360–366.
- ¹³⁹ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 98.
- ¹⁴⁰ Даты жизни и деятельности В.И. Ленина (28 июня–15 декабря 1919 г.) // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. – М., 1970. Т. 39. С. 587.
- ¹⁴¹ Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и её осуществление в СССР (1917–июнь 1941 гг.). – Томск, 1976. С. 39.
- ¹⁴² Платунов Н.И. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁴³ Ямзин И.Л., Воишин В.П. Учение.... С. 72.
- ¹⁴⁴ Платунов Н.И. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁴⁵ Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 192.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 170.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 37–38.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 32.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 262.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 137–138, 196.
- ¹⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2. Д. 56. Л. 3.
- ¹⁵² ГАКО. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 3. Л. 68–68 об.
- ¹⁵³ Известия Орловского губернского и городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1 марта 1919. № 13 (300).
- ¹⁵⁴ Ямзин И.Л., Воишин В.П. Учение о колонизации и переселениях. – М.–Л., 1926. С. 74.
- ¹⁵⁵ Декрет СНК об организации переселения в южные производящие губернии и в Донскую область. 24 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. – М., 1971. С. 97–99.
- ¹⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 167.
- ¹⁵⁷ ГАКО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.
- ¹⁵⁸ Ямзин И.Л., Воишин В.П. Учение о колонизации и переселениях. – М.–Л., 1926. С. 74.
- ¹⁵⁹ Подсчитано по: НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 27–27 об.; ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 1. Д. 214. Л. 50; Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 87 об, 97, 361; ГАКО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 18. Л. 29–29 об.; Д. 184. Л. 717; Ф. 697. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 299. Л. 22; Оп. 4. Д. 607. Л. 2–3 об.; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 39 об–44 об. Д. 136. Л. 38; Д. 166. Л. 338; ГАКО. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 1в. Л. 88, 149–160 об.; Оп. 2. Д. 19. Л. 33; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 571. Л. 26–26 об.; ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 377 (без нумерации листов); Лахарева Н.В. Резвакуация беженцев.... автореф. ... канд. ист. наук. С. 14, 17, 25.

Глава VI

СУДЬБА БЕЖЕНЦЕВ В 1920–1925 гг. ЦЕНТРЭВАК

До начала 1920 г. проблема репатриации вынужденных мигрантов Первой мировой войны оставалась нерешенной. Большевистской власти и советским эвакуационным органам предстояло возобновить приостановленный в ноябре 1918 г. обмен военнопленными и репатриацию беженцев.

6.1. Перемещения беженцев в 1920 г. Возобновление централизованной реэвакуации

Именем покойного Вашего брата... Молим распорядиться отправить нас далее на родину, в худшем случае оставить в Смоленске... но не отправлять нас обратно.

Из телеграммы Карла Вилюмана, представителя от 10 вагонов беженцев, задержанных в Смоленске, адресованной в Москву товарищу Ленину (ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 310).

Запрещаю всякую отправку беженцев, непослушных арестовывать и заключать в концлагерь.

Из телеграммы Председателя Центрэвака А.В. Эйдука. 20 апреля 1920 г. (ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 185).

В феврале 1920 г. Центральное управление по делам пленных и беженцев было реорганизовано в Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак), в задачи которого теперь входили все людские перевозки, кроме военных. В приказе НКВД от

26 февраля 1920 г. причины реорганизации были объяснены «возникновением новых задач по переброске людских контингентов и необходимостью использовать для этого эвакуационный аппарат». Местные органы Центрэвака стали называться губ- и уездэваками, в них также происходили структурные изменения. В губэваках сократили штаты путём объединения отделов и ликвидации культпросветотделов¹. Например, на 15 апреля 1920 г. в составе Калужского Губэвака был общий отдел, финансовый, снабжения, учётно-эвакуационный и врачебно-санитарный с общим количеством работников 55 человек против 74-х на момент организации Губпленбежа². В Тульском Губэваке на 1 июля 1920 г. насчитывалось 4 отдела: административный, финансовый, снабжения, эвакуационный³. В сентябре 1920 г. место уездэваков заняли уполномоченные по эвакуации населения при уездных исполкомах. Согласно положению, утверждаемому Губисполкомами, уполномоченный, находясь при отделе управления уисполкомов, подчинялся Губэваку. До 1 октября 1920 г. кандидатуры уполномоченных, предложенные уездисполкомами, были утверждены⁴. Главной задачей уездэваков в 1920 г. стало участие в перевозках населения на работы государственного значения по восстановлению народного хозяйства.

Неурожай хлебов и трав в центральных губерниях Европейской России в 1920 г. стимулировал самовольное массовое переселенческое движение в Сибирь и юго-восточные губернии. 15 июня 1920 г. правительство приняло постановление об урегулировании переселения крестьян, в котором признало необходимым призвать население воздержаться от неорганизованного переселения, а местные власти – использовать начавшееся движение как источник рабочей силы. Следует отметить, что направлявшиеся отделами труда крестьяне к месту работы часто не прибывали, устроившись на свободных землях или в крестьянских хозяйствах по своему усмотрению⁵. Вначале разрешалось ходячество и только затем переселение, но исключительно в размерах, установленных Наркомземом и Центрэваком, причём на земли, зачисленные в 1920 г.⁶ До начала легализованного переселения Наркомзему, Наркомпути и Центрэваку предоставлялось право «разрешать продвижение населения в особо уважительных случаях»⁷.

Обращение СНК к трудовому крестьянству о порядке переселения в Сибирь и юго-восточные губернии России было опубликовано в «Правде» и «Известиях» 30 июня 1920 г. В нём говорилось, что «борьба с польскими белогвардейцами и усиленный подвоз продовольствия в нуждающиеся местности требует большого напряжения транспорта», однако СНК, придавая «большое государственное значение переселению», постановил допустить, но «в возможных размерах», переселение *наиболее нуждающихся крестьян* и поездки ходоков при условии, «чтобы переселение производилось с разрешения местной и центральной власти». Всем «толкающим крестьян к самовольному переселению и спекулирующим на покупке распродаваемого переселенцами имущества» была обещана «тяжёлая кара»⁸.

Беженцев Первой мировой войны, размещённых в центре Европейской России, как и 1919 г., Центральная власть оставила за рамками легального переселенческого движения в районы Сибири и юго-восточной России. В циркуляре Наркомзема сообщалось, что «явившиеся в Сибирь» без документов уземотделов будут привлечены к принудительным работам; указывалось, что при выдаче ходяческих удостоверений уземотделам следует «различать тех, кто действительно желает <...> накрепко устроиться на новом месте, и тех, кто под видом ходячества хотел бы устроить свои личные или продовольственные дела»⁹.

С начала июля губисполкомам Тулы, Рязани, Воронежа и Калуги предписывалось начать перевозку ходоков, но одновременно развернуть агитацию против переселения¹⁰. На уездные земотделы с 25 июня возлагалась выдача ходяческих удостоверений, до 1,5 тыс. на каждую губернию, формирование партий ходоков в Алтайскую, Омскую, Семипалатинскую, Тюменскую губернии¹¹. Уездным органам Центрэвака поручалась выдача проездных документов и продовольствия¹².

Прошения об отправке в Сибирь в 1920 г. поступали задолго до открытия 15 июня 1920 г. «легализованного переселения», например, в апреле 1920 г. от крестьян Калужской, Рязанской, Смоленской губерний, но эти прошения рассматривались Центрэваком только при наличии заключения местной власти «о полном разорении семьи»¹³. Беженцам, обращавшимся в этот период

в Центрэвак по поводу переселения в Сибирь на постоянное место жительства, сообщалось об отсутствии пока таких отправок¹⁴.

Первые после открытия легализованного переселения заявления в уездотделы, например, Калужской губернии, были поданы в июле 1920 г. Так, в списке граждан Калужского артиллерийского склада, эвакуированного из Бобруйска в период Первой мировой войны, желавших переселиться на государственный колониационный фонд Сибири, насчитывалось 19 человек. Это были пять семей из Гродненской, Минской, Могилёвской и Смоленской губерний¹⁵.

Массовый отъезд *ходоков* в Сибирь пришёлся на август 1920 г. и продолжался до начала 1921 г. Например, из Рязанской губернии 110 тысяч едоков, желавших переселиться, отправили в Сибирь более 1 тысячи своих ходоков¹⁶. В Орловской губернии, например, из Кромского уезда в декабре 1920 г. отправились и в качестве ходоков от 109 семей в Томскую и Омскую губернии вернувшиеся в октябре из германского плена бывшие солдаты¹⁷. Массовые отъезды *переселенцев* пришлись на сентябрь–октябрь 1920 г.¹⁸ До конца года из семи центральноевропейских губерний было легально отправлено всего лишь 130 тысяч переселенцев, хотя желавших переселиться было гораздо больше¹⁹.

О катастрофическом положении с продовольствием в Центральных губерниях Европейской России в 1920 г., порождавшем массовое стихийное бегство коренного и приплого населения, свидетельствует, в частности, постановление СНК от 21 сентября 1920 г. об организации помощи голодающему населению Рязанской, Калужской, Тульской, Брянской и Орловской губерний²⁰. В нём Наркомпроду поручалось организовать в населённых пунктах, наиболее пострадавших от неурожая, бесплатные столовые и чайные. Постановление от 2 ноября 1920 г. об организации помощи пострадавшему от неурожая сельскому населению Калужской, Брянской, Рязанской, Орловской, Тульской и Царицынской губерний, в котором Наркомпрод обязывался «проводить энергичные изъятия излишков от состоятельного сельского населения в целях образования хлебного фонда». Кроме того, в этих губерниях в недельный срок предписывалось создать и «специальный овощной фонд и забронировать его для помощи»²¹.

Между тем стихийное бегство населения, в том числе и беженского, продолжалось. Например, в ноябре 1920 г. из Калуги в Омскую губернию выехала беженская семья уроженца Гродненской губернии Петра Киселя²². В это же самое время в Омскую губернию отправляли и легальных калужских переселенцев, количество которых было гораздо меньше количества желавших переселиться. Материальное положение и тех и других было тяжёлым, и все они надеялись улучшить его, переселившись за Урал. Беженская семья П. Киселя поселилась в 120 километрах от Омска. Там она смогла поправить своё материальное положение: обзавелась лошады, двумя коровами, имела несколько свиней, вырастила хлеб²³.

Самовольное переселение однозначно осуждалось правительством как вносящее «разруху и дезорганизацию в деле переселения»²⁴. «Из Центральные губерний семьями пассажирскими поездами вследствие неурожая происходят массовые передвижения переселенцев, направляющихся, в большинстве случаев, на Кубань <...> Сообщаем, что передвижение переселенцев в настоящее время разрешено только из губерний Тульской, Рязанской, Калужской, Воронежской, Брянской, Орловской и Курской в Сибирь»²⁵, — телеграфировали на места Наркомзем и Центрэвак 6 октября 1920 г.

Несанкционированному переселенческому движению чинились препятствия на всех его этапах. Так, на местах выхода государственная помощь в виде выдачи бесплатных проездных документов и продовольствия официально могла быть оказана только не обеспеченным землёй по месту жительства. По пути следования рекомендовалось неорганизованных переселенцев высаживать из вагонов и направлять в принудительном порядке на работы²⁶. Прибывшим на новое место жительства предписывалось не выделять земельные участки, как легальным переселенцам, а лишь в порядке общего землеустройства в лучшем случае во вторую–третью очередь. Вместе с тем власти на местах выхода с пониманием относились к желающим переселиться, помогали им²⁷. Например, жидрынский уездный пленбеж Брянской губернии отправил в 1920 г. в Сибирь и на Украину наряду с местным населением 500 беженцев²⁸.

В начале января 1921 г. легальное переселение было вдруг остановлено «до более тёплого и благоприятного для этого времени»²⁹, а 23 марта 1921 г. Коллегия Наркомзема постановила окончательно прекратить ходячество и переселение³⁰.

*
* *

Ежегодно с приближением весны возрастало беспокойство беженцев по поводу отправки на родину. Увеличивалось количество их обращений в местные органы Центрэвака или непосредственно в Москву. Не стал исключением и 1920 г. И местные власти, и беженцы получали из Центра ответ, что реэвакуация Советом обороны приостановлена³¹. Затем в мае было объявлено, что *поляки и украинцы* отправке не подлежат в связи с Польской войной, а *латыши и литовцы* скорее всего будут отправляться в 1920 г. после улаживания взаимоотношений с правительствами Прибалтийских республик³². Такие неутешительные сообщения способствовали самостоятельным отъездам белорусских и украинских беженцев в Польшу и на Украину. Когда же их на российских пограничных станциях высаживали из поездов, они в складчину покупали подводы и гужевым способом добирались до дома³³.

Одни Губзваку просили Центр об отправке, чтобы разгрузить от беженцев железнодорожные станции и вагоны, другие мотивировали просьбу об отправке враждебным отношением коренного населения к беженскому, третьи — просто «критически-тяжёлым положением во всех отношениях»³⁴. Беженцы из Тульской губернии, где их в 1920 г. было только зарегистрированных более 4 тысяч человек, из них более 1 тысячи из Прибалтики, настойчиво прося Центр о реэвакуации, в случае отказа уведомляли о своей отправке пешком до Западной границы и предупреждали, что ответственность за их гибель ляжет на Центрэвак. В начале февраля беженцы города Белёва готовы были ехать за свой счёт и просили Центр разрешить им выдачу пропуска на выезд в Западном направлении по причине «пятилетнего страдания» от голода и отсутствия средств³⁵.

Размещенные в Туле беженцы 20 апреля 1920 г. отправили в Москву своих уполномоченных Лукашевича и Сверского с прошением, адресованным Польской мирной делегации. В прошении, в частности, говорилось о тяжелейшем положении беженцев в РСФСР, когда от голода и холода они ежедневно умирают, и умерших не успевают хоронить даже в общих могилах без гробов. Беженцы умоляли как можно скорее спасти всех пока ещё живых. Не успели беженские уполномоченные вернуться в Тулу, как местный Губзвак получил секретный циркуляр из Центрэвака о недопустимости поездок беженских представителей в Москву по поводу ускорения эвакуации, в частности, через посредство Латвийской мирной делегации³⁶. Бывший русский военнопленный, бежавший из Германии в декабре 1918 г., уроженец Гродненской губернии, разыскивавший, наконец, в Тамбове свою семью, не имел средств самостоятельно выехать на родину. Он обратился за государственной помощью, заверяя Советскую власть в своей абсолютной преданности и готовности «всцело стоять за неё, где бы он ни оказался, в т. ч. и в другом государстве»³⁷. К сожалению, это был практически единственный способ добиться безотлагательной отправки на родину, правда, при этом надо было ещё состоять в компартии.

Около трёх тысяч беженцев из Воронежа отправленных в один из уездов, где их отказались принять, просили Центрэвак о реэвакуации или о хоть каком-нибудь водворении³⁸. Группа их 400 гродненских беженцев молила товарища Ленина организовать их пропуск через фронт на родину или в производящие районы России, где «за труд можно получать паёк»³⁹. Беженцы знали, о чём просили, т. к., по данным Особого отдела ВЧК, отправки через фронт действительно имели место, и предписания Центрэвака, адресованные своим органам Западной области, о прекращении таких отправок, действовали слабо⁴⁰. Беженцам Кобринского уезда Гродненской губернии, не имевшим ни хлеба, ни одежды, ни жилья в Борисоглебском уезде, что на границе Тамбовской и Воронежской губерний, просящим отправить их в родные места, отвечали отказом в сентябре 1920 г. Отказ мотивировался тем, что «их Гродненская губерния находится во власти поляков», как будто для беженцев находиться в РСФСР было лучше. К тому же в Кобринском уезде, до Первой мировой войны

состоявшем на 97 % из украинцев, евреев и тех же поляков, у беженцев осталась собственность, с которой они не хотели расстаться окончательно, если собирались уехать как можно скорее⁴¹. Весной 1920 г. борисоглебские беженцы обращались с Воззванием напрямую к «товарищам-гражданам» — местным крестьянам. Они призывали их поделить семенами, хотя бы огородных культур, «показать свою любовь <...> как показали вначале»⁴². Как видим, беженцы не забывали, как их встретили в 1915 г. в тыловых губерниях⁴³. Небольшая часть воронежских беженцев смогла весной 1920 г. устроиться на работу в местных советских хозяйствах⁴⁴. В марте 1920 г. уроженцев Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины 1901–1879 гг. рождения призвали в ряды Красной армии⁴⁵.

Добиваясь скорейшей реэвакуации, беженцы из Ельца Орловской губернии, в которой находилось более 15 тысяч уроженцев Западных территорий, из них до 30 % из Прибалтики⁴⁶, направили в Москву протокол общего собрания от 2 мая 1920 г., из которого следовало, что хлеб в городе Ельце практически не выдавался, а когда это в редких случаях происходило, то по 100 грамм в день на человека. Частники продавали по 12 тысяч рублей за пуд. Отсутствовала крупа, мука, сахар, соль, мыло. В сельской местности продовольствие вообще не выдавалось. Местные крестьяне хлеб не продавали, а только обменивали. Но менять было уже нечего. Работы не было, а за помещение владельцы требовали плату. Далее в протоколе говорилось об эвакуации семей партийных работников в 1919 г.: «На наших глазах при наступлении Деникина напала возможность эвакуировать семейства коммунистов и через 5–6 месяцев возвратит их обратно»⁴⁷. Беженцы из Волынской губернии, осевшие в Козельском уезде Калужской губернии, где ожидали возвращения на родину в общей сложности около 8,5 тысяч человек⁴⁸, телеграфировали в Центр: «Ввиду очищения Волынской губернии от белых Красной армией <...> просим Центральное управление сделать немедленно распоряжение об отправке нас на родные места <...> Нам нет, где заработать, а пособия не выдают»⁴⁹.

Губзавки, местная исполнительная власть и в 1920 г., не ограничиваясь ходатайствами о реэвакуации перед Центризавком, на свой страх и риск отправляли беженцев не только на юг и восток,

но и в западном направлении, т. е. ближе к родине. Например, в январе в Смоленске задержали 4 вагона с беженцами, прибывшими из Тамбова без разрешения Центризавка. Несмотря на все доводы против оставления их в Смоленске Центризавком распорядился разместить их в пределах губернии⁵⁰. В городе Сухиничи Калужской губернии 24 января 1920 г. были задержаны беженцы, отправленные со станции «Усмани», направлявшиеся на родину. Центр распорядился выгрузить их и разместить вне станционной территории, и это при том, что в Сухиничском уезде не знали, что делать с местными беженцами⁵¹. В феврале и в марте в Смоленск продолжали прибывать беженцы, однако устанавливать, откуда они прибывали, уже не удавалось, т. к. беженцы не склонны были выдавать тех, кто их отправил⁵². Не только Смоленск, но и вся Западная область была перегружена беженцами⁵³.

В апреле 1920 г. группу уроженцев Гродненской губернии Жиздринский уездный исполком Брянской губернии⁵⁴ отправил до Минска. Орловский Губзавком в апреле и мае 1920 г. также отправил без разрешения Центра несколько групп уроженцев Гродненской, Радомской, Виленской и Холмской губерний до Западной границы и несколько групп беженцев из Ковенской, Лифляндской и Курляндской губерний. Беженцев задержали на станции «Брянск». Местный Губзавком просил разрешение на дальнейшее «продвижение этих групп на Запад до Смоленска, но получил отказ и предписание отправить беженцев в Тулу, т. е. в обратном направлении. Беженцы, прибывшие в 10 вагонах в мае 1920 г. в Смоленск и задержанные там, телеграфировали Ленину: «Именем покойного Вашего брата <...> молим распорядиться отправить нас далее, на Родину, в худшем случае — оставить в Смоленске <...> Пожалейте несчастных детей наших <...>». В ответ губзавки предупреждались об ответственности за несанкционированную отправку беженцев. Им предписывалось запретить всякую отправку беженцев, а непослушных арестовывать и заключать в концлагерь⁵⁵.

Однако беженцы упорно продвигались в западном направлении. Например, в Калужской губернии в первом полугодии 1920 г. Козельский уезд покинули 80 беженцев в мае и 112 в июне. Из оставшихся во втором полугодии в этом уезде умерли 125 беженцев, т. е. ежемесячно в среднем умирали 20,8 человека⁵⁶. Из

Калужского уезда в первом полугодии уехали 97, из Лихвинского – 60 человек⁵⁷. В Борисоглебском уезде Воронежской губернии, где к весне 1920 г. находилось 15 тысяч беженцев, «за малым исключением все из Гродненской губернии», к августу 1920 г. осталось 6 тысяч человек, т. е. «убыло» 60 % в период отсутствия плановых отправок⁵⁸. Из Курской губернии в 1920 г., до начала плановой эвакуации беженцев Латвии и Эстонии, которые вместе с беженцами Литвы составляли до 1/3 всех беженцев, самостоятельно уехали не менее 6,5 тысяч, т. к. с весны до начала августа 1920 г. количество беженцев с 39,5 уменьшилось до 33 тысяч человек⁵⁹. Двигаясь к западной границе, беженцы часто «маскировались под мешочников»⁶⁰.

В Польскую, Литовскую и Украинскую республики в 1920 г. беженцев планово не отправляли. Между тем в 1920 г. в Польшу вернулось более 86 тысяч репатриантов из России⁶¹.

Надо отметить, что Губпродкомы с июня 1920 г. при выдаче нарядов на хлебпродукты уездпродкомам теперь уже официально перестали учитывать беженское население, которое следовало «удовлетворять из аванса для случайных выдач (два фунта на едока), если означенные беженцы действительно остро нуждающиеся». Состояние «острой нужды» удостоверяли уездзваци, например: «Беженец Н. земли и запасов хлеба не имеет, продпайком не удовлетворялся, вследствие чего испытывает острую нужду в продовольствии для прокормления своей голодной семьи, состоящей из 6–7 человек»⁶². Уездзваци, не получавшие никаких средств от государства на оказание материальной помощи беженцам, ожидавшим реэвакуации, обращались не только в продкомы, но и в другие советские организации, в том числе и собесы. К примеру, просили выдать единовременное пособие больным сыпным тифом, многодетным семьям или ходатайствовали о выделении отдельным беженцам хоть какой-нибудь одежды или обуви⁶³.

Президиум Сухиничского исполкома Калужской губернии в июле 1920 г. направил Президиуму ВЦИК свой доклад о положении беженцев в городе с просьбой разрешить им «в виде исключения выехать на заработки в хлебобродные губернии Украины и тем предотвратить массовые заболевания на почве голодовки». В докладе, где речь шла преимущественно об уроженцах Запад-

ной Белоруссии, реэвакуация которых из-за новой войны откладывалась на неопределенное время, отмечалось: «В Сухиничах проживает около 100 семейств беженцев, граждан Западного края, эвакуированных сюда во время Русско-Германской войны. Материальное их положение не может быть хуже того, в котором они находятся. <...> Здесь они не имеют посевных площадей, заработков, какого-либо хозяйства и не получают от продорганов никакого продовольствия, как не получают его все жители г. Сухиничи за исключением служащих и рабочих. Поэтому положение их крайне бедственное, и нужно задуматься, как эти люди ещё находятся в живых и чем питаются. Но, наконец, всему есть предел. Беженцы стали группами обращаться в исполком с ходатайствами о разрешении им выехать на заработки в хлебобродные губернии Украины <...> И они правы: не могут существовать не только беженцы, но и все советские работники, кои получают продовольственный паёк, а о беженцах и говорить не приходится <...> поэтому <...> выходом почитается только стремительное бегство в Сибирь или на Украину»⁶⁴.

В начале мая 1920 г. Сухиничский райисполком на свой страх и риск удовлетворил ходатайство 13 беженцев и 10 местных жителей об отправке их с семьями на заработки в Таврическую и Херсонскую губернии⁶⁵. Теперь, направляя свой доклад в Центр, райисполком намеревался помочь беженцам покидать Сухиничский уезд легально, т. е. получив на это разрешение Центральной власти. Всё это предпринималось несмотря на то, что 1 марта 1920 г. всем местным исполкомам и Губзвацикам был направлен циркуляр Центроппленбежа, в котором говорилось: «Ввиду поступающих от коллегий пленбежа ходатайств о предоставлении подвижного состава для эвакуации на юг беженцев с принадлежащим им имуществом, настоящим сообщается, что вследствие полного использования провозной и пропускной способности дорог юга под воинские, продовольственные и топливные перевозки впредь до особого распоряжения подобные ходатайства будут оставаться без рассмотрения»⁶⁶.

Москва в ответ рекомендовала местным властям всегда одно и то же, хотя и в разных редакциях, например, «немедленно принять меры к охране жизненных интересов беженцев в соответствии с декретом СНК от 19 сентября 1919 г.»⁶⁷. Это был декрет об

использовании рабочей силы беженцев и оказании помощи безработным и нетрудоспособным. Однако реальность была такова, что работать было практически негде, а государственная помощь из-за хронического отсутствия средств на местах носила чисто символический характер. СНК в августе 1920 г., констатируя, что «в ряде губерний урожай ниже среднего», предписал исполкомам Совдепов задерживать «мешочников, появляющихся в сёлах, предавать суду ревтрибунала; на домохозяев, продающих продукты, налагать сверх развёрстки количество продуктов, равное проданному мешочнику»⁶⁸. Уезднякам, видимо, тоже с целью охраны жизненных интересов беженцев, предлагалось задерживать едущих без разрешения через их территории беженцев и направлять их в отделы принудительных работ⁶⁹. Те немногочисленные беженцы, вывезшие и сохранившие свой рогатый скот, даже при отсутствии у них земельного участка и рабочей лошади подвергались реквизициям наравне с коренным населением. Беженцы, уличённые в продаже своего имущества, арестовывались как спекулянты⁷⁰. Например, в Воронежской губернии беженца Василия Бижчукова весной 1920 г. объявили спекулянтом и реквизировали у него посевное зерно. Правда, в итоге, после разбирательств, зерно вернули и даже выдали справку о том, что он «не спекулянт»⁷¹.

В июне 1920 г. были, наконец, заключены Договоры о эвакуации беженцев с Латвией (от 12 июня 1920 г.) и Литвой (от 30 июня 1920 г.)⁷², ратифицирован мирный договор с Эстонией. В июле – августе 1920 г. состоялись и подписания мирных договоров с Латвией и Литвой, ратифицированных в октябре 1920 г.⁷³ Готовясь к предстоящей эвакуации беженцев, местные эвакуоорганы стали «испрашивать» продовольственные средства на перевозку беженцев к станциям посадки⁷⁴. Летом началось оформление отъездов в Латвию «гужевым путём». Для отъезда требовалось разрешение местных эвакуоорганов, Губчека и Центрэвака⁷⁵.

Мирный договор с Эстонией был заключён раньше, чем с другими прибалтийскими республиками, в феврале 1920 г.⁷⁶ В апреле 1920 г. НКВД разослал на места циркуляр, в котором разъяснялось, что заключение мирного договора с Эстонией никак не означает автоматического превращения эстонских беженцев на территории РСФСР в эстонских граждан. Беженцам предстоит

оптировать эстонское гражданство, для чего им следует подавать заявления о выходе из российского гражданства. До получения «особой инструкции» на местах не следовало выдавать эстонским уроженцам никаких удостоверений или свидетельств на проезд в Эстонию. Согласно инструкции «О порядке рассмотрения заявлений лиц эстонского происхождения, проживающих в пределах Российской Республики и желающих оптировать эстонское гражданство», в годичный срок с 14 февраля 1920 г. можно было подать заявления в отдел управления Губисполкома, одно – на имя Правительства РСФСР, второе – на имя эстонского представительства в Москве, которое в случае принятия заявителя в эстонское гражданство выдаст об этом удостоверение. Например, в Тульской губернии в первом полугодии 1920 г. было подано 73 заявления об оплате эстонского гражданства⁷⁷.

В октябре 1920 г. под грифом «секретно» вышел приказ Центрэвака о новом порядке эвакуации эстонских беженцев, которым предлагалось подавать заявления местным органам Центрэвака с приложением к ним личных документов, подтверждавших их беженство. Уезднякам следовало составлять списки беженцев и вместе с документами пересылать их в Центрэвак для передачи в Эстонскую правительственную контрольно-оптационную комиссию, разрешавшую въезд в Эстонию. Все ходатайства с мест о нарядах на отправку эстонских беженцев на родину, поступившие в Центрэвак до введения в действие данного приказа, рассмотрению не подлежали⁷⁸.

Что касается эвакуации беженцев Литвы и Латвии, то начальникам Губэваков в июле была направлена секретная инструкция, согласно которой без разрешения Центрэвака и без получения от туда нарядов всякая отправка беженцев к границе или в Центр, в том числе одиночным порядком или группами, строго воспрещалась. Разъяснялось, что литовские и латвийские беженцы являются гражданами России, пока они не оптировали соответствующее иностранное гражданство; что на отправку беженцев на родину надо устанавливать очередь, причем исключительно в интересах советской России. Беженцев, состоящих в Красной армии, не следовало регистрировать до увольнения. Мужчин призывного возраста от 18 до 40 лет, рабочих и служащих, следовало относить к «последующим очередям», мотивируя это необходимостью

отправки в первую очередь стариков, детей, нетрудоспособных, даже если эшелон (1 тыс. человек) останется «малочисленным». Виза Губчека на списке беженцев была обязательна. Проверку багажа и документов следовало производить совместно с Губчека и отделом военной цензуры. Виновные в оглашении инструкции «кому бы то ни было» подлежали «строжайшей» ответственности⁷⁹.

В октябре 1920 г. Центрэвак в дополнение к предыдущим инструкциям предложил начальникам Губзваков «Лично. В. секретно» перед внесением беженцев в эшелонные списки «снести секретно» с администрацией по месту службы беженца по вопросу о возможности его увольнения. Только при положительном ответе следовало включать беженцев в списки на эвакуацию и выдавать им об этом справки. Справка должна была служить разрешением на увольнение со службы. Таким образом, предприятия и учреждения были вовлечены в «секретные сношения» с местными органами Центрэвака. Например, Тульский Губфинотдел представил в октябре 1920 г. «список работников, которые могут быть отпущены в Латвию без ущерба для дела». В списке было 8 человек, губернский отдел землеустройства «отпускал» 10 человек в Латвию, одного в Эстонию и т. д.⁸⁰

Секретные циркуляры Центропленбежа «О пенанесении ущерба советскому строительству в связи с отъездом работников-беженцев» не сразу дошли до руководителей советских предприятий и учреждений, к которым обращались беженцы Латвии, Литвы и Эстонии по поводу увольнения в связи с объявлением о реэвакуации на основании заключения соответствующих договоров. Пришлось принимать срочные меры. Например, Президиум Тульского Губисполкома 1 августа 1920 г. принял решение организовать комиссию из представителя Губисполкома, Губзвака и члена Президиума Губчека – «губтройку», а при необходимости и «уездные тройки, строго подчинённые губтройке». Эти комиссии должны были контролировать процесс увольнения из государственных учреждений и предприятий специалистов-беженцев, чтобы не допустить «малейшего ущерба для дела советского строительства»⁸¹. Но не только руководители местных предприятий оказывали беженцам помощь с отъездом на родину, но и руководители местных органов Центрэвака. Так, начальник Белёв-

ского Тульской губернии уездзвак выдал удостоверение, необходимое для проезда по железной дороге, уполномоченному от беженцев Литвы, находившихся в городе Белёве и уезде, Митрофану Фёдоровичу Кепелю. Беженцы направили его в город Вильно с ходатайством перед правительством Литвы о «немедленной отправке»⁸².

В следующем, «не подлежащем оглашению» документе Центрэвак уведомлял «лично» начальников Губзваков о том, что в списки беженцев, уезжавших на родину, не должны включаться беженцы русской и еврейской национальности, являвшиеся специалистами с высшим и средним образованием, а также военные специалисты. Особый отдел ВЧК (Г.Г. Ягода), в свою очередь, приказывал не вычёркивать из беженских списков русских и евреев, но прилагать все возможные усилия к задержанию специалистов, действуя «осторожно, не вызывая конфликтов и недоразумений»⁸³.

В процессе реэвакуации в Латвию и Эстонию официальными представителям этих республик скоро стало ясно, что российской стороной вопреки установленным ранее правилам тормозилась перевозка беженцев до 40 лет. Уполномоченный Латвийской Республики по делам беженцев неоднократно выражал недовольство по этому поводу, ссылаясь на подписанные договоры между Россией и Латвией. Когда, например, Орловский Губзвак в очередной раз 5 ноября 1920 г. задержал отъезд этой группы лиц, отправив из-за этого вместо 20 только 16 вагонов, вызвав этим недовольство беженцев, Центрэваку пришлось разъяснять местным ответственным товарищам, как правильно применять «секретную Инструкцию по реэвакуации беженцев Латвии и Литвы». Официально не отправлять на родину беженцев моложе 40 лет было, конечно, нельзя. Однако отправлять следовало только после реэвакуации всех остальных в определённой последовательности: сначала тех, кто не являлся ответственным советским служащим, кто получил со службы справку, что не возражают его уволить в связи с реэвакуацией, кто обременён большой семьёй. Самое главное – следовало действовать осторожно, не допуская конфликтов⁸⁴.

Положение беженцев в России, включая организацию их реэвакуации, латвийский представитель Якобсон, принимавший

участие в передаче беженцев на пограничной станции «Розеновская», назвал, не скрывая своего возмущения, следующим образом: «Это не Центрэвак, а БАРДАК <...> Вся ваша Россия такой же БАРДАК (Так в тексте. — И.Б.)»⁸⁵.

К многочисленным мытарствам, связанным с отправлениями беженцев, такими как несвоевременное оповещение, недоставка до железнодорожной станции отправления, необеспечение продовольствием в пути, невозвращение ценных вещей, собранных перед отправкой сопровождающими якобы для сохранности, обвинения в спекуляции при распродаже беженцами имущества, надо добавить физические и моральные переживания, связанные со злоупотреблениями служебным положением и взяточничеством должностных лиц на железнодорожном транспорте. При этом работники эвакуационных органов часто не могли защитить беженцев от произвола. Например, уполномоченный Калужского Губзема Я. Извеков 28 сентября 1920 г. был командирован в Мосальский уезд, где должен был помочь беженцам Латвии доехать до Калуги с железнодорожной станции «Барятинская» в «Спас-Деменск», чтобы дальше следовать на Родину. Итог его деятельности в Мосальском районе состоял в том, что вместо 30 сентября беженцев отправили в Калугу со станции «Барятинская» 9 октября, после того, как начальник станции получил от них взятку деньгами и продуктами. Это стало известно, когда беженцы, приехав, наконец, в Калугу, обратились в Губзема, указав, что только после получения от них продуктов и 33 тысяч рублей начальником станции, они были отправлены в Калугу. Во время этого «томления» на станции «Барятинская» умер ребенок у беженки, муж которой перед своим отъездом (3 октября) на родину гужевым путем тоже преподнес начальнику станции «очень крупную взятку в виде денег и продуктов», со слов беженцев. Что касается второй станции отправления «Спас-Деменск», то там беженцы отправки так и не дождались, кроме того, они были ограблены «неизвестными лицами»⁸⁶.

При таком подходе до начала 1921 г., например, из Тульской губернии отправили в Латвию и Эстонию 1458 человек, в Литву не отправили никого. К концу 1920 г. в губернии оставалось более 6 тысяч беженцев⁸⁷. В остальных четырех центральноевро-

пейских губерниях — Калужской, Орловской, Брянской и Курской, из которых реэвакуация была разрешена, наблюдалось аналогичное положение с плановой эвакуацией, когда по нарядам Центрэвака бесплатно отправили на родину по 1,5–2 тысячи беженцев, всего до 7,5–10 тысяч человек. Для сравнения в Воронежской губернии, централизованная отправка из которой не объявлялась в 1920 г., количество беженцев сократилось на 10 тысяч благодаря несанкционированному отъезду. Из Курской губернии самостоятельно выехали не менее 20 тысяч беженцев⁸⁸.

Таким образом, в 1920 г. Центропленбеж был реорганизован и получил новое название — Центрэвак, главной задачей которого стала перевозка населения на работы по направлению отделов труда и принудительных работ. Между тем в 1920 г. началось вызванное неурожаем хлебов и трав в центре Европейской России массовое стихийное переселенческое движение коренного и беженского населения в Сибирь и юго-восточные губернии. В создавшейся обстановке роль государства в регулировании стихийного движения населения в хлебопроизводящие районы сводилась к сдерживанию самотёка всеми силами, в том числе путём принудительного использования неорганизованно передвигавшегося населения в качестве рабочей силы, а также с помощью внедрения строго нормированного как хождения, так и переселения. В итоге не поддававшееся государственному регулированию самостоятельное переселение способствовало спасению от голода сотен тысяч в основном крестьянского населения, в том числе беженского.

В 1920 г. стала возобновляться плановая реэвакуация пленных и беженцев, начатая летом и остановленная в ноябре 1918 г. Легальная отправка беженцев в Латвию и Эстонию, начавшаяся во втором полугодии 1920 г., всячески на всех этапах тормозилась советской стороной. Это происходило путём мобилизации мужского населения 18–40 лет; путём отказа в регистрации военнослужащим до их увольнения, служащим и рабочим государственных предприятий и учреждений; путём отмены ранее принятых нормативных актов, сводящей к нулю всю прежде проделанную работу по оформлению отъезда из России; путём непредоставления нарядов на вагоны. Вышеперечисленные факторы, а также

отсутствие в 1920 г. легальной эвакуации уроженцев Литвы, Западной Белоруссии, Украины и Польши, т. е. основной массы беженцев, остававшихся в России, голод и сопутствовавшие ему эпидемии, острая жилищная проблема способствовали неудержимому стихийному движению беженцев на Запад, в родные места.

Местные органы Центрэвака вынужденно выполняли распоряжения Центра по сдерживанию самотёка. С другой стороны, они вместе с совдепами содействовали несанкционированным отъездам беженцев на родину, просто в сторону границы, на заработки преимущественно в районы Украины, в Сибирь. В результате освобождение более чем на 50 % Центральных губерний Европейской России от беженцев в 1920 г. обеспечил главным образом несанкционированный отъезд беженцев.

6.2. Стихийное и плановое движение беженцев на родину в 1921 г.

Нет никакой возможности бороться против живой стихийной массы, стремящейся к заветным гминам.

Из отчета Воронежского уездэвака, Апрель 1921 г. (ГА РФ, Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 206. Л. 20).

Массовая отправка беженцев... подходит к концу... почти повсюду остались отдельные группы беженцев... Местные эвакоорганы им в отправке отказывают, ссылаясь на неимение соответствующих распоряжений из Центра...

Из отношения уполномоченного Литвы по делам беженцев. 1 ноября 1921 г. (ГА РФ, Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 24).

В 1921 г. эвакоорганы губерний Центральной России продолжали перевозки рабочих на производства и стройки государственного значения⁸⁹. С весны 1921 г. началось допереселение, связанное с переселенческой кампанией 1920 г. В результате в районы

Сибири доотправили более 60 тысяч переселенцев, зачисливших за собой земли в 1920 г. и ликвидировавших свои хозяйства, около 13 тысяч оказались неотправленными до конца 1921 г.⁹⁰ При этом самовольное движение в Сибирь продолжалось вплоть до 1925 г. и имело тенденцию к возрастанию⁹¹. По данным демографической переписи 1926 г., в 1920–1924 гг. в Сибирь прибыли и остались там 650 тысяч переселенцев⁹².

На фоне легального допереселения обозначилось гораздо более масштабное стихийное «переселение-бегство» из пораженных голодом губерний Поволжья, и правительство уже не решилось использовать, как в 1920 г., такой инструмент регулирования переселения, как организованное ходачество. С 1 августа 1921 г. было объявлено об организованном «выселении» из этого района 105 тыс. человек, зарегистрировалось свыше 540 тысяч, фактически выселилось более 1 млн человек⁹³. В числе самостоятельно выехавших из районов Поволжья были и беженцы Первой мировой войны, направившиеся на родину как по железной дороге, так и гужевым путём⁹⁴. Деятели непризнанной Белорусской Народной Республики, обеспокоенные судьбой белорусских беженцев, писали в своём воззвании в августе 1921 г.: «Вместе с жителями Поволжья в муках голода умирают около 1 млн беженцев-белорусов, выселенных туда во время Великого отступления 1915 г. <...> Спасаясь от голодной смерти они стремятся на Родину – Белоруссию, а за ними стихийным потоком идут и другие. Свыше 100 тысяч беженцев уже достигли Белоруссии, среди них 40 тысяч беспризорных детей. Сотни тысяч идут следом за ними»⁹⁵.

Чтобы вернуться на родину беспрепятственно, беженцам требовалось иметь необходимые удостоверения (справки), «договариваться» с местным железнодорожным начальством о товарных вагонах для себя, родственников и земляков или иметь лошадь с телегой. Кроме того, в дорогу был необходим определённый запас продовольствия. Например, Антон Калишук из Самарской губернии заплатил два пуда муки за то, чтобы его семью приписали к своей единственной земляк-железнодорожнице, которому по знакомству выделили товарный вагон летом 1921 г. По дороге с беженцев под угрозой отцепки вагона местные железнодорожники

требовали хлеба⁹⁶. Глава беженской семьи должен был иметь удостоверение о том, что он, являясь гражданином Польши, возвращается на родину с семьёй. Начальники железнодорожных станций «по знакомству» выдавали беженцам такие удостоверения и выделяли товарные вагоны⁹⁷. Так, Емельян Семенюк, размещённый с семьёй в Тамбовской губернии, по знакомству получил в Тамбове товарный вагон и справку о том, что он — революционер и едет в Польшу, чтобы организовать там коммунистическую партию. В справке указывалось, чтобы по дороге его вагон не останавливали и выдавали паёк. Сын беженца вспоминал, что на железнодорожных станциях беженцы в ожидании поезда сидели по три месяца, а отцовский вагон незамедлительно прицеплялся к поездам нужного направления. В вагоне находилась и лошадь с коровой⁹⁸. Беженцы, возвращавшиеся из Поволжья гужевым путём, преодолевали до двух тысяч километров. По дороге им приходилось прятать свои продукты питания и по ночам зорко охранять коней, фуры и живность⁹⁹. Через Украину на своей лошади удалось вернуться в 1921 г. Владимиру Гарустовичу. Он вспоминал, что обозы из беженских подвод каждый день тянулись к польской границе, и он попытался на своей повозке с привязанной к ней коровой влиться в этот поток. Его пропустили. На границе беженцу помогла справка об освобождении его от мобилизации и реквизиции¹⁰⁰.

Главнуполномоченным Центрэвака в Западной области принимались меры для проверки *всех* без исключения пассажирских поездов, прицепных вагонов к воинским поездам с целью задержания «незаконных» беженцев на железнодорожных станциях «Витебск», «Гомель», «Жлобин», «Орша», «Смоленск»¹⁰¹. В итоге в середине июня 1921 г. в Смоленске скопилось и простаивало 165 вагонов с беженцами¹⁰², а поезда продолжали прибывать без разрешения Центрэвака. Так, 24 августа 1921 г. без документов и списков прибыли два эшелона из Бугуруслана и Оренбурга (1600 и 1540 человек соответственно), из Самары (1500 человек), Воронежа (1351 чел.)¹⁰³. Количество прибывших в район приграничной полосы беженцев Польши продолжало расти за счёт охваченных голодом губерний. Часть из них неле-

гально добиралась до польской территории¹⁰⁴. В начале октября 1921 г. из Западной области Центрэваку сообщалось о неиссякаемом потоке беженцев из голодающих губерний, о скоплении их в приграничном районе, о вынужденном нелегальном их направлении в Польшу¹⁰⁵. Кроме того, органам Центрэвака пришлось формировать эшелоны из накапливавшихся в разных местах самовольно прибывавших беженцев, заниматься оформлением выездных и въездных документов «беженцам-самотёкам», остановленным по пути на родину. Например, польский эшелон нелегальных беженцев (1794 чел.) без документов из Кубанской области был остановлен в Воронеже, но после оформления документов, для чего потребовалось выезжать в Москву, сразу же отправлен. Группу беженцев-уроженцев Гродненской губернии, самостоятельно выехавших из Новониколаевска, остановили в Омске и приказали освободить вагоны. Они не подчинились и не стали выгружаться. После двух месяцев стояния и жизни в вагонах они были отправлены следовать дальше¹⁰⁶.

Из центральноевропейских губерний с приближением весны 1921 года самодвижение на родину беженцев вновь усилилось. Беженцев не останавливали никакие запреты, в т. ч. перспектива быть задержанными в пути с заключением в концлагеря — там они рассчитывали, по крайней мере, иметь за работу пищу¹⁰⁷. Картину беженского самодвижения в начале апреля 1921 г. описал один из Воронежских уездзавков: «Беженцы, затравленные голодом, оборванные, обманутые в надежде на скорое возвращение домой, обезумевшей волной движутся по направлению к родному краю. Самовольно снимаясь с мест, они забивают железнодорожные станции, создавая очаги заразы. Нет никакой возможности бороться против живой стихийной массы, стремящейся к заветным гминям»¹⁰⁸. Находясь на пути этого самодвижения и наблюдая «бессилие Центра правильно организовать дело», Губзавк Воронежской губернии, где находилось до 30 тысяч беженцев, предлагал Центру отправлять беженцев *регулярно и отовсюду*, пусть и небольшими партиями, не придерживаясь зональной очерёдности, установленной ранее в других условиях. Это обнадёживало бы беженцев, и процесс ожидания отправки проходил

бы спокойнее. В Воронежском Губзвake (и не только там) были уверены, что во избежание катастрофы «не следует дожидаться, когда *вся* беженская масса двинется на Запад». Предлагалось также упростить порядок реэвакуации «грунтовым путём», когда по каждому случаю требовалось разрешение Центра, на что уходила масса времени. В результате беженцы ехали без разрешения, а когда их задерживали по дороге, продавали лошадей и дальше следовали по железной дороге несмотря на запреты. Было очевидно, что упрощение процедуры гужевого движения способствовало бы разгрузке железных дорог¹⁰⁹, о катастрофическом положении которых шла речь 31 января 1921 г. на заседании Совета труда и обороны¹¹⁰.

Всего по России за 1921 г., с 1 января, контрольно-пропускными пограничными пунктами было зарегистрировано 490 179 польских беженцев, в Латвию и Литву проследовало 164 742, в Эстонию – 31 128, в общей сложности – 686 049¹¹¹.

*
* *

В русле легального эвакуационного процесса 1921 г. органам Центризвака на местах было предписано закончить регистрацию беженцев Латвии в Европейской России 1 июля, а в районах Сибири – 1 августа 1921 г.¹¹² и приступить к работе по реэвакуации в Литву и Польшу. Характеризуя легальный реэвакуационный процесс, следует отметить, что по причине отсутствия в уездзвaках средств, поступающих из Центризвака, оплата доставки беженцев на железнодорожные станции обычно задерживалась. Кроме того, государственные расценки не устраивали местных «крестьян-подводчиков». Это вынуждало беженцев оплачивать свой проезд до железнодорожных станций. По этой причине не удалось начать эвакуацию с самых неимущих¹¹³. Беженцев, уже собранных для отправки, нередко длительное время не отправляли. Так, в Орле, в бараках Губзвaка, в антисанитарных условиях беженцы с марта 1921 г. два месяца терпеливо ожидали отъезда, а затем стали осаждать местный Губзвак. Последний вступил в переписку с Центром, пытаясь получить наряд на отправление, мотивируя свою просьбу крайней необходимостью освободить бараки «для других бездомных»¹¹⁴. В Ельде 200 беженцев, мучимые голодом, умоляли отправить их как можно скорее. «Ибо смерть стоит перед нашими глазами», – писали они¹¹⁵. В этих словах не было преувеличения, т. к. смертность среди городского населения в 1917–1920 гг. была огромной и определяла общую убыль населения страны, составившую за указанный период с осени 1917 г. к 1921 г. почти 11 млн человек¹¹⁶.

Отправке в первую очередь, по предписанию правительства, подлежали, в частности, желавшие выехать из родины в Латвию латышские стрелки, уволенные из Красной армии. До отправки им следовало оказывать материнскую поддержку и «ни в коем случае не отбирать у них одежду и обувь, заменяя её негодной». С жильём и продовольствием до отправки было катастрофически плохо (как и с паровозами, вагонами, топливом и пр.). «Настроение ухудшается и разрушается вся агитационная работа (концерты, митинги, спектакли)», – сообщал Латышскому отделу ЦК РКП его уполномоченный представитель¹¹⁷. При этом беженцы, призванные в Красную армию, в соответствии с действующей секретной инструкцией Центризвака не имели возможности даже зарегистрироваться и попасть в эшелонные списки для отправки в новые Прибалтийские государства. Такую возможность имели лишь уволенные из Красной армии в бессрочный отпуск¹¹⁸. К примеру, военнослужащий 6-й стрелковой дивизии Ю. Клевинский, не смог уехать в Литву из Орла с эшелоном в июле 1921 г., и, когда он обратился с заявлением в Орловский Губзвак, началась переписка, которая продолжалась и в следующем году¹¹⁹. В марте 1921 г. участник Первой мировой войны, с 1914 по 1918 гг. находившийся на фронте, затем советский служащий Ян Паул, добиваясь отправки на родину, в Ригу, сообщал в Центризвак из Воронежской губернии (г. Бутурлиновка), что с августа 1920 г. было отправлено на родину минимум 4 эшелона беженцев Латвии, но ему об этом никто не сообщал, поэтому преднамеренности в этом вопросе очевидна, несмотря на «непрерывную добросовестную службу в Советских учреждениях». В отличие от других Я. Паул не получал во время службы ни мануфактуры, ни обуви, а жить

по рыночным ценам ему и его семье было просто невозможно¹²⁰. Если бы Я. Паул знал о том, что секретные инструкции, благодаря которым его удерживают в России, исходили от Центрэвака, он бы туда не обращался.

Уполномоченный по делам беженцев Латвии в ноябре 1921 г. направил в Центрэвак письмо, в котором указывал на «повсеместное» наличие ещё не выехавших на родину латышских беженцев. При этом местные эвакоорганы отказывали им в отправке в Москву на предмет эвакуации на родину, ссылаясь на отсутствие соответствующих распоряжений Центра¹²¹. Именно такие ответы и предписывал давать беженцам и иностранным представителям Центрэвак в своих секретных документах, чтобы «в интересах РСФСР» задерживать реэвакуацию.

Соглашение о репатриации между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, было заключено 24 февраля 1921 г. в Риге. Учреждались две смешанные комиссии (в Москве и Варшаве) из двух делегаций каждая. Регистрация и составление эшелонных списков возлагались на учреждения отправляющего государства. Реэвакуации в первую очередь подлежали нетрудоспособные. Начало отправки — не позднее двух недель со дня образования смешанных комиссий¹²². Соглашение не подлежало ратификации и вступало в силу с момента его подписания¹²³. Мирный договор был заключён 18 марта 1921 г.¹²⁴

Инструкцию о порядке регистрации и составления эшелонных списков беженцев, происходящих из местностей, отошедших по Рижскому мирному от 18 марта 1921 г. договору к Польской Республике, уездэваки получили летом 1921 г.¹²⁵ В инструкции перечислялись эти местности, например, Гродненская губерния, за исключением г. Гродно и уезда, Новогрудский и Пинский уезды Минской губернии, а также целый ряд других бывших российских территорий. Уездэвакам предписывалось приступить к новой регистрации уроженцев этих местностей, имеющих об этом «несомненные документальные доказательства»: паспорта, беженские книжки от бывшего Татьянинского комитета, Земгора, приказы о выселении с места жительства, регистрационные беженские карточки Наркомата по национальным делам до 1 января 1919 г. Кроме того, следовало принимать за доказательство свидетельства, квитанции, книжки Государственной Сберегательной

кассы и другие бумаги, выданные в прежнем месте постоянного жительства.

В специальном параграфе Инструкции отмечалось, что беженцами не могут считаться лица, которые исключительно на основании своей официальной должности проживали на территории нынешней Польской республики, не являясь её уроженцами. При перерегистрации документы беженцев следовало оставлять в уездэваках для последующей доставки их в Губэвак. К беженцам приравнивались бывшие военнопленные, находившиеся на тот момент на территории РСФСР, проживавшие до начала Первой мировой войны в указанных местностях. О регистрации беженцев, не имевших требуемых документов, в инструкции было сказано, что на этот счёт следует особое распоряжение. Последовавшее распоряжение состояло в том, что уездэваки должны были составить списки таких беженцев и предоставить их в Центрэвак. При этом следовало указать тех лиц на родителе, которые могли бы сообщить о каждом из беженцев как можно больше. По этому вопросу, к примеру, 6 мая 1921 г. общее собрание беженцев Польши и Белоруссии, проживавших в Ельце Орловской губернии, постановило, что на не имевших требуемых документов будут составлены и переданы Губэваку списки с приложением к ним удостоверений «от вполне известных беженцев», подтверждающих личность и право на реэвакуацию таких беженцев¹²⁶. Кроме того, собрание решило направить в Центрэвак и смешанную польско-русскую комиссию своего делегата В.Е. Останчука с поручением выяснить вопрос о реэвакуации беженцев, призванных в Красную армию.

В Инструкции также устанавливался срок регистрации возвращавшихся «гузовым порядком» — до 1 августа 1921 г. Этим беженцам необходимо было иметь доказательство того, что их скот был вывезен из мест прежнего жительства и получить удостоверение. Например: «Гражданин Болеслав Владимирович Деляковский из граждан Волковыска Гродненской губернии, проживающий в с. Полотняный Завод, отправляется на родину со своей семьёй из четырёх душ гузовым путём на своей лошади, вывезенной из Гродненской губернии»¹²⁷. Ещё один пример удостоверения: «Сие дано беженцу из Слонимского уезда Гродненской

губернии Максиму Иосифовичу Битуну в том, что имеющаяся у него лошадь, корова, швейная машина и самовар принадлежат ему. Они вывезены при эвакуации из Гродненской губернии в 1915 г.»¹²⁸. В уездэваках беженцам объясняли: «Ходатайствуйте к нам. Мы – в Губэвак, Губэвак – в Центр. Разрешает Центр, а без соблюдения этой формы никакая отправка гужевым порядком быть не может»¹²⁹. Замнаркомвнудел М. Владимирский в своём отношении от 28 июля 1921 г. высказался по поводу имущества так: «Если имущество вывезено при эвакуации, заявления подаются в местные земотделы и пересылаются в Центрэвак»¹³⁰.

В Инструкции, не подлежавшей оглашению, предписывалось «в интересах РСФСР» устанавливать очередь на внесение в эшелонные списки для отправки беженцев. Состоявших в Красной армии следовало регистрировать и включать в эшелонные списки только после демобилизации. Все эшелонные списки подлежали визированию Губчека (Особого отдела или Президиума), после чего завизированные списки вместе с документами беженцев нарочным следовало препровождать в Центрэвак для визирования Польской делегацией. При даче объяснений беженцам или учреждениям строжайше воспрещалось «ссылаться на инструкцию»¹³¹. Начальникам Губэваков было приказано эшелонные списки реэвакуируемых в Польшу «ни в коем случае не посылать в Центрэвак для получения визы Польской делегации нарочными из беженцев... или из сотрудников уездэваков польской национальности из Польши или Литвы»¹³². Начальники Губэваков имели секретный приказ, касавшийся регистрации и включения в эшелонные списки беженцев-медицинских работников всех категорий, предписывавший вносить их в эшелонные списки только после согласования этого вопроса с Губздравмами. Отказы следовало мотивировать «правильно», а именно тем, что в первую очередь отправляют «инвалидов, детей, стариков, нетрудоспособных и т. д.»¹³³.

Центрэвак в ноябре 1921 г. обязал свои местные органы считать недействительными при регистрации и отправке в Польшу удостоверения, выданные Польской делегацией без визы Русско-украинской делегации. В Центрэвак поступали заявления Поль-

ской делегации о том, что представляемые Губэваками эшелонные списки почти сплошь состояли из беженцев-белорусов. В этой связи Центрэвак, подтверждая прежде данные инструкции, предлагал своим органам на местах «во все плановые эшелоны включать и некоторое более или менее значительное количество беженцев польской национальности», кроме случаев, когда эшелоны составляются из «самовольно прибывших и накопившихся в данных местностях»¹³⁴. На практике уездные органы Центрэвака запрашивали Центр практически по каждому конкретному случаю. До них все инструкции не доходили, тем более секретные, адресованные Губэвакам. Последним тоже приходилось часто обращаться в Центрэвак. Например, Орловский Губэвак в мае 1921 г. запрашивал Центр, можно ли отправить в Латвию двух инженеров – Кузьмина и Адамского. Через месяц Центрэвак ответил, что на этот счёт существует секретная инструкция, но, по их мнению, Адамского можно отправить с ближайшим эшелоном в связи с его преклонным возрастом, однако и через два с половиной месяца инженер Адамский оставался в Орле и продолжал добиваться эвакуации, о чём он и писал в Центрэвак¹³⁵.

При проведении перерегистрации обнаруживалось, что большинства беженцев уже не было в местах временного подворения¹³⁶. Например, перерегистрация, проведенная в Мещовском уезде Калужской губернии, показала наличие 240 беженцев из Гродненской губернии, размещённых в г. Мещовске и восьми уездах, хотя летом 1918 г. здесь было более 2,3 тыс. беженцев из Пружанского и Волковыского уездов Гродненской губернии¹³⁷. Медынский уездэвак с августа до конца 1921 г. оформил документы для отправки в Польскую Республику более 300 уроженцев Гродненской губернии, в 1918 г. в уезде находилось более 1,2 тыс. белорусов¹³⁸. В процессе этой работы также выяснилось, что у 20 уроженцев Гродненской губернии, а также Холмской, Курляндской и Виленской не было документов, поименованных в инструкции¹³⁹. Список этих беженцев был направлен в Центрэвак. В других уездах наблюдалась аналогичная картина. Так, в Жиздринском уезде не зарегистрировали беженца из Слонимского уезда Гродненской губернии Семёна Ивановича Иванова с

семьей из пяти человек. Беженцам, оказавшимся в такой ситуации, и вообще всем желающим для улучшения их материального положения приказом Центрэвака от 9 августа 1921 г. было разрешено переехать к родственникам в пределах РСФСР¹⁴⁰.

Из Орловской губернии первый плановый эшелон с беженцами в Польшу (1327 человек) был отправлен 19 июля 1921 г.¹⁴¹ Из Малоархангельского уезда 200 беженцев из 680 отправили в Польскую республику в конце октября 1921 г.¹⁴² В Латвию и Литву по нарядам Центрэвака из губернии отправили, как и в Польшу, до 1,5 тысяч беженцев, а всех вместе – до 3 тысяч¹⁴³. Беженцы из г. Ельда, которых никак не отправляли, 6 сентября 1921 г. послали в Центрэвак прошение, где писали, что Орловская губерния получила всего один наряд на вагоны в Польшу в 1921 г., куда их не включили, что один пуд дров стоит 4 тысячи рублей, да и то их нет на рынке. Пуд муки – 100 тысяч рублей, мера картофеля – 40 тысяч рублей. Пайки не выдают, зарплата – 2–3 тысячи рублей. Количество беженцев в г. Ельце – 1 тысяча, в уезде – 2 тысячи. Беженцы просили и умоляли дать наряд на три эшелона или хотя бы один для города. Доставить в Центрэвак данное прошение доверялось беженцу Станиславу Камильевичу Янишевскому¹⁴⁴.

Из Калужской губернии в плановом порядке отправили 2534 беженца¹⁴⁵. Из Тульской, Курской и Рязанской губерний реэвакуировали соответственно 4,5, 5 и 5,5 тысяч беженцев¹⁴⁶. В Воронежской губернии за 1921 г. количество беженцев уменьшилось с 30 тысяч до 12891 человека, т. е. более чем наполовину (на 17109 человек). Легально из Воронежской губернии отправили по нарядам Центрэвака 2766 человек в Польшу, 1900 – в Литву, 147 – в Латвию, всего – 4813. Остальные 12296 человек убили самовольно и умерли, что было отмечено в отчёте местного Губэвака. В отчёте отмечено также, что местные уездэваки «не в силах справиться с массовым напором беженцев к железнодорожным станциям и с самовольными посадками в вагоны, никакие увещания не действуют»¹⁴⁷.

Как непросто проходил процесс реэвакуации можно видеть на примере Жиздринского уезда Брянской губернии. В начале 1921 г.

Жиздринский уездэвак запросил вышестоящий Губэвак о сроках реэвакуации. Ответ пришёл в начале марта: «Губэвак пока такими сведениями не располагает». Позже была объявлена отправка в Латвию на 29 марта, но она была приостановлена, как оказалось, до июня. Состоявшийся в начале мая очередной 12 уездный съезд Советов проголосовал за ходатайство перед Губисполкомом, Губэваком и Центром о включении беженцев Жиздринского уезда в *первую очередь* отправки их на родину. Ходатайство было направлено и по нему принято положительное решение. В начале июля Жиздринский уездэвак получил сообщение, что в начале августа 300 беженцев будут отправлены. 2 августа наряд на отправку действительно был получен вышестоящим Брянским Губэваком, списки жиздринских беженцев были готовы и завизированы польской стороной, однако весь эшелон оказался заполнен беженцами г. Брянска и Брянского уезда (1 тыс. человек).

Жиздринский исполком сразу же сообщил об этом нарушении в Центрэвак с просьбой отправить жиздринских беженцев, уже сившихся с мест. 4 сентября состоялось собрание беженцев, на котором присутствовали члены Жиздринского уисполкома. В итоге в Центрэвак было направлено ещё одно ходатайство об отправке, удовлетворённое Центрэваком, который распорядился о предоставлении вагонов для жиздринских беженцев к 10 сентября. Главе семьи или одиноким разрешалось провезти 8 пудов багажа, взрослому члену семьи – 5, детям до 10 лет – по 2 пуда на каждого. В итоге в Польскую Республику отправили 292 уроженца Гродненской губернии и 16 человек – в Латвию¹⁴⁸. На конец 1921 г. в уезде оставалось для отправки в Польшу 111, в Латвию – 159, в Литву – 12; всего – 182 человека¹⁴⁹. В данном случае беженцы действовали вместе с местной властью, а иначе они бы вообще не смогли ничего добиться, так как НКВД предписывалось «не допускать» образования различных беженских комитетов и самочинных уполномоченных <...> Достаточно смешанной русско-польской комиссии»¹⁵⁰.

Похожие ситуации возникали и в других губерниях, например, на 25 и 30 октября 1921 г. был назначен отъезд двух тысяч беженцев из г. Тамбова, но им вдруг объявили, что вначале отправят беженцев из уездов. Городские беженцы пришли в отчаяние и

не могли понять причину такого решения. Они доказывали, что условия проживания в городе несравненно хуже, чем в сельской местности, кроме того, 600 из 2 тысяч городских беженцев проживали в 20 вагонах «крайне нужных для республики». Губэвак в данной ситуации ничего не объяснял и ссылался на решение Центрэвака¹⁵¹.

Таким образом, в 1921 г. неорганизованное движение-бегство беженцев Первой мировой войны, несмотря на многочисленные трудности, которые предстояло им преодолеть, самостоятельно отправляясь в обратный путь, а также коренного населения из охваченных голодом районов Поволжья приняло огромные размеры. Центрэвак, легализовав переселение незначительной части населения Поволжья, пытался использовать в отношении всех остальных переселенцев, считавшихся нелегальными, запретительную тактику. Однако в результате Центрэваку всё же пришлось приступить к оформлению документов, формированию из нелегальных беженцев эшелонов и даже заняться нелегальной отправкой в Польшу скопившихся в приграничных районах беженцев. Одним из способов самостоятельного беспрепятственного возвращения домой для беженцев стало нелегальное приобретение документов о том, что они едут на родину «с партийным поручением». Всего за 1921 г. через российские пограничные пункты проследовало почти 500 тысяч репатриантов в Польскую Республику и около 200 тысяч в Прибалтийские государства, причём количество репатриантов, не зарегистрированных на контрольно-пропускных пограничных пунктах, в том числе передвигавшихся гужевым путём, неизвестно даже приблизительно.

На основе соглашения о репатриации между Россией и Польшей, заключённого в феврале 1921 г., Центрэвак объявил о начале с 6 марта планомерной эвакуации в Литву и Польшу. Процесс санкционированной эвакуации из центральноевропейских губерний носил нерегулярный характер. Недовольство состоянием эвакуации выражали не только беженцы и зарубежные уполномоченные по делам беженцев, но и работники органов Центрэвака на местах. При проведении эвакуации практиковалась неправомерная отсрочка отправки на родину некоторых групп беженцев якобы «в интересах РСФСР». В 1921 г. из каждой

из семи центральноевропейских губерний было эвакуировано по 2,5–5,5 тыс. беженцев. При этом выехавших самостоятельно, а также умерших в отдельных губерниях и уездах было в 2–2,5 раза больше, чем отправленных за счёт Центрэвака.

6.3. Заключительный этап эвакуации беженцев. 1922 – сер. 1925 гг.

...невыезд меня с семьёй на родину... произошёл не по моей вине, а исключительно по халатности Губернских властей...
Ходатайствую о предоставлении мне права выехать на родину бесплатно.

Из заявления в административный отдел НКВД беженца, польского подданного Болеслава Вильк. 20 января 1925 г. (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 73).

Все хранящиеся документы потеряли надобность и ценность... ввиду хаотического состояния, а потому... подлежат уничтожению путем сожжения.

Из акта об уничтожении документов Центропленбежса, Центрэвака, иностранного подотдела, отдела пропусков, статистики и финансового отдела, сдавших в разное время на хранение. 27 мая 1924 г. (ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 77).

В декабре 1921 г. Центрэвак объявил о ликвидации своих органов на местах. В соответствии с инструкцией от 5 января 1922 г. в феврале были ликвидированы уездные, а в марте губернские управления по эвакуации населения (Губэваки). Вместо них в первом полугодии 1922 г. функционировали линейные эвакуационные пункты при крупных железнодорожных станциях и межтерриториальные базисные эвакуопункты. Например, в таких губерниях центра Европейской России как Тульская, Курская, Брянская, Орловская были организованы линейные эвакуопункты и подчинены Орловскому базисному эвакуопункту, а Рязанский линейный эвакуопункт – Московскому¹⁵². Кроме Орла, базисный эвакуопункт был создан и в Воронеже. При железнодорожной станции «Калуга» в марте был организован линейный эвакуаци-

онный пункт с передачей ему имущества питательного пункта местного Губэвака, который подлежал ликвидации. Этот вопрос не был согласован с Центрэваком. В итоге только что созданный линейный эвакупункт пришлось ликвидировать, а уполномоченного Центрэвака по Калужской губернии подчинить базисному эвакупункту в г. Орле.

Во втором полугодии 1922 г. ликвидации подверглись уже эвакупункты. С 1 июля прекращалась бесплатная перевозка «голодобеженцев» в Европейской России, а с 1 августа из Сибири¹⁵³. Губисполкомы, озабоченные реэвакуацией беженцев в условиях ликвидации губэваков, эвакупунктов и в связи с предстоявшей ликвидацией Центрэвака, запрашивали Народный комиссариат Внутренних дел о том, «что и как всё будет дальше происходить, что делать сейчас с беженцами и другим контингентом, требующим эвакуации». На железнодорожных станциях скапливались массы людей, например, в Сызрани ожидали отправки 10 тысяч беженцев, рабочих и переселенцев, а местный эвакупункт уже был без руководителя, которого отозвали несмотря на сложную ситуацию с отправкой¹⁵⁴. В бывшей Дальневосточной Республике в декабре 1922 г. ожидали отправки 500 латвийских беженцев, о них проявляла беспокойство Латвийская дипломатическая миссия¹⁵⁵. В январе 1923 г. не состоялась запланированная отправка 300 беженцев Латвии из губерний Европейской части России, и латвийские представители вынуждены были обращаться по этому вопросу, но теперь уже не в Центрэвак, а в ликвидационную комиссию Центрэвака. При этом обмен 90 коммунистов, находившихся в Латвии, на 60 латвийских беженцев, находившихся в России, в это же самое время состоялся¹⁵⁶.

После ликвидации местных органов Центрэвака за оформление документов на выезд за границу беженцам Первой мировой войны отвечали отделы управления губисполкомов. Например, в Калужской губернии при административном подотделе отдела управления Губисполкома был образован эвакуационный стол, который возглавил бывший заведующий беженским отделом Губернского управления по делам пленных и беженцев С. Каралис, уроженец Виленской губернии, в период Первой мировой войны оказавшийся в Калуге. Через год функции эвакустола перешли

к иностранному столу отдела управления Губисполкома¹⁵⁷. Случаи, когда документы беженцев, которые требовались для подтверждения их беженского статуса, полученные иногда с большим трудом с мест их прежнего проживания, в итоге терялись по вине советских работников, к сожалению, не были единичными. Например, в Мценске Орловской губернии сразу 22 беженца — уроженца Латвии в одночасье остались без документов, отосланных при посредстве отдела управления Губисполкома в Москву¹⁵⁸. По этой причине люди по возможности старались доставлять свои бумаги в иностранные миссии лично или с оказией. Однако когда, например, литовский беженец Зенон Викторовский после поездки по этому вопросу в Москву, в Литовское представительство, в июне 1922 г. возвратился обратно, его оштрафовали на 1,5 тыс. рублей за «незаконную» поездку и как бы в утешение объяснили, что сумма штрафа пополнит фонд помощи пленным красноармейцам, находившимся в Польше. Подпредство Литовской Республики, куда обратился Викторовский, наоборот, посчитало незаконной предъявленную беженцу штрафную санкцию и заявило протест на том основании, что «передвижение в РСФСР никакими узаконениями не воспрещено»¹⁵⁹.

Надо отметить, что способностью быстро направить ход дел эвакуационные органы Советской России вообще не отличались, тем более в периоды реорганизации и ликвидации. Взаимодействие центра и периферии, межведомственные связи всегда оставляли желать лучшего. Местная исполнительная власть, как правило, по несколько раз обращалась в Центр за разъяснениями, как поступать в конкретном случае, на основании какого нормативного акта, часто у них отсутствовавшего. Например, административный отдел Рязанского Губисполкома в 1924 г. просил НКВД выслать для руководства циркуляр от 29 мая 1922 г., который год назад, в марте 1923 г., был отменён¹⁶⁰. Переписка требовала времени, тем самым оттягивая момент реэвакуации, что отрицательно сказывалось на настроении беженцев. В феврале 1922 г. губотделы ЧК, к примеру, стали отказываться визировать списки беженцев, что было необходимо для получения нарядов на эвакуацию, на том основании, что в списках не были обозначены маршруты следования. Между тем маршруты сообщались на места

тем же Центрэваком лишь перед самой отправкой эшелона, т. е. после утверждения уже завизированных списков. Получался замкнутый круг, также тормозивший отправку¹⁶¹. Польская миссия в 1922 г. шесть раз обращалась по поводу урегулирования крайне замедленной деятельности Курского эвакуационного пункта, в связи с чем был сформирован только один эшелон (к августу 1922 г.); а также по поводу отказов в регистрации беженцев Виленской губернии под предлогом отсутствия распоряжений Центрэвака¹⁶². Польскому репатрианту Фёдору Гейтцу, имевшему польскую и союзную визы, в Курске незаконно отказали в выдаче бесплатных проездных документов¹⁶³.

Нередким явлением было незаконное отобрание вещей или денег у репатриантов на границе. При этом жалобы и обращения оставались без ответа вплоть до прекращения репатриации¹⁶⁴. Например, так произошло с польским беженцем Яковом Колусом летом 1922 г. Польская делегация по репатриационной деятельности в Минске обратилась по этому вопросу в августе 1922 г. в установленном порядке в русско-украинскую репатриационную делегацию, но ответа не получила. Повторное обращение в апреле 1924 г. также осталось без ответа. В марте 1925 г. уже Польская дипломатическая миссия вынуждена была поставить этот вопрос перед НКВД СССР¹⁶⁵. Другой польский беженец Леон Кушницрук в августе 1922 г. сообщил о незаконном отобрании денег и документов на российской таможне. У Владислава Лукашевича и Виктора Голошевского также на таможне были конфискованы вещи и деньги. Польская делегация ничего не смогла добиться до прекращения репатриации, после чего Польская дипломатическая миссия в 1925 г. вступила в переписку по этому вопросу с НКВД¹⁶⁶.

Латвийское посольство в январе 1924 г. возбуждало вопрос о скорейшей эвакуации латвийских граждан, у которых были отобраны латвийские паспорта, выданные во Владивостоке до установления там Советской власти. На Дальнем Востоке в таком положении находились не только латыши, но граждане Литвы, Эстонии¹⁶⁷ и Польши. Так, литовский беженец Калалис написал в апреле 1925 г. в СНК о том, что сдал документы и ждёт отправки с лета 1923 г.¹⁶⁸ В Смоленской губернии документы беженца

И.О. Левановича «с 1923 г. ходили то в Москву, то обратно в Смоленск». «Он заполнял всевозможные анкеты, платил деньги и т. д., а в результате получается, что выехать в Литву он не может по причине истечения русской визы и срока репатриации», — сообщал в апреле 1925 г. Административный отдел Смоленского Губисполкома Центральному административному управлению НКВД, прося отсрочить русскую визу на выезд¹⁶⁹.

В ноябре 1924 г. ходатайство польской репатриантки Т.М. Блажевич о выезде на родину вместе с остальными документами из-за продолжительной служебной переписки не попали вовремя, т. е. до завершения процесса репатриации, в польское посольство. По этой же причине польский репатриант Б. Вильк с семьёй, своевременно предоставивший в 1924 г. документы для возвращения на родину, лишился права бесплатного возвращения «ввиду окончания репатриации». Ещё 5 репатриантов Польши в январе 1925 г. пострадали таким же образом из-за невыдачи им на руки документов, которые отправили почтой¹⁷⁰. В марте 1923 г. латвийские беженцы в Туле были крайне обеспокоены, что беженский отдел НКВД не давал наряда на их отправку, а у них уже истек срок российской визы¹⁷¹.

Нередко оформление задерживалось из-за передачи документов не в то посольство, как, например, в случае с беженской семьёй Творецкого из Ковенской губернии. Самы работники административных отделов «громадным затруднением нормального хода репатриации» считали установку Бюро перевозок ОГПУ на отдельную отправку багажа репатриантов «малой скоростью» в 1925 г.¹⁷² Множество вопросов на местах возникло в связи с приказом Центрэвака от 15 сентября 1922 г., прекращавшим с 1 октября бесплатную отправку беженцев в Латвию¹⁷³. Беспокойство местных властей объяснялось тем, что оставалось «довольно значительное количество» беженцев, зарегистрировавшихся, но не уехавших по разным причинам и не подавших заявлений о желании выехать, которые затем пожелали это сделать; кроме того — беженцев, никогда ранее не регистрировавшихся, но теперь желающих ехать. Губотделы ГПУ настойчиво предлагали приступить к новой регистрации, но это требовало согласования с Центрэваком, который находился в предликвидационном перио-

де¹⁷⁴. В ответ на многочисленные запросы в духе «что делать?» Центрэвак сообщал, что скоро последует приказ, согласно которому *бесплатная отправка* будет продлена на две недели, по истечении которых беженцы, не заявившие о намерении выехать, уже окончательно лишатся возможности ехать *за счёт Центрэвака*¹⁷⁵. Надо отметить, что регистрация беженцев для бесплатной отправки в Латвию уже прекращалась в 1921 г., что вызвало многочисленные жалобы и ходатайства, способствовало увеличению самостоятельного непланового движения, с чем Центрэвак всегда боролся. В результате регистрация тогда была возобновлена, но беженцам пришлось снова заявлять о себе и писать ходатайства о бесплатной отправке¹⁷⁶.

Плановая перевозка беженцев в 1922 г. в Польшу и в Прибалтийские республики, несмотря на происходившую ликвидацию эвакуационного аппарата на местах, продолжалась, но её темпы и качество оставляли желать лучшего. Так, в марте по одному эшелону отправили в Польшу из Орла, Брянска, Тулы, Рязани, Тамбова, Смоленска и два эшелона из Калуги¹⁷⁷. Эти люди ожидали реэвакуации из Советской России целых четыре года. В апреле и мае из Воронежа отправили 1015 человек в Польшу¹⁷⁸. В феврале, мае и сентябре состоялись отправки (по одному эшелону) в Польшу и Прибалтику из Калужской губернии, в которой на 1 января 1922 г. находилось 8,3 тысячи зарегистрированных беженцев¹⁷⁹. Среди отправленных преобладали уроженцы Гродненской губернии¹⁸⁰. В августе из Орла отправили 1264 беженца в Польшу и Прибалтику¹⁸¹, из Тулы – один эшелон, состоявший из 402 человек, в Польшу¹⁸², а также из Курска, откуда до конца 1922 г. перевезли 1136 человек¹⁸³ из 8,7 тысяч зарегистрированных на 1 января 1922 г.¹⁸⁴ Летом в Польскую Республику отъезжали и гужевым способом¹⁸⁵.

Далеко не все плановые отправки в 1922 г. проходили нормально, без тех или иных нарушений, в объявленные сроки. В результате беженцы не успевали распорядиться своим имуществом или, наоборот, ликвидировали его, увольнялись с работы, а отъезд переносился на неопределённое время¹⁸⁶. Например, по этой причине из Тулы ни в марте, ни в повторно назначенный срок беженцы не уехали. Тульский линейный пункт добивался отправки

сначала у Орловского базисного пункта, затем стал просить у него разрешения обратиться напрямую в Центрэвак¹⁸⁷. Аналогичная картина с отправкой наблюдалась не только в Центральном регионе. Например, в апреле 1922 г. уполномоченный Латвии по делам беженцев сообщал Центрэваку, что беженцы, собранные в Архангельской губернии полгода назад, до настоящего времени не отправлены из-за отсутствия наряда¹⁸⁸. Оптационная комиссия при Латвийской дипмиссии в августе 1922 г. обращалась в Центрэвак по поводу реэвакуации беженцев Латвии, ожидавших в Перми эшелона более четырёх месяцев после объявления об отправке и распродавших своё имущество. Челябинская база на все запросы по поводу отправки не реагировала, очевидно, рассчитывая на полную свою безнаказанность¹⁸⁹. Вся эта неразбериха только способствовала самотёку.

На 1 ноября 1922 г., по данным Центрэвака, в губерниях Европейской России оставались неотправленными 32512 зарегистрированных беженцев¹⁹⁰. Из них в Калужской и Курской губерниях по три тысячи человек, в Воронежской – 215 человек, Орловской – 259, Тульской – 839, в Тамбовской губернии – две тысячи зарегистрированных¹⁹¹. Всего на 1 января 1923 г. в России с Украиной ожидали репатриации 83 793 человека¹⁹².

В 1922 г. волна «непланового беженского движения» вновь, как и весной 1921 г., поднялась, по оценке Центрэвака, на «значительную» высоту. Это были в основном беженцы, расселённые в «бывшей житнице России – губерниях Поволжья». Центрэвак, как следует из его отчёта, в 1922 г., как и в 1921-ом, вынужден был не просто бороться, но вести «усиленную» борьбу с «самотёком», при этом сотни сотрудников погибли от свирепствовавших в России эпидемических заболеваний¹⁹³. В этой связи правомерен вопрос о количестве погибших от болезней и голода беженцев. Эти данные Центрэвак, скорее всего, не сумел собрать. Такие попытки делались в конце 1919 г. и позже. Надо отметить, что даже в 1920 г. количество органов гражданской регистрации составляло не более 40 % от необходимого количества, не говоря уже о предыдущем советском периоде¹⁹⁴. При этом документы Центропленбежа и Центрэвака, статистического отдела, иностранного подотдела НКВД до 1922 г., сданные на хранение, были признаны в 1924 г. «потерявшими всякую надобность и ценность для

работы по даче сведений и справок Наркоматом (НКВД. – И.Б.) до конца оптации и репатриации и <...> подлежащими уничтожению путём сожжения»¹⁹⁵. По распоряжению Центрэвака беженцев задерживали на железнодорожных станциях¹⁹⁶. По вопросу о ликвидации простаивания вагонов с беженцами, прибывавшими без нарядов Центра, состоялось совещание в Москве. Там на Брянском направлении на начало 1922 г. скопилось более 100 вагонов. Беженский отдел Центрэвака и ВЧК явно не успевали разбираться с документами прибывших и продолжавших прибывать беженцев, формировать эшелоны. В итоге Центрэваку было предложено проводить отправку беженцев партиями, без формирования целого эшелона, что способствовало простоям¹⁹⁷. В Минске беженцам из Саратовской губернии, направлявшимся в Польшу, документы оформляли по 6 недель¹⁹⁸.

В 1922 г., например, в Польшу вернулось 278,8 тысяч репатриантов¹⁹⁹. Но это не означает, что все они были организованно вывезены из мест их временного размещения и доставлены до границы. Иначе не было бы проблемы самотёка, с которым безуспешно «боролся» Центрэвак. Беженцы по своей инициативе, несмотря ни на какие препятствия, продвигались на Запад, буквально наводнив всю Западную область.

Иностранные представительства предпринимали попытки защиты права собственности беженцев, самостоятельно покинувших Россию и вынужденно оставивших своё имущество. Так, Генеральное Консульство Латвии в январе 1923 г. направило вербальную ноту НКВД по поводу несоблюдения российской стороной Соглашения о порядке оптации гражданства возвращающимися на родину, вывоза и ликвидации имущества граждан обеих сторон от 6 ноября 1921 г. В результате латвийские беженцы, самостоятельно покинувшие территорию России до заключения Соглашения, лишались своего имущества, привезенного и оставленного в России не по своей воле. Ответа на ноту не последовало, о чём латвийское консульство сообщало НКВД в декабре 1923 г., расценивая отсутствие ответа как нежелание возвращать собственность латвийским гражданам²⁰⁰.

С января 1923 г. губернские эвакуационные столы взаимодействовали уже не с Центрэваком, а с эвакуационным отделом Наркомата Внутренних дел²⁰¹. Например, в Калужском Губисполкоме,

в составе которого находился эвакуостол, полагали, что ликвидация Центрэвака не означала прекращение эвакуации беженцев. Так, начальник отдела по этому вопросу высказался следующим образом: «Эвакуация не находится на мёртвой точке, но как раз наоборот. Только теперь придётся обращаться в Наркомвнудел, где организован эвакуационный отдел». В отдел доставлялись списки беженцев для получения нарядов на отправку, для визирования иностранными делегациями. Так, в начале апреля 1923 г. списки на 103 польских беженца были доставлены в отдел для визирования польской делегацией. Калужский Губернский эвакуостол в начале 1923 г. запросил в установленном порядке или уже получил необходимые документы для отправки 1200 беженцев. Списки ещё 870 человек были поданы в Наркомвнудел для запроса соответствующих органов по месту прежнего жительства беженцев²⁰². Практически во всех губерниях были беженцы без документов, подтверждавших их статус. Например, в Тульской губернии 350 человек²⁰³, в Курской – несколько тысяч²⁰⁴. В июне 1923 г. отдел управления Орловского губисполкома направил в Наркомат внутренних дел документы на 219 польских беженцев, 30 беженцев Латвии и 10 из Литвы «для наложения виз в соответствующих миссиях на предмет выезда на родину»²⁰⁵. В мае 1923 г. из Тулы отправили небольшие группы беженцев в Латвию, Литву и Польшу²⁰⁶, 20 декабря 1923 г. из Орла – в Польскую Республику²⁰⁷. До отправки в Москву беженские списки визировались губотделами ГПУ, которых интересовали политические моменты. Так, в феврале 1923 г. начальник Калужского Губотдела сообщал отделу управления Губисполкома, что в списке уезжающих на родину беженцев белорусов и поляков имеется Антон Александрович, который, по их сведениям, является «польским контрреволюционером, но он пока пропускается до получения ответа на запрос о нём из Центра»²⁰⁸.

Советское правительство в январе 1923 г. довело до сведения Поверенного в делах Польши в РСФСР, что в деле репатриации беженцев произошли «значительные» изменения, свидетельствующие о приближении конца процесса. Констатировалось, что с начала осени 1922 г. число уезжавших с эшелонами лиц было значительно меньше числа зарегистрировавшихся для отправки. Например, из Сибири и даже Москвы выезжало только 50 % за-

регистрировавшихся. Кроме того, количество заявивших о выезде не превышало 20 тысяч человек, из которых только часть выедет в Польшу эшелонным порядком. Далее делался вывод о том, что дальнейшее сохранение режима репатриации нецелесообразно. В этой связи Российское правительство объявляло об отзыве своей делегации российско-украинско-польской комиссии по репатриации в Москве и Варшаве, созданной на основании Соглашения о репатриации от 24 февраля 1921 г., и прекращении эшелонной отправки с 15 февраля 1923 г. Аналогичные меры предлагалось принять польскому правительству и в дальнейшем вопросы о репатриации разрешать в дипломатическом порядке²⁰⁹. Польская сторона, наоборот, настояла на продлении срока деятельности репатриационной комиссии в Москве еще на год, до 1 февраля 1924 г., а соответствующих отделений в Киеве, Харькове и Минске — до 15 января 1924 г.²¹⁰ Был установлен также дополнительный двухмесячный срок подачи заявлений об отплате польского гражданства с 1 августа 1923 г.²¹¹

В очередной раз не все беженцы смогли воспользоваться предоставленной возможностью из-за некомпетентности и волокиты со стороны исполнительной власти, как это, например, случилось с беженцем Лукашевичем в Зарайском уезде Рязанской губернии²¹². Подписание заключительного протокола Российско-Украинско-Польской смешанной комиссии по репатриации состоялось лишь 30 августа 1924 г. В результате массовая репатриация и деятельность смешанной комиссии была признана законченной с 1 сентября 1924 г. Все не законченные до 1 сентября репатриационные дела Польская делегация передала в консульский отдел своей дипломатической миссии для доведения до конца в дипломатическом порядке²¹³. Срок подачи заявлений на выезд в Польшу заканчивался 1 октября 1924 г. До этого времени не все беженцы сумели подать заявления. Например, группе беженцев из Воронежской губернии предстояло отправляться на родину за собственный счёт. Объявление об окончании бесплатной отправки было получено в Воронеже только 21 сентября²¹⁴, и всех оповестить не успели. В марте 1925 г. в провинции, в том числе в Орле, Туле и Курске, находились около 190 польских репатриантов (38 семей), в Раненбургском детском доме в Рязанской губер-

нии — 29 детей беженцев, пожелавших вернуться на родину в Польшу²¹⁵.

5 мая 1925 г. НКВД объявил об окончании репатриации беженцев, которые с этого времени становились советскими гражданами и могли ехать на родину только за свой счёт и в общем порядке. В итоге в губерниях Европейской России остались беженцы из Прибалтийских и Польских территорий в количестве от нескольких десятков до сотен и тысяч, которые превратились в советских граждан. В Польше в 1925 г. подсчитали, что за 1923–1924 гг. туда из СССР возвратилось 48,4 тысячи репатриантов, в том числе 34, 6 тысяч в 1923 г. и 13, 8 тысяч — в 1924 г.²¹⁶

Следует отметить, что с возвращением домой мигрантства большинства беженских семей продолжились. Свои дома и хозяйственные постройки они находили разрушенными, не было посевного материала и инвентаря для обработки земли. Люди страдали от голода, у них не было ни одежды, ни обуви: «Дома ни кола, ни двора, пепелище и бурьян. Началось массовое хождение по Польше в поисках работы, за которую платили продуктами»²¹⁷; «При возвращении голод, ни одежды, ни обуви, пришлось деткам побираться по деревням, подавали только картофель, а хлеб был дороже золота»²¹⁸; «Есть было нечего, мучились, а не жили»²¹⁹; «20 лет пришлось работать у евреев, до сих пор знаю еврейский язык»²²⁰; «Есть нечего было, побирались, потом у евреев пять лет служила»²²¹; «Побирались, чтобы кто картофе́лину дал»²²². Многим беженцам первоначально пришлось жить в землянках²²³. По воспоминаниям белорусских беженцев, власти Польши не заботились о том, где и как жить репатриантам²²⁴.

Таким образом, 1922 год начался с масштабной реформации Центрэвака, сопровождавшейся ликвидацией его органов на местах. К 1923 г. этот процесс завершился ликвидацией Центрэвака с уничтожением в 1924 г. документов не только Центрэвака, но и Центропленбежа, находившихся на хранении. Упразднение эвакуационной службы не могло не отразиться на темпах прежде всего плановой реэвакуации беженцев Первой мировой войны, а также на отправке самостоятельно двигавшихся беженцев, которым надо было оформлять документы. В связи с ухудшением качества делопроизводства, в частности, работы с личными доку-

ментами репатриантов, которые элементарно терялись, беженцы целыми семьями и группами семей лишались права приобретения иностранного гражданства. Репатриацию задерживало неоднократное прекращение регистрации для бесплатной отправки на родину. Советское правительство стремилось не к тому, чтобы как можно скорее за свой счёт, в соответствии с международными обязательствами, перевезти всех беженцев, оппировавшихся на иностранное гражданство, а к тому, чтобы скорее прекратить бесплатную отставку под предлогом отсутствия на своей территории беженцев, желавших выехать из страны. Иностранцы миссии небезуспешно противодействовали этой политике в интересах беженцев, не имевших возможности выехать на родину за свой собственный счёт. В 1922 г. продолжилось самодвижение беженцев на Запад в основном из губерний Поволжья несмотря на противодействие со стороны Центрэвака. Это приводило к нежелательным скоплениям людей на узловых железнодорожных станциях, в Западной области. Следует отметить, что массовая эвакуация русского населения из западных территорий в тыловые губернии была проведена в 1915 г. за 5 месяцев, а эвакуация из Советской России — СССР за 7 лет. С возвращением на родину большинству беженцев пришлось в тяжелых условиях голода, безработицы, отсутствия помощи со стороны государства в течение долгих лет восстанавливать свои разрушенные войной хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 39. Л. 167–169.
- ² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 2 а. Д. 39. Л. 37.
- ³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 680. Л. 201.
- ⁴ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 92 (без нумерации листов).
- ⁵ ГАОО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 80. Л. 64.
- ⁶ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 76 (без нумерации листов).
- ⁷ Постановление СНК об урегулировании переселения крестьян 15 июля 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 9. — М., 1978. С. 336–338.
- ⁸ Обращение СНК к трудовому крестьянству о порядке переселения в Сибирь и юго-восточные губернии России // Декреты Советской власти. Т. 9. — М., 1978. С. 166–168.

- ⁹ ГАКО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 70. Л. 10 об.
- ¹⁰ ГАКО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 70. Л. 14.
- ¹¹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 76 (без нумерации листов); ГАВО. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.
- ¹² ГАКО. Ф. Р-1244. Оп. 1. Д. 70. Л. 14.
- ¹³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 178. Л. 8, 51.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 178. Л. 53.
- ¹⁵ Там же. Л. 162.
- ¹⁶ ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 1077. Л. 122.
- ¹⁷ ГАОО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 142. Л. 4.
- ¹⁸ ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 1077. Л. 124.
- ¹⁹ Подсчитано по: *Вощинин В.П.* Переселение // О земле. Вып. 1. — М., 1921. С. 136.
- ²⁰ Постановление СНК об организации помощи голодающему населению Рязанской, Калужской, Тульской, Брянской и Орловской губерний. 21 сентября 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 10. — М., 1980. С. 351–352.
- ²¹ Постановление СНК об организации помощи пострадавшему от неурожая сельскому населению Калужской, Брянской, Рязанской, Орловской, Тульской, Царицынской губерний. 2 ноября 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 11. — М., 1983. С. 151–153.
- ²² *Кисель П.* Семь лет блуждания // Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. — Белосток, 2000. С. 122.
- ²³ Там же.
- ²⁴ ГАКО. Ф. Р-1071. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.
- ²⁵ ГАКО. Ф. Р-1071. Оп. 1. Д. 42. Л. 40.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а. Д. 50. Л. 34.
- ²⁷ ГАРО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 170. Л. 366.
- ²⁸ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 2. Д. 1 (без нумерации листов).
- ²⁹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 91 (без нумерации листов); ГАРО. Ф. Р-343. Оп. 1. Д. 1077. Л. 217.
- ³⁰ Коммуна. 1 июня 1921. № 116.
- ³¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 322.
- ³² Там же. Л. 339.
- ³³ См., например: *Беженство 1915 года* / Ред. В. Луба. Белосток, 2000. С. 85.
- ³⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 38, 338.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 63–64; Д. 166. Л. 303, 304, 338.
- ³⁶ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 835. Л. 1, 2; Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 21.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 460.
- ³⁸ Там же. Л. 376.
- ³⁹ Там же. Л. 454.
- ⁴⁰ Там же. Л. 421, 422.
- ⁴¹ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 99. Л. 23 об–57.

- ⁴² Там же. Л. 221.
- ⁴³ См. о встречах беженцев в тыловых губерниях: Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 24, 28, 83, 98, 114–115, 121, 139, 167, 171, 221, 213, 250, 257, 283.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 1. Д. 98. Л. 7.
- ⁴⁵ ГАВО. Ф. Р-530. Оп. 6. Д. 37. Л. 4.
- ⁴⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 717.
- ⁴⁷ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 270.
- ⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 39. Л. 168 об.
- ⁴⁹ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).
- ⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 71.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 39, 71.
- ⁵² Там же. Л. 131.
- ⁵³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 490. Л. 143.
- ⁵⁴ С апреля 1920 г. Жиздринский уезд Калужской губернии перешел в состав Брянской губернии.
- ⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 185.
- ⁵⁶ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).
- ⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 166. Л. 39 об–40.
- ⁵⁸ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 95. Л. 1, 115.
- ⁵⁹ Лахирева Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России. 1918–1925 гг. На примере Курской губернии: автореф. ... канд. ист. наук. – Курск, 1999. С. 23–24.
- ⁶⁰ См., например: ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 310, 341, 368, 383, 441.
- ⁶¹ Брук А.С., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. – М., 1991. С. 123.
- ⁶² ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).
- ⁶³ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).
- ⁶⁴ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Декрет СНК об использовании рабочей силы беженцев 19 сентября 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 6. – М., 1973. С. 122–123.
- ⁶⁸ Предписание СНК и Народного Комиссариата продовольствия всем губернским продовольственным комиссарам и исполнительным комитетам усилить работу по проведению продразверстки и борьбу с мешочничеством. 18 августа 1920 г. // Декреты Советской власти. Т. 10. С. 267. При этом СНК принимает постановление от 21 сентября 1920 г. Об отправке хлеба революционными рабочими Италии (160 тысяч пудов) (Постановление СНК об отправке хлеба в Италию // Там же. Т. 10. С. 352).
- ⁶⁹ ГАКО. Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

- ⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 2. Л. 119.
- ⁷¹ ГАВО. Ф. Р-2136. Оп. 1. Д. 99. Л. 103–104.
- ⁷² Договор между Россией и Латвией о реэвакуации беженцев. 12 июня 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 2. С. 569–571.
- ⁷³ Мирный договор между Россией и Латвией. 11 августа 1920 г.; Мирный договор между Россией и Литвой. 12 июля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 3. С. 101–116; 28.
- ⁷⁴ ГАОО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 1. Л. 73.
- ⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 2. Л. 97, 100, 105.
- ⁷⁶ Мирный договор между Россией и Эстонией. 2 февраля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 2. – М., 1958. С. 339.
- ⁷⁷ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 830. Л. 1, 2, 5.
- ⁷⁸ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 107.
- ⁷⁹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 26, 27.
- ⁸⁰ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 37, 53, 54.
- ⁸¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 24–25.
- ⁸² Там же. Л. 47–48. К сожалению, беженский представитель был перехвачен по дороге, а начальник Белёвского уездзема был отстранен от должности Начальником Центризвэка Розой Радек, а Тульскому Губчека было поручено привлечь его к ответственности.
- ⁸³ Там же. Л. 39, 50.
- ⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 4, 5.
- ⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 246. Л. 18.
- ⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 35. Л. 2–4.
- ⁸⁷ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 680. Л. 61.
- ⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 120. Л. 39 об, 44 об.
- ⁸⁹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 75 (без нумерации листов).
- ⁹⁰ Воицкий В.П. Переселение // О земле. Вып. 1. – М., 1921. С. 136.
- ⁹¹ Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и её осуществление в СССР... С. 48.
- ⁹² Рыков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство в Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 185.
- ⁹³ Воицкий В.П. Переселение... С. 137; Ямлин И.Л., Воицкий В.П. Учение... С. 78.
- ⁹⁴ См., например: Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 75, 107, 120, 140.
- ⁹⁵ Мизун Д.А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июль 1941 гг.): монография. – Минск, 2013. С. 96–97.
- ⁹⁶ Бежанства 1915 года / Редактар Віталь Луба. Беласток, 2000. С. 107.
- ⁹⁷ Там же. С. 35.
- ⁹⁸ Там же. С. 234.
- ⁹⁹ Там же. С. 131–132.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 60.
- ¹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 15, 25–25 об.

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 239. Л. 727; в Смоленске, кроме беженцев, находились и польские заложники, вопрос обмена по ним Центризвком решался долго и на 1 сентября 1921 г. ещё не был решён (ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 46).

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 141.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 54; в течение 1921 г. в Польшу вернулось 482 тысячи человек (Брук А. С., Кабузан В. М. Миграционные процессы в России и СССР. — М., 1991. С. 123).

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 207. Л. 54.

¹⁰⁶ Кабырчук М. Век горя // Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. — Белосток, 2000. С. 101–102.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 206. Л. 17.

¹⁰⁸ Там же. Л. 20.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 239. Л. 81, 82, 88.

¹¹⁰ В апреле Ф. Э. Дзержинский был назначен наркомом путей сообщения, одновременно СНК принял постановление об усилении борьбы с проездом мешочников по железным дорогам. Через две недели Ленин обратился к Дзержинскому по этому же вопросу борьбы с мешочничеством // Ленин В. И. ПСС. Т. 42. С. 578; Т. 43. С. 520, 522, 528.

¹¹¹ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 51.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 50. Л. 8.

¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 21.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 21.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 184. Л. 214.

¹¹⁶ Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. — М., 1986. С. 97–98, 107.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 12, 16.

¹¹⁸ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 94 (без нумерации листов).

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 11. Л. 19.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 239. Л. 166.

¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 24.

¹²² Началом отправки стало 6 марта 1921 г. // Известия Центрального Комитета РКП(б). 20 июля 1921. № 31.

¹²³ Примечания к Сообщению Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР о мирных переговорах с Польшей. 1 марта 1921 г. // Документы внешней политики СССР. — М., 1959. Т. 3. С. 686.

¹²⁴ Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой. 18 марта 1921 г. // Там же. С. 618.

¹²⁵ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 90 (без нумерации листов).

¹²⁶ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 418–418 об.

¹²⁷ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 90 (без нумерации листов).

¹²⁸ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).

¹²⁹ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 367.

¹³⁰ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 2 (без нумерации листов).

¹³¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 140.

¹³² ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 145.

¹³³ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 191.

¹³⁴ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1. Л. 184.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 47.

¹³⁶ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).

¹³⁷ ГАКО. Ф. Р-1796. Оп. 1. Д. 1. Л. 322–330; Красный Октябрь. — Калуга, 1920. Т. VIII. С. 2.

¹³⁸ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 82 (без нумерации листов); Красный Октябрь. Калуга, 1920. Т. VIII. С. 2.

¹³⁹ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 94 (без нумерации листов);

¹⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 94 (без нумерации листов).

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 192. Л. 77.

¹⁴² ГАОО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 2. Л. 194.

¹⁴³ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 13. Л. 16, 17, 21, 77, 78, 350, 420.

¹⁴⁴ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 184. Л. 82–86.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 39. Л. 188.

¹⁴⁶ Подсчитано по: ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 680. Л. 209 об.; Лахарева Н. В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: автореф. ... канд. ист. наук. — Курск, 1999. С. 24; ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 39. Л. 326 об.

¹⁴⁷ ГАВО. Ф. Р-529. Оп. 1. Д. 475. Л. 18 об, 33 об, 34, 38 об, 43.

¹⁴⁸ ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1. Д. 4 (без нумерации листов).

¹⁴⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1 (без нумерации листов).

¹⁵⁰ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 90 (без нумерации листов).

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 269. Л. 2, 3.

¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1. Д. 18. Л. 3, 8, 22.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 41. Л. 22.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 41. Л. 63.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 72.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 79, 83.

¹⁵⁷ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 2. Д. 89. Л. 9–10.

¹⁵⁸ ГАОО. Ф. Р-378. Оп. 1. Д. 212. Л. 184.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 24. Л. 56.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 226. Л. 5, 6.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 11. Л. 21–22.

¹⁶² Лахарева Н. В. Репатриация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). — Курск, 2001. С. 104–105.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 б. Л. 284, 286.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 197–200.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 б. Л. 129.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 180, 181, 182, 196.

¹⁶⁷ Регистрация беженцев Эстонии была закончена с 1 января 1922 г.

- ¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 276–279, 283; Д. 170 б. Л. 104.
- ¹⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 б. Л. 142.
- ¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 16, 19, 52–53.
- ¹⁷¹ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 1709. Л. 5.
- ¹⁷² ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 1709. Л. 224, 239.
- ¹⁷³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 7. Л. 63.
- ¹⁷⁴ Ликвидация Центрэвака началась с 1 ноября 1922 г. // ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 12.
- ¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 265. Л. 16–17.
- ¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 1а. Д. 50. Л. 8; ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 3. Д. 403. Л. 12.
- ¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 86. Л. 7; ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 6 (без нумерации листов).
- ¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 704. Л. 13.
- ¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 683. Л. 15.
- ¹⁸⁰ ГАКО. Ф. Р-2244. Оп. 1. Д. 6 (без нумерации листов).
- ¹⁸¹ ГАОО. Ф. Р-738. Оп. 1. Д. 212. Л. 63 об, 315–316.
- ¹⁸² ГАТО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 22. Л. 12.
- ¹⁸³ *Лахарева Н.В.* Резвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). Курск, 2001. С. 141.
- ¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 291. Л. 85.
- ¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 23. Д. 11. Л. 36 об.
- ¹⁸⁶ См., например: *Лахарева Н.В.* Резвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925 гг.). – Курск, 2001. С. 145–146.
- ¹⁸⁷ ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 3. Д. 403. Л. 48, 63, 120.
- ¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 294. Л. 89.
- ¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 704. Л. 247, 268.
- ¹⁹⁰ На 1 ноября 1922 г., по данным Центрэвака, оставались неоправленные в Сибири – 40 тысяч, на Украине – 20 тысяч человек; всего по России (с Украиной) – 95 862 человека.
- ¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 440. Л. 84.
- ¹⁹² ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 3. Д. 440. Л. 84; Оп. 4. Д. 85. Л. 25; Оп. 23. Д. 41. Л. 42.
- ¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 85. Л. 11.
- ¹⁹⁴ См., к примеру: ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 12. Л. 411–412; Ф. Р-3284. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов); *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. – М., 1986. С. 86.
- ¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 а. Л. 77.
- ¹⁹⁶ Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 121–122.
- ¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-3333. Оп. 4. Д. 317. Л. 3–5, 48.
- ¹⁹⁸ Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. Белосток, 2000. С. 116–117.

- ¹⁹⁹ *Брук С.А., Кабузан В.М.* Миграционные процессы в России и СССР. – М., 1991. С. 123.
- ²⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 163. Л. 273–277 об.
- ²⁰¹ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 1045. Л. 6.
- ²⁰² ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43. Д. 137 а. Л. 151.
- ²⁰³ ГАТО. Ф. Р-1766. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.
- ²⁰⁴ *Лахарева Н.В.* Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: автореф. ... канд. ист. наук. – Курск, 1999. С. 24–25.
- ²⁰⁵ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 896. Л. 6, 5, 8.
- ²⁰⁶ ГАТО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 1701. Л. 23.
- ²⁰⁷ ГАОО. Ф. Р-1162. Оп. 1. Д. 1134. Л. 5, 2, 6.
- ²⁰⁸ ГАКО. Ф. Р-1498. Оп. 4. Д. 53. Л. 25.
- ²⁰⁹ Нота члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Поверенному в Делах Польши в РСФСР Кнолло. 31 января 1923 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 6. – М., 1962. С. 171–173.
- ²¹⁰ Примечания к Ноте члена Коллегии Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Поверенному в Делах Польши в РСФСР Кнолло // Там же. С. 611–612.
- ²¹¹ ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 170. Л. 11.
- ²¹² ГАРО. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 170. Л. 14, 18.
- ²¹³ Нота Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Миссии Польши в СССР. 12 сентября 1924 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 7. – М., 1963. С. 448–449.
- ²¹⁴ ГАВО. Ф. Р-1163. Оп. 1. Д. 43. Л. 14, 15, 23.
- ²¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 50. Д. 170 в. Л. 166–168, 307.
- ²¹⁶ *Брук С.А., Кабузан В.М.* Миграционные процессы в России и СССР. – М., 1991. С. 123.
- ²¹⁷ Там же. С. 214.
- ²¹⁸ Там же. С. 177.
- ²¹⁹ Там же. С. 79.
- ²²⁰ Там же. С. 109.
- ²²¹ Там же. С. 134.
- ²²² Беженство 1915 года / Ред. В. Луба. – Белосток, 2000. С. 22, 77, 96, 115, 168, 170, 261.
- ²²³ Там же. С. 22, 78, 163, 281.
- ²²⁴ См., например: Там же. С. 240–241.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1915 г. обстановка на театре военных действий вынудила российские власти пойти на массовую эвакуацию населения из прифронтовых районов империи. Превратившаяся в вынужденных мигрантов эта многомиллионная людская масса, состоявшая в основном из крестьянских семей, в максимально короткий срок (5 месяцев) была перемещена в тыловые регионы империи и определена на жительство к состоятельным сельским хозяевам преимущественно хлебопроизводящих губерний Европейской России – Саратовской, Самарской, Донской и других, Кавказа, Сибири и Степных областей. При этом члены беженских семей, исключая лишь младенцев, участвовали в хозяйственной деятельности коренного населения, принявшего их на жительство. Беженцы получали за труд вознаграждение, которое обеспечивало их материальные потребности. Такой вариант обеспечения устраивал крестьянское беженское население и был выгоден как государству, так и работодателям. Беженцы были благодарны и власти, и местным сельским товаропроизводителям, которые, используя их труд, обеспечивали продовольствием не только свои и беженские семьи, но также армию и городское население страны. Государство предоставило беженцам право на получение бесплатной медицинской и лекарственной помощи, начального образования, разного вида пособий. Многодетные матери имели возможность помещать детей в приюты. Судя по воспоминаниям беженцев крестьянского сословия, они и не возвращались бы на свои оставленные на западе земли, «если бы только не революция». Действительно, с приходом к власти большевиков, вся прежняя система устройства беженцев, основанная в основном на их самообеспечении, рухнула. По мнению самих беженцев, сельские хозяева, предоставлявшие им работу и кров, благодаря политике большевиков очень скоро стали беднее беженцев от по-

стоянных реквизиций и бандитских грабежей. В городах наблюдалась сходная экономическая ситуация, отличительной чертой которой была безработица. Все это стало, как отмечали беженцы, побудительным мотивом к их возвращению домой.

В 1918 г. начался неконтролируемый отъезд беженцев на родину, не взирая на установленный на территории западных российских окраин в 1915 г. немецкий оккупационный режим. С заключением Брест-Литовского мира беженцы получили дополнительный стимул для возвращения домой. Беженцам пришлось преодолевать немалые трудности, связанные с отъездом: было необходимо самим позаботиться о перевозочных средствах, запасе продовольствия и документах. Не всем это удавалось, но не менее половины беженцев покинули места своего временного размещения ещё до создания летом 1918 г. уездных советских эвакуационных органов.

Самостоятельному передвижению беженцев с первых дней своего существования объявил войну центральный советский эвакуационный орган – Центропленбеж / Центрэвак. Предписывалось снимать беженцев с поездов и оставлять на жительство по месту задержания. Добиваться выполнения этого распоряжения центру было трудно, т. к. на местах от лишних едоков власти всячески старались избавиться. С 1920 г. так называемых нелегальных беженцев, задержанных в дороге, направляли на принудительные работы, в т.ч. и через сеть созданных концентрационных лагерей.

Централизованная же отправка беженцев на родину, начавшаяся в июле – августе 1918 г., не соответствовала ни плану, ни срокам, намеченным самим же Центропленбежем, и к началу 1919 г. была приостановлена. Отправляли на родину лишь беженцев-членов коммунистической партии, которым давали поручения по участию в укреплении Советской власти, установленной усилиями Красной армии. Возобновившись в 1920 г., реэвакуационный процесс всячески тормозился советской стороной, вопреки международным договоренностям, в т.ч. практиковалась принудительная мобилизация беженцев в Красную армию, наравне с остальными гражданами России. В результате реэвакуация беженцев, которые не смогли самостоятельно покинуть Россию, растянулась до 1925 г. Таким образом, организованная массовая

эвакуация миллионов беженцев из западных прифронтовых районов в тыловые губернии была проведена в Российской империи в 1915 г. за 5 месяцев, а в Советской России реэвакуация усилиями Центропленбежа / Центрэвака тех, кто не смог самостоятельно возвратиться на родину, продолжалась долгих 7 лет – с 1918 по 1925 г.

Следует отметить, что самым благоприятным периодом в жизни беженцев стал период их пребывания в тыловых губерниях до смены власти в октябре 1917 г. Первый этап российского беженства – крупномасштабное массовое движение населения из прифронтовых районов в 1915 г., сопровождался людскими потерями, несмотря на помощь, организованную государством. Однако наибольшие людские потери среди беженцев наблюдались в период с 1918 г. до их возвращения на родину. Но и возвращение домой не стало для большинства беженцев концом их бедствий. Им предстояло долгие годы без помощи государства восстанавливать свои разрушенные хозяйства.

Нехватка рабочих рук в стране потребовала широкого использования труда военнопленных. Пребывание в Центре Европейской России вражеских пленников во время Первой мировой войны было обусловлено их использованием в качестве рабочей силы, прежде всего в сельском хозяйстве, на железной дороге, промышленных предприятиях, на городских общественных работах. Труд военнопленных оплачивался, в установленном порядке они обеспечивались одеждой, обувью, медицинской помощью, им отводились помещения для жилья. Режим «изоляции военнопленных от внешнего мира», которого пытались добиться Министерство внутренних дел силами местных жандармских управлений, так и не был воплощен в жизнь до окончания войны. Отказы от работ, побегі военнопленных имели место на протяжении всего периода плена, но массового характера до 1918 г. не принимали.

С приходом к власти большевиков военнопленные, как и беженцы, остались без работы. Новая власть приравнивала их к иностранным гражданам нейтральных государств, и пленные получили право свободно проживать на частных квартирах. Это способствовало самостоятельным отъездам пленных на родину, а также стихийному их перемещению по стране в поисках работы.

В этой ситуации власть стала принимать меры к переводу военнопленных на казарменное положение, выдвинув условием освобождения из плена принятие советского гражданства. Одновременно большевики, опираясь на военнопленных-коммунистов, развернули агитацию за добровольное вступление военнопленных в Красную армию. Однако большинство пленных, не поддавшись агитации, самостоятельно уехали из Советской России в 1918–1919 гг.

В мае 1919 г. правительство Советской Венгрии объявило мобилизацию всех венгров от 18 до 45 лет, находившихся в России и на Украине, с целью защиты советского строя в Венгрии от «иностранных империалистов и своих капиталистов». В России явку на призывные пункты обеспечивали местные исполкомы всех уровней, но удалось мобилизовать всего 10–12 тысяч военнопленных. После поражения Советской Венгерской Республики (август 1919 г.) рядовые красноармейцы-венгры массово дезертировали из Красной армии, полагая, что в её составе должны оставаться лишь добровольцы. Принудительная мобилизация в Красную армию военнопленных австрийцев, «ожидавших отправки на родину, и ни трудом и ни оружием не помогавших Советской власти» проводилась в 1919 г. с помощью военнопленных-коммунистов немецкой группы РКП(б), причем германских пленников не принуждали к вступлению в Красную армию.

Центропленбеж, созданный в конце апреля 1918 г., после заключения Брест-Литовского мирного договора, положившего начало обмену военнопленными, занимался не столько подготовкой и проведением обменного процесса, сколько политической агитацией и пропагандой среди контингента, подлежащего репатриации, и прежде всего среди вражеских военнопленных. В результате в 1918 г. на родину было отправлено всего 9 % от общей численности военнопленных в России на начало 1918 г. После возобновления легального обмена военнопленными в 1920 г. незаконно тормозилась реэвакуация здоровых военнопленных, внеочередная отправка пленных, желавших ехать на родину за свой счет и других категорий. Одновременно Центропленбеж / Центрэвак всячески противодействовал самостоятельным отъездам пленных, направляя их на военную службу или на принудительные работы.

Большевистскому руководству было безразлично, как возвращавшиеся на родину бывшие русские военнопленные воспримут происходившее в России. На «правильное» восприятие советской действительности были направлены усилия агитаторов Центропленбежа, встречавших пленных во время их массового самодвижения в конце 1918 – начале 1919 гг. уже на границе и обещавших бывшим пленным помощь и поддержку государства. При этом бывшим военнопленным внушалось, что, если они на стороне трудового народа, то не должны предъявлять претензий к Советской власти, иначе власть будет вынуждена поступить с ними, как с врагами. Вышеназванные посулы и серьезные предупреждения, состояние усталости, стремление добраться как можно скорее домой, сумма лагерных, а также дорожных впечатлений о Советской Республике как о военном лагере не способствовали возникновению массовых проявлений недовольства новой властью, но это не означало, что возвращавшиеся русские военнопленные были готовы защищать новую власть. Добровольно в Красную армию они в массе своей не пошли, но приняли участие в антибольшевистских крестьянских восстаниях, прокатившихся в 1918–1919 гг. по территории России, в том числе европейского её центра.

В результате массового стихийного движения русских пленных на родину с ноября 1918 г. по февраль 1919 г. самостоятельно в Советскую Россию вернулось около 600 тысяч русских военнопленных. Для сравнения условиями советских государственных структур с 1918 по 1925 гг. на родину было возвращено такое же количество пленных.

Государственная помощь при всей своей недостаточности на практике стала для бывших русских военнопленных малодоступной, т. к. декреты советского правительства о государственной поддержке носили декларативный характер, не получив соответствующего финансового обеспечения. Оформление пенсий затягивалось на несколько месяцев, а денежной выплаты за время плена приходилось зачастую ожидать до нового призыва бывшего пленного в армию.

В 1920 г. началось вызванное неурожаем хлебов и трав в центре Европейской России массовое стихийное переселенческое

движение коренного и беженского населения в Сибирь и юго-восточные губернии. В создавшейся обстановке роль государства в регулировании стихийного движения населения в хлебопроизводящие районы сводилась к сдерживанию самотёка всеми силами, в том числе путём принудительного использования неорганизованно передвигавшегося населения в качестве рабочей силы, а также с помощью внедрения строгого нормирования как хозяйства, так и переселения. Однако в итоге не поддававшееся государственному регулированию самостоятельное переселение способствовало спасению от голода сотен тысяч в основном крестьянского населения, в том числе беженского.

В 1921 г. произошло ещё более масштабное неорганизованное движение-бегство беженцев Первой мировой войны, а также коренного населения из охваченных голодом районов Поволжья. Центрэвак, легализовав переселение из Поволжья лишь незначительной части голодавших, в отношении всех остальных переселенцев попытался использовать запретительную тактику. Однако в результате Центрэваку всё же пришлось от неё отказаться и помогать массе беженцев в возвращении на родину. В итоге за 1921 г. через российские пограничные пункты проследовало почти 500 тысяч репатриантов в Польскую Республику и около 200 тысяч в Прибалтийские государства, причём количество репатриантов, не регистрировавшихся на контрольно-пропускных пограничных пунктах, в том числе передвигавшихся гужевым путём, неизвестно даже приблизительно. Иными словами, в 1921 г. темпы реэвакуации были попросту продиктованы Центрэваку стихийным движением мигрантов.

Репатриация беженцев продолжалась до 1925 г., когда они были объявлены советскими гражданами. Репатриация иностранных военнопленных закончилась также в 1925 г., после чего их выезд из страны осуществлялся в порядке, установленном для иностранцев.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Районы деятельности уполномоченных по устройству
беженцев внутри Империи¹

- I. Архангельская, Вологодская, Вятская губернии – Сувалкский губернатор Н.Н. Купреянов
- II. Олонецкая, Тверская, Новгородская губернии – президент Варшавы А.А. Миллер
- III. Ярославская, Костромская губернии – Варшавский губернатор П.П. Стремухов
- IV. Владимирская, Рязанская губернии – Ломжинский губернатор С.П. Палудогло
- V. Тамбовская, Пензенская губернии – Люблинский губернатор Илья Иванович Стерлигов
- VI. Курская, Воронежская губернии, область Войска Донского – Ковенский губернатор Николай Дмитриевич Грязев
- VII. Казанская, Симбирская, Нижегородская губернии – Холмский губернатор Борис Дмитриевич Капшаров
- VIII. Калужская, Орловская, Тульская губернии – и. д. Келецкого губернатора Валериан Валерианович Лигин
- IX. Харьковская, Полтавская, Черниговская губернии – и. д. Калишского губернатора Николай Александрович Толмачёв
- X. Самарская, Уфимская, Пермская губернии – Плоцкий губернатор Александр Иванович Фуллон
- XI. Астраханская, Саратовская губернии – Петроковский губернатор Михаил Эдуардович Ячевский
- XII. Оренбургская, Симбирская губернии – Варшавский обер-полицмейстер генерал-майор Петр Петрович Мейер

¹ Правительственный Вестник. 1915. № 260.

Приложение 2

Проездной документ гражданки М. Мосейчик
(экстренный отзыв)²

М. В. Д.
Отдел по устройству беженцев

Корешок экстренного отзыва 141230

Выданного из Медынской уездной земской управы

На перевозку за счёт военного фонда по льготному тарифу
№ 117–1915 года

Предлагается принять к перевозке

Пассажиров 8 чел.

Багажа 25 пуд.

Имущества пуд.

Поштучных предметов шт.

(поименовать чего сколько)

От ст. Мятлевской СВ жел. дороги

До ст. Ново-Николаевск Сибирской жел. дороги

Подпись лица, выдавшего экстренный отзыв _____

18 января 1918 г.

Место Подпись лица, получившего

печати экстренный отзыв

М. Мосейчик

Оборотная сторона

Отметки о лицах, едущих по экстренному отзыву

Звание гражданка

Имя Мария

Отчество Леонтьевна

Фамилия Мосейчик

с семьёй

Подпись лица, выдавшего экстренный отзыв _____

Место

печати

² ТАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 1 (без нумерации листов).

Приложение 3

В Жиздринскую уездную коллегия по делам пленных
и беженцев гражданина г. Слонима
Гавриила Емельянчика, проживающего в г. Жиздре,

заявление³

Не получая здесь уже второй год своевременно продовольствия, с 1 января 1918 г. получено не более 7-8 фунтов на человека смешанной муки, и не имея возможности здесь, на месте, заняться хозяйством за отсутствием свободной земли вообще, не имея средств прожить, мы и наши семьи окончательно обречены на голодную смерть. Местность наша освобождена от неприятеля и там уже советская власть. Прошу Коллегию на основании существующего распоряжения возбудить ходатайство о разрешении выдать мне с семьей, состоящей из восьми человек, пропуск для выезда на родину. Убедительно прошу коллегия не отказать в ходатайстве о выдаче просимого удостоверения по возможности скорее, т. к. в противном случае мы пропустим ценное время для частичной обработки земли, что лишит нас возможности хоть немного обеспечить свою семью, тем более что предварительно потребуется время для приобретения живого и мертвого инвентаря и семян. Прошу разрешить провести и имеющееся у меня имущество и корову, которую я вывез из Гродненской губернии.

7 февраля 1919 г.

Проситель Емельянчик

³ ГАКО. Ф. Р-2019. Оп. 1. Д. 13. Л. 114.

Приложение 4

Карточка военнопленного, возвратившего из Германии
на Родину в Медынский уезд в 1920 г.⁴

Карточка № 1165/1506

На прибывшего в сентябре месяце 25 дня 1920 г.

Сидоров Семён Иванович

Солдат

Лесной пехотный батальон 197 пехотного полка

Возраст: 32

Великоросс

Род занятий до войны: хлебопашец

Семейное состояние: женат, детей - 1

Образование: низшее

Место постоянного жительства: с. Галкино, Роза-Люксембургской волости Медынского уезда

Когда взят в плен: 22 июля 1915 г.

Где взят в плен: под Варшавой

Где был в плену: в Германии, 4 года, лагерь Кассель

Заключение медицинской комиссии:

Осмотрен «_» мес., 19__ года

Признан: здоров, болен, увечный

Название болезни

Осложнение:

Подлежит лечению

⁴ ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1. Д. 86 (без нумерации листов).

Приложение 5

Заявление уроженца Латвии беженца Я.Я. Паула⁵

В Центральную коллегию, Москва
заявление беженца, уроженца Латвии
Яна Янова Паула, проживающего
в г. Бутурлиновка Воронежской губернии

<...> я не могу добиться никаких результатов о моей реэвакуации. Очевидна преднамеренная затяжка нашей отправки на родину, т. к. на мои телеграфные и письменные просьбы мною из Губэвака получены: 1. Объявление в форме выговора о каком-то обложении мною декретов выходом моим в отставку со службы под предлогом отправки и 2. Резолюцию Губэвака от 4.03.21 г. № 934 «через уезд-зак дать мне знать о времени отправки эшелона».

Между тем, фактически отправлялись и отправляются беженцы-латыши, евреи и немцы, и даже незаменимые и ответственные работники ежемесячно с 19 августа 1920 г. были отправлены; уехали 4 или более эшелона с беженцами в Латвию, а мне ни единым словом не дали об этом знать <...> по истечении долгого времени и узнаю о свершившихся фактах.

<...> Выхода не вижу и обращаюсь непосредственно в Центропланбег. Седьмой год мы с семейством оторваны от родины, все испортились и обтрепались до невозможности: мануфактуры и обуви не получаем с 1918 г., несмотря на мою непрерывную добросовестную службу в советских учреждениях. Жить по рыночным ценам мы не в состоянии, т. к. спекуляцией и воровством не занимаемся.

С 1914 г. находился в старой армии. По демобилизации в 1918 г. попал в этот захолустный угол Воронежской губернии и с того времени тщетно стараюсь выбраться отсюда в родной наш город Ригу. Умоляю Центропланбег о скорейшей моей с семейством реэвакуации в Латвию <...>.

18 марта 1921 г.

подпись

⁵ ГА РФ, Ф. Р-3333, Оп. 4, Д. 239, Л. 166.

Приложение 6

Секретно.
Не подлежит оглашению.

ВСЕМ ОСОБОУПНОМОЧЕННЫМ ЦЕНТРЕВАКА
И НАЧГУБЭВАКАМ
КОПИЯ – ОТДЕЛАМ УПРАВЛЕНИЯ

Применять в порядке устного инструктирования
ответственных должностных лиц

ИНСТРУКЦИЯ

по реэвакуации беженцев Польши и Белоруссии⁶

§ 1 Реэвакуации подлежат исключительно беженцы, зарегистрированные в Центрэваке или его местных органах.

§ 2 Реэвакуация беженцев производится местными органами Центрэвака и исключительно по его распоряжению согласно полученным приказам

ПРИМЕЧАНИЕ: Строжайше воспрещается под личной ответственностью Начгубэваков отправлять беженцев одиночным порядком. В случаях крайней необходимости и экстренных допускается отправка одиночным порядком, но исключительно с разрешения Центрэвака в каждом отдельном случае.

§ 3 Передвижение в пределах губерний и стягивание контингентов к станции посадки производится исключительно Губэваком или его уполномоченным по получении последним извещения от Центрэвака о времени отправки эшелона.

§ 4 Предоставленное беженцам договором право на реэвакуацию не влечет за собой права отмены или не выполнения для каждого беженца всех ранее принятых на себя обязательств по отношению к РСФСР. Все беженцы, пока они не установят своего польского гражданства путем нормальных актов (оптации) должны быть рассматриваемы как граждане РСФСР.

⁶ ГАТО, Ф. Р-1, Оп. 3, Д. 1, Л. 140-140 об.

Исходя из этих положений, сохраняя основные принципы договора, устанавливать очереди на внесение в эшелонные списки для отправки беженцев в интересах РСФСР.

а) в первую очередь должны быть эвакуированы беженцы и нетрудоспособные немогушие обойтись без посторонней помощи, больные, инвалиды, старики, одинокие женщины, дети, лица, состоящие на государственном призрении, а также лица, члены семей коих находятся на территории другой страны, причем в отношении последних могут быть приняты во внимание исключительно документальные доказательства фактического нахождения членов семьи на другой стороне.

б) беженцы, состоящие в Красной армии, подлежат регистрации и включению в эшелонные списки лишь по представлении документов об увольнении или демобилизации их из рядов Красной армии.

в) применяя указанный принцип очередей, обязательно избегать нарушения принципа «неразделения семей», т. е. избегать порядка, при котором часть данной беженской семьи включается в одну из первых очередей, а другая в одну из последних.

г) обязательно для беженцев лишь предоставление удостоверения с места службы о сдаче должности, делопроизводства, авансов, подотчетных сумм и т. п. за неделю до отправки эшелона.

§ 5 К числу «домочадцев» следует относить более или менее близких родственников и свойственников, живущих в виду своей нетрудоспособности на иждивении главы семьи и лиц, прибывших совместно с главой семьи и живущих в настоящее время при нем как прислуга, няня и т. п.

§ 6 Все составленные эшелонные списки должны быть снабжены визой Губчека (Особого Отдела или Президиума). С визированного Губчека списка следует снять копию, в которую должны быть включены только те беженцы, коим Губчека разрешен въезд, и копия его в двух экземплярах совместно с документами беженцев и беженскими билетами должна быть препровождена нарочным в Административный Отдел Центрэвака (беженский подотдел) для визы польской делегации.

§ 7 Имея ввиду, что предоставленное беженцам договором право на эвакуацию гужевым путем вместе с принадлежащим им скотом может создать условия для спекуляции скотом, нанося этим значительный ущерб интересам РСФСР. Предлагается:

а) при предоставлении права на эвакуацию гужевым путем с приведенными ими с родины и имеющимися у них в настоящее время скотом требовать предоставления достаточных, подтверждающих это состояние документов, выданных им в момент бегства с родины.

б) если беженцы не могут представить удостоверения о том, что скот этот увезен ими во время бегства с родины, требовать предоставления удостоверения о соответствующих советских органах на местах (органы Наркомзема), что скот этот является их собственностью и приобретен или находится в их владении согласно существующих правил и законоположений. Обращать внимание на то, что эвакуирован может быть лишь скот, фактически находящийся во владении беженца не менее 6 месяцев до дня эвакуации. Этот срок однако не должен быть выставлен как официальное требование.

§ 8 Погрузка и отправка эшелона производится по обратном получении из Центрэвака списка с визой польской делегации или по получении взамен списка специального на то распоряжения Центрэвака.

§ 9 Проверку багажа и документов производить совместно с Отделом военной цензуры, строго придерживаясь установленных заключенным РСФСР с Польшей договором о репатриации, правил о провозе багажа беженцами и не допуская могущего быть нарушения со стороны других должностных лиц.

§ 10 При выполнении настоящей инструкции Начгубэвакам предлагается поступать умело, не доводя дело до конфликтов с беженцами, всемерно стараясь избегать могущих возникнуть на этой почве недовольства беженцев и следовательно нареканий со стороны Польского правительства на нарушение органами Центрэвака договора о репатриации, заключенного РСФСР с Польшей.

§ 11 При даче устных и письменных объяснений беженцам, частным лицам или учреждениям строжайше воспрещается ссылаться на настоящую инструкцию.

§ 12 Ответственность за выполнение настоящей инструкции возлагается на Начгубэваков.

§ 13 За разъяснение настоящей инструкции кому бы то ни было Начгубэваки подлежат строжайшей ответственности.

ЗАМНАРКОМВНУДЕЛ Владимирский
НАЧЦЕНТРЕВАК Пилявский

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Австросовет	– Совет австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов
автореф.	– автореферат
Белнацком	– Белорусский национальный комисариат
БНР	– Белорусская Народная Республика
БССР	– Белорусская Советская социалистическая Республика
в.	– век
Вел. кн. (ВК)	– Великий князь (княгиня)
ВЗС	– Всероссийский Земельный Союз
ВСТ	– Всероссийский Союз Городов
ВИ	– «Вопросы истории» (журнал)
ВИЖ	– «Военно-исторический журнал»
ВКГД	– Временный комитет Государственной думы
ВО	– Военный округ
ВОПОБ	– Всероссийское общество попечения о беженцах
ВПК	– Военно-промышленные комитеты
ВСТ	– Всероссийский Союз Городов
ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК	– Всероссийская чрезвычайная комиссия
ВЭС	– Военный энциклопедический словарь
г.	– год
г-н	– господин
гр.	– грамм
ГАВО	– Государственный архив Брянской области

Список сокращений

391

ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАДНИКО	– Государственный архив документов новейшей истории Калужской области
ГАКО	– Государственный архив Калужской области
ГАОО	– Государственный архив Орловской области
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАТО	– Государственный архив Тульской области
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГЖУ	– Губернское жандармское управление
ГЗУ	– Губернская земская управа
ГК	– «Голос Калуги» (газета)
ГПУ	– Главное политическое управление
Полпредство	– Полномочное представительство
Губвоенком	– Губернский военный комиссар
Губисполком	– Губернский исполнительный комитет
Губком	– Губернский комиссариат
Губотдел	– губернский отдел
Губпленбеж	– губернская коллегия по делам пленных и беженцев
Губпродком	– губернский продовольственный комитет
Губфинотдел	– губернский финансовый отдел
Губчека	– губернская чрезвычайная комиссия
Губэвак	– Губернское эвакуационное управление
Д.	– дело
Дипмиссия	– дипломатическая миссия
Дисс.	– диссертация
ДП ОО	– Особый отдел Департамента полиции
ДП 4 Д-во	– Четвёртое делопроизводство Департамента полиции
ЕИВ	– Его (Её) Императорское Величество (Высочество)
КГВ	– «Калужские губернские ведомости» (газета)
КК	– «Калужский курьер» (газета)
КНТ	– Калужская Николаевская гимназия

Кн.	– книга
коп.	– копейка (копеек)
культпросвет	– культурно-просветительный отдел
КСО	– «Калужский санитарный обзор» (периодическое издание)
КЦОВ	– «Калужский Церковно-общественный вестник» (газета)
ЛЦКОПБ	– Латышский Центральный Комитет по оказанию помощи беженцам
МВД	– Министерство внутренних дел
МИД	– Министерство иностранных дел
НАРБ	– Национальный архив Республики Беларусь
нарком	– народный комиссар
Наркомвнудел	– Народный комиссар внутренних дел
Наркомат	– Народный комиссариат
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКВД	– Народный комиссариат иностранных дел
Оп.	– опись
ОГВ	– «Орловские губернские ведомости» (газета)
ОГПУ	– Объединённое государственное политическое управление
ОВ	– «Орловский вестник» (газета)
ОЕВ	– «Орловский епархиальный вестник» (газета)
ОЖ	– «Орловская жизнь» (газета)
ОИ	– «Отечественная история» (журнал)
ОО	– особый отдел
пос.	– посёлок
шенбеж	– уездная коллегия по делам пленных и беженцев
продорганы	– продовольственные органы
ПВ	– «Правительственный вестник» (газета)
ПСС	– полное собрание сочинений
райисполком	– районный исполнительный комитет

ред.	– редактор
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РИ	– «Российская история» (журнал)
РКП(б)	– Российская коммунистическая партия (большевики)
РОКК	– Российское общество Красного Креста
РПЦ	– Русская православная церковь
РСДРП	– Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РЭК	– Русский экспедиционный корпус
руб.	– рубль (ей)
с.	– село
СНК	– Совет народных комиссаров
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СТО	– Совет Труда и обороны
СУ	– собрание узаконений
США	– Соединённые Штаты Америки
Т.	– том
т.	– товарищ
тыс.	– тысяча
Татьянинский комитет	– Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий под председательством ЕИВ Вед. княжны Татьяны Николаевны
уездшенбеж	– уездная коллегия по делам пленных и беженцев
уездэвак	– уездное эвакуационное управление
УЗУ	– уездное земельное управление
уисполком	– уездный исполнительный комитет
УНР	– Украинская Народная Республика
УССР	– Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф.	– фонд

- Фединсовет – Федерация иностранных советов рабочих и солдатских депутатов
- ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции
- Центркомдесертир – Центральная Комиссия по борьбе с дезертирством
- Центропленбеж – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев
- Центрэвак – Центральное эвакуационное управление
- ЦИК – Центральный исполнительный комитет
- ЦК – Центральный комитет
- ЦПР – Центрально-промышленный район
- ЦЧР – Центрально-Чернозёмный район
- чел. – человек.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аберберг И. – 212
- Авербах Е.И. – 35
- Аврах А.Я. – 101
- Адамович – 308
- Адамский – 353
- Адибеков Г.М. – 37
- Айзенберг Н.Б. – 284
- Аймермахер К. – 97
- Аккерман И.Ф. – 149
- Аксакова (Сиверс) Т.А. – 183
- Александрович А. – 365
- Алексеев В. – 232, 233
- Амброжевич С. – 293
- Ананьев В.И. – 93
- Анастасий, архиепископ – 111
- Андреевский С.С. – 116, 175
- Андрисан В. – 239
- Андронович – 311
- Анисенков Д.К. – 207
- Анисин А.В. – 174
- Анфимов А.М. – 41, 56, 88, 94, 101, 179
- Арапов А.В. – 116
- Арделян А. – 239
- Афонясов Б. – 163

Б

- Базанов С.Н. – 63, 95
- Балакин Ф.Ф. – 207
- Балиц Г. – 158
- Банацкий И.И. – 284
- Баранов Д.А. – 207
- Бартеле Т. – 45, 90, 92, 321
- Бахтурин А.Ю. – 82, 100, 182
- Безруков Д.А. – 69, 72, 96, 98
- Беллеса С.А. – 96, 186
- Беллеса С.А. – 64, 186

- Белов – 308
- Белова И.Б. – 88, 91, 92, 95, 187, 271
- Белова О.В. – 90
- Белокозович И. – 130, 317
- Бельский Ф.А. – 284, 304
- Белянин Д.Н. – 101
- Берингер Я. – 167
- Берлин П.Э. – 294
- Бижухов В. – 338
- Билькин – 155
- Бирман М.А. – 37
- Битун М.И. – 352
- Благовещенский – 314
- Блаженец Т.М. – 361
- Богаль Н. – 285
- Богданович – 309
- Богомолов – 314
- Бойе-дв-Геннес – 119
- Бондаренко Е.Ю. – 66, 96, 97
- Бордюгов Г.А. – 88, 97
- Борош Ю. – 239
- Боханович – 282
- Бочарова З.С. – 36, 78, 79, 100, 231
- Брауде Х. – 87
- Брук А.С. – 371
- Брук С.А. – 375
- Брук С.И. – 40, 88, 370
- Брусилов А.А. – 37, 82, 169, 187
- Будинский О.В. – 90, 91
- Букалова С.В. – 91
- Букша – 239
- Бургер И. – 168
- Бухарин Н.И. – 77
- Бундирч Г. – 268

В

- Ваврашук А. – 178
- Вагнер Ф. – 236
- Васильевич – 213, 214

- Васильев – 246, 253
 Васильева С.Н. – 62, 72, 78, 95, 98, 100, 185
 Ватсон А.Ю. – 98, 231, 274, 325, 326
 Вахитов М. – 95
 Вержовский Д.В. – 88
 Веселов М.В. – 60, 95
 Веселовский С.Б. – 38
 Весенин Е. – 93
 Вестерхофф К. – 44
 Вихторовский З. – 359
 Вильгельм П. – 99, 124, 143, 145
 Вильх Б. – 357, 361
 Вилломан К. – 327
 Виттецкий С.В. – 284
 Владимирский М. – 352, 389
 Войцехович – 314
 Волков – 293, 314, 315
 Волков Е.З. – 39, 40, 57, 78, 88, 94, 100, 273, 275
 Волошинова И.В. – 87, 102
 Воробьев П.Е. – 207
 Волинни В.П. – 86, 101, 102, 326, 369, 371
 Вронский О.Г. – 232

Г

- Гаксуев Р.Г. – 182, 187
 Гайда Ф.А. – 176
 Гарбарук А. – 300
 Гарустович В. – 346
 Гейденрейх Э. – 305
 Гейзлер Л. – 269
 Гейтц Ф. – 360
 Георгий, епископ – 111
 Гергизова А.И. – 65, 71, 72, 96–99
 Герс Э. – 276
 Гетрелл П. – 41, 43, 89
 Гинденбург П. фон – 69
 Глебов – 311
 Гонард В. – 150, 153, 167
 Голлицан – 150
 Голостенев А. – 167
 Голошевский В. – 360
 Голуб П. – 93
 Гольдин С. – 84, 91, 101
 Горбатов – 311
 Горюшкин Л.М. – 101
 Горючек В. – 145

- Гробман Я. – 239
 Гроллингс Ф. – 238
 Грязев Н.Д. – 125, 176, 382
 Гувер Г.К. – 191

Д

- Даггирдт И.П. – 284
 Давыдов Ю.А. – 119, 325
 Данилов В.А. – 93
 Деликовский Б.В. – 351
 Дементьев – 214
 Деникин А.И. – 75, 191, 220, 221, 334
 Денисов – 312
 Джунковский В.Ф. – 144, 151
 Дзержинский Ф.Э. – 372
 Дижбит А. – 287, 321
 Дмитриев В. – 99
 Добаш И. – 130
 Допик Ф. – 286
 Дробинцев В.З. – 88
 Дробный А. – 270
 Дудич С. – 288, 289
 Дудко К.И. – 304
 Дуриново – 150
 Дюкало Л. – 234, 239
 Дюшен – 203

Е

- Едличка – 239
 Емельянчик – 309
 Емельянчик Г. – 384
 Енсен Б. – 228
 Ерёменко – 314
 Ерёмин И.А. – 91
 Ерогин Л. – 120
 Ерошкин Н.П. – 41, 89
 Ефимюк А. – 292

Ж

- Жарков Е. – 154
 Жаров Л.И. – 93
 Жванко Л.Н. – 47, 52, 91, 92
 Жданов И.А. – 77
 Жданов Н.М. – 55, 57, 74, 78, 93, 94, 99, 100, 226, 232, 275
 Жданова И.А. – 100, 275
 Журбина Н.Е. – 71, 98

З

- Зайко М.И. – 122
 Зайончковский А.М. – 88
 Зайцев Я.И. – 284
 Зайцов А. – 243
 Засыпин М.А. – 50, 51, 92
 Затворницкий А. – 269
 Зауер В. – 147
 Заустинская – 288
 Зведер Э.А. – 284
 Заелер Э.Э. – 284
 Заверев Н. – 111
 Зелинский К. – 175
 Земляк Е. – 304
 Зинкевич П. – 286
 Зишук Я. – 108, 173
 Златина М.А. – 45, 46, 91
 Зубчанинов С.И. – 172
 Зюттерман Ф. – 242

И

- Ибокорин Х. – 244
 Иванюшин И.А. – 149
 Ивлеев Т.В. – 71, 98
 Игнатюк К. – 286
 Идрисова Э.О. – 97
 Идрисова Э.С. – 68
 Извеков Я. – 342
 Иконникова Т.Я. – 65, 66, 96, 97
 Илия, архимандрит – 111
 Ильинских В.А. – 87, 102, 371
 Индринсон Я. – 287
 Иоффе Г.З. – 46, 84, 90, 91, 101, 182
 Исеев А.П. – 61

К

- Кабзюк М. – 372
 Кабузан В.М. – 40, 88, 370, 371, 375
 Кадальне – 360
 Калинин Б.И. – 294
 Калинин А. – 345
 Кадьякова А.В. – 67, 68, 97
 Каралне С. – 293, 314, 315, 358
 Карасев – 308
 Карголь В. – 239

- Карнялюк В.Р. – 90
 Каслявичус А. – 44, 90, 173
 Кафафов К.Д. – 37, 152, 183
 Качан Н. – 130, 178
 Каширин – 162
 Каткаров Б.Д. – 382
 Каушар В. – 243
 Каушанов С.М. – 36
 Квятковский К.С. – 284
 Кедров М.С. – 287
 Кельнер В.Е. – 90
 Кепель М.Ф. – 341
 Керстен Я. – 87
 Кирин С. – 169
 Кирш Ю. – 99
 Кисель П. – 331, 369
 Китатина Т.М. – 41, 89
 Клаусман Г. – 242
 Клевинский Ю. – 349
 Климович А. – 286
 Ковач М. – 239
 Козловский А. – 103, 109, 130, 173
 Коксбаева Г.К. – 67
 Колчак А.В. – 75, 221
 Комарова Ф.А. – 93
 Констанчук Е. – 130
 Контин – 150
 Копус Я. – 360
 Корсак В.В. – 151, 187
 Кохнович Е. – 288
 Краснов В.Г. – 93
 Крейтон А.П. – 120, 176
 Крылов – 260
 Крышань Д. – 110
 Крючков И.В. – 65, 97
 Кудринский Ф.А. – 27, 37, 143, 172
 Кузнецов – 315
 Кузьмин – 353
 Кузьминчев Ф.П. – 207
 Куколевский – 160
 Кун Б. – 60, 69, 247, 273, 276
 Купрейнов Н.Н. – 382
 Курцев А.Н. – 34, 40–43, 64, 88, 89, 96, 172–175, 177, 179, 181–183, 201, 229, 277, 278
 Кустов Н.И. – 87
 Кучка А. – 178
 Кушнирук Л. – 360

Л

- Лаврентьев В.М. – 89, 173
 Лапанович С.Ф. – 43, 44, 90
 Лапанович С.Ф. – 90
 Латина К.К. – 293, 297
 Латинская М.К. – 304
 Латинская С.К. – 304
 Латинский К.А. – 304
 Лаутербах Н. – 270
 Лахарева Н.В. – 47, 48, 92, 323, 324, 326, 370, 373, 374
 Леланович И.О. – 361
 Левин К.Я. – 99
 Лейднгер Х. – 69, 98
 Ленин В.И. – 20, 33, 69, 189, 190, 218, 219, 226, 302, 310, 313, 326, 327, 333, 335, 372
 Леонидов Я. – 317
 Лившиц С.В. – 58, 59, 61, 74, 94, 95, 99
 Лигин В.В. – 111, 125, 136, 176, 382
 Лидерс В.О. – 121
 Лисовская М. – 108, 130
 Лихарев – 140
 Логвинов А. – 173
 Лопат – 282
 Лосев Г. – 198
 Луба В. – 37, 103, 124, 173, 178, 292, 324, 326, 369, 371, 372, 374, 375
 Лубны-Герцак Л.И. – 88
 Лукашенич В. – 360, 366
 Луцкий М.М. – 322
 Лысюк С. – 286
 Люкшин Д. – 67, 97
 Люстигман Д.Б. – 284
 Ляковская Е. – 293, 313, 314

М

- Мааруф-бей – 270
 Макаревич Ф. – 286
 Максимов Е.К. – 91
 Малахов П.М. – 207
 Малиновский А.К. – 284
 Мальков А.А. – 74, 99, 226, 231, 232
 Магумовский Д.З. – 204, 205
 Манусевич А.Я. – 37
 Мануш – 239
 Маркевич А.М. – 186

- Маркевич М. – 288
 Маркс К. – 217
 Марлинский И. – 242
 Мартынов – 162
 Маршала К. – 257
 Марштад М. – 242
 Масальский К. – 130
 Маслов С.Н. – 114
 Матюхин Е.Ф. – 207
 Мейер К. – 154
 Мейер П.П. – 382
 Меллер К. – 239
 Местергази Д. – 238
 Мешков – 149, 293
 Мигун Д.А. – 371
 Микунд Ф.К. – 238
 Миллер А.А. – 382
 Минючки – 309
 Миропольский – 145
 Михаил Александрович, вел. кн. – 38, 162, 180
 Михалев Н.А. – 93
 Мориц В. – 69
 Мороз Д. – 110
 Морозов С.Д. – 40, 88
 Мосейчик М.Л. – 383
 Мочалова В.В. – 90
 Муллоков М.А. – 59, 95
 Муратов И. – 56, 94
 Мухтар А. – 277
 Мыздринков – 160

Н

- Нагорная О.С. – 77, 78, 100, 231
 Налбах Ф. – 238
 Нахтигаль Р. – 70, 71, 98
 Недзельская З. – 317
 Нелипович С.Г. – 80, 81, 100, 180–182
 Нечасова Э.П. – 58, 59, 61, 74, 94, 95, 99
 Нигматов В.В. – 64, 67, 96, 97, 185, 278
 Никитин И.И. – 207
 Николаев К.И. – 207
 Николай П. – 218
 Ничипорчик – 309
 Новикова И.И. – 96, 97
 Новикова М.В. – 94
 Новичкин Ю. – 108
 Нович С.С. – 284, 289
 Ноздрин Г.А. – 101

О

- Обнинский В.П. – 99
 Обухович В. – 285
 Овчинников А.И. – 185, 186
 Орлов-Давыдов – 119
 Осипов – 160
 Остапчук В.Е. – 351
 Островский И.В. – 101
 Остроухов А.И. – 72, 98

П

- Поляк Л. – 160
 Павлов А.Ю. – 96
 Павлова И.П. – 71, 98
 Паль – 293
 Пантюшин – 149, 152
 Панфилов Н. – 108, 130, 173
 Папудогло С.П. – 125, 176, 382
 Паул Я. – 349, 350, 386
 Пеле И. – 238
 Пенгяк Ф.И. – 284, 310
 Петерсон К.А. – 304
 Пётр I – 158
 Петрашкевич А.И. – 284
 Петров – 314, 315
 Петровский Г.И. – 322
 Петровский Ф. – 317
 Петрушкин А.Н. – 207
 Пжиск Ф. – 242
 Пивоварчик С.А. – 83, 90, 91, 101, 182
 Пилевский – 389
 Пинсон – 204, 230
 Пинсон С. – 204
 Платунов Н.И. – 86, 87, 102, 326, 371
 Плевс Н.В. – 113
 Пленин Ф.В. – 207
 Пленин Е.Н. – 207
 Погодин Г. – 207
 Ползахирев В.В. – 58, 94
 Ползиков Р.М. – 207
 Поливанов А.А. – 37, 172
 Поликарпов В.В. – 71, 98
 Подубогатов – 153
 Поляков Ю.А. – 40, 57, 88, 94, 372, 374
 Понёвко – 314
 Попов А.Н. – 57, 60
 Попов Г. – 145
 Попов Н.А. – 94, 95

- Попова М. – 160
 Попроцкий Г. – 300, 311
 Поршнева О.С. – 72, 175
 Посадский А.В. – 76, 99
 Преображенский А. – 111
 Проказа Ф. – 240
 Протасов Н. – 111
 Пташинский Н. – 317
 Пуанкаре Р. – 205, 206, 231
 Пузырёв И.Б. – 207
 Пупкович – 213
 Пыжков С.А. – 93

Р

- Радек К.М. – 49
 Радек Р.М. – 322, 371
 Радон А.К. – 152
 Разевский В.Ф. – 161
 Рахотин М. – 276
 Рейтер В.А. – 188
 Ридаль Г. – 147
 Рикль И. – 145
 Рингхофер И. – 242
 Ровинский – 311
 Рович И. – 321
 Родзяловский – 293
 Род Ф. – 155
 Род Х.Я. – 284
 Розенбах Ф.Ф. – 294
 Розенбах Ю. – 154, 183
 Роступов И.И. – 88
 Руаль С. – 304
 Рудковская С. – 117
 Рудковский Ф. – 117
 Руцкий Н.В. – 83
 Ружия М. – 300
 Рыжков В.М. – 87, 102, 371
 Рязанский И.В. – 91, 160, 167, 170, 193, 196, 197, 199, 201, 214, 220, 221, 236, 244, 262, 285, 297, 298, 301, 304, 357, 359

С

- Сабо – 239
 Савельев – 160
 Савоник М. – 286
 Савчук – 311
 Садыкер П.А. – 99

Салахова Н.В. – 174
 Саматия В. – 90
 Самуэли Т. – 276
 Сапиро И. – 211
 Светлов А. – 93
 Свольшак П. – 64, 96
 Семенов Е. – 300, 346
 Семенов П. – 324
 Сергеев В.Ю. – 84, 101, 183
 Сидоров А.Л. – 88
 Сидоров С.И. – 385
 Силина И.Г. – 92
 Скалибан В.В. – 35, 43, 90, 232
 Скляр Л.Ф. – 101
 Скоропадский П.П. – 52
 Сливко К.И. – 245, 246, 253, 293, 312
 Смирнов А. – 112
 Соболев Ф. – 285
 Соколов – 314
 Соколов А.К. – 186
 Салищева С.А. – 62, 63, 95
 Соловьев В.Д. – 207
 Соловей П. – 124
 Сорокин – 311
 Сперанский И. – 111
 Спрут – 154
 Спунд Ф. – 293, 314
 Стельмащук И. – 286
 Степанов А.И. – 34, 58, 78, 93, 94, 100, 184, 226, 273, 275
 Степанов М. – 304, 325
 Стерлигов И.И. – 382
 Столыпин Л.А. – 101
 Столяров В.В. – 119
 Страсбургер И.Р. – 155
 Страуман Б.П. – 284
 Стремухов П.П. – 382
 Струминин С.Г. – 88, 94
 Стучинский М.В. – 284
 Субин М. – 181
 Суржанова Н.В. – 56, 93, 94, 97
 Суров – 165
 Суходол Я. – 293

Т

Табакон – 309
 Тагиров И.Р. – 59, 95
 Талапин А.Н. – 68, 69, 96, 97
 Тарасевич А.В. – 99

Татьяна Николаевна, вел. кн. – 14, 38, 104, 119, 139, 172, 174, 175, 177
 Тейле А.Э. – 294
 Телески – 276
 Тенишев В.В. – 114
 Тецлав Г. – 155
 Тилиндис И.И. – 284
 Тилькевич Н. – 286
 Тиников – 167
 Тихвинский – 293, 314, 315
 Тихменев Н.С. – 322
 Толканица – 311
 Толмачев Н.А. – 382
 Толстая С.И. – 112, 174
 Томашко Г. – 241
 Тотфалушин В.П. – 91
 Трахмюк Т. – 109, 130
 Тресов А.Ф. – 156
 Трефни В. – 169
 Тройницкой А.Н. – 108
 Трофимюк М. – 303
 Тронц А. – 317
 Троицкий – 216
 Тубай Н. – 304
 Туманова А.С. – 90
 Тюкавкин В.Г. – 101

У

Удулек С. – 243
 Удичев Г.Г. – 207
 Ульянов И.И. – 28, 31, 37, 74, 99, 234, 244, 273, 274, 322
 Унилинст И.С. – 60, 95, 260, 322
 Урланис К.Ц. – 88
 Урусов Н.И. – 172
 Устинов А.М. – 206
 Устинов В.М. – 93
 Утгоф В.С. – 43, 52, 90
 Уткин А.И. – 180, 182
 Ушаков А.И. – 120

Ф

Фалеев – 119
 Фанштейн А.С. – 99
 Ферхман – 155
 Филанович В.Я. – 180
 Филатов А. – 110
 Фишер М.М. – 150

Фосберг О. – 245
 Франковский Я.Ф. – 293
 Фрунзе М.В. – 248, 253
 Фуллон А.И. – 382

Х

Хальбейх – 153
 Хангельберг – 239
 Хасин В.В. – 41, 42, 89, 173
 Хлябич А.С. – 304
 Холквист П. – 84, 85, 101, 182, 183
 Хрснов И.А. – 37
 Хрущов Н. – 120

Ц

Цар Л. – 317
 Цветков В.Ж. – 64, 65, 96
 Цвукенич А.П. – 284
 Цебрик А. – 288
 Целиковский С. – 242
 Цодкин К. – 306
 Цуриков С.А. – 114

Ч

Чебурашкины – 304
 Черепица В.Н. – 100, 175, 176
 Чернопёров В.Л. – 76, 99
 Чех Ф. – 242
 Чистяков М. – 107
 Чичерин Г.В. – 204, 206
 Чудаков О.В. – 91

Ш

Шалда В. – 45, 90, 92, 321
 Шебеко В.Н. – 119, 120, 176
 Шевелева О.В. – 172, 178
 Шепилин В.Н. – 114
 Шенк А. – 27, 37
 Шифрин – 160
 Шифферс Б.Р. – 155
 Шишкина С.Ю. – 91
 Шинко А. – 288
 Шкудин Г.Д. – 34, 93, 94, 100, 184
 Шмидт К. – 245
 Шмидт О.Ю. – 35
 Шнейдер И. – 59, 94, 95
 Шокуров А.И. – 149
 Шначек А. – 243

Штейнвальдер К. – 154
 Штибер М. – 250
 Штриглиц С. – 55, 93
 Шуберская Е.М. – 99

Щ

Щеглов И. – 111, 112
 Щеров И.П. – 48-50, 60, 61, 75, 92, 95, 99
 Щетинова А.С. – 92

Э

Эварт Дж. С. – 191, 226
 Эдуардов – 156
 Эйдук А.В. – 327
 Эйзеле Э. – 147
 Эйсмонт – 309
 Эльдберг Р. – 154
 Эрбигейн М.Д. – 284

Ю

Юзевчук И. – 285

Я

Яблонский П. – 268
 Ягода Г.Г. – 341
 Яковлев Л.И. – 93
 Яковин И.Л. – 86, 102, 326, 371
 Яковлевский В.Г. – 270
 Яковлевский С.К. – 354
 Якин И.И. – 293
 Янулевич А. – 214
 Янушкевич Н.Н. – 100
 Якимюк М.В. – 304
 Яковлюк С.М. – 304
 Яшко А. – 110
 Яценский М.Э. – 382

D-G

Dix R. – 93
 Gatrell P. – 89

К

Kokebayeva G.K. – 97
 Koschuk M. – 93
 Kulinytsch I. – 93

L-M

Leideinger H. – 98
Moritz V. – 98

N

Nachtigal R. – 98

S

Spiru B. – 93

Вынужденные мигранты...

Striegnitz S. – 93

V

Voßke H. – 93

W

Westerhoff C. – 90, 173

Z

Zieliński K. – 175

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. 102. Департамент полиции (ДП). 4 Делопроизводство (Д-во). Оп. 1915, 1916.
2. Ф. 102. Департамент полиции (ДП). Особый отдел (ОО). Оп. 1915.
3. Ф. 110. Штаб отдельного корпуса жандармов.
4. Ф. Р-393. НКВД (1917–1930). Оп. 43, 50, 53.
5. Ф. Р-3333. Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж) Наркомата по военным делам РСФСР / Центральное управление по эвакуации населения (Центрзак) НКВД РСФСР. Оп. 1, 1 а, 2, 3, 4, 7, 23.

Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА)

6. Ф. 13273. Отдел по устройству беженцев Всероссийского земского и городского союзов. Оп. 1.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)

7. Ф. 4. Беларусский Национальный комиссариат (Белнацком). Оп. 1.
8. Ф. 609. Брестский уездный исполнительный комитет. Оп. 1.
9. Ф. 610. Канцелярия Гродненского Губернского комиссара МВД Временного правительства, г. Калуга. Оп. 1.

Государственный архив Брянской области (ГАО)

10. Ф. 374. Брянский уездный исправник. Оп. 1.
11. Ф. 376. Помощник начальника Орловского ГЖУ в Брянском и Карачевском уездах. Оп. 1.
12. Ф. 525. Брянское городское полицейское управление. Оп. 1.
13. Ф. Р-59. Трубчевская уездная коллегия о пленных и беженцах. Оп. 1.
14. Ф. Р-490. Брянская губернская коллегия по делам пленных и беженцев (1918–1923). Оп. 1.

15. Ф. Р-1266. Мглинская уездная коллегия по делам пленных и беженцев (1918–1919). Оп. 1.
16. Ф. Р-1267. Почепская уездная коллегия по делам пленных и беженцев (1918–1922). Оп. 1.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО)

17. Ф. 1. Калужский губком РКП(б). Оп. 1, 2.

Государственный архив Калужской области (ТАКО)

18. Ф. 2. Калужская уездная земская управа. Оп. 1.
19. Ф. 7. Уездный член Калужского окружного суда по Мещовскому уезду. Оп. 1.
20. Ф. 32. Канцелярия калужского губернатора. Оп. 4, 11.
21. Ф. 33. Калужская духовная консистория. Оп. 4.
22. Ф. 69. Калужское губернское по военной повинности присутствие. Оп. 1.
23. Ф. 228. Калужский губернский земский комитет по устройству беженцев. Оп. 1.
24. Ф. 594. Совет Калужского губернского отдела Всероссийского общества попечения о беженцах (ВОПоб). Оп. 1.
25. Ф. 599. Мещовское уездное отделение Комитета Великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию помощи пострадавшему от военных бедствий населению. Оп. 1.
26. Ф. 648. Жиздринская уездная управа. Оп. 1.
27. Ф. 783. Калужский городской полицмейстер. Оп. 1.
28. Ф. 784. Калужское ГЖУ. Оп. 1.
29. Ф. 785. Калужское городское подпоемное управление. Оп. 1, 5.
30. Ф. 823. Калужский уездный исправник. Оп. 1.
31. Ф. 825. Малоярославецкий уездный исправник. Оп. 5.
32. Ф. 1025. Концепольское волостное правление Мединского уезда. Оп. 2.
33. Ф. 1161. Калужское городское сыскное отделение. Оп. 1.
34. Ф. 1328. Помощник начальника Калужского ГЖУ в Калужском, Жиздринском, Мещовском и Мосальском уездах. Оп. 1.
35. Ф. 1334. Калужское отделение Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железных дорог. Оп. 1.
36. Ф. 1342. Управление милиции 3-го участка Козельской милиции. Оп. 1.
37. Ф. Р-85. Калужский губернский военный комиссариат (1918–1925). Оп. 1.
38. Ф. Р-162. Калужское губернское земельное управление (1918–1929). Оп. 1.
39. Ф. Р-337. Мединское уездное управление по делам пленных и беженцев (1917–1921). Оп. 1.
40. Ф. Р-377. Мещовское уездное управление по делам пленных и беженцев. Оп. 1.

41. Ф. Р-526. Боровский уездный военный комиссариат. Оп. 1, 5.
42. Ф. Р-819. Калужский революционный трибунал. Оп. 3.
43. Ф. Р-1071. Козельское уездное земельное управление (1918–1927). Оп. 1.
44. Ф. Р-1244. Мединское уездное земельное управление (1917–1927). Оп. 1.
45. Ф. Р-1805. Бутчинский волостной совет беженцев Жиздринского уезда. Оп. 1.
46. Ф. Р-1498. Отдел управления Калужского губернского исполнительного комитета (1918–1923). Оп. 1, 2, 4, 5.
47. Ф. Р-1796. Мещовский уездный комитет по трудовой повинности. Оп. 1.
48. Ф. Р-2019. Жиздринская уездная коллегия по делам пленных и беженцев / Жиздринское уездное управление по делам пленных и беженцев (1918–1921). Оп. 1.
49. Ф. Р-2020. Жиздринский кооператив беженцев (1918–1919). Оп. 1.
50. Ф. Р-2022. Юхновская уездная коллегия по делам пленных и беженцев (1919–1920).
51. Ф. Р-2023. Козельская уездная коллегия по делам пленных и беженцев / уездное управление по делам пленных и беженцев (1919–1920).
52. Ф. Р-2237. Тарусская уездная коллегия по делам пленных и беженцев (1918–1920). Оп. 1.
53. Ф. Р-2244. Калужское губернское управление по эвакуации населения (1921–1922). Оп. 1.
54. Ф. Р-2247. Козельское уездное управление по эвакуации населения. (1920–1921). Оп. 1.
55. Ф. Р-2250. Жиздринское уездное управление по эвакуации населения (1920–1922). Оп. 1, 2.
56. Ф. Р-2538. Мединский уездный уполномоченный по эвакуации населения (1921). Оп. 1.
57. Ф. Р-3284. Сухиничское уездное управление по эвакуации населения (1919–1920). Оп. 1.

Государственный архив Воронежской области (ГАО)

58. Ф. И-1. Воронежское ГЖУ. Оп. 2.
59. Ф. И-6. Канцелярия Воронежского губернатора. Оп. 2.
60. Ф. И-19. Воронежская горуправа. Оп. 1.
61. Ф. И-20. Воронежская губернская земская управа. Оп. 1.
62. Ф. И-212. Начальник гарнизона г. Воронежа. Оп. 1.
63. Ф. Р-328. Комитет по делам пленных и беженцев Коротоянского уездного комиссариата по военным делам. Оп. 1.
64. Ф. Р-529. Воронежский губернский комиссариат по военным делам. Губвоенкомат. Оп. 1.
65. Ф. Р-530. Воронежский уездный комиссариат по военным делам. Оп. 6.
66. Ф. Р-538. Бобровский уездный комиссариат по военным делам. Оп. 6.
67. Ф. Р-1163. Административный отдел исполнительного комитета Бороголебовского уездного совета. Оп. 1.

68. Ф. Р-1954. Новохоперский уездный комиссариат по военным делам. Оп. 1.
69. Ф. Р-1987. Коллегия по делам пленных и беженцев Воронежского губернского комиссариата по военным делам. Оп. 3.
70. Ф. Р-2136. Отдел о пленных и беженцах при Борисоглебском уездном исполнительном комитете, г. Борисоглебск, Тамбовской губернии (1918–1923). Оп. 1.

Государственный архив Орловской области (ГАОО)

71. Ф. 4. Орловское губернское правление. Оп. 1.
72. Ф. 580. Канцелярия Орловского губернатора. Ст. 1.
73. Ф. 697. Орловский губернский комитет попечения о беженцах. Оп. 1.
74. Ф. 706. Орловское уездное полицейское управление. Оп. 1.
75. Ф. 883. Орловское ГЖУ. Оп. 1.
76. Ф. Р-223. Кромское уездное земельное управление (1918–1925). Оп. 1.
77. Ф. Р-378. Орловское губернское управление по эвакуации населения. Оп. 1.
78. Ф. Р-447. Мценское уездное земельное управление (1918–1925). Оп. 1.
79. Ф. Р-472. Мценская уездная коллегия о пленных и беженцах (1918, 1921). Оп. 1.
80. Ф. Р-1162. Отдел управления Орловского губернского исполнительного комитета. Оп. 1.
81. Ф. Р-1687. Орловская уездная коллегия о пленных и беженцах (1918). Оп. 1.
82. Ф. Р-1706. Кромская уездная коллегия о пленных и беженцах (1919). Оп. 1.
83. Ф. Р-1766. Маловархангельская уездная коллегия о пленных и беженцах (1919–1921). Оп. 1.
84. Ф. Р-1840. Новосильская уездная коллегия о пленных и беженцах (1918–1919). Оп. 1.

Государственный архив Рязанской области (ГАРО)

85. Ф. 4. Рязанское губернское правление. Оп. 77.
86. Ф. 5. Канцелярия Рязанского гражданского губернатора. Оп. 3, 4.
87. Ф. 29. Рязанская губернская земская управа. Отдел по устройству беженцев. Оп. 395, 396.
88. Ф. 178. Рязанское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1.
89. Ф. 1292. Рязанское ГЖУ. Оп. 1, 2.
90. Ф. Р-4. Рязанский губисполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1, 2.
91. Ф. Р-49. Рязанский губернский отдел управления. Оп. 1, 3.
92. Ф. Р-343. Рязанский губернский земельный отдел (1918–1929). Оп. 1.

93. Ф. Р-547. Рязанская губернская коллегия по делам пленных и беженцев (Губпленбесж). Оп. 1, 2.
94. Ф. Р-1104. Рязское уездное управление по делам пленных и беженцев. Оп. 1.

Государственный архив Тульской области (ГАТО)

95. Ф. 90. Канцелярия Тульского губернатора. Оп. 1.
96. Ф. 1714. Тульский губернский комитет по оказанию помощи беженцам. Оп. 1.
97. Ф. Р-1. Тульское губернское управление по эвакуации населения. Оп. 1, 3.
98. Ф. Р-95. Тульский губисполком. Оп. 3.
99. Ф. Р-717. Отдел управления Тульского губисполкома. Оп. 1, 2.
100. Ф. Р-1766. Тульский линейный пункт Орловской базы Центрального управления по эвакуации населения (1922–1923). Оп. 1.

Сборники документов и материалов

1. Беженцы и выселенцы. – М., 1915.
2. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление советской власти в 1917–1918 гг. Сборник документов. Орёл, 1957.
3. Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1. – М., 1968.
4. Венгерские интернационалисты в октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 2. Участие венгерских интернационалистов в защите Советской власти на фронтах гражданской войны в СССР. – М., 1968.
5. Декреты Советской власти. Т. 1 (25 октября 1917–16 марта 1918). – М., 1957.
6. Декреты Советской власти. Т. 2 (17 марта – 10 июля 1918 г.). – М., 1959.
7. Декреты Советской власти. Т. 3 (11 июля – 9 ноября 1918). – М., 1964.
8. Декреты Советской власти. Т. 4 (10 ноября 1918–31 марта 1919 г.). – М., 1968.
9. Декреты Советской власти. Т. 5 (1 апреля – 31 июля 1919 г.). – М., 1971.
10. Декреты Советской власти. Т. 6 (1 августа – 5 декабря 1919 г.). – М., 1973.
11. Декреты Советской власти. Т. 7 (10 декабря 1919–31 марта 1920 г.). – М., 1974.
12. Декреты Советской власти. Т. 8 (апрель – май 1920 г.). – М., 1976.
13. Декреты Советской власти. Т. 9 (июнь – июль 1920 г.). – М., 1978.

14. Декреты Советской власти. Т. 10 (август – сентябрь 1920 г.). – М., 1980.
15. Декреты Советской власти. Т. 11 (октябрь – ноябрь 1920 г.). – М., 1983.
16. Декреты Советской власти. Т. 12 (декабрь 1920 – январь 1921 г.). – М., 1986.
17. Декреты Советской власти. Т. 13 (1 февраля – 31 марта 1921 г.). – М., 1989.
18. Декреты Советской власти. Т. 15 (май 1921 г.). – М., 1999.
19. Декреты Советской власти. Т. 17 (июль 1921 г.). – М., 2006.
20. Доклад о деятельности губернского комитета ВЗС в деле помощи больным и раненым воинам по Орловской губернии. Орёл, 1917.
21. Документы внешней политики СССР. Т. 1 (7 ноября 1917–31 декабря 1918). – М., 1957.
22. Документы внешней политики СССР. Т. 2 (1 января 1919–1920). – М., 1958.
23. Документы внешней политики СССР. Т. 3 (1 июля 1920–18 марта 1921). – М., 1959.
24. Документы внешней политики СССР. Т. 4 (19 марта 1921–31 декабря 1921). – М., 1960.
25. Документы внешней политики СССР. Т. 5 (1 января – 19 ноября 1922). – М., 1961.
26. Документы внешней политики СССР. Т. 6 (20 ноября 1922–31 декабря 1923). – М., 1962.
27. Документы внешней политики СССР. Т. 7 (1 января – 31 декабря 1924). – М., 1963.
28. Документы внешней политики СССР. Т. 8 (1 января – 31 декабря 1925). – М., 1963.
29. Журнал заседаний Тульского губернского земского собрания 55 чрезвычайной сессии. Тула, 1916.
30. Журнал совещания при Калужской губернской земской управе по организации снаряжения и снабжения действующей армии 16 июля 1915 г. Калуга, 1915.
31. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1917: законы, манифесты, рескрипты. Т. 1–5. Сост. Е.И. Авербах. Вильно, 1915–1918 гг.
32. Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. Изд-е 2. – М., 1916.
33. Красный Октябрь. Вып. к 3-й годовщине Пролетарской Революции Агит. – проп. Отдела Губкома РКП. Калуга, 1920.
34. Интернационалисты. Участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. – М., 1987.
35. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. – М., 1998.
36. Калужский край. Документы и материалы. Кн. 2. – Тула, 1977.
37. Калужский край. Сборник документов и материалов. Кн. 3. – Тула, 1982.
38. Ленин В.И. ПСС. Изд-е 5-е. Т. 31 (март – апрель 1917). – М., 1969.

39. Ленин В.И. ПСС. Изд-е 5-е. Т. 37 (июль – март 1919 г.) – Т. 43 (март – июнь 1921 г.). – М., 1969–1970.
40. Мировые войны XX века. Кн. 2: Документы и материалы / Отв. ред. В.К. Шацкило. – М., 2002.
41. Общество и революция. Калужская губерния в 1917 г. / Под ред. В.Я. Филимонова. – Калуга, 1999.
42. Отчёт о деятельности Особого отдела Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны. – Пг., 1916.
43. Отчёт Калужского губернского комитета ВЗС за 1914–1915 гг. – Калуга, 1917.
44. Очерк деятельности Калужского губернского отделения Комитета ЕИВ ВК Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий с 18 мая 1915 г. по 1 января 1916 г. – Калуга, 1916.
45. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн 1919–1943: документы / Ред. Г.М. Адибеков. – М., 2004.
46. Революционное движение на Брянщине (1895–февраль 1917). Сборник документов и материалов. – Тула, 1976.
47. Руководящие положения по устройству беженцев. 2 марта 1916 г. – Пг., 1916.
48. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. – М., 2004.
49. Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Составлен по приказанию Главного Интенданта Начальником 4 отделения Главного интендантского управления, стат. совет. Джанковичем. – Пг., 1916.
50. Сборник узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы и других правил и постановлений, относящихся до военнопленных / Сост. зав. центр. справоч. бюро о военнопленных, генерал-лейтенант И.А. Овчинников. – Пг., 1916.

Периодические издания

1. Беженец. 1915. № 9–10.
2. Воронежский телеграф. 1916.
3. Газета пленного. Издание культурно-просветительных отделов Центральной и Московской коллегий о пленных и беженцах. 1919. Январь – март.
4. Голос Калуги. 1916; 1917. Январь – март.

5. Известия главной конторы Брасовского и Дзержинского ЕИВ ВК Михаила Александровича имени. 1915. № 2-3, 6-7; 1916. № 4.
6. Известия Калужского Губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. Сентябрь – декабрь.
7. Известия Орловского губернского и городского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1919.
8. Известия Центрального Комитета РКП(б). 20 июля 1921. № 31.
9. Известия Центральной коллегии о пленных и беженцах. 1918.
10. Калужские губернские ведомости. 1915; 1916.
11. Калужский курьер. 1915; 1916.
12. Калужский санитарный обзор. 1914. № 11-12; 1915. № 1-3, 10-12; 1916. № 1-5, 6-7.
13. Калужский церковно-общественный вестник. 1915; 1916.
14. Коммуна. Орган Калужского губкома РКП(б). 1918-1922.
15. Летопись войны. 1914-1915-1916-1917 гг. Иллюстрированный еженедельный журнал.
16. Орловская жизнь. 1915.
17. Орловские губернские ведомости. 1916; 1917. Январь – февраль.
18. Орловский епархиальный вестник. 1916. № 3, 11, 24-25, 34, 35.
19. Орловский вестник. 1915. 1916.
20. Тульские губернские ведомости. 1914.

Воспоминания, дневники, письма

1. Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. В 2-х кн. Кн. 1. – М., 2005.
2. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2003.
3. Веселовский С.Б. Дневники 1915-1923, 1944 ... // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 89-147.
4. В борьбе за Октябрь. Сборник воспоминаний. – Калуга, 1957.
5. Двингер Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915-1918 гг. / Пер. Е. Захарова. – М., 2004. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/getman/dwinger_ee01/index.html (дата обращения: 15.10.2013).
6. Из партийного прошлого. Сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. Вып. 1. – Калуга, 1921.
7. Из прошлого (революционная борьба рабочих Брянской области) 1896-1917 гг. Вып. 1. – Брянск, 1924.
8. Кафатов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 2, 3, 5, 6, 7.

9. Корсаков (Завадский) В.В. Плен // Забытая война: сб. ист. лит. произв. / Сост. Р.Г. Газкуев. – М., 2011.
10. Кудринский Ф.А. Людские волны. Беженцы // Нёман. 1997. № 6. С. 79-193.
11. Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 2, 3, 5, 7, 8, 11.
12. Ульянов И. Октябрьская революция и военнопленные // Пролетарская революция. 1929. № 7. С. 95-110.
13. Шинкев А. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах // Война и революция. 1928. № 2. С. 64-72.
14. Шмелев И.С. Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. – М., 1998.
15. Бежанства 1915 года / Редактор Виталь Луба. – Беласток, 2000.

Монографии, статьи, исследования

1. Абилякин Р.М. Былые офицеры – заключенные Орловского концентрационного лагеря. 1920-1922 гг. // ВИ. 2010. № 11. С. 80-93.
2. Авдеев В.А. Пролог исторической трагедии. Русская мобилизация в июле 1914 года // Военно-исторический журнал. 1994. № 7. С. 39-46.
3. Алексеев В. Октябрь и Гражданская война в ЦЧО. Воронеж, 1932.
4. Анисин А.В. Национальные проблемы России в программах и тактике партий революционно-демократического лагеря: автореф. ... докт. ист. наук. – М., 1994. С. 32.
5. Анфимов А.М. Российская деревня в годы первой мировой войны. – М., 1962.
6. Базанов С.Н. Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды института Российской истории. Вып. 11 / отв. ред. Ю.А. Петров; ред. – координатор Е.Н. Рудая. – М., 2013. С. 171-184.
7. Базанов С.Н. Из истории создания воинских формирований для русской армии из военнопленных-славян в Первой мировой войне // Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки: доклады и выступления участников II Международной научно-практической конференции «Инвалиды и война. Инвалиды Первой мировой войны: исторические и нравственные уроки». – М.: Академии МНЭПУ, 2013. С. 40-48.
8. Базанов С.Н. Создание воинских формирований из военнопленных-славян в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сборник статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. – СПб., 2012. С. 103-112.
9. Базанов С.Н. Формирование добровольческих национальных частей в русской армии в годы Первой мировой войны // Патриотизм – духов-

- ный стержень народов России. – М.: Экономическая литература, 2006. С. 79–86.
10. Бартеле Т., Шалда В. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // ОИ. 2000. № 1. С. 18–31.
  11. Бахтурова А.Ю. Охраны Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – М.: РОССПЭН, 2004.
  12. Безруков Д.А. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Великий Новгород, 2001. С. 18.
  13. Белова И.Б. Выбирая свою нацию: национальная и политическая идентичность итальянских военнопленных в России (1914–1921 гг.) // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizLRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).
  14. Белова И.Б. Военнопленные центральных держав в годы Первой мировой войны (по материалам Калужской губернии) // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005 г. – Калуга, 2005.
  15. Белова И.Б. Репрессированные подданные Османской империи в Калужской губернии (1914–1915 гг.) // Калуга в шести веках: материалы 5 городской краеведческой конференции / Сост. В.А. Дыченко. – Калуга: ООО «Полиграф-Информ», 2005. С. 71–76.
  16. Белова И.Б. Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 12. С. 42–45.
  17. Белова И.Б. Попытки формирования нового советского человека в среде бывших военнопленных и беженцев Первой мировой войны // История сталинизма: репрессированная российская провинция. Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / Под ред. Е.В. Кодиной. – М., 2011. С. 289–295.
  18. Белова И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / под ред. Г.А. Бордюгова (Серия «АИРО – Первая монография»). – М., 2011.
  19. Белова И.Б. Вынужденные мигранты Первой мировой войны: гражданские пленные. (По материалам Центральные губерний Европейской России) // Брянский край в XX веке: общество, политика, экономика. Сборник статей и материалов научно-практической историко-краеведческой конференции / под общ. ред. М.В. Бринцева, А.М. Дубровского, Е.В. Киселевой (отв. ред.). – Брянск: изд-во ООО «Типография КАРАТ», 2012. С. 59–73.

20. Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны в российской провинции: Советы беженцев. 1918 г. // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (2011): История. Литературоведение. Право. Языковедение. С. 26–30.
21. Белова И.Б. Положение беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1921 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. № 4 (18) 2012. Часть II. Тамбов, 2012. С. 26–29.
22. Белова И.Б. Судьба беженцев Первой мировой войны из Западных губерний Европейской России и Польши в Советской России. 1920 г. // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 6: Сер. Гуманитарные науки. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 110–117.
23. Белова И.Б. Ревизация беженцев Первой мировой войны из Советской России в 1922–1923 гг.: заключительный этап // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 167–176.
24. Белова И.Б. Попечение о беженцах Первой мировой войны в системе Центрального беженства (1918–1919 годы) // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 3. С. 185–194.
25. Белова И.Б. Возвращение на родину русских военнопленных и меры советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. № 1 (27) 2013. Часть I. – Тамбов, 2013. С. 24–28.
26. Белова И.Б. Долгая дорога домой // Военно-исторический журнал. 2013. № 1. С. 68–71.
27. Белова И.Б. Концентрационные лагеря принудительных работ в Советской России: 1919–1923 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Часть I. С. 32–37.
28. Белова И.Б. Переселенческое движение крестьян в первые годы советской власти (по материалам Центральные губерний Европейской России) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия: социально-гуманитарные науки. № 11 (15). 2013. Том 1. С. 13–20.
29. Белова И.Б. Политическое просвещение пленных и беженцев в Советской России в 1918–1919 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 14–20.
30. Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник БФУ им. И. Канта, 2013. № 12. С. 51–62.

31. Белова И.Б. Военнопленные центральных держав и советская действительность // Военно-исторический журнал. 2014. № 1. С. 63–68.
32. Бондаренко Е.Ю. Иностранцы военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.): дисс. ... докт. ист. наук. – Владивосток, 2004.
33. Бачарова З.С. Возвращение на родину в 1920-е годы солдат русского экспедиционного корпуса // ВИЖ. 2009. № 9. С. 51–58.
34. Брук С.И., Кабузан В.М. Миграционные процессы в России и СССР. Вып. 1. – М., 1991.
35. Букалова С.В. Орловская губерния и годы первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дисс. ... канд. ист. наук. – Орёл, 2005.
36. Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). – М., 2005.
37. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1997.
38. Васильева С.Н. Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. – М., 1999.
39. Ватлин А.Ю. Коминтерн: Идеи. Решения. Судьбы. – М., 2009.
40. Веселов М.В. Военно-политическая деятельность И.С. Уинника (1918–1930 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1991.
41. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет / Предисл. С.Г. Струмилина. – М.–Л., 1930.
42. Волошинова И.В. Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2002.
43. Волошинова И.В. Переселенческая политика Советского государства в 1920–1930-е годы в отечественной историографии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2002.
44. Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2005.
45. Воишин В.П. О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земледельческого строительства. Вып. I. – М., 1921.
46. Вронский О.Г. Крестьянские восстания в Тульской губернии в 1918–1920 гг. // Тула в Гражданской войне. 1917–1922 гг. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Тула, 1996.
47. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914–весна 1917 г.). – М., 2003.
48. Галицкий В.П. Защита прав военнопленных в период Первой мировой войны: опыт и уроки // Последняя война Российской империи. – М., 2006.
49. Герасилёва А.И. «Многие миллионы людей были вырваны войной из привычной для них обстановки». Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны на территории России // ВИЖ. 2013. № 2. С. 54–60.

50. Герасилёва А.И. Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. – Красноярск: ГОУ ВПО «Сибирский государственный университет», 2007.
51. Гетреля П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4 (122). С. 46–72.
52. Гетреля П. Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). – СПб., 1999. С. 112–125.
53. Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: причина формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. – М., 2005. С. 29–46.
54. Григорьев А.А., Григорьев А.И. Заключенные Рязанского губернского концлагеря РСФСР 1919–1923 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://getrogge.ru/riazanskiy_konclager_1919-1923/riazanskiy_konclager_1919-1923_predislovie.htm (дата обращения: 03.09.2013).
55. Давыдов Ю.А. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. – СПб., 2007.
56. Енсен Б. Миссия Датского Красного Креста в России. 1918–1919 годы // Отечественная история. 1997. № 1. С. 27–41.
57. Ерёмин И.А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918): дисс. ... докт. ист. наук. – Барнаул, 2006.
58. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд. – М., 1968.
59. Жванко Л.Н. Женщины-беженки Первой мировой войны: штрихи к психологическому портрету (на примере украинских губерний). 1915–1917 // Доклад, прочитанный на Международном colloquium «маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX века», Санкт-Петербург, 17–20 июня, 2013 г.
60. Жданов Н.М. Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. Часть I, II и III. – М., 1920.
61. Жданова И.А. Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 гг. // РИ. 2011. № 4. С. 63–72.
62. Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235.
63. Засыркин М.А. Организационно-правовые основы деятельности НКВД РСФСР по решению проблемы беженцев (1918–1923 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
64. Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2 кн. Кн. 2. 1905–1918. – М., 2005.
65. Злицина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010.

66. Идрисова Э.О. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008.
67. Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). – Хабаровск, 2004.
68. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.
69. Исаев А.П. Российские органы управления и военнопленные противники: вопросы взаимоотношений (1917–1922 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 1998.
70. Исторические записки / Отв. ред. Б.Д. Греков. Т. 23. – М., 1947.
71. История Брянского края XX век. – Клины, 2003.
72. История первой мировой войны 1914–1918 / Под ред. И.И. Ростунова. – М., 1975. Т. 1–2.
73. Кабузан В.М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1917–1989 гг.). – СПб., 1996.
74. Калыкина А.В. Подданные стран-участниц Четверного союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2013.
75. Каспарович А. Первая мировая война: литовское общество и его историческая память // Выступление на международной научно-практической конференции «Первая мировая война в истории и культуре России и Европы» 25–27 октября 2013 года (г. Калининград).
76. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. – Л., 1985.
77. Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны. – Ставрополь, 2006.
78. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 гг. // Курские тетради. Курск и куряне глазами ученых. Вып. 1. – Курск, 1997. С. 33–64.
79. Курцев А.Н. Беженцы первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
80. Курцев А.Н. Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культура городов Российской империи на рубеже XIX – XX вв. – СПб., 2004. С. 323–335.
81. Курцев А.Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. на примере Центрально-Чернозёмного региона // Учёные записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. Т. 2. С. 13. URL: <http://www.scientificnotes.ru/index.php?page=6&new=21> (дата обращения: 17.03.2013).
82. Курцев А.Н. Научная концепция истории миграций населения Центрального Черноземья в 1861–1917 гг. // Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России: Сборник научных статей. Вып. 1. – Курск, 2004.

83. Кокебаева Г.К. Германия – Россия – СССР: политика, война, плен. – Алматы, 2009.
84. Лаврентьев В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России в Первую мировую войну // Военно-исторические исследования и Поволжье. Сборник научных трудов. Вып. 1. – Саратов, 1997. С. 139–150.
85. Лахарева Н.В. Резьвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии (1918–1925). – Курск, 2001.
86. Лахарева Н.В. Судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России: 1918–1925 гг.: На примере Курской губернии: дисс. ... канд. ист. наук. – Курск, 1999.
87. Ленцен И. Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 4.
88. Леусин О.А. Беженцы Первой мировой войны и Гражданской войны в Екатеринодаре (1918–1920) // Третьи кубанские литературно-исторические чтения. – Краснодар, 2001.
89. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. – М., 1926.
90. Люкин Д. Немецкие военнопленные в крестьянской России: особенности межкультурного опыта // Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обоимление властью. Русские и немцы в Первой и второй мировой войнах; под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фальберт. – М., 2010. С. 723–740.
91. Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: Учеб. пособ. к курсу «История Саратовского Поволжья». – Саратов, 2007.
92. Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии 1915–1919 гг. – Казань, 1971.
93. Маркович А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы труда на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001. – М., 2005.
94. Мизин Д.А. Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июль 1941 гг.): монография. Минск: Изд. центр БГУ, 2013.
95. Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / Под ред. О.В. Будницкого (отв. редактор), О.В. Беловой, В.Е. Кельнера, В.В. Мочаловой. – М., 2005.
96. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1: Первая мировая война: Ист. очерк / Отв. ред. Г.Д. Шкундин. – М., 2002.
97. Морозов С.Д. Население Центральной России в 1897–1917 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2002.
98. Мулюков М.А., Тагиров И.Р. Мулламур Вахитов. Жизнь и деятельность пламенного революционера-депутата. – Казань, 1985.
99. Муратов И. Из истории интернациональных формирований в СССР в 1918–1922 годах (Обзор литературы) // ВИЖ. 1960. № 5. С. 95–102.

100. *Нагорная О.С.* Другой военный опыт. Русские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). – М., 2010.
101. *Нагорная О.С.* Память о военном плене Великой войны в России: опыт, восприятие, интерпретации // Текст выступления на научной конференции «Российская культура в годы Мировой войны и революции (1914–1922)». – СПб., 11–12 июня 2011 г.
102. *Нагорная О.С.* Религиозная жизнь российских военнопленных в немецких лагерях в годы Первой мировой войны // *Отечественная история*. 2008. № 5. С. 156–165.
103. *Нагорная О.С.* Российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922 гг.). Челябинск, 2011: дисс. ... докт. ист. наук. – Челябинск, 2011.
104. *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.
105. *Нелипович С.Г.* Генерал от инфантерии П.Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...». Депортации в России 1914–1918 гг. // *ВИЖ*. 1997. № 1. С. 42–53.
106. *Нелипович С.Г.* Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // *ВИЖ*. 2000. № 2. С. 60–69.
107. *Нелипович С.Г.* Репрессии против подданных «Центральных держав». Депортации в России 1914–1918 гг. // *ВИЖ*. 1996. № 6. С. 32–42.
108. *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по возвращению военнопленных русской армии в 1918–1920 гг. Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись.
109. *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию военнопленных Центральных держав в 1918–1920 гг. Депонированная рукопись. – Куйбышев, 1982.
110. *Нечаева Э.П., Лившиц С.В.* Деятельность органов Центральной коллегии по делам пленных и беженцев по идейно-политическому воспитанию русских военнопленных, возвратившихся на родину (1918–1920 гг.). Куйбышев, 1982. Депонированная рукопись.
111. *Нигматов В.В.* Жизнь военнопленных в годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии // *Воронежский вестник архивиста: Научно-информационный бюллетень*. Вып. 2. – Воронеж, 2004. С. 100–108.
112. *Новикова И.Н.* «Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену...» // *Военно-исторический журнал*. 2006. № 2. С. 55–58.
113. *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2011.
114. *Очерки истории Калужской организации КПСС* / Под общ. ред. А.Ф. Сладкова. – Тула, 1967.

115. *Павлова И.П., Ивлева Т.В.* «Это люди, как и мы...»: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны – взаимное восприятие // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Т. I. С. 141–144.
116. *Первая мировая война. Сборник статей* / Отв. ред. А.Л. Сидоров. – М., 1968.
117. *Первая мировая война: Пролог XX века* / Отв. ред. В.Л. Мальков. – М., 1998.
118. *Пивоварчик С.А.* Трагедия Первой мировой войны: «евреи-шпионы» (по материалам Национального исторического архива Беларуси в Гродно) // *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства*. – М.: РОССПЭИ, 2005. С. 71–83.
119. *Платунов Н.И.* Переселенческая политика Советского государства и её осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). – Томск, 1976.
120. *Познахирев В.В.* Документы федеральных и региональных архивов об использовании труда турецких военнопленных периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Отечественные архивы*. 2013. № 2. С. 54–62.
121. *Поликарпов В.В.* Военнопленные в лагерях под Ижевском 1915–1916 гг. // *ВИ*. 2007. № 2. С. 94–105.
122. *Поляков Ю.А.* Историческая наука: Люди и проблемы. Книга 3. – М., 2009.
123. *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М., 1986.
124. *Попов Н.А.* Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 1963. № 2. С. 76–87.
125. *Порынева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2004.
126. *Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов* // *Материалы международной конференции*. – М., 2006.
127. *Россия и первая мировая война: материалы международного colloquium* / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. – СПб., 1999.
128. *Рылов В.Ю.* Принудительный труд и концентрационные лагеря в Воронежской губернии 1919–1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://newzz.in.ua/main/1148864058-prinuditelnyj-trud-i-koncentracionnye-lagerya-v-voronezhe-1919-1922-gg.html> (дата обращения: 03.09.2013).
129. *Рыков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство в Сибири в 1914–1924 гг. – Новосибирск, 2013.
130. *Рязанский И.В.* Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2006.

131. Самытня В. Проблема беженцев в Белоруссии в годы Первой мировой войны: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlr.ru:8101/exib/war1/p39.htm> (дата обращения: 12.09.13).
132. Свольшак П. Словенские военнопленные во время Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 г. – М.: Наука, 2006. С. 242–244.
133. Семёнова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.): дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2013.
134. Сергеев Е.Ю. Русские военнопленные в Германии и Австро-Венгрии в годы первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 65–78.
135. Сергеев Е.Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России. 1900–1914 гг. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001.
136. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. – М., 1973.
137. Силина И.Г., Щетинина А.С. Вынужденные мигранты в Алтайском регионе в первые годы Советской власти: национальные, правовые, социальные аспекты // Барнаул на рубеже веков: итоги, проблемы, перспективы. Барнаул, 2005. С. 135–139.
138. Симонова Т.М. Возвращения: репатриация в Советскую Россию до 1925 г. // Родина. 2009. № 4. С. 26–29.
139. Скалабан В.В. «... В это суровое и важное время» // Неман. 1981. № 12.
140. Скалабан В.В. Белорусский национальный комиссариат (январь 1918 – март 1919 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. – Минск, 1987.
141. Скалабан В.В. Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. – М., 2006. С. 66–70.
142. Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–149.
143. Солнцева С.А. Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 98–105.
144. Старков Д.А. Местное административное управление в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны, август 1914 – февраль 1917 гг. (Пензенская, Самарская, Симбирская губернии): дисс. ... канд. ист. наук. – Саратов, 2009.
145. Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // Мировые войны XX века: в 4 книгах. – М., 2002. Кн. 1: Первая мировая война: Исторический очерк / Отв. редактор Г.Д. Шкундин. С. 624–644.

146. Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны на Урале. К реконструкции коллективного портрета // Вестник Пермского университета. 2011. Выпуск 3 (17) С. 57–64.
147. Суржикова Н.В. Военнопленные-интернационалисты и Гражданская война на востоке России в зеркале советской историографии. [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Гражданская война на Востоке России». Пенза, 2008. URL: <http://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/n-v-surzhikova-voennoplennye-internatsionalisty-i-grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii-v-zerkale-sovetskoj-istoriografii.html> (дата обращения: 20.10.2013).
148. Суржикова Н.В. Российский и советский плен как пространство неформальной коммуникации (по материалам Среднего Урала) // Российская история. 2011. № 4. С. 53–62.
149. Суржикова Н.В., Михалева Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2012. № 3 (20). С. 140–152.
150. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). – М., 2014.
151. Таланов А.Н. Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914 – март 1918 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005.
152. Тимошина Н.Е. Государственное регулирование сельскохозяйственного переселения в Западную Сибирь в 1920–1929 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Томск, 1988.
153. Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. М.–Пг., 1923.
154. Туманова А.С. Еврейские общественные организации в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии) // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства. М., 2005. С. 124–142.
155. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. – М., 2001.
156. Урланис Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября // Ученые записки ВЗЭИ. 1957. Вып. 2.
157. Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922: дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003.
158. Уткин А.И. Первая мировая война. – М., 2002.
159. Фельдманский Ю.Г. К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. – М., 1991.
160. Филимонов В.Я., Журов Ю.В., Будаев Д.Н. История крестьянства западного региона России 1917–1941. – Калуга, 2002.

161. *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. – Л., 1988.
162. *Хасин В.В.* Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну (по документам Нижнего Поволжья): автореф. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1999.
163. *Холквист П.* Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). – СПб., 1999. С. 83–101.
164. *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: Статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Государство нации: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. – М., 2011.
165. *Цветков В.Ж.* Митеж. Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55–61.
166. *Черепица В.Н.* Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. – Гродно, 2006.
167. *Чернопёров В.Л.* Деятельность советского дипломата В.Л. Копва по возвращению на родину российских военнопленных (1919–1921 гг.) // Доклады академии военных наук. Военная история. № 5 (23). Первая мировая война: поиски новых подходов к исследованию, приглашение к диалогу. – Саратов, 2006. С. 188–198.
168. *Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Омск, 2002.
169. *Шацко В.К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. – М., 2003.
170. *Шевелева О.В.* Сельскохозяйственное развитие великорусской провинции и столыпинская аграрная реформа в годы [Первой мировой войны]: дисс. ... канд. ист. наук. – Тула, 2008.
171. *Шаникина С.Ю.* Провинция и война: Тобольская губерния в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917). – Тюмень, 2006.
172. *Шнейдер И.* Революционное движение среди военнопленных в России 1915–1919 гг. // Борьба классов. 1935. № 3.
173. *Щеров И.П.* Военная миграция в России в 1914–1922: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – М., 2001.
174. *Щеров И.П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. – Смоленск, 2000.
175. *Щеров И.П.* Смоленский пленбег: создание и деятельность. – Смоленск, 2000.
176. *Щеров И.П.* Организация и деятельность коллегий по делам пленных и беженцев в Смоленском крае: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1998.

177. *Щеров И.П.* Центростенбег в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. – Смоленск, 2000.
178. *Щетинина А.С.* Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: автореф. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.
179. *Ямзин И.Л., Воицкий В.П.* Учение о колонизации и переселениях. – М.–Л., 1926.
180. *Жванко Л.М.* Біженство Першої світової війни в Україні. Документи і матеріали: монографія. – Харків, 2009.
181. *Жванко Л.М.* Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.): монографія. – Харків, 2012.
182. *Жванко Л.М.* Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.): монографія. – Харків, 2012.
183. *Жванко Л.М.* Перша світова війна: біженці в Україні (1914–1918 рр.) – Рукопис. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора історичних наук. – Харків, 2013.
184. *Карнялюк В.Р.* Фактори гісторико-демографічних змін у складі населення Білорусі у 1913–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. гіст. наук. – Мінск, 2001.
185. *Лапановіч С.Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі ў Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.). – Мінск, 2010.
186. *Gatrell P.* Refugees in the Russian Empire, 1914–1917 // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. London–Sydney–Auckland, 1997.
187. *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. – Bloomington, Indiana, 1999.
188. *Kokebayeva G.K.* Central powers prisoners of war in Russia and their repatriation // European science and technology. October 30th–31st. 2012. Vol. II. P. 35–42.
189. *Leideinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. – Böhlau Verlag, Wien u.a., 2003.
190. *Nachtigal R.* Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Rußland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene in Europa des Ersten Weltkriegs / Herausgegeben von Jochen Oltmer. – Paderborn, 2006. S. 329–266.
191. *Striegnitz S.* Deutsche Internationalisten in Sowjetrußland 1917–1918. Proletarische Solidarität im Kampf um die Sowjetmacht. – Berlin, 1979.
192. *Westerhoff C.* German Labor and Occupation Policy in the western parts of the Russian Empire during the First World War // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_rVs1lSTzIRHpoS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 01.06.2014).

193. Zieliński K. The evacuation of Russians from the Kingdom of Poland in 1915 // Текст выступления на международной научной конференции «Россия в Первой мировой войне», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 3–5 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/folderview?id=0B_tVsiISTizIRProS0d6dmVkaTQ&usp=sharing (дата обращения: 08.06.2014).

Справочные издания

1. Адрес-календарь Воронежской губернии за 1914–1917 гг. — Воронеж, 1913–1916.
2. Адрес-календарь и справочная книжка Гродненской губернии на 1915 г. — Гродно, 1915.
3. Большая советская энциклопедия. 1-е издание / ред. О.Ю. Шмидт. Т. 5. — М., 1927; Т. 12. — М., 1928.
4. Большая советская энциклопедия. 2-е издание / Гл. ред. С.И. Вавилов. Т. 8. — М., 1951.
5. Военный энциклопедический словарь. — М., 2002.
6. Калужская энциклопедия. — Калуга, 2000.
7. Орёл из века в век. Летопись основных событий. 1566–2000 годы. — Орёл, 2003.
8. Памятные книжки и адрес-календари Калужской губернии за 1914–1917 гг. — Калуга, 1913–1916.
9. Памятные книжки и адрес-календари Орловской губернии за 1914–1917 гг. — Орёл, 1913–1916.
10. Памятные книжки и адрес-календари Тульской губернии за 1914–1917 гг. — Тула, 1913–1916.
11. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. — СПб., 1903–1905.
12. Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. — СПб., 1995.
13. Россия в мировой войне 1914–1918 гг.: (В цифрах). — М., 1925.
14. Список организаций, ведущих дело помощи беженцам на 1 мая 1916 г. Вып. I. Европейская Россия. — М., 1916.
15. Справочник по эвакуации правительственных, общественных и частных учреждений и заведений и о должностных лицах. — Пг., 1916.
16. Эвакуация и реквизиция. Справочник действующих узаконений и распоряжений по эвакуации, розыску эвакуированных грузов и реквизиций. Пг.: Издание Эвакуационно-Реквизиционного отдела, 1916.

Издания АИРО-XXI в 2010–2014 гг.

2010

- Пётр Баратов. «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 240 с. — (Серия «АИРО — Первая монография»).
- Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». — М.: АИРО-XXI, 2010 г. — 884 стр.
- Кравчук Н.В. История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII–XV вв. — М.: «АИРО-XXI», 2010 г. — 124 с. (Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодыхова. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. — М.: «АИРО-XXI», 2010. — 320 с.
- Ю.М. Коликов. Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 432 с.
- Виктор Кригер. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушниковского. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 104 с. (Серия «АИРО — первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская. Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940–1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО — первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. — 184 с.
- Г.А. Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Писадский А. От Царицына до Сызрани: очерки Гривжанской войны на Волге. — М.: АИРО-XXI; ГИИБ. 2010. — 412 с.
- Цыганок А.Д. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 328 с.
- Ирина Каргина. Горечь поляны. Пропавший в «Поднятой целине». — М.: АИРО-XXI, 2010. — 216 с.
- Справочник молодого журналиста. — М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. — 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обоим странам. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрида Фальперт. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрида Фальперт. — М.: АИРО-XXI, 2010. — 896 с.

- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управленческий диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабан В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Поспелов А.Л. Красный Царизм. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В. Околицеванный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б. Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В. Жанр «письма вождем» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Козн. Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодыхова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Козн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куренных. Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Довренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева. Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Азана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухарев. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

- Э.С. Бочарова. Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Козн. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов. Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев. «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.
- Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.
- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э.В. Молодыхова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 280 с.
- А.Д. Цыганок. Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

2012

- Чермен Касаев. Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк. Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер. Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Асеносов. Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов. Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодыхов. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).

- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с.
- А.Г. Дождев. Интервенция, аннексия и советизация на внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Дождев. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография).
- Следи: память культуры и жизни веры. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенов. Диплом. Из истории дипломатического искусства. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 180 с.
- Н.В. Крайков. Загадка Чернобыльской катастрофы. (Юные независимого исследования) – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Г. Дождев. Военный флот Российской империи, 1991–1893 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- С.А. Куренков. Сельскохозяйственные слободы России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 406 с.
- Л.А. Филатов. «Враги востока». Образ и репутация вражды в русской литературе: журналистские заметки XX века / Предисловие В.П. Шереметьева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография).
- А.И. Сидорович. Основные направления журналистики для работы и работы военных действий и экстремальных ситуаций. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 72 с.
- А.Д. Шалаев. Интервенция США в Ирак и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Газарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 1-го марта 2011 года. Итоги и хроники / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 224 с.
- А.В. Маусович. «Пример оккупационной администрации не подлежит» и революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2012. – 450 с.
- Эксперт Василий Молодяков. К 75-летию со дня рождения. Биографико-биографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и В.П. Тиминской. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. – 8 с. ил.
- С.С. Михайлов. Путь Николая Шатур. История кельянского прихода. М.: Рус. деревня: АИРО-XXI (Б-тия), 2012. – 104 с.; ил. Б. тир. (Б-ка «Мастера-крестьяне»).
- Мемориал-досье: Елизавета, по истории и культуре Мемориала края / Под ред. С.С. Михайлова. Независимая ассоциация исследователей Зап. Мемориала «Гусиный перекресток». – М.: Рус. деревня: АИРО-XXI (Б-тия), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.П. Шаповал. История славянских и славянских. От древности до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российские провинции»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 268 с.

- Федор Крайков. Приволжский мир старой России. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 200 с.
- Федор Крайков. Картины жизни старой России. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 328 с.
- Светлана Лурия. Интервенция (Интервенция – политический и этнополитический процесс). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография).
- Федор Крайков. Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дальнем Востоке и сотрудничество А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Александр фон Лазарев – военный агент барона Врангеля в Петербурге. Сводный документ. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 536 с. – (АИРО – первая публикация).

2013

- Две роли: Сталина Козина. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.И. Добрых. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. – ил.
- Крестьянский фронт 1918–1922 гг. (Характеристика и материалы). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 700 с.
- Немцы в России. Пути и судьба Владимира Попова / Сост.: Т.Б. Григорьева, ист. ил., Л.В. Попова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.
- «...Вещь из принадлежности перед нами». Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Сергей Козин; вступит. статьи – Ж. Артемьевич, оставление и комментарии – Ж. Артемьевич, Н. Субботина. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Наша 2013. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Крайков. На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 548 с.
- Япония и Азия: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с.
- Между каменными. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 520 с.
- Фридрих Фюрстенберг. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминание историка. (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. ил.
- Л.И. Сидорович. Историю многоукладной экономики между государством и рынком / В.П. Суворов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Д. Карамзин. Адаптация и интеграция в России и СССР. Подготовка к печати в 1905–1945 гг. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.И. Чекин. Старый Бунин, Самары, Пенза: Повествование о жизни Трудности, Сложности и автор предисловия Л.С. Чекина. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. ил. (Серия «АИРО – первая публикация»).

- И.И. Мельников. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.) – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – монография»).
- Владимир Брюсов. В эту минуту истории. Политические комментарии 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодцова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. – 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Пасадская. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы) / (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Герои. На грани во Брокгаузу и Бухарине. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стороженко. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.В. Труды. Общественные взгляды в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 580 с.
- Наумов, Владимир. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Восток-Кавказ, АИРО-XXI, 2014. – 168 с.
- Современное медиапространство: Азербайджан. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рыбикова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мендран-крий. Адам: из истории и культуры Мецгерского края / Гл. ред. С.С. Михайлин. М.: Рус. деревня, АИРО-XXI (Б. вып.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Россиянин).

2014

- М.И. Мисейкин. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века. Том 1. // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбикова. – М.: АИРО-XXI, СПб.: Алетейя, 2014. – 392 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-236-0.
- Л.А. Бондарова. Феномен зарубежной России. 1920-е годы. Том 2. // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбикова. – М.: АИРО-XXI, СПб.: Алетейя, 2014. – 408 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-238-4.
- З.С. Бондарова. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3. // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбикова. – М.: АИРО-XXI, СПб.: Алетейя, 2014. – 336 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-240-7.
- Л.В. Антонович. На фронтах Второй мировой и холодной войн: русско-американцы в 1939 – начале 1950-х гг. Том 4. // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбикова. – М.: АИРО-XXI, СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-042-1.
- Л.В. Антонович. От Русского Мейнганда – к Брайтон-Бач: цивилизация Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Том 5. // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбикова. – М.: АИРО-XXI, СПб.: Алетейя, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-244-5.

- Г.А. Бордюгов, А.Ч. Касаев. Русский мир в России: формирование нового типа цивилизации. 1986–2000 гг. Том 6. // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбикова. – М.: АИРО-XXI, СПб.: Алетейя, 2014. – 352 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-246-9.
- В.В. Антонович. Восставшие из небытия. Антология писателей Да Да и второй эмиграции. – М.: АИРО-XXI, СПб.: Алетейя, 2014. – 736 с.; илл. – ISBN 978-5-91022-230-8. – ISBN 978-5-90670-527-3.
- Л.В. Савицкий. В зеркале времени. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 592 с. + 32 с. илл.
- Война и мир в новой и новейшей истории России. К 100-летию начала Первой мировой войны. Сб. ст. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 232 с.
- Все окрестки жизни. Анатолий Котеленис к 100-летию со дня рождения / Составители: Л.А. Котеленис, Т.А. Котеленис, О.Б. Бешков. М.: АИРО-XXI, 2014. – 112 с. + 28 с. илл.
- В.В. Труды. Труды по теории истории. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 548 с.
- Татьяна Филиппина. Пётр Баранов «Враги России»: Образы и рисунки прилаганы к русской журнальной сатире Первой мировой войны. – (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2014. – 272 с. + 88 с. илл.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться на нашем сайте
www.airo-xxi.ru

Ирина Борисовна БЕЛОВА
ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ:
беженцы и военнопленные
Первой мировой войны в России.
1914–1925 гг.

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 591022272-4

Научно-исследовательский проект АИРО-XXI
E-mail: andmal@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с авторского макета 28.08.2014.
Формат 60х84/16. Усл. изд. л. 27,0
Тираж 500 экз. Зак.